АТАТЮРК

Александр Жебахов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Какой след в истории оставлен этим выдающимся человеком, оценки которого в мировой историографии можно обнаружить в диапазоне от восторженных до обвинительных и которого европейские историки назвали «Человеком XX века», политического лидера, не только возглавившего национально-освободительное движение в Турции, но и уделявшего внимание просвещению своего народа? Подробное жизнеописание Мустафы Кемаля Ататюрка, написанное известным французским историком-тюркологом Александром Жеваховым, раскрывает многие неизвестные ранее детали биографии одной из ключевых фигур мировой истории начала XX века — периода возникновения на обломках империй новых национальных государств.

- Александр Жевахов
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЛИДЕР
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
- Эпилог
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСТАФЫ КЕМАЛЯ АТАТЮРКА
- Иллюстрации

• notes
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

Александр Жевахов
КЕМАЛЬ АТАТЮРК

Научный редактор, автор предисловия и хронологии вице-президент Общества востоковедов РАН, профессор Я. Д. ВАСИЛЬЕВ.

Перевод осуществлен по изданию: Alexandre Jevakhoff. Kemal Atatürk. Paris, Tallandier, 1999

У меня не было времени уставать…

Вильгельм I (Слова, произнесенные на смертном одре)

ПРЕДИСЛОВИЕ

История полной драматических событий жизни Мустафы Кемаля Ататюрка не может оставить равнодушным российского читателя. Какой след в истории России оставлен этой выдающейся личностью, оценки которой в мировой и отечественной историографии можно обнаружить в диапазоне от восторженных до обвинительных?

Путь родившегося в провинции, в семье мелкого чиновника, молодого честолюбивого офицера в высший командный состав султанской армии оказался возможным благодаря личной храбрости, целеустремленности, владению искусством политической интриги и таланту лидера, способного сплотить единомышленников, противостоять оппозиции и возглавить национальное движение.

Можно сказать, что появление подобной личности в истории Турции было обусловлено мировыми процессами начала XX века. Распадались империи — Австро-Венгерская, Российская, Османская, на карте появлялись национальные государства. Потерянные территории Османской империи и собственно метрополия стали объектами наиболее хищнических нападок империалистических правительств европейских стран. Так же как и Советская Россия, Турция начиная с 1918 года подверглась интервенции. На западе целые области были практически оккупированы одновременно Францией, Англией, Италией, Грецией. Сложная ситуация сложилась на Закавказском фронте, а также на юго-востоке Малой Азии, оккупированном французами, и в бывших провинциях Османской империи на Ближнем Востоке, где англичанами активно поддерживались антиосманские вооруженные акции арабских племенных вождей.

Турция могла бы исчезнуть с карты мира, если бы не консолидировались военные и политические силы страны как альтернатива зависимому от интервентов беспомощному султанскому двору и правительству Высокой Порты. Причем особенностью ситуации в Османской Турции был статус султана-халифа — не только как главы государства, но и как духовного главы мусульман. Поэтому возглавивший национально-освободительное движение лидер должен был в своей деятельности в неменьшей степени, чем вооруженному сопротивлению интервентам и политическим противникам, уделять внимание и просвещению своего народа, и разъяснению причин, по которым султан-халиф не сможет обеспечить своей стране независимость. Быть может, именно сочетание этих двух

стратегических направлений в деятельности Мустафы Кемаля Ататюрка, приведшей к изгнанию интервентов из страны и созданию светской Турецкой Республики, стало основным аргументом для европейских историков, назвавших Ататюрка на исходе столетия, в 2000 году, «Человеком XX века».

Основными этапами организационных действий Мустафы Кемаля в освободительной борьбе можно считать создание политического объединения «Общества по защите прав Анатолии и Румелии», организацию и проведение конгрессов в Эрзуруме и Сивасе, где была определена тактика национального сопротивления интервентам. Результатом конгрессов стало создание в 1920 году Великого национального собрания Турции в Анкаре, превратившейся из захолустного городка в столицу республиканской Турции.

Именно на этот период приходятся наиболее активные контакты анкарского правительства и лично Мустафы Кемаля с правительством Советской России. В Турции появляются советские дипломаты и первые военные специалисты. По приглашению Мустафы Кемаля они совершают поездки на фронт и участвуют в военных совещаниях. Помощь оказывается не только оружием. Недавно опубликованные архивные документы свидетельствуют, например, о том, что в период тяжелых боев 1922 года для связных операций анкарского правительства был предоставлен даже дивизион подводных лодок Черноморского флота с экипажами[1]. Этот период сотрудничества подробно описан в воспоминаниях советского полпреда Семена Аралова[2], которого вместе с другими советскими дипломатами и военными часто можно видеть на фотографиях рядом с Мустафой Кемалем.

Авторитет нового турецкого лидера растет и среди его европейских противников. Вслед за победой над интервентами в Измире он добивается признания на Лозаннской конференции независимости нового государства, а затем объявляет его республикой. Следует отметить его последовательную антиимпериалистическую позицию. Мустафа Кемаль официально декларирует отказ новой республики от претензий на подвластные Османской империи территории на Балканах, в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Закавказье (за исключением вопроса о районе Мосула, который так и остался неурегулированным).

В эти и последующие годы Мустафа Кемаль внимательно следит за событиями в Советской России. Многие нововведения в общественной жизни ему нравятся, и он внедряет их в быт новой турецкой столицы. Среди них — парк культуры и отдыха с парашютной вышкой, аналог Осоавиахима — Турецкое

авиационное общество. Одна из приемных дочерей Ататюрка, легендарная турецкая женщина-военный летчик Сабиха Гёкчен, чье имя носит один из аэропортов в Стамбуле, отправляется на учебу в Качинское планерное училище. Свидетельства о многочисленных визитах советских военных и политических деятелей — ценные подарки и краснознаменное оружие в экспозиции Музея Ататюрка у подножия его мавзолея в Анкаре. Фигуры С. Аралова и К. Ворошилова присутствуют в скульптурной группе сподвижников Ататюрка, установленной на площади Таксим в Стамбуле.

Несомненные симпатии Мустафы Кемаля к Советской России не остаются незамеченными его политическими противниками, которые упрекают его «в большевизме» и излишней доверчивости к «традиционному врагу и сопернику» Турции. В частности, именно это стало одной из причин конфликта Мустафы Кемаля с популярным и влиятельным генералом республиканского правительства Кязымом Карабекиром. Ататюрк чувствует эту опасность и желает предупредить ее развитие, но в России меняется руководство и на смену эйфории от установления военных и торговых связей приходит настороженность по отношению к соседу. Интересным примером этого является документ 1937 года с секретным докладом о визите Мустафы Кемаля в советское полпредство и его беседе с полпредом Караханом. Обижаясь на то, что не Сталин «как вождь вождя», а Калинин поздравил его с годовщиной независимости, Ататюрк заметил Карахану, что действительно является большим другом Советского Союза, соблюдает эту дружбу как равный с равным, но может поддерживать ее, только пока он жив, поскольку посредники только все портят, и настаивал на необходимости личной встречи со Сталиным[3]. На документе есть указание Сталина Ворошилову, Кагановичу, Орджоникидзе, Литвинову ознакомиться с высказываниями «нашего друга Ататюрка». Сталин внимательно следит за деятельностью и реформами Ататюрка. И даже о таком событии, как его похороны 10 ноября 1938 года, на которых присутствовала российская делегация на кораблях Черноморского флота, Сталину предоставляется подробнейший рапорт.

Опасения Ататюрка подтвердились вскоре после его кончины. Отношения между двумя странами переживали охлаждение в течение достаточно длительного периода и переросли в весьма напряженные в послевоенный период в связи с проблемой проливов и рядом других причин.

Тем не менее жизни и деятельности Мустафы Кемаля Ататюрка посвящены многочисленные исследования

отечественных востоковедов. Как и многие работы по истории советского периода, они ставили целью показать влияние Октябрьской революции 1917 года на события в Турции и на формирование Ататюрка как лидера национально-освободительного движения. Научная биография и аналитический обзор речей Ататюрка были впервые представлены советскому читателю выдающимся востоковедом профессором А. Ф. Миллером. Большой вклад в изучение его наследия внесли ученые Института востоковедения РАН А. М. Шамсутдинов и Б. М. Поцхверия. В 1995 году выходит достаточно подробная биография Ататюрка, подготовленная Ю. Н. Розалиевым в Институте всеобщей истории РАН.

Самое известное в современной России произведение Ататюрка — его знаменитая «Речь» («Нутук»), произведение действительно необычное как по жанру, так и по содержанию. Этот доклад был сделан им в 1927 году на II съезде основанной им Народно-республиканской партии, которая существует в Турции и по сей день и считает себя хранительницей идей и заветов Ататюрка. Лидер новой Турции лично читал «Речь» в течение шести дней. В ней он изложил всю историю борьбы за сохранение и возрождение своей страны, самым активным участником которой был он сам. «Речь» изобилует документами и может служить источником по истории национально-освободительной борьбы турецкого народа. Вместе с тем она может расцениваться как собственное жизнеописание, поэтому и была впервые издана в Советском Союзе как мемуары под названием «Путь новой Турции». Это было капитальное издание в четырех томах с иллюстрациями, работа над которым продолжалась с 1929 по 1936 год. Перевод продвигался медленно, так как делался не с собственно турецкого языка, а со стенографических переводов на другие европейские языки. К тому же для российского читателя требовался комментарий, а политическая ситуация в Советской России того периода диктовала необходимость цензурного сокращения некоторых фрагментов. В целом книга все же позволяла частично создать впечатление не только о событиях, но и о самом вожде национально-освободительной борьбы турецкого народа. Он представал перед читателем человеком твердой воли, четких политических взглядов, умеющим действовать как тонкими политическими методами убеждения, так и жесткими приказами, а порой даже угрозами. Характерен его язык, изобилующий специфическими канцелярскими протокольными выражениями, военными терминами арабо-персидского происхождения, часто переходящий в пафос, что составляло немалые трудности для

переводчиков. Следует заметить, что язык оригинала «Речи» с трудом понимаем современным поколением турок, и поэтому в учебных заведениях Турции изучается специально обновленная и упрощенная в языковом отношении редакция этого сочинения.

Турецкими учеными выделяются три позиции, определяющие значение этого исторического источника.

Первая. Несмотря на сложные условия, постоянные разъезды и отсутствие канцелярии, Ататюрк сохранил все документы, касающиеся событий с его участием начиная с 1919 года. То есть все, о чем он докладывает, строго документировано.

Вторая. Четкое обоснование законности создания нового государства и законность действий руководителей, лидером которых он был. Юридические обоснования идейных основ, опираясь на которые они пришли к власти.

Третья. Объективный исторический характер текста «Речи»: описание без чувства ненависти или неприязни действий его оппозиционеров.

Впоследствии в Советском Союзе выходили и некоторые другие избранные труды и речи Ататюрка.

Последним было совместное академическое издание «Речи» на русском языке, предпринятое Институтом востоковедения Российской академии наук и Исследовательским центром Ататюрка Турецкой Республики. Книга вышла в 2005 году в Анкаре и в отличие от предыдущего издания представляет собой полный перевод «Речи» со старого языка оригинала и без каких-либо политических купюр. В ходе этой работы переводчики и редакторы лично почувствовали, как важна была реформа турецкого языка, включающая замену алфавита и арабо-персидской лексики, подготовленная и проведенная непосредственно Ататюрком. Интерес к гуманитарным отраслям науки характерен для последнего периода жизни Ататюрка. Им создаются турецкие научные историческое и лингвистическое общества, которым он завещал свое состояние и которые функционируют до сих пор, составляя совместно с Исследовательским центром Ататюрка Высший совет имени Ататюрка по языку, культуре и истории при Канцелярии премьер-министра Турции.

В современной Турции имя Ататюрка по-прежнему в центре политической борьбы. Известная фраза Мустафы Кемаля: «Я счастлив, когда говорю: „Я — турок!“» была порождена как наследие концепции, получившей в политической истории название «османизм». Согласно этой концепции все граждане независимо от национальности и веры считались османами — равноправными подданными Османского государства. Несмотря

на масштабные реформы Ататюрка, изменившие государственный строй и образ жизни Турции, многие традиционные черты были в модернизированной форме унаследованы новым правительством. И именно эта фраза Ататюрка является показателем преемственности, но в обновленной форме.

Установление республики одновременно, и быть может, слишком быстро, превратило страну и в светское государство. Образование и жизнь общества стали ориентироваться на светские стандарты, Турция стала парламентской республикой. Президент по традиции демонстрирует своими заявлениями политическое лицо и тенденции общественного развития страны и осуществляет контроль за соблюдением конституции и деятельностью высших судебных инстанций. Практически ревизия светских принципов, заложенных Ататюрком, и приход к власти политиков, ориентирующихся во многом на реставрацию дореспубликанской духовной и законодательной традиции в повседневной жизни, привели общественное мнение страны к расколу. Многотысячные демонстрации 2007 года в крупнейших городах Турции, решения Конституционного суда в этом году об отмене правительственных указов, ограничивающих светские нормы поведения, свидетельствуют о том, что реформы, осуществленные когда-то Ататюрком, не теряют своей актуальности и в современной Турции. При этом сохраняются его огромный авторитет, уважение к нему как к лидеру национально-освободительного движения. На всех торжественных мероприятиях самого разного уровня по заложенной им традиции объявляется минута уважения к павшим в борьбе за освобождение страны. Во всех турецких городах, вплоть до маленьких курортных местечек, стоят памятники Ататюрку. В каждой фирме, конторе, торговом предприятии, даже в самых мелких лавчонках висят фотопортреты Ататюрка, запечатлевшие его и на фронтах, и в мирной жизни, и на отдыхе. Он остается национальным героем, создателем первого светского государства в мусульманском мире, реформатором и политиком, снискавшим и сохраняющим авторитет как среди единомышленников, так и среди противников его курса.

Предложенное российским читателям подробное жизнеописание Мустафы Кемаля Ататюрка, написанное известным французским историком-тюркологом, профессором Сорбонны Александром Жеваховым, раскрывает многие неизвестные ранее нашим соотечественникам детали биографии и важные эпизоды жизни и деятельности этого «Человека XX столетия».

55-летний Александр Жевахов родился и живет в Париже,

закончил престижную Национальную школу администрации (ЕНА). В течение пяти лет был советником министра обороны Мишель Альо-Мари, а теперь, когда она заняла пост главы МВД, стал заместителем директора ее кабинета. Потомок морских офицеров, возглавляет Российское морское собрание во Франции.

Александр Жевахов принадлежит к обрусевшему в начале XVII века грузинскому дворянскому роду, однако князем себя не считает. Он регулярно бывает в России и на вопрос: кем он больше себя ощущает — французом или русским, отвечает: «Конечно, мой национальный гимн „Марсельеза“, но я — православный, с детьми говорю по-русски, даже если они мне отвечают по-французски. Да, я — француз, но не забываю, что я и русский».

Оценки автора произведения во многом расходятся с теми, которые были сделаны советскими историками этого периода и биографами Ататюрка в упомянутых нами выше исследованиях. Тем интереснее, надеюсь, будет читателям познакомиться с одной из ключевых фигур мировой истории начала XX века, периода возникновения на обломках империй новых национальных государств.

Почетный член Турецкого научного общества им. Ататюрка, профессор ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
БУНТАРЬ

Глава первая
ВРЕМЯ РАЗОЧАРОВАНИЙ

Век начался для Саид-бея удачно. Мог ли он сетовать на что-то? Сын личного казначея султана, Саид-бей только что получил маршальский жезл, выдвинувшись, таким образом, в первый ряд правительственной иерархии Османской империи, наиболее привилегированных, высокопоставленных чиновников, элиты из элит.

Саид-бей работает несколько часов в неделю в Высшем совете здравоохранения, созданном в 1838 году султаном Махмудом II для более эффективной борьбы с эпидемиями. В истории Османской империи Махмуд останется как первый выдающийся реформатор. Когда он пришел к власти в 1808 году, империя вступила во второй век упадка. Былое могущество империи султана Сулеймана Великолепного[4] было утрачено под влиянием политики европейских держав, а также в результате инертности последующих правителей.

Махмуд решил действовать немедленно, заимствуя опыт западных держав, которого так недоставало его империи. Так, он ликвидировал янычар, составлявших в течение длительного времени ударные войска османской армии, но постепенно превратившихся в неконтролируемые отряды. Они были казнены в 1826 году на площади Атмейданы. Отряды янычар были заменены современной армией «по европейскому образцу». Султан покинул старый дворец Топкапы и поселился на Босфоре во дворце Долмабахче, обставленном по-европейски. Махмуд провел коренную реорганизацию государственного аппарата: появились чиновники нового типа, получившие образование в лучших европейских школах, владеющие иностранными языками, направляемые на работу в посольства с целью лучшего ознакомления с зарубежными странами, наконец, получающие зарплату вместо традиционных вознаграждений. Саид-бей — детище реформ султана Махмуда.

Если верить его визитной карточке, он обучался деловому общению на французском языке в Коммерческом училище, а также изучал литературный турецкий и искусство перевода в привилегированном султанском лицее в Галатасарае. Как и вся османская элита, Саид-бей получил высшее образование в этом лицее, созданном по инициативе Наполеона III. Работа отнимала у Саида не более двадцати часов в неделю, поэтому он с удовольствием занимался переводами на турецкий язык

детективных романов для султана Абдул-Хамида II.

Абдул-Хамид увлекался чтением детективных романов, проявляя к ним профессиональный интерес. В 1878 году, через два года после вступления на трон, он распустил парламент и отменил конституцию, хотя текст ее продолжали публиковать в императорском альманахе. Он не был обскурантом — его правление отмечено многими прогрессивными реформами, — но был нетерпим ко всему, что хоть как-то стесняло его султанскую власть. В феврале 1878 года, когда русские войска вторглись в империю и угрожали столице, один из депутатов, простой булочник, заявил ему: «Вы решили узнать наше мнение слишком поздно. Вам следовало бы посоветоваться с нами, когда еще можно было избежать катастрофы. Парламент снимает с себя всякую ответственность за ситуацию, сложившуюся не по его вине».

Абдул-Хамид, крайне подозрительный, создает в империи гигантскую сеть информаторов, стремясь защитить свой трон от любых врагов: могущественных европейцев, сторонников конституции и националистов. Национальные права — вот идея, которую Абдул-Хамид, как и его предшественники, не может понять. В империи султаны никогда не ставили ни одну из наций в привилегированное положение, в том числе и турецкую: империя должна быть многонациональным сообществом, и, будучи мусульманином, можно было добиться успеха на государственной службе, будучи албанцем, греком, армянином, арабом, черкесом, курдом. Парадоксально, но турки-анатолийцы считались презренной популяцией, чернью. «Назвать турком жителя Османской империи, — отмечал еще в 1840 году Франс Жуаннен, — это означало нанести ему глубокое оскорбление». И тем не менее Греция, Босния и Герцеговина, Румыния, Болгария, Кипр непрерывно добивались от султана национальных прав. Кроме того, за национальные права выступали и европейские державы, защищая соглашения, заключенные с Османской империей в период ее процветания и предоставляющие иностранцам право занимать должности, иметь своих судей и пользоваться налоговыми льготами. Впервые подобные льготы-капитуляции были предоставлены Сулейманом Великолепным для привлечения французских коммерсантов в османские порты.

Саид-бей служил султану, как его отец предшественнику Абдул-Хамида, но без особого воодушевления. Чтобы противостоять амбициям европейских держав и угрожать Франции, Великобритании и России, колонизировавшим множество мусульманских народов, Абдул-Хамид стал проводить панисламистскую политику, памятуя о титуле халифа[5],

возобновленном одним из его предшественников, султаном Селимом I Грозным в 1517 году (Селим I вернул звание халифа после завоевания Египта). Абдул-Хамид решает построить железную дорогу, соединяющую Стамбул с Хиджазом — священными местами ислама. Саид-бей вносит свою лепту в этот грандиозный проект, жертвуя несколько пиастр! Высокопоставленный чиновник делает все что следует, но ничего более. Впрочем, Саид уважает религиозные праздники и не работает по пятницам, но в то же время не колеблясь направляется в кафешантан в этот день, предназначенный для Аллаха, а в дневнике скрупулезно отмечает количество выпитой анисовой водки, забывая упомянуть о посещении мечети.

Как и большинство представителей османской элиты, Саид ведет жизнь, полную явных противоречий. Он служит четко налаженному государственному аппарату в империи, приходящей в упадок. Он — подданный султана, чья власть, по крайней мере теоретическая, все еще распространяется до Триполитании, Кувейта, Албании, но никогда не покидает Стамбула. Его мир сводится к микрокосму — от султанского дворца на берегу Босфора до дома в Аксарае, одном из престижных кварталов Стамбула[6]. Летом, которое начинается для него в апреле и длится в течение шести месяцев, Саид снимает на берегу Босфора великолепный дом, украшенный мраморными колоннами и окруженный прекрасным садом. Иногда он покидает Босфор и отправляется по Мраморному морю в живописную бухту Каламис или на Принцевы острова — жемчужину Мраморноморья.

Саид-бей ценил европейскую изысканность, свободно владел французским языком, часто посещал итальянские и французские театры в Бейоглу, дипломатические приемы; он купил для старшей дочери пианино, а жене выписал французский дамский журнал[7]. Всё это не мешало ему оставаться истинным османом. Концерт арабской музыки, спектакли Карагёза, турецкой марионетки, более непристойные, чем французские, часы, спокойно проведенные в мужском кругу за курением кальяна и чаепитием: Саид-бей был приверженцем традиционного образа жизни османского буржуа Стамбула. Выглядеть европейцем, оставаясь османом, — вот желание Саид-бея, как и многих других ему подобных.

Волнения в казармах

Полсотни мужчин, собравшихся 4 февраля 1902 года в Париже у сенатора Лёфевр-Понтали, не одобряли материальное

благополучие и ханжество Саид-бея. Правительство Османской империи безуспешно пыталось запретить объединение «младотурок», в котором на самом деле состояли турки, греки, армяне и представители других национальностей империи. Одни противники султана жили за пределами империи в течение долгих лет, другие присоединились к ним недавно и, наконец, третьи оставались в империи, чтобы тайно осуществлять активную деятельность в наиболее современных училищах — среди будущих военных медиков, ветеринаров, офицеров, инженеров. Их было немало среди будущей элиты подданных султана, считающих, что Абдул-Хамид ведет империю к катастрофе. 9 февраля «младотурки» как самостоятельное движение заявили о своих целях: сохранение целостности империи, уважение гражданских прав и восстановление конституции, обеспечение порядка и мира при соблюдении равенства всех османов.

Идеи младотурок проникли даже в Академию Генерального штаба, один из важнейших центров османской власти.

Именно в это время одним из сорока трех курсантов, принятых в Академию Генерального штаба, оказался Мустафа Кемаль. Точная дата его рождения неизвестна. Официальная «История Турецкой Республики», опубликованная в 1935 году, указывает 1880 год; лучший биограф Кемаля, Шевкет Сюрейя Айдемир, придерживается иной даты — 14 января 1881 года; другой турецкий биограф Кемаля считает датой его рождения 23 декабря 1880 года. Декабрь 1880 года или январь 1881 года — точная дата не столь важна. Неясность, окружающая дату рождения Кемаля, не является чем-то исключительным. «Я не знаю точную дату моего рождения, — пишет в своих «Мемуарах» один из высокопоставленных турок, родившийся в конце XIX века, — так как дни рождения не отмечались в то время. Во многих семьях обычно записывали дату рождения детей на листочке, хранящемся в семейном Коране, но я не смог обнаружить следов своего рождения. Когда я задавал этот вопрос матери, она всегда отвечала: „Ты родился, когда начал созревать виноград“…» Махбуле, сестра Кемаля, вспоминает: мать говорила ей, что он родился «в тот вечер, когда была сильная снежная буря».

Кемаль оказался в среде военных с 1894 года, через пять лет после смерти отца, сраженного туберкулезом. Отец Кемаля, Али Рыза, служил мелким чиновником, затем занялся коммерцией, но неудачно. Семья жила в нужде. Кемаль редко говорил об отце. Тем не менее он вспоминал роль отца при выборе начальной школы. Его мать, Зюбейде, хотела отправить сына в

традиционный мектеб, но Рыза предпочел новую светскую школу, только что созданную в Салониках. Когда Кемаль окончил ее, отца уже не было, и на этот раз он сам выступил против желания матери. Зюбейде намеревалась записать сына в рюштие — среднюю гражданскую школу, созданную правительством в Салониках, как и в других главных центрах империи. Но подросток предпочел военное рюштие: «Нашим соседом был майор Хатип. Его сын Ахмет учился в военной школе, носил форму этой школы. Мне хотелось быть одетым, как он. Я часто встречал офицеров на улицах и понял, что должен пойти в военную школу, чтобы стать таким, как они. Моя мать очень боялась военной школы и яростно сопротивлялась тому, чтобы я стал солдатом. Я прошел по конкурсу в военную школу самостоятельно, без ведома матери. Таким образом, я поставил ее уже перед свершившимся фактом».

Стал ли Кемаль военным из-за престижа военного мундира? Подобный вопрос кажется упрощенным. Сделать карьеру на государственной службе — мечта каждого османа, а армия давала такой шанс. В былые времена империя увенчала себя славой военных завоеваний, а в конце XVII века, когда победы происходили все реже, армия стала одним из первых государственных институтов, преобразованием которого серьезно занялись османские реформаторы. Обновленные, зачастую с помощью иностранных консультантов, освобожденные от социальных предубеждений, офицерские школы превратились в самые передовые учреждения империи. Стать пашой (генералом), офицером или даже военным врачом мечтали многие мальчишки. И даже участившиеся поражения и надвигающийся крах империи не останавливали желающих поступить в офицерские школы, напротив, это только способствовало увеличению их числа.

Какой бы скудной ни была информация о детстве и юности Кемаля, можно предположить, что его стремление стать военным было продиктовано более сложными мотивами, чем желание защищать свою родину или занять положение в обществе. Сам Кемаль поведал биографу следующую историю:

«— Ты помнишь, какой подарок сделал тебе отец по случаю моего рождения? — спросил я мать спустя некоторое время после поступления в военное училище.

Подумав, мать ответила:

— Саблю.

— Куда ты поместила эту саблю?

— Над твоей колыбелью.

— Это означает, что отец хотел, чтобы я стал военным, я рожден для того, чтобы быть военным».

Итак, военная карьера стала как бы исполнением посмертной воли отца, но, как признался Кемаль в 1926 году, были и другие причины: «Взрослея, я всегда предпочитал быть самостоятельным… Тот, кто живет в семье, прекрасно знает, что постоянно находится под присмотром близких, впрочем, бескорыстным и очень откровенным. Тогда оказываешься перед дилеммой: или повиноваться, или совершенно не считаться с их мнением и советами. На мой взгляд, и то и другое плохо».

Семья Кемаля была небольшой. Одна из сестер умерла еще до его рождения, другая — в возрасте 12 лет, двух братьев сразила оспа в 1889 году; он знал отца всего несколько лет, остались только мать и сестра Махбуле.

Подросток, поступивший в училище в Салониках, затем в Кадетскую школу в Манастире и Военную академию в Стамбуле (1899–1901), желал стереть в памяти неприятные воспоминания. В Манастире в его личном деле было указано, что он — «сын умершего Али Рыза, таможенника», хотя тот служил таможенником всего несколько лет. Но охрана границы в горах, даже в качестве простого таможенника, больше удовлетворяла самолюбие сына, чем занятие коммерцией, особенно если оно поставило семью на грань нищеты.

Кемаль был гордым, стремящимся выделиться и произвести впечатление подростком. Он, например, отказывался играть в чехарду, чтобы «не гнуть спину». Имя Кемаль он получил в военном училище. Один из преподавателей предложил ему взять второе имя — Кемаль, что означало «совершенный»[8]. Во время греко-турецкой войны 1897–1898 годов он даже пытался сбежать из училища в Манастире на фронт.

Академию Генерального штаба Мустафа Кемаль-эфенди Селяник[9] закончил восьмым по успеваемости из 459 выпускников. Он выделялся среди других своей блестящей выправкой и элегантностью. «Он превосходно выглядел в безукоризненной военной форме», — вспоминает Али Фуад, его товарищ по военному училищу. Азым, другой его товарищ по учебе, также подтверждает стремление Кемаля выглядеть безупречно и вызывать восхищение: «Мустафа Кемаль — очень вежливый юноша, никогда не сердится, всегда тщательно следит за тем, как одет, и прекрасно излагает свои мысли». Молодой македонец всегда стремился выглядеть как будущий образцовый офицер.

Манастир — затерянный в горах Сербии небольшой скучный городок, где проживали 30 тысяч человек и куда лишь случайно изредка заглядывала труппа артистов. В Стамбуле улицы освещены, много театров и масса других развлечений.

Почувствовать легкое покачивание моста Галата, когда сумерки скрывают минареты, в воздухе разносится запах жареной рыбы, а с минаретов раздаются гортанные призывы муэдзинов; послушать концерт арабской музыки, отправиться на спектакль Карагёза, а затем участвовать в греческом карнавале; ловить взгляды мусульманок, окутанных покрывалом, — сколько удовольствий с жадностью открыл для себя Кемаль! Его радушно принимают в доме Али Фуада, расположенном на берегу Босфора, где он оказывается среди османской аристократии: Фуад — сын генерала и внук маршала, окруженного почетом и уважением. Семья Фуада имела славянские и венгерские корни. То, что «отец относился к Мустафе как к собственному сыну», по словам Фуада, усиливало тягу Кемаля к культуре, его стремление понять новую для него жизнь.

Когда именно Кемаль осознаёт ущербность Стамбула, столицы, подвергшейся колонизации? Заметил ли он, что в Стамбуле проживает 130 тысяч иностранцев при общей численности населения 870 тысяч? Удивляло ли его, что хозяйкой семейного пансионата, где он проживает, была француженка?

Во всяком случае, нет худа без добра: именно она передала ему статьи младотурок, опубликованные в Париже. Как вспоминал Кемаль, «мы начали осознавать, насколько серьезна политическая и административная ситуация в стране». Как уточнял его друг Азым, они «стали тайно читать и пересказывать друг другу Намыка Кемаля, одного из выдающихся интеллектуалов, реформиста Османской империи». В книгах Намыка Кемаля будущие офицеры открывали для себя ценности, сведенные на нет Абдул-Хамидом: родина, права, конституция, парламентаризм, свобода, — ценности, которые, как они знали, защищали выдающиеся деятели французской революции. После смерти Намыка Кемаля в 1888 году его дело продолжили честолюбивые последователи, также вдохновляемые европейскими авторами, в основном французами; турецкие мыслители не сомневались в необходимости новых реформ, превозносили достоинства некоторой секуляризации и объявили себя защитниками турецкого национализма от национализма арабского, армянского или албанского.

Между курсом артиллерии, маневрами и теоретическим изучением партизанской войны курсанты погружались в чтение запрещенной литературы и стремились быть в курсе всех парижских публикаций младотурок. С тревогой они узнавали о террористических актах болгарских партизан в Македонии, этой балканской провинции, которую конгресс в Берлине в 1878 году

оставил султану. Мустафа Кемаль «из Салоник» с трудом верил в то, что история не повторится, когда австрийско-российское соглашение в 1903 году поместило *де-факто* Македонию под иностранный контроль. Он вспомнил о своем разочаровании в 1897 году, когда османы, победив на поле сражения, потерпели фиаско от греков за столом переговоров под давлением великих держав: «Наши преподаватели заявили нам, что мы можем оккупировать всю Грецию. Но когда новость о перемирии дошла до нас, курсанты испытали глубокое разочарование. Но мы не могли задавать вопросов. Только мой друг Нури рассказал мне, как один молодой офицер плакал, заявляя, что всё происшедшее печально. Тем не менее на улицах Манастира была организована радостная манифестация и снова раздавались крики: „Да здравствует султан!“ Впервые я не присоединился к подобному пожеланию».

На этот раз Кемаль не был единственным, кто сомневался. «Настанет день, когда наше правительство определенно рухнет, — заявил бригадный генерал, приглашенный отцом Али Фуада, — но я не думаю, что оно будет замещено правительством по западному образцу». «Ваше превосходительство, — ответил ему Кемаль, — правительство на западный манер придет в свое время. Сегодня большинство возможностей нашей нации находится в дремлющем состоянии. Если в случае революции правящая верхушка будет стремиться прежде всего сохранить свои функции, тогда следует признать, что вы правы. Среди нового поколения есть немало людей, достойных доверия». «Мустафа Кемаль-эфенди, сын мой, — заговорил тогда генерал, — я вижу, что Исмаил Фазыл (отец Али Фуада. — *А. Ж.*) не ошибся в тебе. Теперь я согласен с ним». А затем добавил: «Ты не будешь вести обычную жизнь офицера Генерального штаба, как мы. Твой блестящий ум и способности будут служить будущему страны. Я считаю тебя одним из тех молодых людей, которые станут государственными деятелями. Да поможет Аллах, чтобы я оказался прав!»

В последний день октября 1904 года пресса Стамбула опубликовала имена дипломников, выпускников Академии Генерального штаба. В алфавитном порядке Мустафа Кемаль — последний из тридцати восьми дипломников, но по успеваемости он был пятым, что позволило ему сразу получить звание капитана Генерального штаба. Кемаль присоединяется к военной элите своей страны. Тогда как простой капитан обречен зачастую на весьма призрачную карьеру и скромный социальный статус, капитана Генерального штаба ожидают продвижение по службе и привилегии.

Но новый капитан Генерального штаба оказывается под арестом. Однажды, еще во время учебы, Кемалю и нескольким его друзьям-«заговорщикам» уже грозил арест, но комендант училища, «по-отечески относящийся к курсантам», помог им избежать сурового наказания. А через несколько дней после окончания учебы Кемаль, Али Фуад и два других капитана были арестованы по доносу за возобновление «подрывной» деятельности. Через десять дней они были освобождены. Кемаль, по словам Али Фуада, собирался бежать в Европу, но не сделал этого. Не вернулся он и в Салоники, хотя имел на это право. Он отправился в Дамаск.

Офицеры-революционеры

Пребывание Кемаля в древней резиденции омейядского халифа, находившейся в плачевном состоянии, только укрепило его убеждения и боевой настрой. В Дамаске, как и в Багдаде и Сане, турецкие войска могли оценить «успех» панисламистской политики султана: одни за другими йеменцы, друзы[10] и сирийские арабы поднимают восстание, тогда как Союз арабов требует независимости всех арабов Османской империи. Приходилось искать в Анатолии тысячи новых рекрутов для отправки их в эти удаленные, неизвестные и фатальные земли.

Кемаль является свидетелем удручающего зрелища, которое представляют собой османские солдаты в изношенной и заплатанной военной форме, занимавшиеся мародерством. Моральное состояние войск, как вспоминал французский консул в Дамаске, было таково, что когда по случаю религиозного праздника солдаты при подстрекательстве своих офицеров отказались участвовать в официальной церемонии, то комендант гарнизона не наказал их, так как опасался мятежа. Отражением атмосферы, царящей в Дамаске, является и тот факт, что полковник того полка, в котором служил Кемаль, порекомендовал ему познакомиться с бывшим военным врачом, ссылка которого в эти края не заставила его расстаться со своими идеями: он основал движение «Ватан» («Родина»). В свою очередь, Кемаль тоже создает небольшую группу «Родина и свобода», которую пытается внедрить в Яффу, Иерусалим, Бейрут, где находится Али Фуад, и даже в Салоники, где он побывал в начале 1906 года, проехав туда через Египет и Пирей. Официально никто не давал ему разрешения на эту поездку, но с помощью влиятельных друзей в Салониках ему удается благополучно пройти полицейский контроль и встретиться с генералом Шюкрю,

главным инспектором артиллерии: Кемаль письменно обрисовал генералу опасность ситуации и попросил его поддержки. Кемаль наивно рассчитывал на успех, но паша довольно резко выпроводил его. Четырехмесячный отпуск «по болезни», оформленный с помощью друзей, спас Кемаля от наказания за проступок; он воспользовался своим пребыванием в Салониках, чтобы создать там филиал «Родины и свободы».

В октябре 1907 года, снова возвратившись в Салоники, на этот раз официально, чтобы приступить к своим обязанностям в Генеральном штабе 3-й армии, Кемаль находит там подлинно революционную атмосферу. В течение нескольких месяцев армия бурлит, всё больше растет недовольство режимом султана: от Саны в Йемене до Скопье в Македонии офицеры и солдаты открыто протестуют против задержки жалованья — если его выдавали, — всех волнует одно: в какую пропасть ведет их Абдул-Хамид? В Салониках, более чем где-либо, сильно брожение умов: традиционное занятие торговлей сделало население города особенно восприимчивым к «крамольным» идеям, проникающим из Европы, идеям, объединяющим значительное еврейское население, многочисленных масонов, обосновавшихся там, и прессу, намного более либеральную, чем в Стамбуле. Салоники оказываются на переднем фланге европейских притязаний.

За несколько дней до прибытия Кемаля в Салониках был создан комитет «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки») с целью объединения противников режима в изгнании в Париже, младотурок конгресса 1902 года и членов Ассоциации османов за свободу. Ассоциация османов за свободу — совсем молодая организация, но ее основатели — почтовый служащий Талаат, лейтенант Исмаил Канболат и их восемь соратников — времени зря не теряли. Два члена локальной секции «Родина и свобода» тоже фигурируют среди основателей ассоциации, а сам Кемаль присоединяется к комитету «Единение и прогресс» 29 октября 1907 года, поклявшись на Коране и револьвере бороться против тирана султана с целью восстановления конституции.

Через восемь месяцев — в июле 1908 года — революция младотурок восстанавливает конституцию[11].

Революция, не оправдавшая надежд

Идеи, за которые боролся Кемаль, восторжествовали. Однако его надежды не оправдались. Он считал себя достойным первых ролей, он мечтал стать военным министром, но ему не удалось занять ответственный пост среди пришедших к власти

младотурок: ни его идеи, ни личные качества не оказались востребованными.

Тем не менее в апреле 1909 года Кемаль оказывается в первых рядах возникшего армейского движения. В Стамбуле защитники абсолютизма смогли отстранить от власти младотурок, а в Салониках офицеры, сторонники конституции, решили выступить на ее защиту и организовали марш на столицу. Кемаль стал начальником Генерального штаба этой армии, причем он сам дал ей название «армейского движения»: «Я хотел название, которое не задевает никого и с которым каждый может согласиться. Я выбрал слово „харекет“, соответствующее французскому слову „движение“, к тому же мы действительно находились в движении…» Добившись первого личного успеха, Кемаль должен был занять место в строю и уступить руководящий пост офицерам постарше: ему было всего двадцать восемь лет.

Кемаль стремится проложить дорогу своим идеям. Когда он предлагает полностью отделить армию от политики — государство нуждается в армии, оснащенной самыми современными средствами, защищенной от политических склок, — конгресс активистов «Единения и прогресса» (юнионистов) отклоняет его предложения и отношения Кемаля с некоторыми членами комитета приобретают напряженный характер. В 1909-м, а затем и в 1911 году ему пытаются угрожать и, возможно, даже расправиться с ним. После стольких лет подпольного сопротивления и франкмасонского влияния комитет «Единение и прогресс», добившись власти, сохраняет жесткие привычки подполья; единственный диалог, предлагаемый им большей части противников, — это оружие. Для выполнения военно-политических заданий юнионисты использовали федаев — преданных людей, готовых на самопожертвование. В течение нескольких недель федаи преследуют Кемаля и даже, согласно его «Мемуарам», стреляют в него. Федаи редко не попадают в цель, поэтому Кемалю крупно повезло…

Кемаль оказывается простым наблюдателем политических потрясений, вызванных деятельностью комитета «Единение и прогресс» в империи с 1909 по 1914 год. Он также является свидетелем ослабления власти султана Мехмета V Реза, брата Абдул-Хамида, возведенного на трон младотурками в 1909 году, и постепенного захвата власти диктаторским конгломератом. Под общим лозунгом «Спасение империи и контроль над султаном» комитет партии «Единение и прогресс» составляет поразительный ансамбль противоборствующих кланов, где доминируют примерно тридцать лидеров. А на вершине пирамиды —

странный триумвират. Талаат — единственное гражданское лицо этого трио; этот юнионист, состоявший в рядах комитета «Единение и прогресс» с момента его создания, производил впечатление своими качествами политика даже на такого ярого противника «Единения и прогресса», как американский посол Моргентау. Физически и интеллектуально Талаат обладал всем, чтобы быть наиболее сильной фигурой триумвирата. И все-таки Кемаль предпочитал не Талаата, хотя и вел себя учтиво по отношению к нему; у Кемаля установились подлинно дружеские отношения с Джемалем.

Невысокий, нервный, с пышной черной бородой, Джемаль-паша, казалось, собрал в себе все пороки. Говорили, что он жесток и лицемерен, что он лишен чести и совести и что к тому же он игрок. Довольно странный друг для Кемаля, который в 1926 году подчеркивал, что его связывали с Джемалем «особые дружеские отношения и привязанность». Это обстоятельство остается загадкой, так как трудно объяснить, что привлекало Кемаля в этом человеке, к тому же старше его почти на десять лет. Многое объясняет соперничество между Джемалем и Энвером, последним членом триумвирата.

Один из биографов Кемаля, Бенуа-Мехин, будет говорить об антагонизме, разделяющем Кемаля и Энвера. Это не совсем удачное слово, как и высказывания другого биографа, Шевкета Сурейя Айдемира, описавшего комплексы Кемаля по отношению к Энверу и Энвера по отношению к Кемалю. Что Кемаль ревниво относился к Энверу, что он опирался на его противника Джемаля — это очевидно, и это даже можно понять, но почему Энвер мог испытывать комплекс неполноценности по отношению к Кемалю?

Энвер-паша, родившийся в 1881 году, получивший диплом в Академии Генерального штаба в 1902 году, был одним из героев революции младотурок 1908 года. Он принимает активное участие в сопротивлении, которое оказала османская армия итальянцам, наступающим в Триполитании (1911–1912 годы), — Энвер-бей как командир завоевал большой авторитет у бедуинов, как писал военный атташе Франции в Стамбуле, — а затем превосходно проявил себя в двух войнах на Балканах. В октябре 1912 года Черногория, Болгария, Сербия и Греция выступают против империи с одной целью: устранить ее господство над последними европейскими провинциями. Одного месяца оказалось достаточно для войск коалиции, чтобы продвинуться до Чаталджи, расположенного в 60 километрах от Стамбула. 23 января 1913 года в Стамбуле, запруженном толпами беженцев, раздираемом политическими противоречиями между юнионистами и их противниками, Энвер в сопровождении

нескольких федаев прорвался в канцелярию великого визиря, убил военного министра и «выбросил в окно текст с условиями перемирия, а заодно и нескольких упрямцев». Шесть месяцев спустя авторитет Энвера возрос еще больше, когда он вошел во главе османских войск в Эдирне (Адрианополь), бывшую столицу империи, захваченную болгарами в марте 1913 года.

Казалось, всё удается Энверу. Женщины не замечали его небольшого роста, а его необычайная отвага покоряла мужчин. Он умело пользовался обстоятельствами для удовлетворения своих неистовых амбиций, подчас рискуя показаться смешным. Разве Энвер не заставлял своих друзей называть себя «маленьким Наполеоном»? Ему оказана наивысшая честь — он становится даматом, то есть зятем султана. И почему бы Энверу считать Кемаля своим соперником? Да, его раздражает несдержанность Кемаля, его вспыльчивость. Да, ему не нравится этот человек, «дерзкий, откровенно высказывающийся», всегда готовый критиковать других.

Между Кемалем, чьим главным успехом была редакция труда по тактике на сорок одной странице с семью иллюстрациями «Маневры, учения полковой бригады и кавалерии армии Джумалы», и Энвером борьба была неравной. На самом деле никакой борьбы и не было, так как Кемаль не имел ни достаточного влияния, ни необходимой поддержки.

Окончательный разрыв между Энвером и Кемалем произошел, вероятно, в начале 1913 года во время турецко-балканской войны. Корпус Болайыра, в котором служил Кемаль, а его друг Али Фетхи был начальником штаба, получил приказ провести операцию, успешное осуществление которой было возможно лишь при поддержке 10-го корпуса, где Энвер был начальником штаба. Корпус Энвера не оказал никакой поддержки, и Али Фетхи потерпел поражение. При обсуждении провала операции высшее командование поддержало 10-й корпус, а Энвер должен был получить назначение в Стамбул. Али Фетхи и Кемаль подают рапорт об отставке, но затем забирают его, когда стало известно, что повышение Энвера отменено.

По мнению Кемаля, Энвер не только некомпетентен, но и приносит вред армии, так как допускает ее политизацию, что, на его взгляд, является грубой ошибкой. Этой же точки зрения придерживаются также и немцы. Кайзер скажет генералу Лиману фон Зандерсу, отправляющемуся в Стамбул в начале 1914 года: «Искореняйте политику из корпуса турецких офицеров. Вмешательство в политику — вот их главный недостаток». Но это заявление будет единственной общей точкой зрения Кемаля и немцев, назначаемых инструкторами в османскую армию с 1840

года: примерно 70 немецких офицеров прибыли в Стамбул. В недавнем прошлом военный атташе в Берлине, Энвер верит в превосходство прусской модели армии и цинично заявляет: «Мы с ними, потому что это в наших интересах». Со своей стороны, Кемаль признает ценность берлинского метода, он даже переводит некоторые немецкие труды, но считает недопустимым слишком сильное влияние иностранцев и, как неизбежное следствие, подчинение турецкой армии.

Личные неудачи отражаются на характере Кемаля, нервном, импульсивном, подчас мрачном. Уже в Академии Генерального штаба он пребывал иногда в состоянии меланхолии или депрессии. «Друзья, — говорил он тогда, — я ложусь спать и не могу уснуть, как вы. Я бодрствую до рассвета. И лишь когда наконец я забываюсь сном, раздается сигнал подъема и, естественно, я не могу проснуться. И только человек, сотрясающий мою кровать, выводит меня из состояния оцепенения. В результате я чувствую себя совершенно разбитым и усталым телом и душой».

Осенью 1913 года Али Фетхи, давний друг Кемаля по совместной учебе в Манастире и Стамбуле, был назначен послом в Софию. Али и Кемаля связывали прочные узы дружбы. Будучи военным атташе в Париже, Фетхи приглашал Кемаля на большие маневры в Пикардию, организованные французской армией в сентябре 1910 года. И на этот раз Али как новый посол протягивает руку помощи Кемалю, предложив ему сопровождать его в Софию в качестве военного атташе. Кемаль вынужден согласиться, но его пребывание в Софии превращается в печальную ссылку. Он пишет одному из друзей, насколько грустно ему в столице Болгарии: «Здесь нет ни одной красивой женщины; я вынужден остановиться в отеле, так как не нашел подходящего дома. Ни одно событие не украшает мою повседневную жизнь. На всё воля Аллаха». Кемаль сообщает также, что он не посещает кабаре, так как они наводят только скуку. В данном случае Кемаль был не совсем искренен.

А между тем работа его не лишена интереса: Балканы охвачены волнением, в Болгарии насчитывается миллион двести тысяч выходцев из Турции. Вечера в опере Софии, успех в светском обществе, вызванный появлением Кемаля в костюме янычара на костюмированном балу по случаю праздника святых Кирилла и Мефодия, дружеское внимание Али скрашивали его пребывание в Софии. Друзья публикуют за подписью посла статью «Истинные причины поражения корпуса Болайыра» в одном из болгарских военных журналов. А Кемаль пишет также небольшой труд на двадцати страницах под названием «Беседы с

офицерами и командующими»: печальные размышления после трех конфликтов в Триполитании и на Балканах, в результате которых империя лишилась трети подвластной ей территории и пятой части населения, едва ли не оказавшись за пределами Европы и отдав Салоники Греции. Некоторые мысли позволяют угадать в нем будущего государственного деятеля: «Главное в идее — это ее способность быть воспринятой как абсолют без того, чтобы стать объектом критики. Это возможно, когда идея становится мнением, а в конце концов, убеждением; после этого никакие логические доводы или суждения не могут ее поколебать».

В Софии Кемаль пережил также необычайно сильное любовное увлечение. Возможно, единственный раз в жизни женщина, болгарка Димитрина (известная всем как Мити) Ковачева, пробудила в Кемале чувства, которые не сводились только к физическому влечению. Кемаль, забывший об осторожности, требуемой от военного атташе, даже просил руки Мити у ее отца, военного министра. Генерал Ковачев отказал Кемалю: он не мог позволить любимой дочери покинуть родину и не скрывал, что его волнует, как Мити выдержала бы условия жизни в Турции.

Кемаль никогда не говорил позже об этом драматическом эпизоде. Но за несколько недель до начала Первой мировой войны он признался одному из болгарских друзей: «Турки — хорошая нация. Но они нуждаются в современном образовании <…> Необходимо освободиться от восточного влияния, давящего на общество и отдельные личности. Но чтобы изменить турецкий народ, следует провести серьезные реформы».

Девять месяцев, проведенные Кемалем в Болгарии, явились для него нелегким испытанием. Он оскорблен болгарами как турок и как мужчина, он оскорблен правительством Стамбула, сославшим его в Софию. Единственная идея, поддерживающая его дух и энергию, — стремление к власти. При этом он стремился показать, что подобное влечение к власти бескорыстно. «Мои амбиции велики, — писал он во время Первой мировой войны другу, — но они не сводятся к материальным амбициям, таким как получение более высоких постов и денег»…

18 октября 1914 года в письме другу Салиху Кемаль цитирует неизвестного французского поэта: «Жизнь коротка: немного мечты, немного любви, и прощайте. Жизнь тщетна: немного ненависти, немного надежды, и конец». А затем добавляет: «Салих, запомни эти строки и в зависимости от смысла, который ты придаешь жизни, руководствуйся одной из этих формулировок». Что бы выбрал он сам, если бы не разразилась

мировая война и не произошла бы битва за Дарданеллы?

Глава вторая
СЛАВА, А ЗАТЕМ?

27 октября 1914 года немецкие броненосцы «Гебен» и «Бреслау», отданные Турции — они теперь под турецким флагом и называются «Султан Селим Явуз» и «Мидилли», — обстреливают Одессу и Южный берег Крыма. Тайный договор о союзе, подписанный тремя месяцами ранее между Османской империей и Германией, приносит свои плоды — Османская империя вступает в мировую войну, а Энвер торжествует, пользуясь осторожной поддержкой Талаата против Джемаля, франкофила. Военный министр с начала этого года, 32-летний Энвер присвоил себе также функции верховного главнокомандующего армией, до сих пор принадлежавшие султану.

Кемаль, узнавший в Софии эти новости, отнесся к ним весьма озабоченно. «Я не разделяю мнения тех, кто считает, что немцы способны победить, — пишет он в декабре своему другу Салиху. — Это правда, что немцы маршируют к Парижу, уничтожая всё на своем пути. Тем не менее русские продвигаются в Карпатах и теснят австрийцев, союзников Германии. Это должно отвлечь часть сил германской армии, чтобы помочь австрийцам. Воспользовавшись этим, французы перейдут в наступление и потеснят немцев. Тогда немцам придется отзывать войска, посланные на помощь австрийцам, поэтому трудно предсказать исход этой войны, так как заставлять армию передвигаться то в одном направлении, то в обратном — исключительно опасно». Как и генеральные штабы союзников, Кемаль не предвидел ни окопную войну, ни русскую революцию; тем не менее анализ свидетельствует об определенных совпадениях, и довольно скоро происходящие события подтвердят его скептицизм.

Получив благословение верховной религиозной власти страны, объявившей эту войну священной, османские армии ринулись в бой, чтобы отомстить за поражения на Балканах. Уверенность им придавала политика Энвера, нового военного министра, который реформировал армию, обновив ее молодыми силами. Никто никогда не оспаривал мужество турецких солдат. Мировая война предоставила им новую возможность доказать это, вызывая восхищение противника. Турецкая армия, как писал капитан Сейнобоск, «отважно выполняла свой долг и сражалась, презирая смерть, что вызывало уважение наших солдат».

В январе 1915 года Кемаль был назначен командиром 19-й дивизии, стоящей на европейском берегу Мраморного моря. Эта дивизия существовала скорее на бумаге, чем в реальности. Итак, Кемаль во главе дивизии-фантома, в то время как его родина в смертельной опасности! Безумные идеи Энвера и его соратников не увенчались успехом: под Сарыкамышем, на Кавказе, русские изрядно потрепали армию, лично возглавляемую Энвером: из девяноста тысяч солдат в живых осталось только 12 тысяч. На Суэцком канале британские войска легко отразили наступление, возглавляемое Джемалем-пашой. В середине февраля 1915 года 18 военных кораблей под французским, британским и русским флагами сосредоточились перед мысом Геллес, охраняющим вход в проливы Босфор и Дарданеллы и доступ к Стамбулу, находящемуся всего в 250 километрах. В теплое время года Геллес — настоящий цветник из роз, оливковых деревьев и кипарисов, окруженных виноградниками. Но сейчас моряки союзников обнаружили только огромное количество мошкары. Вскоре адмиралы поняли, что никогда не доберутся до османской столицы. Современные дальнобойные пушки, металлические сетки, опускаемые на сорокаметровую глубину, мины, сильные морские течения обрекали на неудачу любые попытки атаковать. Три корабля союзников были потоплены, а три других серьезно пострадали. Тогда союзники решили атаковать с суши. Несмотря на неудачи флота союзников, в Стамбуле царили панические настроения. «По равнине, в нескольких километрах от Константинополя, — напишет француз-очевидец, — бродили орды дезертиров, удивительно напоминая время, когда болгары приближались к столице». Золото и имперские архивы были переправлены из Стамбула в Анатолию, султан готовился переехать туда же, а в столице наиболее предприимчивые уже предлагали арендовать свои окна тем, кто хотел наблюдать парад войск союзников. Но желающим придется подождать три года, до осени 1918-го, чтобы посмотреть этот спектакль. В лагере турецких войск Лиман фон Сандерс, глава немецкой миссии, получает командование над всеми войсками, расположенными на полуострове Галлиполи, тогда как союзники были вынуждены готовить наземные операции в наихудших условиях. Торговые суда, доставляющие необходимые материалы, соблюдали рабочие часы, установленные профсоюзом: «не разгружать после шести часов вечера»; грузовые автомашины весом в полторы тонны должны были передвигаться по практически непроезжим дорогам полуострова, предназначенным для ослов. Командование

использует неточные или устаревшие карты, и похоже, никто не сомневается в том, что из-за свирепствующей в войсках дизентерии солдаты будут вынуждены во время сражения «держать одной рукой ружье, а другой поддерживать штаны».

25 апреля 65 тысяч французов и англичан переходят в наступление. Французы атакуют побережье Анатолии со стороны Кумкале, тогда как англичане высаживаются на правом фланге полуострова, между заливом Сувла и Габатепе. Задача ясна: взять проливы в «клещи», появившись за спиной защитников. Для войск, высадившихся в Габатепе, казалось, рукой подать до цели, так как всего семь километров отделяло Габатепе от деревни Мейдос. Только семь километров, но каких! Гора Габа круто спускалась к Эгейскому морю, а за ней горы, покрытые непроходимым кустарником, и обрывистые ущелья.

В воскресенье, 25 апреля, около 4 часов утра полторы тысячи австралийских и новозеландских солдат начали высаживаться, как они предполагали, несколько севернее Габатепе, но оказались на два километра выше на север, у Арыбурну, куда их отнесло течением. Крохотный пляж, а затем плоскогорье, покрытое кустарником выше человеческого роста. Турки и немцы не считали нужным защищать Арыбурну: сама природа оказалась надежным редутом. С невероятным трудом, медленно, солдаты стали пробираться сквозь эти жуткие заросли. Через несколько часов, уничтожив встретившихся на пути турок, солдаты немного продвинулись по плато; лейтенант Лутит, австралийский инженер, даже заметил водную поверхность Проливов, освещенную лучами восходящего солнца. Несколько севернее капитан Туллох достиг горы Батай. «Сверкающее солнце, ясное небо и благоухающий тмин», — успел он отметить, когда его подразделение неожиданно оказалось под огнем контратаки, которой руководил Мустафа Кемаль.

«По счастливой случайности, — напишет позже немецкий генерал Канненгиссер, — Кемаль-бей повел свою 19-ю дивизию на маневры в этот район. 19-я дивизия находилась в резерве, и Кемаль занимался ее военной подготовкой. Позже он рассказывал, как неожиданно увидел бегущих в панике солдат, которые кричали: „Они идут, они идут!“

— Кто они?

— Ингилиз, ингилиз (англичане)![12]

— Ну что ж, тогда вперед! — решительно скомандовал Кемаль.

Одному полку он приказал выступить на Косашимендах, чтобы удержать эту важную позицию. Оставшаяся часть дивизии двинулась в направлении Габатепе-Арыбурну для поддержки 27-

го пехотного полка, который с трудом удерживал позиции. Кемалю удалось полностью освободить Габатепе, а австралийские войска были отброшены на небольшой участок скал у Арыбурну». Так, благодаря некоторому везению, но в первую очередь решительности Мустафа Кемаль вошел в историю.

В течение трех месяцев в боях у Арыбурну, напишет позднее фон Сандерс, Кемалю удалось «успешно противостоять всем яростным атакам, оказывая упорное и жесткое сопротивление. Я мог полностью доверять его энергии и решительности!». А Кемаль вел себя так энергично не только по отношению к британским войскам, как в этом смог убедиться лично Канненгиссер: «Я взобрался затем по крутому склону на Кемальери, место, названное так в честь Кемаль-бея. Кемаль был очень удивлен, когда я представился ему как командующий 5-й дивизией и выразил желание взять под свое командование мои войска. „Это совершенно невозможно, — заявил Кемаль, — 5-я и 19-я дивизии совершенно перемешались. К тому же я подготовил атаку на завтра!“ Я понял, что нет никакой надежды на какие-то перемены в настоящий момент, и мы договорились, что он приведет мои войска, когда появится оказия». Став, наконец, героем, Кемаль настолько упивался этим, что даже забыл свою германофобию. «Император Вильгельм, наиболее выдающийся командующий нашего времени, — признался он одной своей знакомой, — правда, немец, наградил меня Железным крестом, что для меня большая честь».

Железный крест и поздравления фон Сандерса всё же не смогли отогнать коварную тень Энвера. Уставший от приказов этого «генералиссимуса», «который никогда ничего не выиграл на полях сражений» и «стал недоступным для старых товарищей», что отмечал даже Канненгиссер, Кемаль попросил фон Сандерса перевести его на другой фронт. Немец написал Энверу, уточняя, что «он не может настаивать на этой просьбе», и объяснил, что Кемаль уверен в том, что «Ваше превосходительство не доверяет ему». Хитрый Энвер припер Кемаля, всё еще полковника, к стенке: «Я очень огорчен, узнав о Вашей болезни <…>. Надеюсь, Вы будете продолжать так же успешно выполнять Вашу миссию <… > во главе дивизии, находящейся под Вашим командованием, как Вы это делали до сих пор». Упрямец покорился, но не смирился: «Я благодарю Вас за то, что Вы уделили мне благосклонное внимание по случаю моей болезни. Я уверен, что Вы удостоите меня чести, предоставив возможность еще лучше служить Вашему превосходительству, поставив меня во главе новых сил, которые Вы учредите». В действительности Кемаль доведен до крайности, и он признаётся как-то одному из друзей: «Я думаю удалиться в

какой-нибудь угол».

К счастью, он этого не сделает, а сражения под Анафартой принесут ему новую славу. В начале августа 1915 года британские войска решают атаковать на севере залива Сувла. Они уверены, что южнее турецкие траншеи настолько укреплены, что их невозможно взять, тогда как участок между заливом и двумя деревнями Анафарты настолько дикий, что турки поставили там всего несколько сторожевых пунктов. План этот дерзкий и может быть успешным только в случае максимальной эффективности и удачи.

Англичанам недоставало ни того ни другого, и они во второй раз столкнутся с Кемалем. 7 августа, узнав о продвижении британской колонны, Кемаль немедленно выставляет навстречу все имеющиеся силы, рискуя оголить главный фронт, где австралийцы перешли в наступление для отвлечения противника. Через три дня после получения командования над всеми силами этого сектора Кемаль лично возглавляет штурм. Второй раз ему улыбается удача, почти чудо[13]: осколок снаряда ударяет его в грудь… и разбивает часы. Позиции англичан захвачены. Через несколько часов всё закончилось…

Кампания при Дарданеллах продлится до февраля 1916 года; она обойдется в 200 тысяч жизней Великобритании и 40 тысяч — Франции, что соответствует примерно половине сражавшихся здесь солдат. Упоминая поведение Кемаля во время этой кампании, британский историк напишет: «Редко в истории действия простого командира дивизии в трех различных случаях оказывали такое огромное влияние не только на исход одного сражения, но также, возможно, на исход всей кампании и даже судьбу целой нации».

Последующие дни, приносящие разочарование

Кемаль получает наконец эполеты паши (звание генерала). Он был назначен бригадным генералом в апреле 1916 года и сражался тогда в Восточной Анатолии против русских войск. И снова судьба ему благоприятствует перед лицом противника, ослабленного предреволюционными потрясениями. Простой бригадный генерал, он командует армейским корпусом, а затем армией, прежде чем был направлен в Палестину, чтобы руководить одной из армий группы «Йылдырым» («Молния»). Кемаль открыто критикует стратегический интерес этого сокрушительного проекта, придуманного немцами и Энвером, чтобы помешать продвижению британских войск из Египта.

Кемаль постоянно оспаривает приказы вышестоящих немцев; «у него было убийственное настроение, — отметит позже будущий канцлер фон Папен, тогда молодой лейтенант, — несомненно, из-за разногласий с Фалькенхейном по поводу принимаемых мер». Наконец он получает отпуск по болезни и возвращается в Стамбул.

В столице, куда Кемаль прибывает в октябре 1917 года, он не воздерживается от выражения своих идей по любым вопросам, в том числе, естественно, по военной политике, а также и общей государственной политике. Тотчас после Дарданелл он добился встречи с министром иностранных дел, чтобы обсудить с ним «важные государственные вопросы, касающиеся науки, искусства, промышленности и текущих дел». Обширный круг вопросов для простого полковника! Обращаясь к министру, он громко заявил: «Государство на пороге гибели». Министр резко ответил ему: «Мы вас уважаем, потому что вы отлично проявили себя у Арыбурну и Анафарты; именно поэтому мы согласились принять вас. Но я начинаю замечать иной смысл в проблемах, о которых вы мне говорите сегодня… Я — министр, полностью доверяющий правительству, я целиком согласен с ним, с Генеральным штабом и командованием армии. Возможно, вы не знаете всей правды!»

Не знает правды? Возможно, другие, но не Кемаль, и он делится «своей» правдой без всякой осторожности. Во время одного из многочисленных банкетов, устроенных прессой в его честь после Дарданелл, он заявляет: «Энвер бездарен, он не в состоянии командовать армией. Что же касается Талаата, то он — невежда, неспособный руководить политикой государства. Это причиняет государству вред. Они вредят армии, направляя ее то в одном, то в другом направлении без пользы. Завтра что-нибудь произойдет. Немцы будут делать всё, что захотят. Они смогут контролировать страну и армию. И тогда государство лишится независимости».

Еще за месяц до возвращения в Стамбул Кемаль высказывал то же мнение. С помощью одного из своих помощников, полковника Исмета, серьезного и энергичного, Кемаль составляет рапорт, в котором анализирует ситуацию в стране. Он адресовал рапорт великому визирю и Энверу и поручил одному из своих адъютантов доставить его ответственным представителям «Единения и прогресса». В рапорте было отмечено всё — от паралича экономики до ослабления боеспособности армии. Кемаль высказывался очень резко: «Война глубоко деморализовала все население страны <…>. Бессилие гражданского правительства абсолютно <…>. Если война продолжится, это приведет к полному краху султаната». Рапорт

Кемаля затерялся в одной из многочисленных канцелярий правительства, и Кемаль в очередной раз не был даже наказан.

До какой-то степени Кемаль был защищен своей боевой славой. Победы турок были редки: Дарданеллы, Кут-эль-Амара, в Месопотамии, под руководством Халиль-паши, дяди Энвера, в 1916 году, и всё. И кто поддерживал Кемаля? Известно дружеское расположение к нему Джемаля, который финансировал его поездку из Палестины в Стамбул, но морской министр далеко, в Дамаске, и его власть ограниченна. Другой большой друг, Али Фетхи, бывший генеральный секретарь «Единения и прогресса», всё еще в Софии. Правда, было еще дело Джемиля в июле 1916 года, но бывший офицер был повешен[14].

Осенью 1917 года Кемаль, похоже, больше не ограничивается только публичной критикой правительства и Энвера. В столице царит тлетворная атмосфера, и паша не может устоять перед искушением возможного заговора. Он познакомился с Исмаилом Хаккы. Главный интендант армии, Хаккы — необыкновенно влиятельный человек. Он должен защищать интересы армии от гражданских спекулянтов, от немецких аппетитов и обеспечивать ее снабжение. Ловкий человек, он умело справлялся с этой задачей, не забывая и о собственном обогащении. Кемаль и Хаккы часто гуляют у Босфора, что позволяло интенданту откровенно делиться с ним своими мыслями по поводу надвигающегося краха или о необходимости создания кабинета спасения, состоящего исключительно из военных. По просьбе Кемаля Хаккы называет кандидатов: Джемаль, Халиль, победитель под Кут-эль-Амара, и Кемаль. «А Энвер?» — срывается с губ Кемаля ненавистное ему имя. «Это наилучший выбор», — отвечает Хаккы. Услышав это, Кемаль заявил: «Я предпочитаю оставаться на командном посту в армии, чтобы защищать правительство, а не быть членом этого кабинета»[15].

Но Кемаль несдержан на язык, да и Стамбул невелик. Через несколько дней его вызывают к Энверу. Кемаль покидает его кабинет бледный и разъяренный: «Теперь Энвер-паша может предать меня суду военного трибунала… Исмаил Хаккы всё отрицает, я — единственный обвиняемый. Впрочем, Энвер может меня казнить, обвинив в подготовке государственного переворота». Снова Энвер вызывает «путчиста» в свой кабинет. Кемаль взял себя в руки и заверил его в своей преданности. Мало вероятно, что он смог убедить в этом главнокомандующего, так как вскоре Энвер приглашает Кемаля в свою резиденцию в Куручешме на берегу Мраморного моря. В приемной у него потребовали сдать оружие. Он отказывается и, не повышая голоса, зовет своего адъютанта. В это время появляется Энвер, и

они начинают спокойно беседовать. Кемаль убеждается в том, что Энвер пытается избавиться от него, но делает это весьма неумело.

В середине декабря 1917 года наследный принц Вахидеддин совершает официальный визит в Германию, и Кемаль оказывается в его свите. Можно подумать, что Энвер, невысоко оценивающий скромного пятидесятишестилетнего наследного принца, рассматривает это назначение Кемаля как наказание. Однако Кемаль не умирал от скуки во время этого трехнедельного путешествия. Несколько раз он чуть ли не спровоцировал дипломатический скандал с принимающей стороной, подвергая критике официальную стратегию. Кроме того, во время путешествия Кемаль сблизился с Вахидеддином. «Между нами возникли в определенной степени доверительные отношения», — отметит он в своем дневнике в июле 1918 года. Наследник трона, будучи несдержанным, как и Кемаль, был покорен энтузиазмом паши, а Кемаль, в свою очередь, обнаружил, что вялость, инертность Вахидеддина — всего лишь маска, искусно используемая осторожным и амбициозным наследником. Кемаль критикует Энвера и немцев, он предлагает принцу возглавить армию, где он стал бы начальником Генерального штаба. Его светлость внимательно слушает. 4 января 1918 года они возвращаются в Стамбул. Вахидеддин занимает свое место во дворце наследного принца, а Кемаль остается без должности.

Острые приступы почечных колик вынуждают его оставаться дома в течение месяца, а в середине мая он отправляется на лечение в Карлсбад. Не много известно о его жизни в Стамбуле в течение этих четырех месяцев. Болезнь ограничила активность паши, но он всё же нашел время и силы, чтобы в марте дать большое интервью Рушену Эшрефу, молодому журналисту из «Нового обозрения». Непрерывно перебирая четки, он сам выбирал одни темы, избегая других: «Естественно, я не собираюсь говорить с вами о вопросах, касающихся военной тайны; они не интересуют ни вас, ни ваших читателей». Кемаль, чей облик напоминал сошедшего с полотен Рембрандта героя, красовался перед юнцом, делясь воспоминаниями о сражениях при Дарданеллах.

Почти каждая фраза статьи прославляла генерала. Особенно впечатляло перечисление ранений Кемаля. «Да, я заметил след от пули на правой стороне мундира. Находящийся рядом офицер спросил: „Вы ранены, эфенди?“ Я мгновенно подумал о том, как могло бы повлиять это известие на моральный дух солдат. Я тут же прикрыл рукой рот офицера: „Замолчи! Осколок шрапнели ударил меня в грудь, попав точно по карману, где были часы. Часы разлетелись вдребезги, а на груди остался лишь след от

осколка…“» Как видно, болезнь не помешала Кемалю наслаждаться собственной славой и даже в некоторой степени стремиться увековечить свое имя. На журналиста Кемаль произвел неизгладимое впечатление, позже он будет одним из первых, кто присоединится к паше в Анатолии. Сам журналист тоже понравился Кемалю, и после интервью паша подарил ему фотографию с длинной дарственной надписью, где восхищался динамизмом турецкой молодежи, «стремящейся отыскать и распространять свет среди мрака и безнравственности сегодняшнего дня, уделяя главное внимание любви к родине и правде». И добавил: «Я рассматриваю вас как достойного представителя нового поколения. Я ожидаю от вас новых услуг, более существенных…»

Глава третья
НА СЕРЕДИНЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Когда Кемаль прибыл в Карлсбад в июле 1918 года, прошло уже восемь месяцев с тех пор, как он покинул армию. А между тем под натиском англичан группа армий «Йылдырым» продолжала отступать. На западе Греция присоединилась к союзникам, что стало представлять серьезную угрозу для Стамбула.

Хуже того, в этой сложной ситуации Турция предпринимает рискованный шаг, грозящий конфликтом с Германией. В начале июня 1918 года Энвер бросает новую армию на покорение Кавказа. Это был амбициозный проект. Октябрьская революция устранила угрозу Российской империи. Социал-демократы, пришедшие к власти в Грузии, Азербайджане и Армении, не признали власти большевиков. Эти события вселили в Энвера огромную надежду: компенсировать потерю арабских стран завоеванием территорий, где проживает значительное число турок, что позволит Османской империи укрепить на востоке свое могущество, утраченное на западе и юге. В Брест-Литовске правительство большевиков согласилось покинуть Каре, Ардаган и Батум, утраченные Турцией после Русско-турецкой войны 1878 года; их будущее должно быть определено самими жителями при содействии Турции.

Референдум, «организованный» Стамбулом, превратился во всенародное голосование: 85 124 голоса в пользу присоединения к Турции из общего числа 87 048! После столь многообещающего начала Энвер разорвал перемирие с Кавказом, бросил войска на Батум и потребовал новых территориальных уступок. Азербайджан был готов признать протекторат «старшего брата», а вслед за ним и Армения, не имеющая возможности сопротивляться. И только Грузия решила сопротивляться и обратилась за помощью против турецкой экспансии к Германии. В июне 1918 года Берлин подписывает договор с Тифлисом, столицей Грузии, и направляет туда три тысячи солдат. Отправляя новую армию на Кавказ, Энвер хочет продвинуться, чего бы это ни стоило, к Тифлису, а точнее — к Баку и его нефти.

Положение турецкой армии безнадежно. А Кемаль далеко.

Дни в Карлсбаде

Перед фотоаппаратом застыл мужчина среднего роста, с канотье в руках, взгляд лишен обычного мощного магнетизма после двух месяцев изматывающей болезни. Лицо с гладкой кожей и небольшими усами со впалыми щеками и выступающими скулами выдает огромную усталость. Светлые волосы тщательно зачесаны назад. От кожаных перчаток до начищенных до блеска ботинок, от рубашки до брюк с образцовыми складками мужчина — живой образец моды.

В течение месяца Мустафа Кемаль находился в Карлсбаде, где лечил почки. В день прибытия врач предупредил его: «Вы приехали сюда, чтобы пройти серьезный курс лечения, а не развлекаться». Карлсбад был действительно широко известным бальнеологическим курортом. Выпив сернистой воды у одного из семнадцати фонтанов, приняв лечебные грязи, курортники устремлялись в Имперский отель или в знаменитый «Пупп», чтобы поесть, поболтать с друзьями, потанцевать, пофлиртовать.

Генерал скрупулезно следовал всем предписаниям врача: два стакана воды небольшими глотками перед завтраком, грязевая ванна, а затем грязевой компресс каждое утро, третий стакан воды после обеда и, наконец, последний стакан перед сном в десять часов… что тем не менее не мешало ему проводить часть времени в ресторанах и салонах фешенебельных отелей. Кемаль всегда умел находить должное равновесие между дисциплиной и желанием развлечься.

Во время лечения в Карлсбаде Кемаль ведет дневник. Пришлось подождать до 1981 года, чтобы получить возможность не без волнения прочесть все шесть школьных тетрадей, исписанных им.

Врач, пораженный его молодостью, как-то спросил: «Вы стали генералом очень рано. Есть ли еще генералы вашего возраста в вашей стране?» Кемаль ответил: «Доктор, есть немало старых генералов в нашей армии. Если мы стали генералами совсем молодыми, то это потому, что родина нуждается в нас в чрезвычайной ситуации, в какой она оказалась».

Как проходят его дни в Карлсбаде? Выговор метрдотелю, принявшему его за полковника: с этих пор его стол был зарезервирован на имя «Кемаль-паши, командующего армией». Встреча с женщиной, готовящей книгу о героях войны в Турции. Продолжительные вечерние беседы о былых сражениях с одной из соотечественниц. Он заявляет, что «наибольшее мужество командующего состоит в том, чтобы нести ответственность за свои поступки», явно намекая на сложную военную ситуацию в Турции. Они обсуждают вопрос о том, какую политику должна проводить Османская империя…

Кемаль отражает в дневнике свое душевное состояние и повышенную нервозность: «Я проснулся в 7 утра, думая, что еще только 6 часов. Я стал выражать недовольство Шевки, своему ординарцу. Он начал меня брить, но мой гнев его настолько смутил, что он делал это неловко. Гнев мой продолжал нарастать, и я не мог подавить в себе это чувство… Сейчас я настолько взвинчен, что одно только присутствие Шевки рядом раздражает меня».

Кемаль отличался чрезмерной чувствительностью и бьющей через край энергией. Он ценил радости жизни, самые разные развлечения, будь то танцы, горячительные напитки или женщины. Турецкие ресторанчики, а также притоны и бордели Стамбула и многих других городов, куда забрасывала его военная карьера, не были ему чужды. Тем не менее вальс, прогулки в ландо и светские приемы в Карлсбаде не смогли восстановить его душевное равновесие, успокоить его.

Кемаль берет уроки, чтобы усовершенствовать свой немецкий — «я краснел, когда не мог выразить по-немецки то, что хотел», — и французский. «Я особенно хочу воспользоваться возможностью улучшить свой французский», — объясняет он молодой швейцарке, согласившейся позаниматься с ним языком. Французский язык был обязательным во всех программах военных училищ, начиная с училища в Манастире и кончая Академией Генерального штаба. Кемаль проявлял постоянный интерес к языку философов эпохи Просвещения и Великой французской революции. Как свидетельствуют примерно сорок страниц его дневника, написанных по-французски, он весьма преуспел в этом. К тому же в Карлсбаде он читал только французские романы: «Бунт» Андре Бомье, «Шагреневую кожу» Оноре де Бальзака, «К эшафоту» барона Батца.

Чтение было подлинной страстью Кемаля, и он с огромным удовольствием предавался ему не только в Карлсбаде, но и в трудные минуты военных кампаний. Так, сражаясь против русской армии в Восточной Анатолии в 1916 году, он выкраивал время, чтобы читать «Сафо» Альфонса Доде, задуматься над брошюрой под названием «Можно ли отрицать Бога», внимательно прочесть «Османскую историю» Намыка Кемаля и его «Политические и литературные статьи», погрузиться в «Элементы философии» и помечтать над стихами Тевфика Фикрета.

Морис Палеолог, генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции, по-видимому, был плохо информирован или неискренен, когда написал в 1920 году, что Кемаль «не отличался ни высокой общей культурой, ни большим

интеллектом». Никто не станет отрицать ни его страсти к чтению, ни его стремления извлечь как можно больше из прочитанного.

Его идеи основательны и зачастую оригинальны. Вот, например, его размышления о женщинах и браке: «Не будем страдать паранойей. Пусть женщины будут свободны, пусть получают образование… важно, чтобы они становились личностями. Что же касается личных отношений, то давайте искать спутницу, учитывая нашу природу и нашу собственную нравственность, и вместе с ней будем принимать решение о создании семьи, если мы уважаем друг друга, соответственно ведем себя, и пусть женщина ведет себя так же!»

Болезнь

Чего же искал этот молодой генерал, смелый и сильный духом? Почему он остается в Карлсбаде? Кемаль, узнав о смерти султана Мехмета V Реза, последовавшей 5 июля, сожалеет о том, что не был в это время в Стамбуле.

«Смена султана — очень важное событие для страны и нации», — отмечает в дневнике Кемаль и, подавив печаль, остается в Богемии. А между тем он знает нового султана, Мехмеда VI Вахидеддина; Кемаль направляет ему телеграмму с поздравлениями, но остается в Карлсбаде и продолжает лечение.

Он болен. Почечные колики мучительны, изматывающи. Избранный им образ жизни, полный излишеств, чрезмерного напряжения и испытаний, сказался на здоровье. Он часто страдает то от венерических заболеваний, то от приступов усталости, то от нарушения функции почек. В конце июля, покидая Карлсбад, он запишет в дневнике: «Карлсбад не принес мне должного облегчения; все те же проблемы со здоровьем».

К несчастью, паша страдал и еще одним заболеванием — властолюбием.

«Я говорил и повторяю, что если бы я был наделен властью, то смог бы провести реформы, необходимые нашему обществу, я совершил бы переворот. В отличие от других я не верю, что можно постепенно, шаг за шагом заставить людей думать так, как я. До сих пор я потратил слишком много времени для изучения цивилизованной жизни, и почему теперь я должен опускаться до уровня народа? Я должен поднять его до своего уровня! Не я должен уподобляться людям, это они должны стать такими, как я; на самом деле некоторые детали этого вопроса требуют тщательного изучения; но сделать это необходимо».

Рассуждения Кемаля этим июльским вечером 1918 года

подчас не вполне понятны. Но как не восхищаться силой основной идеи: его желанием на свой манер, путем переворота, установить особые отношения с народом, вывести его из темноты и невежества. За пять лет до создания республики, за десять лет до проведения грандиозных реформ в уме Кемаля уже был готов план осуществления этих идей. Но, чтобы добиться поставленной цели, первым и необходимым условием было одно: добиться власти.

8 июля Кемаль отмечает: «Энвер-паша продолжает свою политику, направленную против меня. Как я должен реагировать?»

Через три недели он записывает в дневник: «Этим вечером я решил вернуться в Вену». А 5 августа он был уже в Стамбуле.

Глава четвертая
ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Ситуация в столице, куда прибыл Кемаль, была крайне напряженной. Всё чаще в правительстве раздавались голоса, требующие заключения сепаратного мира. Среди этого хора практически единственным был голос главы Османской канцелярии, подтвердившего во время визита в Вену готовность идти до конца: «Мы сделаем всё возможное, чтобы национальный суверенитет сочетался с сохранением альянса» с Германией и Австро-Венгрией…

Острое ощущение усталости и даже уныния охватило Анатолию. В Стамбуле ситуация была не лучше: продукты практически исчезли с прилавков, а то, что можно было найти, стоило непомерно дорого; вместо денег, которых больше не существовало, использовались марки. Столица походила на горящий факел. Многие видели в гигантских пожарах, охвативших город в начале лета, предзнаменование беды. Авиация союзников регулярно бомбила город в течение последних дней июля.

Обманутая надежда

По прибытии в столицу Кемаль встречается с маршалом Иззетом, недавно назначенным генерал-адъютантом султана. Бывший начальник Генерального штаба, бывший военный министр, Иззет-паша сделал блестящую карьеру. Он познакомился с Кемалем во время войны на Балканах, а затем снова встретился с ним во время кампании в Восточной Анатолии в 1916–1917 годах. У Кемаля установились дружеские отношения с Иззетом, албанцем по происхождению. У молодого паши Иззет, годящийся ему в отцы, вызывает особый интерес: он мало интересуется политикой, злые языки поговаривали, что он плохой политик, и Энвер, сменивший его на посту военного министра, в течение двух лет пренебрегал им, не давая ему никакой должности.

Самостоятельно, а может быть и по совету Иззета, Кемаль попросил аудиенции у нового султана; и тот согласился принять его. В течение трех недель, проведенных в столице, Кемаль был принят Вахидеддином четыре раза, причем два из них — тет-а-тет. Об этих встречах можно судить только по версии самого

Кемаля, читая его «Воспоминания», опубликованные в 1926 году.

Встретившись с султаном, которого он сопровождал в Германию несколькими месяцами ранее, паша начинает разговор в том же духе, в каком они беседовали прежде в отеле «Атлон». «Прежде всего нужно взять под контроль армию. Только в этом случае будет возможно принять необходимые меры». А позже, во время третьей встречи, когда султан заметил, что население голодает, Кемаль возразил, непоколебимый в своих убеждениях: «Ваше замечание совершенно справедливо, но ваше намерение накормить население Стамбула не освободило бы ваше величество от необходимости прибегнуть к более насущным и безотлагательным мерам во имя спасения страны… До тех пор, пока сила, обязанная защищать государство, нацию и всех ее союзников, находится в руках другого, вы будете только называться падишахом».

Армия в роли спасителя! Можно было только поражаться настойчивости и силе убежденности Кемаля. А между тем османская армия летом 1918 года была в плачевном состоянии. Повсюду, за исключением Кавказа, войска отступали под натиском противника. Дезертирство приобрело небывалые размеры. Согласно европейскому представителю в Стамбуле в июле 1918 года более двухсот тысяч дезертиров укрывались на Анатолийской равнине. Разведка союзников регулярно сообщала о мятежах, терзающих обескровленную армию. В течение последнего года этой «войны без надежды мы испытывали чувство стыда», напишет позже Исмет Инёню. Сам Кемаль, когда султан поставит его командовать 7-й армией в Сирии и Палестине, вышел из себя, обнаружив эту армию, потерявшей большую часть солдат, оставшейся без боеприпасов и продовольствия.

Вахидеддин в беседе со своим послом в Швейцарии высказал еще большую озабоченность, чем во время встреч с Кемалем. Не сдерживаясь, он сожалел о разногласиях между ведущими политическими деятелями, его беспокоили увеличение пожаров в Стамбуле и моральный дух армии: «Я опасаюсь общенародного восстания; к несчастью, ситуация оправдывает бунт… — И добавил: — В настоящий момент я не знаю никого, кому бы я мог доверить правительство… Мое государство на пороге гибели…» Новый султан знает, что за пределами Стамбула больше не существует ни авторитетов, ни порядка. Банды грабителей, зачастую состоящие из дезертиров, бродят по стране; крестьяне, которые больше не надеются на защиту полиции и жандармерии, укрываются в горах.

Кемалю не удалось убедить Вахидеддина. Чего стоит его

антиэнверовская аргументация — сила, находящаяся «в руках другого», — по сравнению с влиянием, хотя и ослабленным, но всё еще достаточно сильным, Энвера и Талаата? Несмотря на Иззет-пашу, Кемаль одинок. Похоже, во время своего пребывания в Стамбуле он больше не встречался с Иззетом. Нет никаких доказательств и того, что он встречался с политиками, «дружески расположенными к нему», как, например, Али Фетхи, вернувшийся из софийского посольства и занявший видный пост в партии «Единение и прогресс».

Слабое утешение — султан назначает его почетным адъютантом.

Перемирие

Решение о повышении в должности было принято 22 сентября. Однако генералу было некогда наслаждаться оказанной ему честью. Едва придя в себя после очередного приступа лихорадки, он попадает под огонь ожесточенной атаки англичан. Имея в своем распоряжении почти семь тысяч солдат, Алленби, по прозвищу «Бык», предпринял атаку, которая должна была стать решающей на палестинском фронте.

Преобладающие силы противника, мощь его огня и боевой дух англичан вынуждают турок отступать. 1 октября взят Дамаск, через два дня — Бейрут. Менее чем за две недели турецкий фронт прорван, пять тысяч турок погибли. Кемаль, командующий 7-й армией, старается спасти честь турецкой армии с присущими ему энергией и мужеством. Когда 31 октября в Адане Лиман фон Сандерс передавал Кемалю командование группой армий «Йылдырым» или, скорее, тем, что от нее осталось, немец не скрывал своего восхищения турецким генералом: «В момент, когда я вынужден передать командование армейской группой в руки его превосходительства генерала Кемаля, который проявил себя в многочисленных героических сражениях, я выражаю…»

Что чувствует турецкий генерал? Удовлетворение, потому что наконец он стал командующим Южным фронтом, печаль, оттого что должен командовать армией, обескровленной, и униженной, или тщеславное удовлетворение от сознания того, что он предвидел опасность прогерманской политики своей страны? Проведенные им операции на фронте в последние пятнадцать дней, его стойкость перед лицом противника, мастерство, с каким он постепенно вытеснил фон Сандерса, позволяют с уверенностью утверждать: паша не поддавался отчаянию. Он руководит теперь Южным фронтом, но помыслы его далеко, в Стамбуле.

14 октября Иззет становится великим визирем. С начала сентября Талаат запрашивал у Берлина дополнительную поддержку, но немцы отказали. Болгары были готовы подписать перемирие. Дорога к Стамбулу открыта для союзников. Это конец войне. Великий визирь, чей политический ум никогда не оспаривался, подает в отставку. По его мнению, вести переговоры о перемирии должен кто-то другой, а не тот, кто вел войну. И чтобы продемонстрировать искренность своего жеста, он принимает отставку семидесятилетнего чиновника, которого Вахидеддин хотел назначить его преемником. На его место Талаат предлагает Иззета, и Вахидеддин не возражает. Ни одна политическая группировка не может противостоять «Единению и прогрессу». В качестве окружения Иззета Талаат предлагает весьма мощное трио: Али Фетхи — министр внутренних дел, Хусейн Рауф — морской министр и Мехмет Кавит — министр финансов. Выбор в высшей степени разумный: близкий Талаату Фетхи — один из тех, кто умело руководил «Единением и прогрессом», будучи его генеральным секретарем. Хусейн Рауф, морской офицер, герой Балканской войны, прекрасно владеющий английским языком и большой поклонник англичан. Наконец, Кавит, дёнме (обращенный в ислам еврей), обладает тем преимуществом, что имеет связи в международной финансовой среде: министр финансов в 1914 году, он ушел в отставку, выражая протест против вступления Турции в войну в союзе с Германией.

Кемаль тоже поддерживал Иззета. Ни в чем не сомневаясь, забыв свою прежнюю позицию о невмешательстве армии в политику, он даже отправляет султану телеграмму, поражающую своей амбициозностью. Он одобряет подписание договора о перемирии во имя спасения страны от полного краха, назначение Иззета великим визирем и введение в состав правительства таких достойных людей, как Фетхи и Рауф. Кемаль не пишет об этом, но по тону послания чувствуется, что его заветное желание — получить пост военного министра. Это тем более очевидно, что в своих «Воспоминаниях», написанных в 1926 году, Кемаль подтверждает, что просил пост военного министра, хотя в тексте телеграммы, найденной турецким историком Баюром, этой просьбы не было.

Можно было бы считать его просьбу закономерной: Энвер уходит в отставку; Кемаль вполне подходит и по возрасту, и по необходимой энергии для должности военного министра, а его друзья, Фетхи и Рауф, тоже войдут в состав правительства. Однако требования Кемаля — сначала стать адъютантом нового султана, а сегодня военным министром — кажутся по меньшей

мере наивными, если не нахальными. С какой стати Иззет и особенно Талаат, продолжающий дергать нити политической игры, дали бы столь важный пост одиночке, чьи амбиции не пользуются никакой определенной поддержкой?

Как утешение или щелчок по носу Иззет, совмещающий функции великого визиря и военного министра, адресует ему льстивую телеграмму: «Я надеюсь, что Аллах исполнит мои желания, позволив сотрудничать с Вами после заключения мира» и… назначает полковника Исмета заместителем военного министра. Будущему Исмету Инёню, преемнику Кемаля на посту президента Турции, сейчас 34 года. Товарищ по оружию Кемаля в боях с русской армией, он стал одним из его помощников в группе «Йылдырым». Этот блестящий полковник, которого фон Сандерс считал «одним из наиболее выдающихся турецких генералов», невысокого роста, тщедушный, больше похожий на служащего, чем на офицера, был артиллеристом; но когда он начинал говорить и действовать, проявлялось его истинное лицо, сильная и коварная натура. Кемаль ценил Исмета, и когда Исмета призвали в Стамбул на столь ответственную должность, он вдохновлял его, давая ценные советы и рекомендации.

Тогда как в Алеппо при изнурительной жаре и непрерывных атаках арабов Кемаль пытался спасти честь турецкой армии, Иззет без предупреждения запросил перемирия «в соответствии с принципами президента Вильсона».

Контакты были установлены через британского генерала Таушенда, находящегося в турецком плену после поражения в апреле 1916 года у Кут-эль-Амары. 30 октября 1918 года Рауф и вице-адмирал сэр Сомерсет Гоф-Калторп подписали унизительное для Турции перемирие на борту крейсера ее королевского величества «Агамемнон», стоявшего на якоре в заливе Мудрос перед островом Лемнос. Османская империя согласилась на капитуляцию флота, демобилизацию своей армии, открытие проливов Босфор и Дарданеллы, контроль союзниками железных дорог и признала их право вмешиваться в конфликты в любом месте империи.

Противостояние держав закончилось 31 октября 1918 года в полдень.

В этот час Кемаль, новый командир группы армий «Йылдырым», сопровождал генерала фон Сандерса на вокзал Аданы: немцы покидали Турцию…

«Спасибо всем, кто удержал меня в стороне от этой неудачи…»

В связи с перемирием 2 ноября 1918 года комитет «Единение и прогресс» созвал чрезвычайный конгресс, на котором присутствовали сто двадцать членов партии. Конгресс проходил в штаб-квартире партии на улице Нуросманис, рядом с Большим базаром. Энвер, Джемаль и несколько других лидеров партии сбежали на борту немецкой подводной лодки. Комитет «Единение и прогресс» самораспускается или, точнее, трансформируется в партию «Ренессанс», подчеркивая разрыв любых связей с прошлым. Но смена «вывески» партии практически ничего не меняет: люди всё те же. И с первых послевоенных дней общественное мнение сурово осуждает комитет «Единение и прогресс» и его политику.

Каков итог пребывания комитета в течение десяти лет (1908–1918) у власти? Османской империи больше не существует: после Балканских войн турки сохранили лишь крошечную территорию в Европе; война в Триполитании лишила их Африки, а Первая мировая война сократила империю до Стамбула и Анатолии. У султана нет больше империи, а его власть сокращается словно шагреневая кожа. Согласно конституции, восстановленной младотурками, султан больше не управляет, а лишь царствует. Эта конституционная эволюция должна была бы обрадовать всех тех, кто боролся против автократии Абдул-Хамида; но постепенно комитет «Единение и прогресс» заменил императорскую диктатуру своей собственной, беспардонно убирая всех политических противников. Что же касается верховной духовной власти султана, то и она совершенно обесценилась: священная война, провозглашенная в 1914 году, должна была бы объединить всех мусульман вокруг султана, «халифа и предводителя верующих». Вместо этого восстали арабы, заявив о своей независимости, в то время как «отряды мусульман» в составе французской и английской армий готовились захватить Анатолию.

Юнионисты подорвали власть султана. Впервые в истории Османской империи власть покинула императорский дворец и Блистательную Порту[16]: она теперь находилась в руках новых людей.

Народ, а четыре пятых населения состояло из крестьян, оставался в стороне от этих политических потрясений. Для него практически ничего не изменилось. Как и прежде, только жители Стамбула могли иногда увидеть султана во время большой молитвы в пятницу или по случаю военных парадов. Для большинства султан-халиф оставался загадочным властелином, чья связь с подданными ограничивалась тремя словами: «Да здравствует султан!» Конституция и установление нового режима

принесли османам лишь крохи: двухступенчатые выборы в палату депутатов, организованные часто под давлением власти.

Мало демократии, но много войн: восемь лет из десяти между 1909 и 1918 годами! Восстание албанцев, Балканские войны и военные действия в Триполитании унесли огромное количество жизней; Первая мировая война привела к огромным потерям среди населения империи. Из двух миллионов восьмисот тысяч мобилизованных более трехсот тысяч, а согласно некоторым источникам — шестьсот тысяч погибших, четыреста тысяч раненых, более полутора миллионов пропавших без вести. Армянская община была раздроблена событиями 1915 года. Корреспондент французской газеты «Petit Parisien» считает, что только в Стамбуле более ста тысяч человек умерли от голода и лишений.

Четыре года мировой войны подорвали экономику страны, сельское хозяйство. Хотя правительство требовало обрабатывать землю, культивируемая площадь в Анатолии сократилась вдвое; поголовье скота уменьшилось с 45 до 19 миллионов. Инфляция развивалась головокружительными темпами: стоимость предметов первой необходимости в месяц поднялась с 235 пиастр в июле 1916 года до 4717 в 1918 году.

Тем не менее среди всеобщих бед кое-кто извлек выгоду. Прежде всего государственная казна, которой Австрия и Германия предоставили кредит в 258 миллионов турецких лир. К этим внешним источникам государство смогло добавить 18 миллионов лир первого государственного займа, явившегося символом революции в национальной экономике между 1914 и 1918 годами.

Первая мировая война на самом деле стала для нового правительства подлинной священной войной за развитие экономики. 8 сентября 1914 года правительство объявило об упразднении в одностороннем порядке капитуляций, ставших в течение длительного времени знаком упадка империи, ее подчинения интересам иностранных держав. Таким образом, решение от 8 сентября 1914 года явилось объявлением политической и экономической войны.

Государство начало финансировать экономику: был реорганизован Сельскохозяйственный банк, создан Кредитный банк, который должен был стать центральным банком, предполагалось создание целой сети национальных банков. В это же время армяне скрылись, на греков начались гонения вплоть до разрыва дипломатических отношений между Афинами и Стамбулом (июль 1917 года), а французские и английские подданные рассматривались только как враги. От этих акций

государства, а также притеснения малых народов и иностранцев выиграли только турецкие предприниматели. В 1914 году их было немного, всего 269 промышленных предприятий, зарегистрированных к тому моменту. Необходимость снабжать продовольствием армию, а также население и союзников поддерживала их активность.

Развитие турецких предприятий способствует поднятию экономики Анатолии. В 1917 году, например, коммерсант из Анкары вместе с шестнадцатилетним сыном Вехби основал компанию по продаже продовольственных продуктов; предприятие стало быстро развиваться благодаря деловым связям со Стамбулом. Лишившись в основном импорта, столица с населением около 750 тысяч человек и притоком немецких и австрийских покупателей стала рынком сбыта для анатолийцев.

Не все предприниматели Анатолии оказались такими же преуспевающими, как Вехби Коч: им недоставало его деловой хватки. И всё же их было немало на анатолийской равнине и на побережье Эгейского моря, землевладельцев, коммерсантов, владельцев небольших промышленных предприятий, банкиров, сумевших благодаря войне добиться определенного успеха, экономического и социального.

Национализм, модернизация, подъем жизненного уровня в Анатолии — таковы главные лозунги экономической политики, проводимой юнионистами.

Подобная политика потрясла Османскую империю. Впервые в ее истории власть в Стамбуле стала защищать турецкий национализм под влиянием тюрок-мусульман, прибывших из России. Был создан Турецкий центр для развития турецкого языка и совершенствования экономического, социального и научного просвещения турецкого народа. Амбициозная идея объединения всех тюрок от Балкан до «оазиса Шелкового пути» заключена в знаменитом высказывании Зии Гёкалпа[17]: «Родина турок — не Турция, и даже не Туркестан, а огромная и бесконечная земля: Туран».

Панисламизм исчез вместе с Абдул-Хамидом. Паносманизм, возникший вслед за ним, просуществовал недолго. Прекрасные декларации парижского заседания 1902 года рухнули перед ростом национализма. Македонцы, армяне, греки, арабы, турки — никто больше не верил в существование Османских соединенных штатов… о чем мечтали в дни революции 1908 года. Накануне 1914 года комитет «Единение и прогресс» решил запретить нетурецким нациям право на создание националистических организаций. Пантюркизм, то есть идея о создании тюркской нации от Балкан до Маньчжурии, и пантуранизм, как более

извращенная идея, стали официальной политикой Стамбула. Лидеры «Единения и прогресса» в отличие от своих предшественников, игнорировавших национализм и его силу, решили взять реванш и создать новую Турецкую империю.

В отличие от национализма модернизм не впервые был взят на вооружение османским правительством. Но юнионисты нанесли первый удар по гордиеву узлу, связывающему Османскую империю с исламом: справедливо или нет, долгий путь к современному обществу, начатый османскими реформаторами в XVIII веке, совпал на самом деле с борьбой за секуляризацию общества, превращение империи в светскую страну. Несмотря на последователей тех, кто закрыл университет в 1870 году на тридцать лет после конференции, признанной еретической; несмотря на исламистские организации, стремящиеся доказать, что ислам может стать двигателем модернизации, младотурки реализовали важные реформы: контроль религиозных судей министерством юстиции, приравнивание к государственным служащим мусульманских богословов-законоведов (улемов), управление религиозными школами министерством образования, секуляризация брачных контрактов, разрешение на развод в определенных случаях, открытие лицеев и университета для девушек…

Как бы ни показалось это странным тем, кто не знает турецкого ислама и места женщин в османском обществе, младотурки не побоялись начать свои реформы с Анатолии. Разве религиозные обряды в Анатолии не сохранили свою естественность, простоту и внимание к повседневной жизни, отражающие пасторские традиции предков, пришедших из Центральной Азии? А женщины в сельских местностях Анатолии не участвуют в общественной жизни, как это было у турок до исламизации? Фактически, и та и другая тема — не что иное, как выражение желания младотурок преобразовать Анатолию.

Анатолия (название «Анатолия» — греческого происхождения, более предпочтительное, чем Малая Азия или Азиатская часть Турции), примерно равная по площади Франции, становится парадигмой того, что младотурки хотели бы создать. Султаны пренебрегали ею и с XVII века не посещали ее и не направляли туда своих наследников приобрести начальный опыт управления. Младотурки, среди которых ни один из лидеров не был родом из Стамбула, превратят ее в свой Иерусалим, и, как писал немецкий журналист Штюрмер, в 1917 году «настоящий турок, бедный и примитивный, вдруг становится фаворитом». Следует сделать Анатолию исключительно турецкой, поселив там иммигрировавших мусульман, изгнанных с бывших территорий

Османской империи в Европе; необходимо также создать в империи наиболее благоприятные условия для турецких коммерсантов, землевладельцев и банкиров. Младотурки не хотят больше, чтобы считали, будто название «Малая Азия якобы было для населения в прошлом более благозвучным, чем Анатолия». Кроме того, «тогда как греки и армяне занимают места служащих в конторах и часто поднимаются по службе до руководящих постов, турки прозябают на самых скромных должностях и наиболее часто занимаются лишь физическим трудом», что, по мнению младотурок, необходимо прекратить.

К концу Первой мировой войны национализм, модернизация и анатолизация принесли примерно столько же вреда, сколько и пользы. Следовало учитывать нехватку времени и денег, военные поражения, оппозицию влиятельных политиков, элитаризм проводимой политики: Турецкий центр насчитывал всего две тысячи членов из числа интеллигенции и студентов. Тем не менее эта политика вызвала необратимый психологический шок, заставивший немецкого журналиста Штюрмера сделать следующий вывод: «Эти изменения ментальности турок, явившиеся результатом борьбы за существование, способствовали довольно благоприятному развитию Турции после войны, излечив ее от чрезмерного роста шовинизма, разумно сведенного до единственной области, способной успешно развиваться, а именно до в основном турецкой Анатолии. Но, с другой стороны, будут необходимы еще железная воля и беспощадная решительность в этом плохо управляемом государстве, чтобы искоренить ложные и вредные идеи сегодняшнего правительства».

Читал ли Кемаль эту книгу Штюрмера? Нет никаких свидетельств, позволяющих так думать, но если он всё-таки читал ее, то, несомненно, очень серьезно отнесся к анализу немецкого журналиста и взял его на вооружение. Выигравшие от политики младотурок, впрочем, станут его главными сторонниками во время войны за независимость, и совершенно определенно, что Кемалю было не занимать ни железной воли, ни непоколебимой решимости.

Через восемь лет после окончания войны Кемаль выскажет мнение о периоде правления младотурок и о войне: «Мой долг поблагодарить всех тех, кто удержал меня в стороне от этой неудачи, но всё же следует напомнить, что сделали они это бессознательно». К чему эта благодарность? Да к тому, что он не смог бы сделать лучше, чем его противники, или еще и к тому, что они подготовили фундамент, без которого он не смог бы предпринять свои реформы и, таким образом, безболезненно воспользоваться печальным опытом лидеров «Единения и

прогресса». Когда знаешь Кемаля и его уверенность в себе, второе объяснение кажется более подходящим, но в то же время реализм всегда был также одним из достоинств генерала. Таким образом, формулировка благодарности сохраняет свою двойственность; это не первый и не последний раз, когда Кемаль умышленно прикрывает свои мысли некоторой тайной.

Британский мир

Через три дня после окончания войны и в нарушение положений Мудросского перемирия британская армия оккупирует Александретту и окружающую ее территорию, а также Мосул. Англичане требуют немедленной демобилизации, перемещения артиллерии и продовольственных баз и ухода турецких войск оттуда до 15 ноября.

Правительство пытается протестовать, но безуспешно. Из Аданы раздается голос Кемаля, полный ярости, но в то же время забавно оттененный формулировкой в британском духе: «Я должен заявить, что лишен деликатности, позволяющей понять и оценить как джентльменский поступок английского представителя, так и необходимость отвечать на него ожидаемой любезностью». Но Иззет-паша не поддерживает его и 11 ноября предпочитает подать в отставку. В течение трех дней английский крейсер плывет к Мосулу. Почти каждый день Кемаль отправляет телеграммы в Стамбул, гневно осуждая поведение англичан и предлагая сопротивляться этому силой.

Регион Мосула, расположенный на севере Месопотамии, к западу от Персии, представляет значительный стратегический интерес для Британской империи. Мосул, находящийся на рубеже арабских, турецких, персидских и курдских территорий и служащий вехой на пути в Индию, на Кавказ, к Красному морю и Персидскому заливу, обладает также значительным количеством нефтяных месторождений. В 1898 году султан взял под свой контроль доходы от добычи нефти. Через три года шах предоставил концессию, охватывающую пять шестых персидской территории, авантюристу Арси. Немедленно англичане взяли под свой контроль разработку персидских нефтяных месторождений

Созданная в 1909 году Англо-персидская нефтяная компания в 1914 году перешла под контроль британского адмиралтейства. Однако амбиции Лондона не ограничивались Персией. С 1907 года дипломаты сумели поставить под сомнение соглашение, заключенное между султаном и немцами о поиске и разработке нефтяных месторождений в регионах Мосула, Басры и Багдада.

Накануне Первой мировой войны англичане и немцы объединились против другого претендента на нефтяные богатства — американского контр-адмирала Колби М. Честера, который уже в течение нескольких лет пытался добиться концессии у султана. Они создали Турецкую нефтяную компанию, в которой немцам принадлежало 25 процентов, англичанам через Англо-персидскую компанию — 50 процентов, а оставшиеся 25 процентов разделили Королевская голландская компания, ее основатели Детердинг и Гульбенкян.

В ходе переговоров, объединивших союзников с целью подготовки раздела османской «шкуры», британские интересы не были достаточно защищены. Подписывая соглашение Сайкс — Пико[18] в мае 1916 года, Лондон признал за Парижем зону влияния, охватывающую не только Ливан, Сирию, большую часть, богатую хлопком и медью, на юге Анатолии, но и север Месопотамии, где и находится регион Мосула.

Военная операция в начале ноября 1918 года, таким образом, является актом насилия как по отношению к соглашению Сайкс — Пико, так и перемирию. Фактически в октябре англичане написали французскому правительству, что «эволюция событий» делает устаревшим соглашение 1916 года и его следует пересмотреть.

Не заботясь об ответе Парижа, Лондон приступает к действиям. Англичане подписывают Мудросское перемирие, в то время когда французский адмирал Амет командует флотом союзников в Средиземном море. А премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж заявил премьер-министру Франции Клемансо в традиционной английской манере: «Если адмирал Амет хочет поставить свою подпись под договором о перемирии, как и его итальянский коллега, я не возражаю…»

Англичане не довольствуются этим успехом. Они захватывают порт Измир, затем форты Дарданелл. Когда корабли союзников бросают якорь в Босфоре, англичане высаживают тридцать тысяч солдат, то есть больше, чем французы и итальянцы вместе взятые. В Ливане и Сирии их сорок пять тысяч, что примерно в шесть раз превышает число французских солдат. В крупных городах Анатолии они размещают комендатуры и секретные службы, в которых в основном сотрудничают мобилизованные гражданские лица, знающие турецкий, греческий, армянский и курдский языки. Таким образом, они создают разветвленную информационную и пропагандистскую сеть, которую поддерживает присутствие английских войск вдоль железной дороги в Анатолии.

Политика англичан, по-видимому, приносит свои плоды.

Разве не заявил султан, комментируя условия перемирия: «Какими бы суровыми ни были эти условия, мы принимаем их. Дружественная политика Англии, по нашему мнению, не изменилась. Позже мы сможем завоевать их прощение и их милость»? Правда, согласно другому источнику — французскому офицеру, поддерживавшему с султаном дружеские отношения, — тот якобы заявил, что он рассчитывает на Францию. Эта противоречивая информация не должна нас удивлять: это чисто дипломатическая игра султана, пытающегося противопоставить мощные европейские державы. А Вахидеддин, бывший личным советником своего старшего брата Абдул-Хамида, унаследовал его хитрость и коварство; он не нуждался в чьих-либо уроках в этой области.

Глава пятая
СОСТОЯНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

10 ноября 1918 года генерал Кемаль покидает Адану, столицу Киликии. Поездка в Стамбул предстояла долгая и тяжелая.

Одноколейная железная дорога пересекает горный массив Тавр, отделяющий Анатолийское плоскогорье от киликийских равнин. Немцы, концессионеры дорог Анатолии и Багдада, недавно проложили туннель в этих труднодоступных горах. Отныне можно было пересечь знаменитые Киликийские ворота, не покидая поезда, а ведь еще в 1914 году приходилось, как это делал в свое время и Александр Македонский, в течение трех дней передвигаться на повозке или на спине верблюда, чтобы попасть из Эрегли в Адану. От Эрегли поезд уже спокойно спускался до железнодорожного узла Эскишехир, а затем направлялся в Стамбул, расположенный примерно в тысяче километров от Эрегли.

Сразу после перемирия обстановка на железной дороге была крайне напряженной. Редкие эшелоны брались штурмом гражданским населением, немецкими солдатами, одиннадцать тысяч которых еще оставались в Турции и подлежали эвакуации, а также турецкими солдатами, чья демобилизация была предусмотрена разоружением. Топлива не хватало. Несколько недель спустя после проезда Кемаля бывшие солдаты, доведенные до отчаяния задержкой своего возвращения по домам, совершили нападение на склад боеприпасов в Афьон-Карахисаре.

13 ноября генерал сходит на перрон вокзала Хайдарпаша на азиатском берегу Босфора и видит столицу под прицелом орудий противника. Флот союзников прибыл в тот же день в Стамбул и встал на якоре в Босфоре, направив свои пушки на дворец султана. Повернувшись к своему адъютанту, Кемаль прошептал: «Они уйдут так же, как и пришли». Греки, армяне, евреи и прочее нетурецкое население охвачены энтузиазмом. Радость, охватившая большинство турок при объявлении перемирия — популярный поэт даже посвятил этому событию стихи, — не была настолько сильна, чтобы подавить чувство стыда за оккупацию. Особенно ликовали греки и даже устраивали демонстрации. Опасаясь инцидентов и реакции правительства, франко-британское руководство обратилось в патриархат православной греческой церкви с просьбой ограничить демонстрации.

Кемаль остановился в «Пера Паласе», одном из лучших отелей города, принадлежащем греческому владельцу

мукомольного завода. Расположенный в устье Пера, это был первый отель в столице с электрическим освещением. В его салонах буржуа всех рас, а отныне и офицеры оккупационных войск встречаются, танцуют, развлекаются на балах, регулярно устраиваемых дирекцией отеля.

Что делать?

Кемаль остается в «Пера Паласе» всего несколько дней, встретившись за это время с несколькими иностранными журналистами. А затем он гостит у друзей, словно хочет быть подальше от Пера, и, наконец, переезжает в район Шишли, на север города, в квартал, где недавно построили себе роскошные особняки спекулянты, нажившиеся на войне. Любопытное соседство, даже если Кемаль расположился в доме, находящемся в самой скромной части квартала.

Так Кемаль впервые в жизни стал владельцем дома. Не собирается ли этот неугомонный генерал удалиться и довольствоваться окружением матери, сестры и адъютанта? Забавная идея, да и интерьер подходящий: «Просторная комната с диваном и креслами темного цвета, стены украшены коврами» и всюду — на письменном столе, где лежит серебряный черкесский кинжал, рядом с романами Бальзака и Мопассана, в стеклянном шкафу, на полу — «тетради, черновики, бумаги, карты, а над всем этим господствует большой пулемет, захваченный у англичан». Стоит ли уточнять, что личные качества Кемаля никак не предполагают превращение его в рантье или ветерана войны, живущего воспоминаниями?

С момента своего появления в Стамбуле Кемаль развивает бурную активность: не проходит дня без деловых свиданий или участия во встречах с единомышленниками. Что искал он? Что делать в Стамбуле? Какова судьба столицы Османской империи? Кемаль не знал этого, но не он один на берегу Босфора задавался этим вопросом осенью 1918 года. Ибо русских, кому по секретной договоренности союзников в ходе войны был обещан Стамбул, не было в столице. Россия за это время перешла из лагеря союзников в лагерь революционеров. Через несколько дней после победы Октябрьской революции власть большевиков объявила, что аннулирует секретные договоренности, заключенные царским режимом.

Впрочем, Москва не довольствуется утверждением, что не заинтересована в Стамбуле и проливах Босфор и Дарданеллы; она стремится обратить в большевизм 65 тысяч военнопленных и 10

тысяч интернированных турок, находящихся в России, и пытается создать революционные комитеты в рядах турецких войск в Восточной Анатолии.

В отсутствие русских греки заявляют свои претензии на Стамбул. Забыты три долгих года ожесточенных споров между королем Константином, зятем кайзера, и премьер-министром Греции Венизелосом, либералом, симпатизирующим союзникам. Греки Афин и греки империи едины в убеждении: союзники обещали им присоединение значительной части Западной Анатолии, в результате чего территория Греции почти удвоится, а население увеличится на одну пятую.

Они намерены воплотить в жизнь чрезвычайный проект: вернуть Греции ее мощь античного периода. Ненависть к туркам слишком неистова, давление всех, кто превозносит вечные права эллинизма, слишком сильно, столь ожидаемая возможность кажется слишком исключительной, чтобы в ней сомневаться.

В Стамбуле, где греческое население превышает двести тысяч и где находится сто восемьдесят православных церквей, греческие войска чувствуют себя как дома. Все поводы хороши, чтобы унизить турок, чтобы заставить их смириться с будущим возвращением Константинополя метрополии, обязать их салютовать бело-голубому флагу на балконе греческого генерала, прежде чем войти в яхт-клуб…

Англичане не разделяют вожделенных чувств греков по отношению к столице. Конфиденциальная брошюра, предназначенная для офицеров на Среднем Востоке, объясняет им, что «турки автоматически поступают в их распоряжение; порядок настолько важен, что мятежи населения недопустимы; тот, кто контролирует Стамбул, контролирует страну, а тот, кто контролирует тайную полицию и гарнизон Константинополя, контролирует город». Следовательно, достаточно контролировать тайную полицию и гарнизон Константинополя, чтобы контролировать страну. Военный комендант Калторп вскоре замечает, что обстановка на самом деле гораздо более сложная. Османское правительство, протестующее против «оккупации», не предусмотренной перемирием, не облегчает ему задачу. А что говорить о правительстве Великобритании, раздираемом туркофобами министерства иностранных дел и государственным секретариатом по делам Индии, обеспокоенным тем, что последствия политики в Турции скажутся на моральном состоянии индийцев, подданных его королевского величества?

А пока греческие и британские офицеры развлекаются на балах, устраиваемых в «Пера Паласе» местной буржуазией, желающей продемонстрировать своих дочерей и свое уважение к

союзникам. Особенно бурное веселье царило на вечерах русской аристократии, покинувшей родину, а с наступлением весны начнутся морские прогулки на Принцевы острова.

Французы и итальянцы тоже не пренебрегают развлечениями в Стамбуле, но не чувствуют себя настолько привольно. Лишенные военного коменданта вплоть до января 1919 года французы не имели четких указаний по поводу их миссии, а когда Париж наконец направляет в Стамбул военного коменданта, полученные им инструкции не вносят ясность в неопределенность их позиции: «Изучать и предлагать правительству условия предварительного мирного соглашения или окончательного договора, которые обеспечили бы Османской империи нормальное существование и благосостояние, гарантирующее выплату долгов».

Что касается итальянцев, руководимых графом Сфорца, то, говоря откровенно, Стамбул их не интересовал. Их целью было получить то, что им было обещано секретным соглашением в Сен-Жан-де-Морьене в апреле 1917 года, — вилайеты Аданы и Измира. Это произошло в апреле 1917 года, то есть за три месяца до присоединения Греции к союзникам, которой Лондон и Париж также пообещали Измир и его окрестности! Итальянцы пытались колонизировать западное и юго-западное побережья Анатолии с конца XIX века. То, что для греков Измир или, скорее, Смирна (греческое и европейское название города) был символом древнегреческой культуры во мраке Османской империи, итальянцам было безразлично. То, что греки составляли почти шестьдесят процентов населения Измира, что именно им Измир обязан своим развитием, что Измирский вилайет — единственный во всей Анатолии, где подавляющая часть населения греческого происхождения, не меняло точку зрения итальянцев. Тем хуже для тех, кто надеялся переубедить их, напоминая, что сами турки признавали специфичность Измира, называя его *гяуром,* то есть неверным.

Население столицы также начинает постепенно замечать взаимные придирки, соперничество и разного рода «подножки», которым с удовольствием предавались между собой союзники. Вскоре стало ясно, что больше всего следует опасаться англичан. Поползли слухи о грубости и жестокости солдат его королевского величества; так, если они обнаруживали у турка холодное оружие, то тут же испытывали его эффективность, вонзая его между пальцами руки несчастного.

Кемаль, вернувшись в столицу, не хотел мириться со сложившейся, унизительной для турок, ситуацией; он относился к числу тех, кто хотел действовать. Позже, после окончания войны

за независимость, когда будет создана республика, Кемаль утверждал, что хотел сразу создать организацию национального сопротивления в Анатолии. На самом деле всё было не так просто.

По прибытии в Стамбул он, сопровождаемый Рауфом, встречается с Иззетом. Перед уходом в отставку в связи с перемирием бывший великий визирь пригласил нескольких молодых энергичных офицеров вернуться в столицу, в их числе был и Кемаль, которого высоко ценил Иззет. Встреча Кемаля с маршалом началась плохо: он упрекал Иззета в том, что тот ушел в отставку. Иззет, как рассказывает Кемаль в своих «Мемуарах», в конце концов признал свою ошибку: он должен вернуться и возглавить правительство, а преданный Кемаль поможет ему составить список министров.

Чтобы Иззету снова стать великим визирем, считал Кемаль, достаточно, чтобы его преемник не получил поддержку парламента. Проявляя наивность неофита, забыв о прежних убеждениях о разделении армии и политики, Кемаль «облачается во фрак лоббиста»: «Я говорил с депутатами, которых знаю уже давно. Я хотел установить контакт с максимальным числом парламентариев. Я был в здании парламента, во дворце Фындыклы, в гражданском…»

«Я хотел, чтобы парламент не выражал доверия новому великому визирю… Я сделал всё возможное, чтобы убедить в этом моих знакомых депутатов. Однако они считали, что парламент будет распущен, если они не проголосуют за доверие. Я же им объяснял, что в любом случае парламент будет распущен и что следовало выиграть время с новым кабинетом Иззета». В группе, решившей убедить депутатов, Кемаль был самым последовательным и настойчивым. Он надеялся добиться своего, если ему удастся объединить «значительную часть депутатов» и высказать им свои идеи. После встречи с парламентариями он покидает их взволнованным и уверенным в успехе. Бедный генерал, по отношению к которому политика по-прежнему отказывается быть благосклонной! Подавляющим большинством голосов парламент выражает доверие преемнику Иззета. Кемаль, как он сам признавался, был поражен результатами голосования. Первый суровый опыт непостоянства парламентариев; Кемаль вспомнит о своей неудаче, когда столкнется со своим парламентом в Анкаре.

Таким образом, Иззет-паша выходит из игры. Его преимущество заключалось в том, что, будучи военным, он нашел общий язык с лидерами «Единения и прогресса». Тем не менее, как отмечал Фетхи в своих «Мемуарах», Кемаль всё же лишь

относительно верил в «вариант Иззета»: «Иззет-паша, даже если бы он остался у власти, не смог бы сопротивляться давлению оппозиции, и султан убрал бы членов „Единения и прогресса“ из правительства». Кстати, султан согласился принять Кемаля, пожелавшего «откровенно высказаться по поводу необходимых мер».

Простое совпадение или совместный маневр, но юнионисты, оставшиеся в Стамбуле, тоже хотели подобной встречи. В течение трех ночей Фетхи, Рауф и их друзья собирались в доме Исмаила Канболата, бывшего префекта полиции, бывшего губернатора Стамбула и бывшего министра внутренних дел, «человека умного и отважного», по словам Кемаля. После побега триумвирата и роспуска партии «Единение и прогресс» юнионисты оказались в любопытной ситуации. Как отмечали англичане, юнионисты остались достаточно сильны «в стране, администрации, армии и полиции». Их влияние в стране таково, что они становятся настоящей проблемой для союзников, особенно англичан. «Таймс» даже пишет, что «Единение и прогресс» — «единственная эффективная партия, созданная в Турции».

Большинство партий и политических движений, возникших после перемирия? Юнионисты. Ассоциация офицеров запаса? Юнионисты. Гильдия ремесленников и другие корпоративные организации? Юнионисты. Ассоциации по защите прав, созданные во Фракии, в восточных провинциях или в Измире на основании двенадцатого пункта предложений Вильсона? Тоже юнионисты. Наконец, значительное число небольших децентрализованных групп «Единения и прогресса», возникших под влиянием политического и экономического успеха партии во время пребывания у власти.

К тому же разведслужбы союзников до февраля 1919 года не знали о существовании «Каракола» («Часовой»), одной из наиболее действенных тайных организаций юнионистов. «Каракол» был создан в ноябре 1918 года такими убежденными юнионистами, как Кара Кемаль, ответственный за «Единение и прогресс» в Стамбуле, дядя Энвера Халил-паша и полковник Кара Васыф. Сначала «Каракол» обеспечил побег лицам, ответственным за жестокую расправу с армянами, а затем использовал те же пути, чтобы переправлять оружие и боеприпасы в Анатолию.

В конце ноября Калторп отметил, что «„Единение и прогресс“ становится центром, вокруг которого начинают группироваться силы турецких националистов». Чтобы как-то успокоить себя и Лондон, он добавил: «Учитывая силы союзников, находящиеся в городе и его окрестностях, мало вероятно, что турки попытаются предпринять что-либо подобное вооруженному восстанию».

Действительно, так. Но юнионисты, собравшиеся в доме Канболата, осознавали, что время играет против них и что им нечего ждать ни от англичан, ни от османского правительства. В самом деле, либералы, пробудившиеся после десятилетней «зимней спячки» во время правления «Единения и прогресса», спешат взять реванш. День за днем их пресса клеймит позором юнионистов, обвиняет их во всех смертных грехах и прежде всего в той ситуации, в которой оказалась страна. В конце ноября правительство создает военные трибуналы для суда над лидерами «Единения и прогресса»; через несколько недель Энвер и Джемаль, сбежавшие в Германию, были лишены армейских званий, был также послан запрос на их экстрадицию.

Инстинкт самосохранения, а также националистические убеждения побуждают Канболата и его друзей выбрать наступательную тактику и организовать сопротивление. «Мы пришли к обоюдному решению, — пишет Фетхи, — что только в Анатолии можно организовать национальное сопротивление».

Юнионисты решают отправить к султану «молодых командиров». Падишах остается символом верховной власти, он умен, проницателен и энергичен. Желательно было узнать его мнение по этому поводу, заручиться его согласием или, по меньшей мере, нейтралитетом. Фетхи, Рауф, Канболат и другие, зная отношение Вахидеддина к юнионистам, предпочли остаться за спиной армии, а не отправляться к султану. Армия в плачевном состоянии, но всё еще способна вдохнуть жизнь в национальное сопротивление, помочь султану, если он этого захочет, тоже встать на этот путь или, в противном случае, напомнить ему, что именно армия сместила его брата Абдул-Хамида.

Для этой ответственной миссии были выбраны два офицера, «ненавидевшие Энвера»: Кемаль и Кязым Карабекир.

Кто такой Кязым Карабекир?

Холеное лицо с гладкой кожей и полными щеками — внешне он больше походил на гражданского, несмотря на усы «а-ля пруссак». Карабекир, тридцати шести лет, не совершал героических подвигов. Тем не менее этот сын паши добросовестно служил, а за успешное командование на Кавказе был удостоен звания генерала. Именно кавказская армия должна была составить ядро военного сопротивления. Кампания против кавказских республик была победоносной и подняла дух турецкой армии.

Пока Карабекир добирался до Стамбула, Вахидеддин принял Кемаля и они беседовали с глазу на глаз в течение часа. Если верить воспоминаниям генерала, султан прервал его, когда он

«начал излагать ему преамбулу»: «Я уверен, что генералы и офицеры тебя очень любят. Можешь ли ты дать гарантии, что они ничего не предпримут против меня?» Хитрый, как старый духовник, искусно скрывая собственные амбиции за полусонным взглядом, Вахидеддин загнал Кемаля в угол, и тот стал невнятно говорить о том, что совсем недавно прибыл в столицу и ничего не слышал о заговоре. В ответ на настойчивые расспросы султана генерал в конце концов сдается: «Я могу вас заверить, что вам нечего опасаться». И снова султан сказал: «Я говорю не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем», а затем закончил встречу комплиментом, заставившим Кемаля задуматься: «Вы умный офицер, и я уверен, что вы сумеете просветить и успокоить ваших товарищей».

Кемаль покидает покои Вахидеддина «обескураженным и огорченным».

Период исканий

После описания встречи с султаном Мехметом VI Кемаль заключает: «В моем доме в Шишли я сам обдумаю ситуацию». Так заканчивается первая часть «Воспоминаний», которая была опубликована турецкой прессой весной 1926 года. Вторая часть, повествующая о «личных усилиях Кемаль-паши во время перемирия и охватывающая период до его прибытия в Самсун», будет опубликована только в 1944 году, после его смерти. Правда, смысл его «усилий» между ноябрем 1918-го и маем 1919 года не всегда достаточно ясен.

Конец 1918 года. Кемаль продолжает посещать императорский дворец. Разве он не почетный адъютант султана? Его появление не оставляет равнодушными дам во дворце. Светлые волосы с легким рыжеватым оттенком, голубые глаза, всегда элегантный вид — всё это придавало ему скорее славянский, чем анатолийский шарм, что обеспечило ему определенный успех и прозвище «Желтая роза». Поговаривали даже о браке с любимой дочерью султана принцессой Сабихой. Менее удачливый, чем Энвер, Кемаль никогда не станет зятем султана; Сабиха позже выйдет замуж за одного из своих кузенов.

Кемаль будет утверждать, что никогда и не думал жениться на этой принцессе из семьи, символизирующей закат империи; для скептиков он добавлял благовидный предлог, что не создан для семейной жизни. Другие говорили, что султан не захотел снова повторять ошибку, совершенную с Энвером, и был не готов отдать руку любимой дочери мужчине, чья склонность к

плотским развлечениям и выпивке никак не предполагала его превращение в образцового мужа.

Как бы то ни было, Кемаль не ограничился только встречей с Вахидеддином, в ходе которой султан расспрашивал его о лояльности армии. Кемаль утверждает, что эта встреча состоялась в первую пятницу после голосования о доверии правительству Тевфика-паши и «в тот же день или накануне» роспуска парламента. Но голосование о доверии было 19 ноября, а роспуск парламента — 21 декабря. Кроме того, в своих «Мемуарах» Фетхи и Рауф называют дату этих встреч Кемаля с султаном — 15 ноября (Фетхи) и 16 и 30 ноября (Рауф). Но, согласно записям императорского камергера, Кемаль встречался с Вахидеддином три раза, 15 и 29 ноября и 20 декабря.

Каково было содержание этих встреч, Кемаль сохранит в тайне. Хотел ли генерал утаить проекты, касающиеся Анатолии, хотел ли он замаскировать разочарование, вызванное роспуском парламента, или хотел скрыть неудачу попыток добиться чего-то от султана в ноябре или декабре?

Факт тот, что тотчас после утверждения правительства Тевфика Кемаль решает остаться в Стамбуле и заняться политикой. При этом он рассчитывал на поддержку Канболата, Рауфа, с которым встречался почти каждый день, и особенно Фетхи. Бывший однокашник по Манастиру и военной академии покинул армию, чтобы стать дипломатом и политиком. Фетхи стал одним из важнейших звеньев в системе юнионистов, одним из тех, кто знал и держал в своих руках все нити этой сложной канвы. Даже англичане квалифицировали его как «интересную личность»! Сразу после перемирия Фетхи внес свою лепту в рождение партии «Ренессанса», другой партии «свободных османов», такой же кратковременной, и возглавил националистическую газету «Минбер».

В своих «Мемуарах» Фетхи сообщает, что газета была создана по инициативе Кемаля. Вернувшись в Стамбул, генерал обнаружил, что оппозиция использует прессу для нападок на юнионистов: «Наилучший способ мобилизации общественного мнения — действовать тем же методом, создав свою газету». И Кемаль становится акционером «Минбер», посвященной «политическим, научным, культурным, медицинским и экономическим проблемам», чтобы достойно «отражать яростные и несправедливые атаки». «Мы действовали только цивилизованными методами», — поясняет Фетхи.

Публикуя материалы на злобу дня, паша использует «Минбер» в целях предвыборной агитации; он регулярно выступает на страницах газеты, публикуя свои «Беседы с

офицерами и командирами», написанные в Софии в 1915 году. Многие статьи и документы в газете имеют одну общую цель — продвижение Кемаля. Во-первых, как отмечает Фетхи, это «своего рода репортаж о его встрече с султаном Мехметом VI 15 ноября. Целая серия статей появилась под общим заголовком: „Что думает командующий боями при Дарданеллах о будущем своей родины в нынешних условиях?“ Он утверждает, что священный долг нации — бороться, чтобы заставить уважать себя». Было опубликовано также письмо, отправленное генералом 17 сентября одному из друзей, проникнутое ненавистью к Энверу и немцам: «Цель, какую я преследовал до сих пор, никогда не была личной <…> всегда в интересах родины, нации и армии… Я хотел бы, чтобы ты делал всё, что в твоих силах, чтобы наша страна не была замешана в этой мировой войне». Чтобы всё стало окончательно ясно, «Минбер» предваряет текст письма шапкой, где неизвестный редактор пишет: «Признаемся, что один из блестящих умов, а также первый, по отношению к которому родина не оказалась достаточно щедрой, — это Кемаль-паша, чьи заявления публикуются в газетах „Минбер“, „Заман“ и „Вакит“. Несмотря на то, что он является одним из лучших представителей своей нации и родины, именно он не оценен по заслугам. Но чья это ошибка? Сам он настолько избегает славы, он настолько скромен, что в течение долгого времени не признавался, что был единственным защитником Анафарты и освободителем Стамбула…» Кемаль скромен — поистине, дружба Фетхи не знает границ!

«Минбер» добивается определенного успеха, но прекращает существование 22 декабря, сразу после роспуска парламента. Политический способ решения потерпел неудачу.

Предчувствовали ли Кемаль и Фетхи подобный исход во время их беседы с графом Сфорца? 17 декабря 1918 года итальянский военный комендант отправляет телеграмму в двадцать три строчки, начинающуюся так: «Делегация лидеров „Единения и прогресса“, состоящая из Фетхи-бея и Кемаля-паши, героя Дарданелл… попросила встречи со мной». Уверенный в скорейшем возвращении к власти «Единения и прогресса», Сфорца принимает эту делегацию. Ни французы, ни англичане не были проинформированы об этой встрече, что отвечало духу времени: разве турецкая пресса не объявила недавно, что некоторые юнионисты «делают попытки получить поддержку представителей Антанты в деле создания новой организации „Единения и прогресса“, представляющей значительную силу в стране и симпатизирующую (!) Антанте»? Сфорца упрекает своих собеседников в том, какую политику ведут лидеры «Единения и прогресса» по отношению к нетурецким национальностям

империи. Военный комендант тем не менее достаточно откровенен: если бы турки доказали свое желание превратить империю в «Соединенные штаты Турции», они могли бы еще спастись.

В любом случае, добавляет Сфорца, турки, даже если они поступят так, должны будут подвергаться контролю со стороны Европы, и будет лучше, если они проявят инициативу и попросят советников и кураторов прежде, чем их им назначат, обратившись, в частности в их собственных интересах, к Италии. И в заключение: «Они меня поблагодарили и заявили, что если они снова придут к власти, то намерены опираться на поддержку Италии». Соратники Кемаля дают совершенно другую версию этой встречи, что не подтверждается ни одним документом: итальянец (Сфорца?) якобы вступил в контакт с Фетхи и Кемалем и встретился с ними в доме итальянского архитектора; этот человек якобы заверил их в дружеском отношении итальянцев и предложил им участвовать в создании нового правительства. В своей книге «Портреты и личные воспоминания», опубликованной в 1930 году, Сфорца дает следующую версию: «В первые недели моего назначения в Турцию (куда он прибыл 15 ноября. — *А. Ж.*) я заверил Кемаля в моих мирных намерениях». Узнав о том, что англичане намерены его арестовать «по причине его популярности», продолжает Сфорца, Кемаль якобы спросил его, может ли он рассчитывать на его помощь. «Я ответил, что предоставлю ему жилье в итальянском посольстве. Это стало известно и помешало британской разведке принять решение, которое могло бы повлечь дипломатические осложнения».

Не так важно, была ли это инициатива итальянской или турецкой стороны. Даже напротив, если Кемаль или Фетхи сделали первый шаг, то этим они продемонстрировали умение маневрировать и прекрасное знание взаимоотношений союзников. А имея в виду организацию сопротивления в районе Измира, разве не было важно заручиться нейтральностью итальянцев?

По крайней мере, «операция Сфорца» не носит двусмысленного характера по сравнению с предыдущим контактом Кемаля с союзниками. Если верить воспоминаниям английского журналиста Г. Ворд-Прайса, турецкий генерал якобы беседовал с ним в «Пера Паласе». Выразив сожаление по поводу пропасти, разделяющей его страну с Великобританией, Кемаль предложил свои услуги, заявив: «Если англичане возьмут под свой контроль Анатолию, они будут нуждаться в сотрудничестве с опытным турецким губернатором, поддерживающим их. Я хотел бы знать <…>, кому я мог бы предложить свои услуги».

Англичане, проинформированные журналистом, откажутся от подобного предложения, о чем ни Кемаль, ни его соратники не упоминают в своих воспоминаниях. Кемаля можно понять. Гипотезы, приходящие на ум — бесконечное отчаяние после поражения или коварный, особенно утонченный прием, — с трудом позволяют оправдать этот промах самолюбивого человека.

Глава шестая
ЗИМА В ШИШЛИ

20 декабря 1918 года. Адана оккупирована англичанами и французами; присутствие французского Восточного легиона, созданного в 1916 году и состоящего в основном из армян, рассматривается турками как крайняя провокация. На что рассчитывали французы, отправляя армян в город, где несколько тысяч армян были зверски убиты в 1894–1896 годах и в 1909 году? (Лидер «Единения и прогресса» Джемаль-паша в своих мемуарах указывает, что 17 тысяч армян погибли в 1909 году — это «одно из наиболее прискорбных событий в нашей истории».) Является ли подобная тактика французов демонстрацией силы или это просто необдуманный поступок?

В столице, в покоях дворца Долмабахче, султан готовится распустить парламент. Состоящая из юнионистов палата депутатов, избранных в 1912 году, не перестает ставить палки в колеса правительству; чтобы не оказаться с новой палатой юнионистов, Мехмет VI, как и его брат Абдул-Хамид, решает обойтись без нее. Тем хуже для конституции.

В Шишли Кемаля посещает Али Фуад. Между старыми приятелями состоялась долгая беседа. Всю ночь Али, приехавший из Анатолии, рассказывает другу об анархии, царящей в сельской местности, о развале дисциплины в армии, о первых актах сопротивления. Согласно легенде кемалистов, на рассвете они разрабатывают план национального сопротивления. Следует прекратить поставлять оружие и боеприпасы союзникам, гражданские и военные власти должны оставаться на местах, а политические партии должны прекратить соперничество.

Согласно той же легенде (а Али Фуад — единственный свидетель этой встречи), Кемаль изложил свои идеи, вынашиваемые им с 1907 года, которые Фуад резюмирует так: «Турецкая Республика»; эти идеи, уточняет Кемаль, следует скрывать до подходящего момента…

«Энергичный сорвиголова»

Где кончается реальность, где начинается легенда? В любом случае, кажется, что ничего не изменилось в жизни Кемаля после этой ночной беседы с Фуадом.

Он остается в Шишли, продолжает принимать и сам наносит

много визитов. Он часто встречается с Фуадом, который покидает Стамбул только в конце февраля 1919 года, когда снова принимает командование 20-м корпусом армии, чей Генеральный штаб был перенесен в Анкару, подальше от войск союзников. Он, конечно, встречается с Канболатом, Рауфом и, естественно, Фетхи, а также со многими офицерами, товарищами по военному училищу или по совместным боям, причем они образуют удивительно однородную группу: все родились в период с 1880 по 1885 год, имеют одинаковую военную подготовку и боевой опыт, являются убежденными националистами. Даже те из них, кто занимает ответственные посты, серьезно обеспокоены. Поражение их деморализовало, перемирие, ограничившее численность армии пятьюдесятью тысячами, грозит им увольнением, а финансовые затруднения правительства поставили их на грань нищеты. «Молодым командирам» было нечего ожидать ни от перемирия, ни от мирного договора.

Следует ли удивляться, что 15 января 1919 года французский военный комендант был вынужден отправить в Париж серьезное предупреждение: «Турки начинают поднимать голову <…>. Если найдется энергичный сорвиголова, то нас выбросят в море за двадцать четыре часа. Как бы там ни было, если мятеж не произойдёт сейчас, очень вероятно, что он произойдет в тот день, когда Турция узнает о расчленении, которое ей угрожает. В этот день, учитывая настроения, видные невооруженным глазом, мы окажемся в очень сложных условиях, если не примем самые элементарные меры».

Жолли, автор послания, не был услышан. На Парижской мирной конференции, официально начавшей работу 12 января, судьба Османской империи не стала главным пунктом повестки дня. Приоритет был отдан премьер-министром Франции Клемансо немецкому договору, что, по крайней мере, несколько отодвинуло тот день, которого так опасался Жолли, день, когда «Турция узнает об угрожающем ей расчленении».

А меры, предложенные французским дипломатом, не ограничивались списком, переданным султану Калторпом и его помощником, суровым ирландцем Файаном, в котором перечислялись лица, подлежащие обвинению в нарушении перемирия, в непочтительном отношении к английским офицерам или в преступлениях против армян и пленных. Франше д'Эсперей, прибывший 8 февраля для выполнения обязанностей командующего войсками союзников на Востоке, впрочем, считал, что этим должно заниматься османское правительство. Упреки Франше и его претензии на командование англичане оставляют без внимания. Генерал Вильсон, командующий английскими

войсками в Стамбуле, считал себя главным в столице. Пусть Франше довольствуется тем, что проехал по главной улице Пера на белом коне, как это сделал султан Мехмет II, завоевав Византию! В Стамбуле англичане и французы вскоре окажутся на грани «развода». Что же касается «энергичного сорвиголовы», упомянутого Жолли…

Кемаль не справился с этой ролью. В самом деле, Рауф рассказывает в своих «Мемуарах», что в конце 1918 года Кемаль вместе с Кара Кемалем из «Каракола» планировал похищение великого визиря. Узнав об этом, Канболат, а затем Рауф пытаются переубедить генерала. Тем не менее в январе Кемаль снова объявляет, на этот раз Фетхи, о своем намерении организовать с Кара Кемалем похищение старого Тевфика, чтобы затем использовать его в качестве разменной монеты. Фетхи, как и Канболат и Рауф, в резкой форме возражает против подобной авантюры. Закончилось ли всё на этом? Нет, так как Фалих Рыфкы Атай, приближенный к Кемалю журналист, сообщает, что однажды (предположительно в феврале 1919 года) Али Фетхи и четверо друзей-юнионистов решают свергнуть правительство и султана, предполагая даже покушение. На этот раз Кемаль выступает против этого проекта: свержение правительства или султана не изменит соотношение сил с союзниками. Гораздо разумнее подготовить почву в Анатолии и оттуда информировать нацию о надвигающейся катастрофе. Как бы то ни было, Тевфик не был похищен.

Репрессии

4 марта 1919 года на должность великого визиря вместо Тевфика назначается дамат[19] Ферит-паша. Высокомерный шестидесятилетний новый визирь — «удачная копия английского джентльмена», по меткому выражению Сфорца. Ферит-паша, за плечами которого блестящая дипломатическая карьера, а затем назначение в Государственный совет, — представитель старого режима. Новый великий визирь попытался вернуть страну назад лет на десять.

Его брак с дочерью султана Абдул-Меджида усилил его глубокую привязанность к системе, которую пытались реорганизовать юнионисты. Он был одним из тех, кто в 1911 году забыл про персональное соперничество и создал партию «Либеральная Антанта», которая только что вновь возродилась после семи лет молчания. Ферит — консерватор, несомненно, образованный, но консерватор, для которого десятилетнее

пребывание юнионистов у власти — всего лишь чудовищное отклонение, подлежащее устранению: часы Ферита остановились в 1908 году. Еще одна черта, характеризующая нового великого визиря: высокопоставленный чиновник, он был чужд касте военных.

Стамбул сразу почувствовал боевой настрой нового великого визиря. Едва вступив в должность, Ферит-паша отправляется к военным комендантам союзников. Он обвиняет юнионистов в ответственности за вступление империи в войну. Как и султан, заявивший в печати, что «война — результат политики горстки преступников, вовлекших Турцию в конфликт без всякой на то внутренней необходимости», Ферит, искусный интриган, добавляет, что готов удовлетворить все требования союзников, и объявляет о предстоящем аресте ведущих юнионистов, ответственных за произошедшее.

Доказательства не заставляют себя ждать. Через сорок восемь часов турецкие власти арестовали двадцать два юниониста; бывший великий визирь, четыре бывших министра, депутаты и журналисты брошены в тюрьму. В определенной степени Ферит продолжает действия своего предшественника, создавшего специальные военные трибуналы для суда над Энвером и Джемалем, начавшего первые аресты и благословившего первые приговоры. Но Ферит без колебаний идет гораздо дальше. Он не протестует против депортации на Мальту одного из генералов, арестованных англичанами, обвинившими его в нарушении перемирия; он увеличивает число судов над юнионистами. Первый приговор к смертной казни был вынесен 8 апреля; через день бывший губернатор Ёзгата был казнен. Его похороны превратились в крупную манифестацию. Вокруг гроба — многочисленные венки «невинной жертве нации» и «невинному мусульманскому мученику», над могилой один из студентов произносит пламенную речь: «За того, кто покоится здесь, отомстит герой Кемаль-бей. Англичан уже выпроводили из Одессы, мы их изгоним из Стамбула. Чего вы ждете?»

Эти события не остановили Ферит-пашу. Участились случаи расхищения государственных средств и нелегальной депортации армян. В июле Энвер, Талаат и Джемаль были заочно приговорены к смертной казни. Кавит избежит казни, но будет приговорен к пятнадцати годам каторжных работ.

Круг друзей Кемаля сужался. Одним из первых был арестован Канболат. Фетхи, несмотря на заверения на самом высоком уровне, тоже был брошен в тюрьму. Такая же судьба постигла Юнуса Нади, утонченного, интеллигентного, блестящего журналиста и политика: депутат от юнионистов, идейно близкий

партии «Ренессанс» Фетхи, он основал в сентябре 1918 года газету «Новый день».

А Кемаль остается на свободе. Конечно, его вражда с Энвером могла служить ему охранной грамотой, но были известны и его связи с юнионистами, в частности с Джемалем. Впрочем, Кемаль не скрывает своих чувств. Когда во время одного из светских приемов пастор Фреу, пресвитерианский священник, сотрудничающий с английской комендатурой, предложил Кемалю «осудить преступления юнионистов», его ответ был тверд: «Возможно, юнионисты совершили множество ошибок, но их патриотизм не подлежит сомнению».

Если кто-то еще сомневался в том, что генерал представлял собой реальную опасность, то статья, опубликованная 20 марта в третьем номере «Большого обозрения» и подписанная «M. Z.», должна была развеять последние иллюзии. Статья под названием «Мустафа Кемаль-паша» посвящена незаурядным личностям. Процитировав Фоша и Гинденбурга, анонимный автор утверждает, что каждая страна отождествляется с национальным героем и что слава победителей признается всей нацией. Закончив социологический экскурс, автор переходит к своему герою, Кемалю, и напоминает о его роли и роли начальника Генерального штаба генерала Джевата в кампании при Дарданеллах, «одной из наиболее славных страниц османской истории». Эта часть статьи избежала цензуры. Кемаль представлен как «молодой, героический и стойкий» командир, а затем следует поистине мессианский финал: «Молодежь не должна забывать имя Мустафы Кемаля, одного из наших спасителей».

В оккупированном союзниками Стамбуле, будущее которого оставалось неясным, подобная статья не могла остаться незамеченной. А что сказать об ответственном за публикацию этой статьи Зие Гёкалпе, главном редакторе «Большого обозрения»? Ярый поклонник французской школы социологии, последователь Эмиля Дюркгейма, первый профессор социологии в университете Стамбула (1915), Гёкалп — один из ведущих мыслителей-националистов движения «Единение и прогресс». Турецкий центр, модернистские реформы, проводимые этим движением, иллюзия пантуранизма многим обязаны этому человеку, пережившему в юности все муки интеллектуального османского реформиста и националиста. Неизменный член Центрального комитета «Единение и прогресс» с 1908 года, Гёкалп стал подлинным крестным отцом этого реформистского движения. Обзоры, за которые он был прямо или косвенно ответствен — «Новое обозрение», где публиковалось интервью

Кемаля о Дарданеллах, «Обозрение факультета литературы», «Обозрение политической экономики», — а также деятельность таких его коллег и учеников, как литератор и педагог Халиде Эдип или журналист и будущий биограф Ататюрка Фалих Рыфкы, обеспечивали ему значительное влияние.

Зия Гёкалп был арестован в начале 1919 года. А Кемаль оставался на свободе. Атмосфера в столице становилась всё более мрачной. Несколько раз в доме Кемаля в Шишли появлялся патруль союзников, искавших, по их словам, исчезнувшего армянина. В марте Кемаль был лишен звания адъютанта, служебной машины и других материальных благ, по-видимому, по требованию англичан.

Кемаль испытал и другой удар судьбы, еще более неприятный, так как было задето непосредственно его самолюбие военного. 25 марта он написал военному министру письмо, в котором выступил против статьи журналиста, посмевшего назвать военных командиров «жалкими пошляками» и «главарями бандитов», обеспечивающими трафик золота и денег. В Кемале вскипела кровь от гнева: «Какая чудовищная низость и бесстыдство представлять армейских командиров как мерзавцев и главарей бандитов!» Генерал пытается использовать это дело в своих интересах; его письмо, попавшее в прессу прежде, чем к министру, предоставляет ему возможность напомнить о подвигах боевых командиров — «моих друзей, чья честность и порядочность не вызывают сомнения» — и в первую очередь обеспечить собственную рекламу: «От моего имени и имени армейских групп Анафарты, 2-й и 7-й армий, группы армий „Йылдырым“, которой я командовал во время мировой войны, я осуждаю эту грязную клевету и ее автора». Военный министр ограничился передачей послания Кемаля журналисту, которого генерал обвинил в клевете. Опытный адвокат Кемаля постарается затянуть время, и, когда дело начнет рассматриваться в трибунале, генерал уже покинет Стамбул.

На счастье Кемаля, другие высокопоставленные лица более благосклонны к нему. Помимо Сфорца, покровительствовавшего ему, был Исмаил Фазыл-паша, отец Али Фуада, задействовавший все свои связи, чтобы найти Кемалю ответственную должность. Определенно, Кемаль многим обязан Али Фуаду и его семье. Покидая Стамбул, его друг представил Кемаля своему родственнику, ставшему одним из лидеров «Либеральной Антанты», Мехмету Али, вскоре назначенному министром внутренних дел Ферит-паши.

В конце апреля Мехмет Али предлагает великому визирю отправить генерала Кемаля в Анатолию с важной миссией.

Анатолия! Наконец или за неимением лучшего? За неимением лучшего, позволяют предположить воспоминания Хусейна Рауфа, написавшего, что «в начале марта <…> Кемаль-паша не был до конца уверен» в анатолийском варианте, а также воспоминания Кязыма Карабекира, который десятью днями ранее покинул Стамбул, чтобы занять пост командующего в Восточной Анатолии. Накануне отъезда он нанес последний визит Кемалю, снова заболевшему. Если верить его «Мемуарам», Карабекир предложил тогда Кемалю сформировать национальное правительство в Восточной Анатолии и агитировал его присоединиться к нему. «Это идея; я приеду, когда выздоровлю», — якобы ответил больной без особого энтузиазма. Стоит ли сомневаться, что «Мемуары» Карабекира будут неодобрительно встречены «правоверными» кемалистами.

Глава седьмая
ТРИ УДАРА

Через несколько дней после прибытия в Стамбул французский военный комендант Дефранс телеграфирует в Париж, сообщая свои первые впечатления. Его поразили нервозность и беспокойство турок, что он объяснил «неопределенностью ситуации». На первый взгляд население столицы спокойно, пишет он, но не стоит доверять первому впечатлению: слишком много оружия осталось в руках у мусульман; неблаговидные действия греков представляют собой настоящие провокации. Впрочем, союзники разработали планы защиты европейской части города.

Через десять дней, 14 апреля, Дефранс отправляет новое тревожное предупреждение. Он опасается спонтанной реакции населения на сообщение условий мирного договора. Военный комендант предупреждает Париж, что османское правительство не в состоянии поддерживать общественный порядок, что армия может действовать заодно с населением и что сил жандармерии явно недостаточно. Дефранс крайне обеспокоен: он опасается вооруженного восстания и резни, особенно в том случае, если «халиф покинет Константинополь, а Смирна (Измир) будет передана иностранной державе». Еще довольно далеко до того момента — около шести месяцев, — когда Фош подтвердит: «Турции больше не существует».

Американец в Париже

За два месяца работы мирная конференция в Париже далеко не продвинулась. Было принято единственное решение: Армения, Сирия, Месопотамия и арабские области отделялись от Турции по причине «исторической неспособности турок управлять этими территориями и населением и жестокой расправы с армянами». Премьер-министры Франции и Великобритании, Клемансо и Ллойд Джордж, президент США Вильсон и премьер-министр Италии Орландо тем не менее не сидели сложа руки и могли бы пожаловаться не на отсутствие идей, а на слишком большое количество запросов и предложений. Умело используя искусство обольщения, греческий премьер Венизелос продемонстрировал завидный аппетит: «Фракия[20], острова у Анатолийского побережья, Кипр, провинции Измира, Айдына, Аданы и Трабзона,

а также детуркизация Стамбула». Две армянские делегации, одна — из молодой республики Армения, а другая — от диаспоры, наконец объединились, требуя создания великой Армении у Черного моря на территории от Средиземного до Каспийского моря.

Фейсал[21], поддерживаемый уже легендарным англичанином Лоуренсом, потребовал отправить международную комиссию в Сирию, чтобы выяснить желание населения: он был убежден, что сирийцы потребуют присоединения к его арабскому королевству.

Странная атмосфера этой мирной конференции — она исполняла роль то ли трибунала, призванного судить Османскую империю за преступления против цивилизации, то ли посредника на торгах держав-победительниц. Участники конференции не собирались выслушивать османскую делегацию: к чему это! Уже достаточно сложно было прийти к согласию между победителями. Требования греков, арабов, армян и других служили лишь предлогом для урегулирования разногласий между четырьмя великими державами.

В этой группе особую роль сыграл американский президент: из уст Вильсона непрерывным потоком лились антиколониальные, проникнутые глубоким гуманизмом заявления, за которыми скрывалась, возможно безотчетно, исключительно материальная озабоченность. После окончания боевых действий в Анатолию, на Кавказ, в Сирию и Ливан устремились многочисленные религиозные и светские американские миссии, располагающие значительными финансовыми возможностями. Никто не оспаривает полезность их работы среди населения, изгнанного с родной земли или подвергшегося жестокой расправе, как, например, армяне. Но одновременно это позволило американцам соткать эффективную, но малозаметную сеть на Среднем Востоке; во время мировой войны они оценили стратегическую роль нефти и решили занять ответственные позиции на Среднем Востоке.

По отношению к Турции, с которой Вашингтон официально не состоял в войне, американцы заняли умеренную позицию, больше патерналистскую, чем репрессивную; полковник Хаус, главный советник Вильсона, даже склонялся в пользу американского мандата на Турцию. Вильсон сдержанно отнесся к идее своего помощника. Зато он считал вполне разумным отправить в Сирию международную миссию, чего добивался Фейсал: как бедуин, он был уверен, что население подтвердит свои симпатии, естественно, к Соединенным Штатам. Лондон и Париж, по очевидным причинам, не хотели подобной миссии. После двухмесячной задержки американцы отправятся сами,

возглавляемые типично американским дуэтом: доктором Генри Черчилль Кингом, автором книг по теологии и педагогике, и Чарлзом Крейном, бизнесменом, ставшим дипломатом. Так действовал «метод Вильсона». Решение судьбы Измира предоставило американскому президенту другую возможность проявить свой талант и применить свой метод при невольной поддержке итальянцев.

С середины марта итальянская делегация буквально осаждает конференцию, требуя Южный Тироль, Фиумс и юг Анатолии. Чтобы нагляднее подтвердить свои претензии на Анатолию, Рим отправляет военные корабли к Измиру.

5 мая итальянцы переходят к более решительным действиям и высаживаются на побережье Южной Анатолии; к этому времени итальянская делегация в Париже отчаялась добиться успеха после антиитальянского коммюнике американского президента и решила покинуть конференцию. Вильсон, узнав о высадке итальянцев, предлагает конференции отправить в Измир американские корабли, так как «поведение итальянцев несомненно агрессивно» и «создает угрозу для мира даже во время мирной конференции».

Ллойд Джордж, кто, вопреки мнению своего правительства, хочет превратить Грецию в своего привилегированного партнера на Ближнем Востоке, отвечает, что предпочитает решение, предложенное премьером Греции Венизелосом — отправить туда флот союзников. Клемансо его поддерживает, добавляя горький комментарий: «Какой дебют для Лиги Наций!»

По предложению Ллойда Джорджа решено отправить две-три дивизии. «Почему бы им не высадиться сразу же? — предлагает Вильсон, проницательно добавляя: — Солдатам трудно находиться долгое время на корабле». Все поддерживают идею высадки. «Нужно ли предупреждать итальянцев?» — спрашивает Клемансо. «Я не считаю это целесообразным», — отвечает Ллойд Джордж. Дело сделано. Три мудреца сообщают Венизелосу, что утром 14 мая флот союзников встанет на якорь у Измира и что греческие войска высадятся вслед за французским подразделением.

Измир

С момента перемирия греки не жалели усилий, чтобы подготовить подобное решение. Демонстрации, помощь, кампании в прессе — всё использовалось для того, чтобы удивить, а затем и шокировать союзников. С декабря 1918 года начальник

Генерального штаба французского флота отмечал, например, что «многовековая ненависть греков к туркам не знает в настоящее время никаких границ» и «греческая пресса ищет любой повод, чтобы создать инцидент, который повлек бы за собой оккупацию».

Турки тоже не остаются равнодушными перед подобным натиском. В ответ на брошюры, изданные греками, они публикуют большое количество мемуаров, телеграмм и научных трудов, оспаривают панэллинскую статистику, противопоставляя ей свою, и отказываются признать себя виновными в негуманности, заявляя, что «Османская империя была вынуждена вступить в войну против либеральных наций под давлением интриг иностранной дипломатии, имеющей виды на Ближний Восток, а также стала жертвой как ошибок, так и преступлений правящей верхушки».

С другой стороны, сторонники юнионистов готовятся к вооруженному сопротивлению. В середине марта состоялся конгресс, объединивший примерно три сотни военных, местных чиновников и политиков-юнионистов, чтобы подтвердить, что «если, к несчастью, Измир оккупируют греки, то турки, послушные воле Аллаха, не покорятся и вспыхнет кровопролитие». Участники конгресса, впрочем, создали «Общество отказа от аннексии». На следующий день после конгресса французский консул Измира сообщает о том, что турки покидают город, создают партизанские отряды и раздают оружие, подготавливаясь к высадке греческой армии.

Махмуд Джеляль — один из лидеров будущего сопротивления. Депутат, один из руководителей «Единения и прогресса» в Бурсе, а затем в Измире, Джеляль стоит особняком в галерее создателей современной Турции: он ни военный, ни государственный чиновник и не получил высшего образования. Бывший ученик французского коллежа Успения в Бурсе, служил в Сельскохозяйственном банке, а затем в Немецком восточном банке. Как бы ни были скромны его должности в банке, они принесли ему знание финансовых и экономических проблем, что было редкостью среди турецких руководителей.

Перемирие застает его в Измире, где он становится одним из местных руководителей партии «Ренессанс» — кто утверждал об отсутствии каких-либо связей между «Единением и прогрессом» и партией «Ренессанс»? Будущий последний премьер-министр Ататюрка и третий президент Турецкой Республики объяснит, что он слышал об отважном генерале по имени Кемаль и решил примкнуть к лагерю тех, кто «предпочитает родину унизительному миру». Активный член «Общества отказа от аннексии», он осуждает всех, кто хочет защищать Измир с

помощью выступлений и брошюр. 10 мая он выступает перед ста пятьюдесятью делегатами со всех концов Западной Анатолии, собравшимися в зале кинотеатра «Националь», и заявляет: «Следует ясно понимать, что ни лекции, ни статьи не смогут защитить Измир, а только сила!» Он предлагает создавать партизанские отряды. Покинув Измир, он скрывается в районе Айдына и становится организатором партизанского движения. Он привлекает зейбеков, кочевников, традиционно располагающихся в регионе Измира и органически ненавидящих любую центральную власть.

В то время как Джеляль сменил редингот на широкий плащ и белый тюрбан ходжи и стал отращивать бороду, англичане, французы и американцы готовятся к высадке. 12 мая они наконец информировали об этом итальянцев. Премьер-министр Италии Орландо, которому объясняют, что в последнее время значительно возросли волнения среди населения региона и для наведения порядка планируется интервенция, хотя она «нисколько не решает судьбу Смирны (Измира) в мирном соглашении», соглашается с этим.

Итальянец даже не пытался протестовать или делать вид, что он крайне удивлен. Операция в Измире — это секрет Полишинеля. Риму было известно об этом уже в течение по меньшей мере десяти дней, и он очень любезно передал эту информацию османскому правительству. 3 мая адъютант Кемаля прибыл с этой новостью в Шишли. Генерал не был удивлен: «Прошел уже месяц с тех пор, как я заявил о подобной возможности военному министру, а совсем недавно я беседовал с человеком, очень близким к великому визирю. Как только произойдет эта оккупация, занавес упадет; это будет началом новой эпохи».

Особенный день

В среду 14 мая 1919 года флотилия союзников появляется на рейде Измира. Английские, французские и американские корабли прикрывают два греческих кирасира. Вечером английский командующий флотилией передает властям Измира две ноты: первая информирует о том, что форты города оккупированы в соответствии с седьмой статьей перемирия, а вторая — что союзники доверили операцию оккупации греческой армии.

В это же время в Стамбуле великий визирь обедает с Кемалем. Атмосфера довольно мрачная; они недавно познакомились в «Восточном круге», клубе «на британский

манер», в Пера. Никакой личной симпатии Ферит-паша, антиюнионист, не испытывает к генералу; их отношения исключительно профессиональные. Дамат («Зять») признает военные заслуги Кемаля и назначает его инспектором 9-й армии, что подразумевает ответственность за общественный порядок в регионе Самсуна на побережье Черного моря.

Подчас история полна сюрпризов: у истоков этого назначения оказались английские власти. Военный комендант потребовал у османского правительства принять меры по обеспечению общественного порядка в Анатолии и, в частности, в регионе Самсуна.

Что же произошло? Ответ кроется в двухнедельном отчете полковника Фулона, координатора сил жандармерии. Во второй половине апреля Фулон отмечает сравнительно спокойную обстановку в двадцати двух вилайетах (административная единица в Турции). «Относительно спокойная» означает, что то здесь, то там отмечались разбойные нападения, что было частью анатолийского пейзажа. Однако в четырех местах ситуация была намного серьезнее: в Стамбуле, Эдирне, в Конье и особенно в Самсуне, Этот порт на Черном море наряду с Трабзоном был действительно одним из центров особой напряженности. В этом регионе на северо-востоке Анатолии греки хотели создать независимое государство от Синопа до Ризе, протяженностью около двухсот километров. Как они утверждали, на их стороне история: Трабзон снова станет Трапезундом, столицей греческой области, созданной византийскими императорами как часть их империи и независимой от османов до 1461 года. И как и в Измире, сторонники этой идеи напоминают о той роли, которую сыграли малоазийские греки (румы) в развитии региона: благодаря им Самсун превратился в «великий порт будущего», а в духовном отношении — разве в провинции Трабзон не больше церквей и не почти столько же служителей культа, как в Стамбуле, при меньшей численности греческого населения?

Для поддержки своих требований греки создали ассоциацию, в которую могли вступить все достигшие восемнадцати лет, а также тайную революционную армию, насчитывающую до четырех тысяч бойцов. Говорят даже, что они собирались пригласить из России 500 тысяч греков. Местные православные авторитеты настолько горячо поддержали этот проект, что Калторп был вынужден потребовать у патриарха высылки митрополита Самсуна, который, как отмечали англичане, «никоим образом не соответствовал идеальной личности». Но отъезд Митрополита ничего не изменил: его преемник продолжал ту же политику. Фулон констатирует, что столкновения между

турками, армянами и греками происходят почти ежедневно, а местные власти «не препятствуют этому, чтобы спровоцировать оккупацию союзниками». В итоге командование постоянно требует подкрепления, без которого не может быть обеспечена безопасность. Вот почему великий визирь решает назначить военного инспектора, ответственного за обеспечение общественного порядка в восточных провинциях.

Кандидатура Кемаля в военном отношении была безупречна. В политическом — османское правительство не имело серьезных причин для возражений: человек он вспыльчивый и амбициозный, но его преданность султану, казалось, не вызывала сомнений. Его удаление из столицы, возможно, даже было удобно для тех, кто опасался популярности энергичного генерала. Со стороны союзников тоже не было возражений. Итальянцы даже приветствовали назначение генерала, к которому они относились благосклонно. Более удивительно отношение французов и англичан; ведь и те и другие располагали необходимой информацией и могли составить представление о личности Кемаля. Их сведения, поставляемые разведслужбами, становились всё более и более конкретными и вызывающими беспокойство. Судите сами! 8 октября 1918 года французская разведка составила биографическую справку о генерале: «…блестяще проявил себя при Дарданеллах; был назначен в Сирию и на Кавказ; известно его неприязненное отношение к немцам». Через несколько недель французы получат возможность непосредственно познакомиться с пашой: в салоне «Пера Паласа» корреспондент газеты «Тан» встречает «мужчину с несколько асимметричным взглядом и каракулевой папахой на голове». Турок мрачен и молчалив, но взгляд его таков, что корреспондент не может избавиться от ощущения, что перед ним «или безумец, или гений». Наконец, 15 апреля в донесении французских спецслужб называют Кемаля, «участника сражений при Дарданеллах, завоевавшего огромный авторитет», одним из руководителей наряду с полковником Кязымом, шурином и адъютантом Энвер-паши, организации «Мессаи» («Усилие»), а затем автор донесения поясняет: «Юнионисты создали организацию, пропагандирующую доктрины большевиков, адаптированные к исламу <…> Эта организация обращается к национальным чувствам турок, пытаясь поднять их против иностранцев. Затягивание принятия решений Парижской мирной конференцией благоприятствовало подготовке сопротивления. Эта организация намерена вернуть к власти „Единение и прогресс“, единственную подлинно национальную турецкую партию». В организацию привлекаются «представители низших

слоев населения <…>, но и турецкая молодежь с готовностью вступает в ее ряды». Союз большевизма и ислама — это мечта левых юнионистов и высшая угроза для оккупантов.

Если донесение от 15 апреля 1919 года подлинное[22] — известно, что Кемаль поддерживал связь с «Караколом», вступающим в контакты с большевиками, — это значит, что французы не возражали против назначения генерала, считающегося одним из лидеров опасного движения. Существует другое свидетельство, также неопубликованное, позволяющее даже предполагать связи между Кемалем и французами. За десять дней до отъезда Кемаля Эмин-бей отпускает прислугу на один день: в его квартире должна произойти тайная встреча его старого друга Кемаля и французского офицера. Дверь им откроет Кораль, внучка Эмина, и спустя семьдесят лет она всё еще помнит, какое впечатление произвел на нее мужчина со светлыми волосами, в черной накидке — Кемаль: «Он не был высоким, но производил впечатление сильной личности». Вероятно, мы никогда не узнаем, кто был французский собеседник Кемаля.

Так же загадочно и поведение англичан: они тоже были, по всей вероятности, хорошо информированы. Их разведка даже поместила Кемаля в список неблагонадежных, за которыми следует установить слежку, и Амстронг, автор биографии паши, во многом сомнительной, работавший тогда в Стамбуле, написал, что англичане даже планировали депортировать Кемаля на Мальту. Тем не менее удивительно, что они никак не реагировали. Что это — чья-то ошибка, желание удалить его из Стамбула или недостаточное доверие политиков разведслужбам? Одним словом, военный комиссариат не воспрепятствовал его назначению в Самсун.

В своих мемуарах Эндрю Райан, помощник политического советника английского военного коменданта, находящийся на этом посту с 1899 года, признался: «Имя Мустафы Кемаля было мне неизвестно, когда дамат Ферит сообщил мне о проекте инспекции в Анатолии в апреле 1919 года». Британский дипломат добавил: «Инстинктивно я стал сомневаться в проекте, изложенном Феритом. Но он обнадежил меня, сообщив, что обедал с Мустафой Кемалем и получил все необходимые заверения в его лояльности, заверения офицера и джентльмена. Я думаю, что Ферит был совершенно искренен».

После обеда 14 мая Ферит внезапно спросил Кемаля в упор: «Например, что вы будете делать в регионе Самсуна?» «Для меня было очень сложно, — позже признался Кемаль, — ответить на этот вопрос». И беседа продолжалась.

Кемаль: «Я считаю, что серьезность ситуации (поведение

греков в Самсуне) была несколько преувеличена в донесениях англичан. Но, как бы там ни было, можно выбрать оптимальные меры, только изучив ситуацию на месте. Вы можете оставаться спокойным».

Ферит: «Каковы территориальные границы вашей инспекции?»

Кемаль: «Я точно сам не знаю». И генерал положил руку на карту, прежде чем дать уклончивый ответ. Джевад-паша, начальник Генерального штаба, присоединившийся к собеседникам, поспешил на помощь Кемалю: «Регион не так важен. Генерал будет, естественно, командовать армией, находящейся там. Впрочем, что касается армии, то от нее мало что осталось…»

Согласно декрету о назначении в распоряжение Кемаля переходят два армейских корпуса: 3-й, состоящий из двух дивизий, и 9-й — из четырех дивизий под командованием Карабекира; под его ответственность подпадают гражданская и военная власти вилайетов Самсуна, Трабзона, Эрзурума, Сиваса и Вана; наконец, военные власти вилайетов Диярбакыра, Битлиса, Хлата, Анкары и Кастамону тоже оказываются в его подчинении. Кемаль становится главной властью на трети территории Анатолии.

Кемаль и Джеват вместе покидают великого визиря. Начальник Генерального штаба по пути спрашивает друга:

— Сделаешь ли ты что-нибудь, Кемаль?

— Да, мой генерал, я сделаю что-нибудь…

Сделать что-нибудь? Если верить Юнусу Нади, сидевшему в тюрьме в одной камере с Фетхи, Кемаль якобы был более конкретен и откровенен со старым другом: «Я отправляюсь в Анатолию, получив должность военного инспектора, наделенного широкими полномочиями. Я думаю, что нашел наиболее подходящий повод, чтобы поехать в Анатолию. Правительство и дворец совершенно пренебрегают мною, и англичане еще не проинформированы…» И Фетхи признается Нади: «Паша отправляется в Самсун; ему понадобится три дня на дорогу. Пройдут эти три дня, а остальное будет зависеть от воли Аллаха!» Во время другой откровенной беседы Фетхи уточнил, что значит «остальное»: «Он принял решение; он говорит, что не вернется сюда, пока не урегулирует проблемы, и он абсолютно уверен, что сможет их урегулировать. Он тщательно проанализировал все возможности и нашел пути решения всех проблем… Он уже решил, что откажется от всех своих званий и должностей, чтобы встать во главе национального революционного движения, которое он создаст… Он хочет подчинить своему влиянию

государства Антанты, Блистательную Порту, дворец и Стамбул… Он будет использовать всё возможное, чтобы избежать расчленения страны».

Таким образом, в воспоминаниях Нади «что-нибудь» в разговоре Кемаля с Джеватом превращается в настоящий план. Мемуары Нади были опубликованы в 1955 году — не изменила ли ему память? Али Фетхи в своих «Мемуарах», опубликованных только в 1980 году, после его смерти, не говорит ни слова о каком-либо плане, разработанном Кемалем перед отъездом в Анатолию. Как вспоминает Фетхи, 14 мая Кемаль посетил его в тюрьме и заявил: «У меня будет возможность вступить в контакт с гражданскими властями и отдавать им распоряжения, какие считаю необходимыми… Не грусти! Мы не собираемся оставаться в подобной ситуации и бросать родину в таком положении. Много раз в своей истории наша нация с успехом преодолевала подобные кризисы». Это далеко от легенды, рассказанной Нади.

Перед отъездом из Стамбула Кемаль был принят султаном.

Четырнадцать лет спустя президент Турецкой Республики с карандашом в руке графически изобразит знаменательную встречу. Он начертил прямоугольник, изображающий салон, где проходила встреча, вверху нарисовал красный круг — это место, где сидел Вахидеддин; из окна султану открывался вид на гавань, где стоял флот союзников, угрожая его дворцу. Перед красным кругом Кемаль поставит красную точку, а рядом с ней напишет *«moi»* («я» — *фр.*).

«Генерал, вы уже многое сделали для страны. Ваши подвиги включены в эту книгу. — Султан показал книгу истории страны, которую он только что завершил. — Забудьте об этом! То, что предстоит вам сделать теперь, намного важнее. Паша! Вы можете спасти страну…» Идея была ясна. Вахидеддин, подаривший Кемалю золотые часы со своей монограммой, отправлял в Анатолию генерала, способного укрепить имперскую власть, его власть. Кемаль ответил по-военному: «Я благодарен вам за вашу благосклонность и ваше доверие. Я заверяю вас, что успешно справлюсь с поручением».

Вахидеддин и Кемаль больше не увидятся никогда. Особые отношения двух мужчин, одинаково независимых по характеру. Можно ли вообразить Людовика XVI и Робеспьера или Николая II и Ленина, установивших доверительные отношения, какие были между Кемалем и Вахидеддином? Тем не менее в решающую минуту выбора дружба исчезнет и, по воле Кемаля, Вахидеддин станет последним османским султаном.

Сердце падишаха трепещет

15 мая 1919 года более двенадцати тысяч греческих солдат высаживаются в Измире. Союзники предполагали простую полицейскую операцию под контролем своего флота. Она стала на самом деле настоящим крестовым походом греческих войск, встреченных с ликованием греческим населением. В середине дня, когда греки проходили мимо турецких казарм, раздался выстрел. Сфорца и другие представители власти, неприязненно относящиеся к грекам, обвиняют в этом греческого провокатора, но турки приписывают его турецкому журналисту Хасану Ташину: «Турки не мертвы, они живы… и они не отдадут этот город грекам». Выстрел послужил сигналом к перестрелке, а затем и кровавой бойне. Триста убитых турок, по подсчетам одного из французских офицеров. Греческий огонь захлестнул Измир; выйдя за пределы Измира, греческие войска продолжали убийства, поджоги, грабежи и насилие.

В середине июля союзники, слишком поздно осознавшие свою ошибку, создали Международную комиссию по расследованию событий, связанных с оккупацией Измира и его окрестностей греками. Заключения комиссии, рассмотренные шесть месяцев спустя после этих событий, полностью осуждали и саму интервенцию, и поведение греческих войск. Премьер-министр Греции Венизелос оказался тогда наибольшим реалистом, заявив, что «хотя оккупация Смирны (Измира) не устанавливает, с юридической точки зрения, новое право в пользу Греции, в действительности создала новую ситуацию, которую нельзя игнорировать».

В Стамбуле, где еще находился Кемаль, сообщение об оккупации Измира греками вызвало сначала всеобщее уныние. Был объявлен национальный траур на восемь дней. На улицах женщины носили на платьях кусочек черной ткани со словами: «Измир — в нашем сердце». Многие торговцы закрыли свои лавки, а войска были переведены на казарменное положение. В знак протеста правительство подало в отставку. Вскоре начались волнения среди населения. Множатся митинги протеста; делегация студентов, принятая Дефрансом, заявила, что в стране начнется всеобщее восстание населения, которое предпочитает скорее умереть, чем «дать себя задушить, подобно овцам, маленькой нацией, чье отношение к нам давно известно». Все политические партии от консерваторов до социалистов протестуют против союзников. Наследный принц Абдул-Меджид сам пишет президенту Французской Республики, умоляя не трогать территориальную целостность страны.

В пятницу, 23 мая, массовый митинг протеста происходит на главной площади турецкой части Стамбула, окруженной мечетью

султана Ахмета и Святой Софией, в нескольких сотнях метров от дворца Топкапы, Блистательной Порты и военного министерства, свидетелей былой мощи и процветания империи. Наряду с военным министром, мэром Стамбула и начальником полиции, 40 тысяч, по мнению союзников, 200 тысяч, по сведениям турок, собрались на митинг. Никаких происшествий, но атмосфера была крайне напряженной. «Нет убийцам мусульман», «Не принесем в жертву два миллиона турок двумстам тысячам христиан», «Мы требуем правосудия», «Турки свободны», — скандировала толпа. Один за другим на трибуну поднимались известные люди.

Гневно обличает оккупантов знаменитый поэт Мехмет Эмин, прославившийся стихотворением «Я — турок». Но наибольший успех снискала женщина, Халиде Эдип, тридцати пяти лет, журналистка, педагог, основатель первого женского клуба в Турецком центре, медсестра во время войны, друг Талаата и Джемаля. Ее мужество и искренность широко известны. Вся в черном, в черной вуали, Халиде Эдип бросает взволнованный призыв: «Мы не забудем наше достоинство, наши права и наши обычаи — наше самое ценное наследие в течение семи веков! Поклянемся на пороге этих минаретов, что оплакивают семь веков истории! Мы не предадим нашего знамени и чести наших предков!» Толпа потрясена, а ее ученицы, одетые по требованию профессора в традиционные одежды, казалось, все походили на Халиде Эдип. Одна из них вспоминала: «Ее выступление было потрясающим. А вокруг были одни минареты, и на каждом из них — черные полотнища, трепещущие на ветру. А голоса муэдзинов перекликались по всему Стамбулу».

Англичане быстро отреагировали на эту волну патриотизма. Пяти дней им оказалось достаточно, чтобы полностью изменить свое отношение и заявить, что они сторонники целостности Османской империи и поддерживают султана в Стамбуле. А оккупация Измира? Это решение было принято «под давлением Жоржа Клемансо». Никто не может их упрекнуть в официальном заявлении, поддерживающем расчленение империи, даже напротив, Ллойд Джордж заявил в январе 1918 года: «Мы не воюем с Турцией, чтобы отобрать у нее столицу или земли Малой Азии или Фракии, которые заселены этническими турками… Мы не выступаем против поддержки Турецкой империи в пределах средоточия турецкого этноса и его столицы Константинополя». Не теряя времени, пользуясь отсутствием какой-либо инициативы со стороны французов, представители Лондона разворачивают пропаганду. В столице и Фракии они создают Общество друзей Великобритании и добиваются того, что в него входят знатные персоны, среди которых Али Кемаль, новый министр внутренних

дел, ярый антиюнионист. Благодаря их поддержке и собственной инициативе в столице создается 17 филиалов общества, а идея британского протектората, главная цель общества, прокладывает себе дорогу. Газета «Алемдар» печатает статью под заголовком «Мы хотим англичан», и в двадцать четыре часа под петицией, одобряющей британский протекторат, собрано сорок тысяч подписей.

Англичане могут гордиться своим маневром. Но, чтобы ничего не оставлять на волю случая, они принимают решение в одностороннем порядке, что привело к новому инциденту с французами: отправить на Мальту «самых активных лидеров „Единения и прогресса“». 28 мая шестьдесят семь самых видных руководителей юнионистов были отправлены в Мудрос и на Мальту; среди них оказались и Фетхи, и Гёкалп. Ссылка на Мальту взбудоражила общественное мнение. Более дальновидным оказался французский военный комендант Дефранс, написавший через неделю после высадки греков в Измире: «События в Смирне (Измире), высадка итальянцев (в ответ на греческую), сенсационные и противоречивые новости, публикуемые по поводу решений или намерений конференции, вызвали движение националистов, охватывающее всю страну».

Не заблуждался ли военный комендант, считая, что приглашения османской делегации на мирную конференцию будет достаточно, чтобы успокоить население? Колесо завертелось. Иллюзии, которые питали многие турки по поводу применения принципов Вильсона к их стране, улетучились после оккупации Измира. Жестокая интервенция греческих войск превратила Измир и Айдын в города-мученики. В Стамбуле и Анатолии эти города стали боготворить. Выпускали открытки, изображающие женщин и детей, бегущих из горящего Измира к анатолийскому крестьянину, гордо поставившему ногу на труп поверженного грека. Писатели и поэты не находили подходящих слов, чтобы как можно ярче описать несчастных жертв оккупированных городов.

Печальная новость, как известие о смерти,
Внезапно мы побледнели,
Я вижу слезы, дрожащие в глазах у всех,
Все в трауре по Измиру —

пишет один из поэтов, заканчивая восклицанием, полным любви:

Измир, прекрасный Измир, не покидай нас!

К несчастью для союзников и к счастью для турок, Кемаль покидает Стамбул на следующий день после высадки греков в Измире.

Глава восьмая
АНАТОЛИЯ

В своей знаменитой речи 1927 года, известной под названием «Нутук», Кемаль, вспоминая события с мая 1919 года до создания республики, так описал свое состояние во время отъезда из Стамбула: «Было важно, чтобы вся нация поднялась против тех, кто был готов угрожать независимости Турции. Бесспорно, нельзя было немедленно выступать с нашими требованиями в той обстановке. Напротив, было необходимо действовать поэтапно… С самого начала я предвидел окончательный результат. Но мы не должны были сразу раскрывать наши настроения и намерения. Если бы мы это сделали, нас сочли бы мечтателями…»

Самые преданные сторонники Кемаля находят в этих словах убедительное доказательство его поразительного предвидения, его способности предвосхищать события: он сразу всё понял, всё предвидел, всё рассчитал. Другие отмечают удачный подбор слов: каждое слово тщательно подобрано, каждая фраза составлена осторожно, чтобы создать должное впечатление — предвосхищение проекта и его детальную подготовку — без какого-либо риска обмана: «С самого начала я предвидел окончательный результат…» Но что тогда называл Кемаль окончательным результатом?

Высадка в Самсуне

В Стамбуле Кемаль тщательно готовился к своей миссии. С Джевадом, начальником Генерального штаба, он согласовывает особый телеграфный шифр, лично подбирает двадцать офицеров для своего штаба и, наконец, отмежевывается от полковника Исмета, который не скрывал своего неодобрительного отношения к перемирию и его последствиям. Исмет признается своему другу Карабекиру, что разуверился во всем и что лучше стать простым крестьянином. «У меня нет денег, чтобы купить землю, и я не отдам ни свое оружие, ни мой мундир», — отвечает ему Карабекир, которого только что назначили командующим 15-м армейским корпусом, одним из лучших в османской армии, поэтому у него не было никаких причин для отчаяния, какое испытывал Исмет. Кемаль пытается поднять дух Исмета и просит его оставаться в боевой готовности: «Ты мне поможешь, когда начнется настоящая работа». Последний визит Кемаль наносит

полковнику Кара Васыфу, лидеру «Каракола», который станет представителем «анатолийцев» в Стамбуле.

Рауф, верный соратник Кемаля, провожает его на пристань. В полдень старый пароход «Бандырма» поднимает якорь и отправляется в Самсун. Как раз вовремя, так как британские власти «начинают задумываться над тем, почему генерал-инспектор 9-й армии в сопровождении своего штаба направляется в Сивас, хотя идея формирования 9-й армии была оставлена». Британский офицер, визирующий паспорта Кемаля и его спутников, удивлен, почему молодой генерал — ему всего около двадцати двух лет — требует у вышестоящего начальства «зеленый свет» и ему его дают!

На борту «Бандырмы» находились Кемаль, его штаб и полковник Рефет, назначенный командующим 3-м корпусом. Спутников ожидает различная судьба. Полковники Рефет и Ариф отделятся от Кемаля, Ариф будет повешен в 1926 году за участие в заговоре в Измире, майор Хюсрев останется с Кемалем и станет депутатом и послом; военный врач Рефик станет премьер-министром, когда президентом будет Исмет Инёню. Другие сделают успешную карьеру в армии.

Кемаль не увидит Стамбула в течение восьми лет — до 1927 года. Мог ли он предположить столь длительную разлуку со Стамбулом, плывя на «Бандырме» по Босфору к Черному морю? Как любой генерал, Кемаль испытывал беспокойство, предшествующее сражению. Но он покидал Стамбул счастливым и с легким сердцем. Счастливым, потому что должность инспектора 9-й армии предоставляла ему полномочия, какими он еще никогда не был наделен; по иронии истории, он обязан подобной ситуацией своим противникам — либералам, бросившим в тюрьму его лучших друзей. С легким сердцем, потому что удалялся от места, враждебного ему, где он был несчастным. Космополитизм Стамбула, особенно обострившийся во время оккупации, удручал Кемаля. Тяготившей его обстановке в Стамбуле паша предпочитал военный лагерь и действие.

Однако Кемалю не стоило сожалеть о своем пребывании в течение шести месяцев на берегах Босфора. Там он расстался с напрасными иллюзиями и повзрослел. Исчезновение Энвера не решило всех его проблем. Кемаль приобрел опыт политика и отказался от прежнего утверждения, что «политика разлагает армию». Он понял, что политики и военные должны действовать вместе и, более того, что честолюбивый османский офицер едва ли может отказаться от политики. Голосование за доверие Тевфик-паше, частые встречи с Али Фетхи, опыт издания «Минбер», встречи с Вахидеддином открыли Кемалю глаза на

правила и тайны политической игры.

«Бандырма» прибыла в Самсун 19 мая после трехдневного плавания. Ситуация, как писал Кемаль военному министру, оказалась гораздо хуже той, какую он ожидал увидеть; недовольство среди населения всё возрастало. И Кемаль сразу же активно включился в работу, опираясь на полученный им мандат. Первыми спохватились англичане: уже 19 мая британский комендант написал османскому военному министру, требуя «объяснить, какими полномочиями наделены Кемаль и офицеры его штаба и что они собираются создать». Если бы генерал Милн мог предположить!

Вызывали ли беспокойство телеграммы, отправленные Кемалем Карабекиру или Фуату? Вполне логично, что инспектор 9-й армии вступает в контакт со своими подчиненными, а именно с командующим 15-м корпусом армии Карабекиром. 15-й корпус представлял собой серьезную силу: многие его офицеры не были демобилизованы, а те, что были, ухитрились остаться в строю. Им удалось также сохранить оружие и снаряжение.

21 мая Карабекир получает телеграмму, в которой Кемаль пишет: «Я очень огорчен и озабочен серьезным изменением общей ситуации, нам следует координировать наши действия». Через два дня Кемаль телеграфирует Фуату в 20-й корпус армии, в Анкару, представляющую западную точку анатолийского редута. Телеграммы! Весьма грозное и эффективное оружие, используемое Кемалем, так же как и железные дороги. В свое время султан Абдул-Хамид уже уделял особое внимание телеграфу как важнейшему средству контроля над территорией. Кемаль виртуозно возродил это наследие Абдул-Хамида. Телеграф и железные дороги, эти продукты индустриальной эпохи, занимали особое место: возможно, Кемаль не смог бы одержать победу в войне за независимость и создать современную Турцию, имея в распоряжении только телеграф и железные дороги, но и без них он не смог бы ни выиграть войну, ни создать новую Турцию.

Обстановка в Самсуне накалялась; британские войска, прибывшие сюда в марте, получили новое подкрепление. Угроза со стороны англичан и греков возрастала. Утром 25 мая Кемаль и его штаб покидают Самсун в стареньком «мерседес-бенце», делающем в час не более 15 километров. Они отправились в небольшое местечко Хавза.

Среди полей подсолнечника

Хавза, затерянная на плоскогорье среди полей подсолнечника, становится штаб-квартирой Кемаля на две недели. 20 мая он присутствует на религиозной службе в мечети города и с удовлетворением слышит заявление местного чиновника о том, что население готово участвовать в спасении Измира. К этому времени греки уже продвинулись на сто километров к северу от Измира. А анатолийцам, прежде чем думать о помощи братьям на западе, следовало бы позаботиться и о собственной безопасности; всё чаще говорят о предстоящей высадке британских войск на побережье Черного моря. Кемаль снова обменялся телеграммами с Карабекиром с целью организовать защиту от подобной атаки.

Британская угроза не помешала инспектору 9-й армии провести официальную встречу с английским капитаном Хёрстом. Мистер Хёрст лишь носил форму капитана: он был сотрудником британского консульства в Леванте, одним из многочисленных специалистов-востоковедов, используемых британской армией в силу их лингвистического образования и знания этого региона и населения. К тому же Хёрст состоял сотрудником службы контроля и разведки в регионе Самсуна,

Кемаль и Хёрст обсуждали общую ситуацию в регионе и проблемы безопасности. Кемаль любезно разъяснил Хёрсту, что останется на несколько дней в Хавзе, так как «воды из местного источника очень полезны» для его больных почек, а затем отправится в Амасью, Эрзурум и Трабзон. Но турок утаил от собеседника, что накануне он отправил телеграммы всем гражданским властям в регионе, запросив информацию о подготовке к организации национального сопротивления.

Несмотря на притворно мягкий тон беседы, Хёрст насторожился. Митрополит Самсуна и епископ Хавзы сообщали ему о подготовке сопротивления; в Мерсифоне, куда Хёрст направился из Хавзы, он нашел христиан в состоянии паники. Ситуация слишком серьезна, как заявили ему члены американской миссии, хотя они и считали, что население не станет поддерживать «военных, большинство которых были членами „Единения и прогресса“». Хёрст остается в Мерсифоне неделю, в течение которой ничего не произошло, но «огонь постепенно разгорался»: телеграф был перегружен сообщениями, отправляемыми и получаемыми Кемалем. Покинув Мерсифон, Хёрст со спутниками не раз видели валяющиеся вдоль дороги коробки от патронов, а 11 июля были атакованы лазами[23]. Лазы всегда отличались агрессивностью, но Хёрст считал, что это Кемаль спровоцировал их нападение.

Отчет Хёрста прибыл в Стамбул 13 июня. Но еще с 8 июня

Калторп предупреждал Лондон: «<…> Тревожные новости поступают из региона Самсуна; создается впечатление, что некоторые личности, настроенные враждебно, стремятся расшатать общественный порядок и спровоцировать беспорядки. Считается, что важную роль в этом движении играет Кемаль-паша». Не ожидая ответа из Лондона, Калторп и генерал Милн обращаются к Блистательной Порте (правительству), требуя возвращения паши. Военный министр, подчиняясь требованию англичан, просит Кемаля немедленно вернуться. Ответ Кемаля не заставил себя ждать: он тут же отправляет министру телеграмму, в которой сообщает, что «имеет честь объяснить министру невозможность своего возвращения из-за отсутствия угля и бензина…» и добавляет: «Я прошу указать мне мотив моего вызова в Стамбул». Таким образом, Кемаль не подчиняется вызову министра, но пытается сделать вид, что и не отказывается — он не может вернуться из-за отсутствия топлива. «Никогда не нужно раскрывать свое мнение…»

В середине июня 1919 года Кемаль, оставаясь в Хавзе, искусно манипулирует телеграммами. А в это время англичане оккупируют юго-восток Анатолии, угрожают побережью Черного моря и направляют двадцать тысяч солдат на Кавказ. Французы оккупируют Киликию, итальянцы — Анталью, греки — Западную Анатолию. Армяне и курды с нетерпением ждут решений мирной конференции в Париже.

В этой напряженной атмосфере один из самых молодых соратников Кемаля, капитан Хюсрев, пишет Карабекиру, выражая свое крайнее беспокойство: «Что нас ожидает?» Молодой офицер видит лишь одно решение: «Попытаться адаптировать принципы большевиков и установить с ними отношения при условии сохранения существующих законов и традиций турок».

Это очень обрадовало бы Москву. Ведь с момента высадки союзников в Крыму и их интервенции на Кавказ в конце 1918 года чтобы помочь Белому движению и преградить путь большевикам, выход России в Средиземное море снова находился под угрозой. Как писал военный корреспондент «Таймс», «проливы Босфор и Дарданеллы не только давали союзникам контроль над Черным морем и защиту дороги в Индию, но и предоставляли также наилучшее средство для влияния на политику России». Москва не бездействовала перед угрозой союзников. В Стамбуле большевики создают первую группу коммунистов осенью 1918 года, и члены таких организаций, как «Каракол» и «Мессаи», также не оставались равнодушными к идеям большевиков. Но настоящая контратака связана с Первым конгрессом Коминтерна в марте 1919 года, решившим организовать экспорт коммунизма во все

страны; Восток, ближний и дальний, стал привилегированной мишенью новых руководителей России. «Восток — ахиллесова пята капитализма», — утверждал Субхи[24].

Будущему главе коммунистической партии Турции было тогда 36 лет. Ничто не предвещало, что Субхи, сын губернатора, доктор права университета Стамбула, имеющий диплом Школы политических знаний Парижа, станет активным революционером. Сначала он вступает в османскую социалистическую партию; в 1914 году перебирается в Россию и через три года, став, по словам одного из советских авторов, «живым свидетелем октябрьских сражений», вступает в партию большевиков и становится ответственным за пропаганду в составе мусульманского бюро.

Но для большевиков пропаганды недостаточно: они нуждаются в партнерах и союзниках, таких как анатолийские националисты.

Карабекир, имевший опыт общения с большевиками на Кавказе и не забывший враждебные отношения между Турцией и северным соседом, не спешил с ответом юному другу Хюсреву[25].

Амасийский протокол

Когда Карабекир ответил, Кемаля и его соратников уже не было в Хавзе — они прибыли в Амасью. По прибытии Кемаль вышел на балкон мэрии и обратился к толпе с речью: «Жители Амасьи, султан и его правительство оказались в плену у союзников. Страна — на краю пропасти. Мы с вами должны найти решение, чтобы положить конец этому трагическому положению. Жители Амасьи, мы должны сбросить оковы, смыть позор, мы будем защищать нашу родину до последнего камня!»

Освободить султана и правительство, сражаться, защищая родину, — какой турок откажется от этого? И насколько символично бросить подобный призыв в Амасье! Амасья, главный город на пути из Самсуна в Сивас, — древняя резиденция первых османских султанов; ее шелковые прядильни были разрушены в результате одного из коммерческих договоров, навязанного европейцами османам в прошлом веке. Тем не менее город остается активным центром торговли, а ряд религиозных школ принес ему имя «Оксфорд Анатолии».

Через два дня после прибытия Кемаля, 19 июня, к нему присоединились Рауф и Фуад. Рауф покинул Стамбул незаметно — куда смотрели британские спецслужбы? Он направился в Западную Анатолию, где встречался с военными командирами и

отрядами, сражающимися с греками, выяснял их возможности, снаряжение, их боевой дух. В свою очередь, Кемаль отправил телеграмму в Эдирне командующему 1-м корпусом армии полковнику Каферу Тайяру. На западных границах империи Тайяр обеспечивал поддержку армией Ассоциации защиты прав Фракии. Кемаль призвал его присоединиться к движению сопротивления анатолийцев.

Как и в Шишли, Кемаль, Рауф и Фуад принялись за работу. «Мы начали обсуждать проблемы страны», — телеграфировали они Карабекиру, который командовал наиболее закаленными в боях войсками, человеку осторожному, не верившему в бескорыстную помощь Москвы. Он посоветовал друзьям в Амасье более тщательно выяснить всё про большевизм. Кемаль не разделял опасений Карабекира: он ответил ему, что мусульмане России живут при режиме большевиков, и добавил, что следует вступить в переговоры как можно скорее, чтобы получить материальную помощь, при единственном условии: не разрешать Красной армии войти в Анатолию. Кемаль и Фуад очень долго спорили по поводу большевиков: можно ли с ними сотрудничать?

Этот вопрос был слишком революционным, чтобы затрагивать его в документе, разработанном тремя соратниками и известном как Амасийский протокол. Протокол содержал две фундаментальные идеи. Первая идея глобальная: нация хочет спасти свою независимость и сохранить целостность родины. А вторая идея, более радикальная: центральное правительство неспособно осуществить это национальное желание, поэтому необходимо создать в Анатолии национальное правительство, свободное от любого влияния и не зависимое от какого бы то ни было контроля. Для создания национального правительства триумвират предлагает созвать в Сивасе конгресс, объединяющий все движения национального сопротивления.

Кемаль, Рауф и Фуад вскоре почувствовали, что их идея «правительства в изгнании» порождает настороженность. 21 июня они привлекают к работе полковника Рефета, бывшего участника встреч в Шишли, командующего 3-м корпусом армии. Рефет в интервью газете «Акшам» в 1924 году описывает встречу трех единомышленников в Амасье как заговор, в котором преобладали персональные амбиции участников. Рефет с трудом воспринял идею «правительства в изгнании»: «Может ли быть сформировано правительство, если представится случай, на конгрессе (в Сивасе)?» Али Фуад ответил утвердительно: «Да, я считаю, что необходимо создать правительство, способное защитить свободу и независимость нации, и конгресс сможет это сделать после тщательного анализа и обсуждения всех деталей».

22 июня 1919 года Амасийский протокол отправляется по телеграфу в Эрзурум, Эдирне, Конью, Стамбул, в штабы главных корпусов армии и некоторым политикам персонально: Иззет-паше, Кара Васыфу и Халиде Эдип.

Проект Кемаля, Рауфа и Фуада предельно ясен: чтобы спасти родину, необходимо создать свободное национальное правительство в Анатолии, так как законное правительство сотрудничает с врагами. Был ли этот призыв из Амасьи революционным? Нет, скорее патриотическим: султана не подвергали критике и тем более не осуждали; в протоколе отсутствовали яростные нападки, бросаемые в 1908 году младотурками против султана — палача конституции. Враг — это правительство, сотрудничающее с «Либеральной Антантой», осудившей юнионистов и бросившей их в тюрьму… Тогда как Али Фуад возвращается в Анкару, Кемаль и Рауф отправляются в Эрзурум, чтобы участвовать по настоятельному совету Карабекира в конгрессе восточных провинций Анатолии.

Глава девятая
«КАК ПРОСТОЙ РЫЦАРЬ…»

По воздуху Самсун от Эрзурума отделяют около четырехсот пятидесяти километров, но по суше расстояние между двумя городами гораздо больше. Самсун расположен на берегу моря, Эрзурум находится на востоке горного хребта, идущего от Сиваса до Эрзинджана, на высоте более двух тысяч метров. В этой части Анатолии нет ни одной железной дороги, и хотя построено несколько автомобильных дорог, покрытых щебнем, путешествие превращалось в тяжелое испытание: от Эрзурума до Сиваса можно было добраться за четырнадцать дней.

Условия жизни здесь были тяжелыми. На плоскогорье и в горах зима была настолько же суровой, насколько изнурительно палящим было солнце летом. Зимой, после обильных снегопадов, сообщение практически прерывалось и экономическая жизнь замирала. К тому же эти восточные провинции, удаленные от Стамбула, страдали во время всех Русско-турецких войн. Экономика здесь была еще в зачаточном состоянии: судоверфь в Самсуне, образцовая ферма в Сивасе и современная школа в Эрзуруме…

С 1914 года жизнь стала просто невыносимой. Наступления и отступления русской и турецкой армий, жестокое уничтожение и депортация армянского населения, возвращение армян с русскими войсками, бесчинства дезертиров и эпидемии гриппа опустошали регион. За пять лет население сократилось в десять раз. Нищета царила повсюду, города Трабзон, Орду, Эрзурум, Ван и Сивас лежали в руинах. В сельской местности, где расплодились волки, крестьяне покидали свои деревни. «Общая атмосфера вилайета Трабзона, — писал английский офицер летом 1919 года, — выражает упадок, нищету, голод и страх». В традиционно непокорном приказам Стамбула регионе царил хаос. В вилайете Трабзона, например, было всего 1200 жандармов на 2100 городов и деревень; еще следует отметить, что жандармы получали настолько мизерную зарплату, что были практически вынуждены грабить население.

Восточная Анатолия, опустошенная земля, находилась под влиянием противоречивого и сложного национализма армян, греков, турок, не говоря уже о курдах и лазах. В этом исключительно бедственном положении Восточная Анатолия летом 1919 года станет центром национального сопротивления турок.

Отставка

После 20 июня, когда Кемаль с соратниками еще только работал над протоколом в Амасье, французский военный комендант Дефранс, а вслед за ним главнокомандующий войсками союзников на Востоке Франше д'Эспрей отправляют в Париж тревожные донесения по поводу Измира. В своей секретной депеше Франше подробно анализировал политическую ситуацию. Как объяснял в своей телеграмме генерал, националисты хотят изгнать греков, свергнуть кабинет министров и султана, провозгласить временное правительство, членом которого мог бы стать наследный принц, и создать федерацию с арабами. Националисты пользуются поддержкой итальянцев, надеются получить помощь немцев и только что заключили соглашение с главным шейхом Ирака, пообещавшим им 300 тысяч человек. Откуда подобная информация? Свергнуть султана, провозгласить временное правительство с наследным принцем, создать федерацию с арабами? По сравнению с этим Амасийский протокол выглядит бледным и академичным. А что думать о помощи немцев или арабов? Телеграмма Франше объявляет о подлинной революции. В ответ Клемансо пожурил Франше и напомнил ему, что только военный комендант правомочен заниматься политикой в Турции…

Реакция англичан более живая, но тоже неэффективная. Многочисленные английские офицеры, внедренные в Анатолию, информировали военного коменданта почти ежедневно о возмущении населения оккупацией Измира; в Фракии, Западной и Центральной Анатолии нарастает движение сопротивления, чаще всего организуемое юнионистами. Министр внутренних дел Али Кемаль в доверительных беседах с англичанами признает, что действия правительства всё больше и больше осуждаются сторонниками юнионистов (партии «Единение и прогресс») и военными. Каждый раз, когда он предлагал правительству обвинить Кемаля во вмешательстве в управление телеграфной службой и перевести его в Конью, военный министр и начальник Генерального штаба выступали против этого и переубеждали большинство кабинета министров.

Калторп многократно обращается к османскому правительству, требуя отозвать Кемаля и Кючюк Джемаля (Джемаль был назначен инспектором войск в Конье), и каждый раз наталкивается на отказ. 25 июня, устав бороться, Али Кемаль подает великому визирю прошение об отставке: «Военный министр и его военные инспекторы проводят шовинистическую политику, противоречащую нашей. Совет министров своими

увертками и колебаниями только вдохновляет эти пагубные интриги». Отставка военного министра через несколько часов после отставки министра внутренних дел — лишь слабое утешение; военное министерство легко находит ему преемника.

Через несколько дней после отставки Али Кемаля Ферит-паша, возглавлявший османскую делегацию на мирной конференции, был изгнан из Парижа. Тон, принятый конференцией, был необычайно агрессивным, национальные чувства турок словно хотели растоптать: «Не было ни одного случая в Европе, Азии или в Африке, когда установление турецкого правления в стране не привело бы к упадку материального благосостояния и снижению культурного уровня; и не было ни одного случая, когда устранение турецкого правления не привело бы к улучшению материального благосостояния и расцвету культуры. Будь то христиане Европы, мусульмане Сирии, Аравии и Африки, турки не сделали ничего, кроме как разрушали то, что завоевали; нигде они не смогли продемонстрировать свою способность развивать в мирное время то, что они завоевали». Следует признать, что Ферит-паша произнес исключительно неудачную речь, больше похожую на речь победителя. «Я никогда не слышал ничего более тупого», — прокомментировал Вильсон, тогда как Ллойд Джордж расценил предложения великого визиря как «забавную шутку».

Через десять дней Клемансо объявляет османскую делегацию как «нежелательную» во Франции. В Стамбуле изгнание из Парижа Ферит-паши и его помощников вызвало крайнее сожаление.

5 июля, после очередного требования Калторпа, третьего или четвертого по счету, Блистательная Порта приказывает обоим инспекторам вернуться в Стамбул. После изгнания османской делегации с Парижской конференции, постоянного давления со стороны британского военного коменданта и вмешательства греческого и армянского патриархов, осудивших «режим террора, к которому снисходительно относилась Блистательная Порта», правительство стремилось утвердить свой авторитет, вызвав в Стамбул Джемаля и в первую очередь Кемаля. Великий визирь на пути из Марселя в Стамбул решает вмешаться, так как считает себя ответственным за назначение Кемаля в Анатолию, как он заявит об этом французскому военному коменданту Дефрансу. Ферит хочет напомнить паше об обещании, которое тот дал перед отъездом: бороться с юнионистами и верно служить султану и правительству. Султан не выступает против отзыва Кемаля и в то же время направляет Калторпу личное послание: «Армяне готовятся атаковать Эрзурум, вилайет Айдын превращается в

бойню, у меня нет военных средств противостоять реакции анатолийцев, если продвижение греков будет продолжаться». Он в отчаянии или хочет произвести подобное впечатление: его империя распадается, а трон «зашатался». Он тоже отвечает ударом на удар; его опыт с Кемалем не увенчался успехом. Кемаль должен вернуться.

В Конье Кючюк Джемаль подчиняется приказу, очевидно, не согласовав это с Кемалем, который, как и прежде, не прислушивается к приказу вернуться и даже уезжает еще дальше. 8 июля он отправляет две телеграммы — военному министру и султану, заявляя, что подает в отставку и покидает армию: «Как простой рыцарь, сражающийся за свою нацию, я решил преодолеть все преграды вплоть до победы во имя нашей высшей цели…» Кемаль выбрал свой путь: он больше никогда не будет таким, как все. Этот человек, для которого армия значила так много, решительно покидает ее, добровольно лишившись всех привилегий генерала, став простым гражданским мятежником, кому тут же отказывается служить начальник его штаба: «Мой паша, вы вышли в отставку. Больше я не смогу выполнять ваши приказы. Кому я должен передать свои документы?» Лицо Кемаля покраснело, затем побледнело. Хусейн Рауф, бывший свидетелем этой мучительной сцены, рассказал: «Я знаю Кемаля с 1909 года… Я никогда не видел его настолько морально подавленным, как после этого разговора». Когда адъютант вышел, Кемаль повернулся к другу и бросил: «Рауф, ты видел? Ты видел цену мундиру и должности?»

И всё же Кемаль не остается в одиночестве. С 9 июля Рауф отправляет во все вилайеты телеграмму поддержки действиям Кемаля: «Я буду служить интересам нации, как простой гражданин… Я торжественно подтверждаю мое решение сражаться до конца рядом с Кемаль-пашой до тех пор, пока мы не добьемся независимости и свободы нашей земли и нашей нации, а также неприкосновенности султаната и халифата». Но главная поддержка пришла от Карабекира. Возможно, он был недостаточно образованным и неспособным разработать какой-либо политический проект; возможно, его любимым словом было слово «я», но Карабекир был командующим 15-м корпусом армии. И как дисциплинированный генерал он мог бы и даже должен был бы предпочесть Стамбул. Командуя мощным армейским корпусом, он мог бы противостоять Кемалю и контролировать его. До сих пор Карабекир всегда был на стороне Кемаля. Будет ли он продолжать поддерживать Кемаля даже после того, как тот получил назначение военным инспектором, о чем мечтал сам Карабекир? И Карабекир без колебаний снова поддерживает

Кемаля, всё еще находящегося в шоке от того, что его покинул начальник штаба: «Как и прежде, вы — наш высокочтимый командир. Я прибыл с машиной, предназначенной для командующего армейским корпусом, и с эскортом кавалерии. Мы все в вашем распоряжении, паша!» Какой потрясающий сюрприз для Кемаля!

Отчаянный, романтический поступок Кемаля был очень рискованным и требовал немедленных действий. Назрел час решительного наступления после изгнания великого визиря с мирной конференции в Париже и накануне конгресса в Эрзуруме. Если Кемаль хочет создать широкое движение сопротивления и организовать национальный конгресс, он должен мобилизовать все силы. Многие не ожидали его прибытия в Анатолию для организации национального сопротивления. Чтобы завоевать их доверие, чтобы руководить ими, имидж «простого гражданина, борющегося за интересы нации» дает много преимуществ, особенно если гражданский костюм прикрывает военную форму…

Эрзурум

Заручившись поддержкой военных, Кемаль ищет политической законности и получает ее, когда Ассоциация защиты национальных прав Эрзурума предлагает ему пост президента. Ассоциация Эрзурума, созданная в марте 1919 года, подобна любой другой ассоциации по защите национальных прав, появившихся во Фракии и Анатолии. Ее задача — показать, что турки составляют большинство местного населения и что они способны создать свою организацию в соответствии с цивилизованными законами. Руководители этих ассоциаций — видные местные юнионисты или близкие интересам организации «Единение и прогресс». Ассоциация выпускает свою газету, проводит объединенные с другими муниципальными ассоциациями заседания и ведет подготовку конгресса для всех восточных провинций вместе с ассоциацией Трабзона.

На следующий день после прибытия в Эрзурум Кемаль выразил свое почтение ассоциации, посетив ее в форме адъютанта султана. Этот демарш был искренним и впечатляющим: персональный представитель султана, герой Дарданелл, освободивший от русских войск Муш и Битлис, посещает скромную провинциальную ассоциацию и выражает одобрение ее деятельности! Видные юнионисты Эрзурума были тронуты подобным вниманием. Отставка Кемаля не разочаровала их, напротив, инспектор, увенчанный наградами и окруженный

почетом, стал одним из них, он предпочел честь своим званиям. Кемаль становится президентом ассоциации.

Открытие конгресса перенесли на 23 июля, чтобы предоставить делегатам время добраться до Эрзурума. Эта непредвиденная отсрочка позволила Кемалю освоиться с новой ситуацией. В Эрзуруме, за крепостными стенами, защищающими город, он находился в безопасности, небольшая горстка христиан, уцелевших в Эрзуруме, не представляла никакой опасности. Вокруг Эрзурума тоже не назревало никакой угрозы. На Кавказе продолжались бои между белогвардейцами Деникина и большевиками. В Армении Вашингтон согласился взять на себя функцию межсоюзнического военного коменданта, но для начала направил туда миссию, чтобы оценить подобный мандат.

На севере маневры полковника Рефета приостановили передвижение британских войск. Рефет — «одна из наиболее привлекательных и противоречивых фигур движения сопротивления». Необычайно энергичный и изобретательный, Рефет оставался загадкой для англичан. Одни из них были уверены, что «Рефет никогда не поддерживал Кемаля», другие считали его «главным соратником Кемаля», хотя Рефет критиковал Кемаля, упрекал его за отставку и осуждал его поведение по отношению к Стамбулу. Экзальтированный и истеричный, Рефет имел по меньшей мере одно достоинство: он эффективно защищал доверенный ему регион. А так как на западе и юге враг был далеко, то конгресс в Эрзуруме мог работать в относительно спокойной обстановке.

Конгресс

23 июля 1919 года около шестидесяти мужчин собрались в саду старинной армянской школы. Несколько убеленных сединой бород и тюрбанов оживляли общий мрачный ансамбль светских костюмов и военных мундиров. В ожидании прибытия Кемаля и Карабекира делегаты конгресса слушают игру военного оркестра. Практически половину делегатов составляют жители Эрзурума. Обращает на себя внимание отсутствие представителей Вана и Битлиса. На самом деле конгресс восточных провинций скорее похож на конгресс вилайетов Эрзурума, Трабзона и Сиваса, представленных 51 делегатом из 56 присутствующих.

В десять тридцать прибывают три машины с офицерами; Кемаль и Кязым Карабекир выходят первыми. После традиционного жертвоприношения барана конгресс может приступить к работе.

Кемаль, единственный кандидат на пост президента конгресса, получает необходимое большинство голосов: 38 — согласно одним источникам, 48 — согласно другим.

В форме адъютанта султана он поднимается на трибуну. Вспомнил ли он конгресс «Единения и прогресса» на следующий день после революции 1908 года? Пересмотрел ли он речь, которую произнес тогда? Несомненно одно: Кемаль в интересах страны и своих личных не имел права на поражение.

Он тщательно подготовил свою речь, учтя состав аудитории. Не считая Кемаля и Рауфа, половина делегатов были лицами гражданскими или в отставке, а также религиозными и государственными деятелями. Остальные были врачами, адвокатами, журналистами, коммерсантами; что касается простого народа, то его представляли только четверо крестьян.

Поблагодарив делегатов за оказанное ему доверие, Кемаль сразу приступил к главному: к ситуации в стране. Она настолько драматична, что вызывает крайнее беспокойство и возмущение патриотов. Акты агрессии учащаются: союзники не соблюдают условий перемирия, их примеру следуют армяне; слабое правительство Стамбула неспособно приостановить агрессию. Кемаль более подробно останавливается на вопросе, важном для восточных провинций, — взаимоотношения с армянами. Он обвиняет армян в расправе с мусульманами в городах Восточной Анатолии и в стремлении создать свое собственное государство. Драматизируя ситуацию, преувеличивая происходящее или окрашивая факты по-своему, Кемаль добивается желаемого эффекта. Но он не останавливается на этом. Истинная цель его выступления проявилась тогда, когда он стал описывать движение за национальное освобождение в Египте, Индии, Афганистане, Сирии, Месопотамии, России, заражая этими примерами анатолийцев. Речь его была яркой и убедительной, ему оставалось только подтвердить Амасийский протокол: столица находится под контролем иностранцев, поэтому национальное сопротивление следует организовать вне Стамбула, а именно — в Анатолии. И наконец он завершает речь призывом: «Да защитит Аллах родину, султана и халифа!»

Триумф? Нет, успех. Выступление Кемаля покорило аудиторию, но один инцидент, произошедший в первый день, характеризует атмосферу конгресса. Когда Кемаль председательствовал, облаченный в блистательную форму имперского адъютанта, два делегата из Трабзона потребовали, чтобы президент конгресса снял эту форму, дабы «не оказывать давления на делегатов». Попытался ли Кемаль объяснить какими-либо патриотическими обстоятельствами желание сохранить эту

форму, на ношение которой он уже не имел права даже до отставки? Нет, он соглашается с требованием делегатов: он будет председательствовать в гражданской одежде. Так проходил конгресс, завершившийся 6 августа.

Воззвание, принятое конгрессом, — пример классического патриотизма: главная задача — защита родины и ее национальных интересов; никакого протектората или привилегий для «христианских элементов». Конгресс подтверждает превосходство нации, вставшей на защиту родины с помощью «национальных сил», и «национального конгресса», призванного преодолеть недееспособность османского правительства.

«Национальные силы» многим обязаны Кемалю. Одни, как, например, делегаты Трабзона, предложили заменить армию милицией, что вызвало гнев Карабекира. Другие хотели отдать приоритет армии, и только ей. Кемаль не хотел ни того ни другого. Он понимал, что родина не может быть спасена только армией или только гражданскими лицами из Ассоциации защиты прав: необходимо объединить всё население, а значит, в первую очередь крестьян. Солдаты и крестьяне, производящие хлеб и продовольствие для снабжения армии, — важные составляющие национального движения. И Кемаль направляет в деревни офицеров, которые должны объяснять крестьянам: «Продавайте ваше имущество, покупайте оружие; в любом случае при союзниках вы потеряете всё».

Крестьяне, уставшие от непрерывных войн и грабежей, не всегда с энтузиазмом встречали посланцев Кемаля. Мобилизовать крестьян на защиту родины или нации оказалось сложной задачей: родина, нация — эти понятия интеллектуалов Стамбула были далеки от повседневных проблем крестьян. Мир крестьян — это мифический султан, это Аллах и Пророк, это греки, армяне, курды, а также жандармы и землевладельцы.

Нужно было мобилизовать крестьян, не вызвав беспокойства землевладельцев, — Кемаль нуждался также в финансовой поддержке, которую они могли ему оказать. В этих восточных провинциях крупные землевладельцы (ага) зачастую определяли политику. Согласно рапорту одного из английских офицеров агитация националистов вызвала бурное недовольство землевладельцев. «Землевладельцы, — пишет капитан Слайд в конце июля, — считают, что единственное решение — немедленно отозвать главарей националистов; если это будет сделано, то они смогут контролировать крестьян и приостановить движение. Но в настоящее время они не решаются ничего предпринимать, так как опасаются за собственную безопасность». Французские спецслужбы тоже не сомневаются в сдержанном

поведении всех состоятельных граждан, а не только землевладельцев: в донесении от 10 августа 1919 года по поводу развития националистического движения отмечалось, что «обязанность оказывать финансовую поддержку снижает патриотический пыл состоятельных граждан».

У Кемаля не было возможности выбирать друзей. Состав комитета, избранного конгрессом, чтобы представлять Ассоциацию защиты прав восточных провинций, — хороший пример складывающейся ситуации. Наряду с Рауфом и Бекиром Сами, бывшим мэром Бейрута, в состав комитета вошли четыре «региональных» депутата, ничем не обязанных Кемалю, и еще два очень влиятельных человека. Один из них — шейх крупного братства Накшбенди; другой — глава курдского племени. Восемь лет спустя Кемаль назовет их «жалкими типами, лишенными какого бы то ни было политического или военного опыта и каких-либо способностей в этих областях». Но в Эрзуруме было не время для оскорблений. Когда Кемаль пишет курду, сообщая о своем избрании, или когда он обращается к тому или иному шейху, тон его послания любезный, даже заискивающий. Кемаль не может обойтись ни без курдов, которых активно «окучивают» англичане, обещая им независимый Курдистан, ни без руководителей братств или других сект, столпов народной религии, агитирующих Анатолию против официальной религии Стамбула или, напротив, в ее поддержку.

Во время закрытия конгресса Кемаль игнорирует колебания одних, недовольство других и собственную неудовлетворенность. В своей заключительной речи, очень эмоциональной, полной надежды и готовности к борьбе, Кемаль желает долгой жизни нации, родине и государству и подчеркивает историческую важность конгресса.

Возвращение Энвера

Не всё так просто в поведении Кемаля. Незадолго до выступления на закрытии конгресса он в течение двух часов беседует с английским подполковником Роулинсоном. В ходе всей войны за независимость он продолжает встречаться с врагами своей страны, за исключением греков, с противниками националистов, он предпочитает оставаться с ними в контакте: сегодняшние враги завтра могут стать друзьями.

Роулинсон, опытный пятидесятилетний подполковник, был направлен в Восточную Анатолию, чтобы проверить выполнение условий перемирия. Уверенный в себе, прямой, резкий Кемаль

производит впечатление и даже удивляет своего посетителя. Несколько раз Кемаль использует слово «революционный»: революционное движение националистов, революционная армия, которая сможет противостоять территориальным претензиям армян за пределами турецко-российской границы. Роулинсон, в свою очередь, начал разговор о взаимоотношениях с большевиками. Англичане были уверены, что все азербайджанцы, ассирийцы и дагестанцы, присутствующие на конгрессе в Эрзуруме, — «агенты большевиков». Кемаль категорически отверг любую связь национального движения с большевиками. Англичанина это не убедило: он остался уверенным во влиянии Ленина, «в частности финансовом».

В конце беседы Роулинсон затронул вопрос, не оставивший Кемаля равнодушным: он заговорил об Энвере. С момента побега из Стамбула бывший генералиссимус не оставался в бездействии. Вынесенный ему смертный приговор, а также требование Турции об экстрадиции его из Германии не затронули Энвера. Вместе с Талаатом, Джемалем и другими видными юнионистами Энвер много разъезжает, располагая значительными финансовыми средствами и полной свободой. Веймарская республика принимает Энвера и его друзей, которые, похоже, не сожалеют об исчезновении Германской империи в результате поражения. Постреволюционное возбуждение молодой Германии даже открывает им новые горизонты. Весной 1919 года турецкие студенты создают движение «Куртулуш» («Спасение»). Один из них рассказывал, что профессор Зомбарт им объяснил, что Османская империя — типичный пример колониальной эксплуатации; для этих студентов рождение национального движения — как «появление солнца и предвестник освобождения от империализма». А Энвер находит свое «солнце» в Берлине, где посещает в тюрьме друга Талаата — Карла Радека. Будущий секретарь Коминтерна обсуждает с ним союз между исламом и большевиками, помощь турецким националистам и даже поездку в Москву и встречу с Лениным. Счастливый от мысли снова вершить историю, Энвер несколько раз посещает Радека, а затем пишет Джемалю, что «готов стать социалистом при условии адаптации его к религиозным доктринам, определяющим внутреннюю жизнь мусульманских стран».

Когда Роулинсон стал расспрашивать об Энвере, Кемаль не вспылил, но его ответ был однозначным: «Энвер мне писал, я отказался от какого бы то ни было сотрудничества с ним, и, если бы он приехал в Эрзурум, я бы его арестовал». Можно представить себе презрение, обиду, огорчение, испытанные Кемалем при чтении письма Энвера с изложением его нового мусульмано-

социалистического увлечения.

Кемаль, несмотря на враждебное отношение к Энверу, не подвергал такому же остракизму дядю Энвера — Халиля, бежавшего из стамбульской тюрьмы, куда он был брошен союзниками по обвинению в жестокой расправе с армянами и военнопленными. Прибыв в Анатолию, Халиль предлагает свои услуги Кемалю и Карабекиру. Посредственный персонаж, он, как и другие «жалкие типы» Эрзурума, может быть полезен: он хорошо знает азербайджанцев. Кемаль с Карабекиром решают отправить его в Баку. «Наша главная задача — объяснить правительству Азербайджана нашу позицию, чтобы предотвратить оккупацию Азербайджана Россией». Сложная задача: Карабекир был убежден, что «Россия не может существовать без Баку», так как «нефть, мазут жизненно необходимы для промышленности и флота России». Впрочем, Кемаль просит его вступить в контакт с большевиками: «В 1918 году вы руководили операциями нашей армии на Кавказе и тогда лично познакомились с большевиками. Поэтому вы можете оказать нам неоценимую услугу. Вы поможете нам выяснить ситуацию на востоке и в случае успеха обеспечить нам очень важную помощь».

Кемаль, Энвер, Ленин: каждый по-своему, эти три человека намерены определить будущее Турции. Через две недели после донесения Роулинсона высокопоставленный сотрудник министерства иностранных дел записывает: «Недавно мне описали Кемаля как турецкого Ленина, но отличающегося большим практицизмом, и похожим на Энвера по способности заражать энтузиазмом свои войска, но гораздо более умным».

Прагматизм, обаяние, незаурядный ум — вот оружие Кемаля, «простого рыцаря».

Глава десятая
ПОКОРЕНИЕ ЗАПАДА

Кемалю понадобилось два дня, чтобы напечатать в виде брошюры обращение, принятое конгрессом в Эрзуруме; принципиальные решения конгресса будут распространены во всех деревнях Восточной Анатолии от Эрзурума до Мерсифона, на запад от Амасьи. А между тем Кемаль мысленно уже распрощался с Эрзурумом и думал о следующих шагах. Конгресс восточных провинций был всего лишь необходимым этапом для инициации национального движения, для подчинения его своему влиянию. Главная же цель — Национальный конгресс в Сивасе, от которого Кемаль «ожидал многого».

Кемаль не хотел возглавить борьбу только в Восточной Анатолии: он понимал, что так он не спасет родину. Нет, амбиции Кемаля состояли в том, чтобы, как образно сформулировал турецкий историк Зафер Тюная, «заставить все существующие ручейки течь в одно озеро». Для этого необходимо было созвать Национальный конгресс и опровергнуть мнение французского командующего войсками союзников Франше д'Эсперея о том, что национальные движения в Восточной и Западной Анатолии связаны, но преследуют разные цели.

Непокорные ручейки

С 15 мая, со дня высадки греческих войск в Измире, Западная Анатолия находилась в состоянии войны. Греческие войска продолжали прибывать: в начале июля их насчитывалось 35 тысяч, а в конце лета — уже свыше 75 тысяч, что в полтора раза превосходило численность регулярной турецкой армии. Бои были ожесточенными. Турки пытались приостановить наступление греков, но их слабые, разрозненные выступления не были так организованы, как на востоке Анатолии. Регулярная армия, насчитывающая около трех тысяч солдат в двух дивизиях бывшего армейского корпуса Измира, была не в состоянии противостоять грекам. Отряды сопротивления, или банды, как их называли союзники и правительство, состояли в основном из крестьян, бежавших от наступавших греков. Крестьяне создавали отряды по самым разным причинам: ненависть к грекам, защита султана-халифа, отказ отдавать имущество, «приобретенное» во время мировой войны, притеснение землевладельцев, грабежи…

Среди главарей этих отрядов встречались очень яркие личности: разбойник с благородным сердцем, совсем юный Али Йорук, или не имеющий ни стыда ни совести Мехмет-кузнец, дезертир, столь же отважный, сколь и жестокий. Особое место следует отвести Этхему, доставившему Кемалю массу проблем. Этхем — тридцатилетний черкес, стройный, сильный, бывший офицер и член «специальной организации». Демобилизовавшись, он стал заниматься разбоем и грабежами, прославился похищением сына мэра Измира. Хусейн Рауф, под чьим командованием он сражался в Персии, смог убедить его направить свою отвагу и энергию на службу национальным интересам.

В лице Али Йорука, Мехмета и Этхема-черкеса националисты приобрели отважных бойцов, но какой ценой! Дисциплина для них была понятием весьма относительным: они могли без колебаний арестовать гражданских чиновников, симпатизирующих национальному движению; если они считали, что им платят недостаточно, они дезертировали. Вскоре национальные силы стали обвинять в грабеже, поскольку они практиковали обязательные поборы, даже если платить можно было постепенно, в рассрочку. Короче, национальные силы были весьма разнородны.

С подобными проблемами Кемаль сталкивался и на востоке. Там тоже были банды, но они находились под контролем. А на западе не было никакого общего командования, никакой координации. Рауфу и Кемалю были необходимы кадры для армии, чтобы противостоять грекам; превратить эти разношерстные банды в отряды бойцов — сложная задача.

Несомненно, Западная Анатолия отличалась от Восточной. Многие участники конгресса в ряде городов Западной Анатолии предлагали сражаться только против греческой оккупации, расчленения родины и «заключения» султана-халифа. Эти требования далеки от обращения Эрзурумского конгресса и от проекта создания временного правительства в Анатолии.

Между двумя конгрессами

Для правительства и союзников особенности национального сопротивления в Западной Анатолии — настоящая находка. Официальная газета «Монитер», освещая отчет миссии, организованной министерством внутренних дел в вилайете Айдына, пишет, что «национальные силы преданы Его величеству султану и правительству… Нет никакой пропаганды

партизанской борьбы, нет и социалистического течения. Национальные силы никак не связаны с Кемаль-пашой…».

К счастью для Кемаля и его сторонников, на территориях, промежуточных между востоком и западом, отмечалось нарастание влияния националистов. В Анкаре, Конье, Эскишехире, Ушаке всё чаще игнорируются приказы из столицы, но тем не менее организовать национальное сопротивление было очень сложно.

Тогда как участники конгресса в Эрзуруме обвиняли правительство в предательстве, Стамбул в ответ называл их грабителями и юнионистами. «Микробы „Единения и прогресса“ намного опаснее бацилл ужасного туберкулеза», — писала газета «Алемдар» («Знаменосец»), цитируя оскорбительное высказывание великого визиря. Великий визирь, решивший искоренить «Единение и прогресс», был уверен, что Кемаль представляет светскую власть юнионизма, возродившегося в результате событий в Измире. Активное участие юнионистов в рядах националистов заставило его утверждать об идентичности «Единения и прогресса» и национального движения. Ферит-паша выступал как верный защитник султана-халифа и империи от национал-юнионизма и был готов даже встретиться с Кемалем в Анатолии, чтобы наставить его на путь истинный.

Однако под давлением военных комендантов союзников Ферит-паша будет вынужден отказаться от этого проекта, а также расстаться с идеей усилить войска, ответственные за поддержание порядка в Анатолии: британский военный комендант писал, что «трудно себе представить какого-либо стоящего турецкого солдата, кто бы не симпатизировал национальному движению». Такого же мнения были и французы. Французский полковник Мужен, прикрепленный к Генеральному штабу османской армии, был еще более конкретен: «Вся турецкая армия на территории Анатолии — на стороне Кемаля». Таким образом, не только Кемаль, но и союзники считали, что османское правительство не владеет ситуацией.

Сивас

Кемаль покидает Эрзурум 29 августа и направляется в Сивас. Как обычно, Кемаль нуждается в деньгах; к счастью, щедрость одного из офицеров в отставке помогает ему избежать материальных проблем.

Путешествие долгое, но спокойное. Всего один раз при подходе к ущелью жандармы посоветовали вернуться назад,

чтобы не попасть в руки курдских мародеров. Вечером 2 сентября Кемаль прибыл в окрестности Сиваса. Его въезд в город был триумфальным. Как того требует турецкое гостеприимство, жители города выехали навстречу на машинах и даже пришли пешком. Кемаль в сером костюме охотника, придававшем ему вид австрийского аристократа, приветствовал толпу.

Сивас, древняя столица Малой Армении, производил унылое впечатление. «Какое опустошение!» — писал французский дипломат Жорж Пико, отмечавший, что «в окрестностях города, в долинах можно еще было обнаружить поля с костями армян», жертв массовой резни 1915 года. Конгресс проводили в здании школы, украсив его знаменами и коврами местного производства.

Конгресс Общества прав Анатолии и Румелии начался 4 сентября и завершился через неделю. Эти семь дней стали решающими для турецких националистов и лично для Кемаля, одержавшего блестящую победу по целому ряду позиций.

Во-первых, его собственные амбиции были узаконены — он стал президентом конгресса. Исмаил Фазыл-паша, отец Али Фуада, прибывший из Стамбула, предложил, чтобы делегаты по очереди избирались президентами конгресса: он опасался персональных амбиций, а горькие воспоминания об энверизме всё еще были свежи в памяти. Но Кемаль не хотел уступать ни крупицы власти, остался равнодушным к авторитету, которым пользовался Фазыл-паша, и, поднявшись на трибуну, потребовал, чтобы президент конгресса был избран тайным голосованием. Ему удалось убедить аудиторию и стать президентом — только три голоса были против. Сивасский конгресс поистине был его конгрессом.

Когда Кемаль, в гражданском костюме, поднялся на трибуну, чтобы произнести речь по случаю открытия конгресса, в зале было не больше тридцати делегатов, и даже когда прибыли опоздавшие, делегатов насчитывалось от двадцати девяти до тридцати восьми, согласно разным источникам. Конгресс, который претендовал быть национальным (приглашения были разосланы повсюду), на самом деле не представлял всю страну. Фракия, Конья, Адана, южное побережье, а также север Западной Анатолии практически не были представлены делегатами: большие расстояния и оккупационные войска охладили пыл многих делегатов. Некоторые считали, что конгресс нельзя назвать успешным: он был недостаточно представительным; упрекали Кемаля в мании величия и преследовании личных интересов; разве треть делегатов не были друзьями или соратниками Кемаля?.. Но Кемаль не сдавался: конгресс в Сивасе, заявил он в речи на открытии, представляет всю турецкую нацию.

Конгресс взял за основу решения Эрзурумского конгресса, заменяя, когда было необходимо, выражение «восточные провинции» «Анатолией и Румелией». Дата 7 сентября 1919 года, когда были приняты эти решения, стала исторической. Впервые турецкая политическая организация отождествляет себя территориально с Анатолией и Румелией, с регионами, где турки составляли большинство населения. Хотя они всё еще говорили об османской нации, Кемаля и его сторонников интересовали Измир, Киликия и Восточная Анатолия, а не другие, нетурецкие, территории империи. Речь шла только о Турции.

Наиболее сложным было обсуждение вопроса об американском мандате на империю, которое заняло три из семи дней работы конгресса. Принцип мандата родился на мирной конференции в Париже. Речь шла о том, чтобы отдать под экономическую и административную опеку определенные регионы, чтобы подготовить их к независимости. Турецкие сторонники мандата считали, что подобное решение позволит избежать колонизации империи англичанами или французами. От Стамбула на конгресс в Сивасе прибыли два или три делегата, но еще с начала лета в столице активно обсуждалась идея мандата. Первым о ней сообщил Бекир Сами; высокий, убеленный сединой, бывший мэр находился в Стамбуле до конца июля. Прибыв в Амасью, он отправил телеграмму Кемалю, сообщив о том, что встречался с американским представителем и считает мандат удачным для Турции вариантом. Более осторожный Кемаль потребовал уточнения; после многократного обмена телеграммами между Амасьей и Эрзурумом Сами признал, что американский дипломат не брал на себя никаких обязательств.

На этом дело о мандате не завершилось; все, с кем Кемаль поддерживал связь в Стамбуле, Халиде Эдип, Кара Васыф и другие, продолжали передавать настойчивые слухи о мандате. Полковник Исмет в письме Карабекиру задавался вопросом: «Не является ли слово „мандат“ золотой пилюлей сегодня? — и добавлял: — Вот уже какое-то время все в Стамбуле считают, что нужно согласиться на мандат. Большинство выступает за американский мандат, чтобы избежать расчленения Турции…» В самом деле, американцы, учитывая европейские аппетиты, развернули искусную пропаганду.

В Сивасе, впрочем, Кемаль столкнулся с наступлением сторонников мандата. Перед открытием конгресса сторонники мандата подготовили текст, в котором потребовали, чтобы была создана комиссия по изучению проблем мандата. Для поддержки они пригласили в Сивас американского журналиста Луи Брауна, близкого к дипломатическим кругам американцев в Стамбуле.

Чтобы отразить эту атаку, Кемалю было недостаточно использовать прежнюю тактику защиты, необходимо было контратаковать, чтобы исключить этот соблазнительный вариант: независимость Турции не может обеспечиваться в Вашингтоне. Кемаль встречается с Брауном и затем ловко заявляет, что журналист приехал по собственной инициативе и не верит в американский мандат над Турцией. Но этого недостаточно, так как на защиту мандата выступают такие авторитетные личности, как Исмаил Фазыл, Бекир Сами и Рефет, Кара Васыф, заявивший, что турки нуждаются в помощи, что их финансовое положение не позволит подлинной независимости и что американское решение принесет наименьшее зло: «Что можем мы сделать без армии и без денег? <…> Американские самолеты летают в небе, а мы всё еще используем телеги».

Кемаль чувствует, что проигрывает партию. Выступления в поддержку американского мандата шли непрерывным потоком. Чтобы как-то помешать этой идее завладеть умами большинства делегатов и поговорить самому с некоторыми из них, Кемаль использует испытанный метод парламентариев — он временно прекращает заседание. Перерыв длился всего десять минут, но этого оказалось достаточно, чтобы позволить Кемалю овладеть собой. Он не выступает открыто против мандата, так как боится потерпеть поражение, но умело обходит препятствие с помощью Рауфа. Рауф, вице-президент конгресса, твердо убежденный в том, что следует отказаться от мандата, делает тем не менее некоторую уступку сторонникам мандата, предложив пригласить в Турцию комиссию от американского сената, чтобы изучить ситуацию на месте, прежде чем заключать договор. Кемаль, в свою очередь, поддерживает предложение о комиссии, сторонники мандата довольны, всеобщее удовлетворение… дебаты на этом заканчиваются; сторонники мандата (их двадцать пять) считают, что они победили. На самом деле они проиграли: больше о мандате не заговорят.

Гораздо ббльшую популярность, чем битва за мандат, принесла Кемалю «победа» над Али Галипом. Корни этого эпизода кроются в желании Стамбула воспрепятствовать, а затем помешать работе Национального конгресса в Сивасе. Губернатор Сиваса получил приказ арестовать Кемаля и Рауфа и распустить этот «незаконный конгресс». Если верить Рауфу, то правительство даже планировало убить его: «Молодые парни, которых вы направили убить меня, признались мне в этом». Неудача этих неоднократных попыток заставила Стамбул спланировать другую операцию, доверив ее полковнику, назначенному губернатором, Али Галипу. Этот преданный существующему режиму человек,

уже пытавшийся арестовать Кемаля во время конгресса в Эрзуруме, обосновался в Малатье, примерно в трехстах километрах к югу от Сиваса. В его распоряжении было несколько десятков курдов, враждебно настроенных против националистов, и английский майор Ноэль, специалист по курдам, ставший их фанатичным защитником, по свидетельству британского военного комиссара Стамбула. Али Галип[26] не мог представлять серьезной угрозы для Кемаля, героя Дарданелл: Кемаль направляет полк, обративший курдов в бегство. Победа легка, даже заурядна, но Кемаль умело превращает ее в настоящее крупное сражение, чтобы в очередной раз обвинить правительство в заговоре против патриотов, в сотрудничестве с англичанами и отметить пагубную роль англичан в Курдистане.

Другая важная тактическая победа Кемаля в Сивасе — искусное формирование националистического движения. Так же, как хозяин подготавливает список приглашенных, пытаясь создать гармоничное равновесие среди гостей, Кемаль стремится еще больше укрепить свою власть в движении. Первым встает вопрос о юнионистах. Кемаль не может отказаться от их поддержки, но в то же время не хочет и возрождения «Единения и прогресса»: «Клянусь Аллахом, я не борюсь за возрождение „Единения и прогресса“ или за интересы какой бы то ни было другой партии». Если учесть, что большинство участников конгресса, как и сам Кемаль, в прошлом состояли в партии «Единение и прогресс», то подобное заявление кажется странным; еще более удивительно, что только один человек откажется от этой клятвы. Горе тому из делегатов, кто посчитал, что клятва в политике имеет лишь относительную ценность: в нужное время Кемаль напомнит о клятве в Сивасе и жестоко накажет юнионистов, стремящихся возродить партию. Вслед за юнионистами Кемаль решал вопрос с «Караколом»: его лидер, Кара Васыф, разослал по всем армейским корпусам циркуляр, информирующий о военных и политических задачах своего движения. Кемаль сделал ему серьезное предупреждение: никакая секретная организация не должна существовать вне оккупированных территорий, только Общество по защите прав должно представлять интересы националистов, а когда Васыф отказался подчиниться, то Кемаль заявил, что в этом случае «Каракол» должен исчезнуть. «Каракол» не исчез сразу, но Кемаль внимательно следил за его деятельностью. По предложению Кемаля конгресс назначил также командующего силами национального сопротивления на западе Анатолии; Али Фуад, друг Кемаля, должен был объединить нерегулярные отряды.

Наконец Кемаль подготовил настоящую западню для султана.

7 сентября после бурных продолжительных дебатов конгресс подготовил и утвердил длинную телеграмму, адресованную султану. Начатая в льстивом тоне, она заканчивалась поистине революционно: «Мы надеемся, что Ваше Императорское Величество, как глава независимого государства и славный потомок императорской семьи, которая уже в течение шестисот лет разделяет с подданными радости и беды, ниспосланные нашей нации, в этот торжественный момент, когда решается вопрос жизни или смерти османской нации, примет во внимание национальное движение и защитит и спасет страну от любого мятежа и внутреннего раздробления. Мы берем на себя смелость представить Вашему Императорскому Величеству формальное заверение в том, что национальное движение, зародившееся в этом регионе, не имеет абсолютно ничего общего с неблагородными интересами политических партий…» Это высокопарное послание султану было коварным подарком: обращаясь непосредственно к султану, отодвигая на второй план правительство, делегаты Сиваса вели себя как верные подданные, возмущенные предательством министров. Но, вверяя султану высшую ответственность за защиту национальной независимости, они его ставили к стенке. Заключительная часть послания не вызывала никакого сомнения: «Мы предоставляем Вашему Величеству оценить тяжелые последствия в случае отказа от наших требований. Вся ответственность падает на нынешний кабинет министров и на Ваше Величество. Стремясь продемонстрировать всему миру величие турецкой нации, мы будем тогда искать спасения собственными силами».

В Сивасе Кемаль продемонстрировал большие амбиции, искусство убеждать, блестящую логику, тактическое превосходство над людьми и событиями, властолюбие.

Лидер

Конгресс в Сивасе является прежде всего символом. Символом твердого стремления защитить свою национальную независимость, символом движения, способного выступить единым фронтом, с лидерами которого можно вести серьезные переговоры. Отныне движение Кемаля в обстановке борьбы за политическое влияние диктует свои условия. Французский военный комендант Дефранс категорически заявляет: движение хочет установить «нечто вроде Османской республики», причем организаторы движения скрывают эту цель, учитывая авторитет султана и консервативное влияние религиозной власти. «В наших

интересах вступить в контакт с руководителями национального движения…» — заявляет Дефранс. Вслед за французским коллегой Робек, преемник английского военного коменданта Калторпа, пишет, что партия националистов «должна рассматриваться как наследница „Единения и прогресса“ и что она стремительно приближается к провозглашению независимой республики в Анатолии». Робек, будучи реалистом, добавляет, что только войска смогут заставить этих националистов принять решение Парижской мирной конференции.

Знаток искусства символики, Кемаль добился наибольшего выигрыша от конгресса. В последний день работы конгресса делегаты создали Комитет представителей, решив, что число членов комитета может варьировать от девяти до шестнадцати. Англичане и французы предполагали, что комитет будет состоять из пяти членов. Они были правы; каково бы ни было официальное число членов, Кемаль сосредоточил в своих руках реальную власть.

С 13 сентября, несмотря на то что Кязым Карабекир призывал к осторожности, Кемаль подписывает все тексты, отправляемые Обществом по защите прав, «от имени Комитета представителей». Справедливости ради следует уточнить, что персонализация, которую Кемаль придает движению, не смешивается со стремлением править единолично. Кемаль окружает себя как советниками, так и соратниками, стремящимися распространять его влияние. К числу первых относятся главные военные командиры стратегически важных соединений — Кязым Карабекир, Али Фуад, Рефет, Джевад и командующие корпусами армии Эдирне, Коньи и Диярбакыра. Это главные военные советники Кемаля, его естественные партнеры. Второй круг — это совсем близкие соратники президента комитета. Состоящий из десяти человек, этот личный совет Кемаля включал в основном офицеров или отставников, как, например, Хусейн Рауф, и адъютантов, сопровождавших его с момента отъезда из Стамбула. Кроме того, в этом совете состояли несколько высокопоставленных региональных чиновников, таких как Бекир Сами, Мазхар Мюфит, бывший губернатор Битлиса, и Хаккы Бехич, бывший префект. Наконец, особое место в совете занимал Альфред-Ахтем Рюстем. Пятидесятилетний Рюстем — поляк по происхождению, Альфред Билинский, но иностранные корни не помешали ему сделать карьеру дипломата. Хотя его обвиняли в коррупции, Рюстем, бывший младотурок с момента рождения этого движения, тем не менее вызывал доверие у Кемаля. В самом деле, главной задачей Рюстема было убедить американцев в преимуществах движения националистов. Его дед был османским

послом в Вашингтоне, он сам был женат на американке, и, когда Рауф представил Кемалю Рюстема, тот быстро понял, что этот человек может оказаться очень полезным.

Между Сивасом и окончательной победой — еще долгий путь, но Кемаль готов преодолеть любые трудности. Меньше чем за четыре месяца бывший генерал сделал многое, без единого военного сражения добился необходимых побед. Отныне он убежден, что для людей, одержимых идеей, возможны любые победы.

Глава одиннадцатая
ОСЕННИЕ ПРОБЛЕСКИ

Кемаль действует решительно: «Необходимо взять власть в свои руки: мы разошлем приказы губернаторам и установим контроль над гражданской администрацией неоккупированной части Анатолии».

Фактически он ведет себя как законная власть. Несмотря на призывы некоторых соратников к более сдержанным мерам, Кемаль использует прием младотурок 1908 года, стремясь отобрать власть у официальной администрации. Прекращается связь между националистами и столицей. Органы гражданской и военной власти предупреждены, что должны уважать национальные интересы; Кемаль без колебаний смещает высокопоставленных чиновников, лояльных существующему режиму. Комитет представителей заявляет, что будет оставаться у власти до тех пор, пока не будет сформировано правительство, пользующееся национальным доверием. И наконец, чисто символический жест: Кемаль распорядился напечатать бумажные деньги по курсу, составляющему половину официального, а также марку для официальной корреспонденции с печатью «генеральной администрации Анатолии».

Англосаксонские истории

Движение националистов убедило союзников по крайней мере в одном: не следует ни в коем случае рисковать; на все требования Ферит-паши отправить войска в Анатолию было отвечено отказом. Любопытно, что в то же время по Стамбулу ходили слухи, что между османским и британским правительствами заключен секретный договор; говорили, что 12 сентября договор был подписан Ферит-пашой и тремя англичанами. Согласно этому договору Османская империя, лишившаяся Курдистана, добившегося независимости, оказалась бы под английским мандатом; Стамбул остался бы турецкой столицей, а британцы помогли бы османскому правительству одержать победу над националистами, сохранить Измир и укрепить влияние халифата.

Подобный секретный договор слишком хорош, чтобы быть правдой. Ферит-паша никогда не подписал бы такой документ. Французские власти в Стамбуле не верят в его существование.

Сам Кемаль не скрывает своего скептицизма. Особенно удивлено министерство иностранных дел, так как никого не уполномочивало для ведения подобных переговоров с англичанами. Источником слухов о «договоре» оказался немецкий журналист, информированный в Берлине одним из соратников Талаата, а сам «секретный договор» — яркий пример дезинформации, регулярно питающей разногласия между Парижем и Лондоном.

Англичане потратили немало усилий, чтобы доказать, что их политика не имеет ничего общего с этим «договором». На самом деле существовала секретная нота, подписанная 9 октября военным министром Уинстоном Черчиллем. Черчилль рассматривал национальное движение как патриотическую организацию, противостоящую правительству, но готовую сотрудничать с султаном и даже в какой-то степени с Великобританией. Военный министр настоятельно рекомендует вести предельно осторожную политику и заключает: «Мы можем превратиться во врагов патриотических сил Турции, а наше неправильное поведение будет стоить миллионы британским налогоплательщикам и вызовет в будущем неограниченные финансовые расходы». Меморандум Черчилля вызывает восхищение глубиной анализа ситуации; им учтены все аспекты — военные, дипломатические, экономические и финансовые… Черчилль решительно выступает за радикальное изменение британской политики, к великому разочарованию министерства иностранных дел; дипломаты считают это победой «Единения и прогресса». В середине октября Робек и военные власти получают следующий приказ: «Вы не должны использовать войска для поддержания гражданской администрации вдоль анатолийской железной дороги; все ваши подразделения должны быть выведены, если им угрожает открытая враждебность националистов, что могло бы повлечь многочисленные военные операции и иметь последствия в Персии, Палестине и других местах». Таким образом, этот документ не имеет ничего общего с якобы существующим «договором» от 12 сентября.

Итак, Кемаль и националисты убедили союзников в том, что их нельзя игнорировать. Но Кемалю этого мало, и он развернул настоящую кампанию, привлекая Хёрста и Роулинсона, чтобы убедить союзников отказаться от расчленения Турции.

Общение с англичанами было сложным искусством, о чем свидетельствует пример с Али Фуадом. Генерал Солли Флад, командующий войсками по поддержанию порядка на железной дороге, предложил встречу; сначала отказав, Али Фуад затем изменил мнение — не повлиял ли Кемаль? — и 21 сентября

турецкий генерал встречается с сотрудником Солли Флада, майором Берт-Маршаллом, в окрестностях Эскишехира. Фуад знакомит майора с документами о национальном движении и комментирует их: «Большинство населения поддерживает национальное движение и выступает против правительства». — «Почему вы в этом уверены?» — спрашивает озадаченный англичанин. «Пять тысяч человек покинули Эскишехир», — отвечает Фуад. «Это не так», — отмечает Берт-Маршалл и уточняет в своем рапорте, что сторонники Фуада представляют «самые низшие социальные слои» и ведут себя «как большевики», заставляя крестьян присоединяться к ним. «Ваши сведения малоправдоподобны», — заключает Берт-Маршалл.

К счастью для националистов, Кемаль и Карабекир оказались более искусными и более убедительными во время встреч с генералом Харбордом. Специальный посланник президента Вильсона, кому было поручено оценить заинтересованность Армении в американском мандате, прибыл в Сивас в сопровождении сорока пяти помощников, фотографа и кинооператора.

22 сентября Кемаль устроил пышный прием Харборду: на берегу реки возле каменного моста, построенного римлянами, раскинулись небольшие шатры, окружающие павильон, убранный коврами. Военные командиры выразили свое почтение Харборду. Подавали чай, кофе и печенье, алкоголя не было, что отметил американец.

Перед турками стояла важная задача: убедить американца в том, что восточные провинции — турецкие, что Анатолию нельзя расчленять и что анатолийское движение носит чисто националистический характер. Беседа Кемаля с Харбордом длилась два с половиной часа в спокойной, доброжелательной атмосфере. «Что вы будете делать, — спросил Харборд, — если потерпите поражение, несмотря на все ваши усилия и жертвы нации?» Ответ был типично кемалевским: «Поражение невозможно: если мы не добьемся успеха, то наша нация погибнет».

Через два дня после встречи Кемаль направляет Харборду письмо. Им руководит не опасение, что он был недостаточно убедительным во время встречи, а желание оставить письменное свидетельство своих заверений, причем письмо предназначено не только для Харборда, но и для американских парламентариев. Кемаль старается доказать, что их движение не имеет ничего общего с большевизмом: «Эта доктрина не имеет никакого шанса в нашей стране, учитывая нашу религию; наши традиции и наше социальное устройство воспрепятствуют ее распространению у

нас. В Турции нет ни капиталистов, ни миллионов рабочих. У нас более нет серьезных проблем в сельском хозяйстве. С точки зрения социальной жизни наши религиозные принципы избавляют нас от принятия большевизма. Турецкая нация даже готова бороться с ним в случае необходимости».

Кемаль, конечно, позволяет себе несколько оторваться от реальности, но насколько мастерски написано послание: ясно, точно, эффектно, одним словом, безупречно.

Кемаль произвел сильное впечатление на специального посланника президента Вильсона: «Он легко формулирует свои мысли. С помощью переводчика он изложил факты последовательно и логично, хотя было заметно, что он сильно напряжен и непрерывно перебирал четки, что, впрочем, было приятно наблюдать». Харборд затем добавил, что позже он узнал, что Кемаль страдал от последствий недавно перенесенной малярии. «Он, как личность, доминирует над своим окружением <…>. На меня произвел впечатление искренний патриотизм Кемаля и его соратников. Он — настоящий лидер».

После Сиваса и Эрзурума, где Карабекир устроил ему пышный прием, Харборд отправился в Армению, затем в Азербайджан и Грузию. 16 октября он представил свой отчет американскому сенату. Он отклонил идею мандата, ограниченного Арменией, и высказался за мандат на весь регион, предупредив при этом сенаторов, что это будет задачей сложной и дорогостоящей (более 750 миллионов долларов на пять лет). Кроме того, Харборд рекомендовал вывод иностранных войск, аннулирование прежних договоров и контроль турок над общими национальными доходами.

Харборд сработал быстро; сенаторы оказались намного медлительнее и приняли свое решение только в июне 1920 года. Как бы там ни было, но в период между встречей в Сивасе и представлением отчета сенату произошло важное событие: ушел в отставку Ферит-паша.

Первая победа

20 сентября 1919 года Вахидеддин обращается к своим подданным, утверждая, что единству нации ничто не угрожает. Он выразил также пожелание, чтобы как можно скорее были проведены выборы депутатов.

Выступление Вахедеддина удовлетворило многих, в том числе и в Сивасе. Тем не менее Кемаль не доверял руке, протянутой султаном, так же как с осторожностью отнесся к

предложению, сделанному Али Фуаду, объединить лидеров-националистов с «высокопоставленными чиновниками». Один эпизод, рассказанный Кемалем в своей знаменитой речи «Нутук», свидетельствует о его настроениях в то время. Бывший товарищ, ставший офицером Генерального штаба, позвонил Кемалю, предлагая объединить «нацию и правительство». Их диалог длился более девяти часов — с одиннадцати вечера до семи тридцати утра: поразительно, так как этот офицер не был ни близким другом Кемаля, ни важной персоной. Если предположить, что рассказ Кемаля строго соответствует действительности, то единственное объяснение состоит в желании Кемаля оправдать себя, объяснить и убедить: «Было бы глубоким заблуждением считать нас большевистским движением или отчаянной затеей юнионистов, поддерживаемой их деньгами <…>. Выход только один — создать новый кабинет министров, выражающий волю нации <…>. Нация не вполне уверена, что его величество халиф отдает себе отчет в том, чего желает вся Анатолия»… «Нация не вполне уверена…» — формулировка осторожная… А между тем султан снова выражает доверие Ферит-паше, который для наведения порядка в Северо-Восточной Анатолии хочет отправить туда две тысячи солдат. И снова союзники выступают против этого шага. Раздосадованный, великий визирь подает в отставку. Новое правительство, сформированное Али Рыза, качественно отличается по составу: за исключением Саида-Моллы, активного члена Ассоциации друзей Великобритании, занявшего незначительный пост, все министры, причем многие из них военные, известны как симпатизирующие «Единению и прогрессу» и националистам. Тон прессы Стамбула тоже изменился, и даже антиюнионистские газеты публикуют статьи, поддерживающие национальное движение. Наследный принц Абдул-Меджид в интервью от 6 октября после критики ушедшего в отставку правительства высказался за немедленную организацию выборов, чтобы позволить сформировать кабинет, «сплоченный и наделенный опытом».

Выборы! Они стали навязчивой идеей, охватившей всех, идеей удивительной и наивной: выборы кабинета министров, даже если они будут националистами, действительно ли смогут как-то изменить отношение к Турции на мирной конференции в Париже? Такова была точка зрения Блистательной Порты (правительства), программу которого Али Рыза изложил английскому военному коменданту Робеку, заключив, что выборы могли бы продемонстрировать всем — в Стамбуле, Анатолии и на Парижской мирной конференции, — что правительство владеет ситуацией и является цивилизованным партнером, достойным

доверия великих держав. Во время беседы с Робеком Али Рыза не упустил возможности заявить, что правительство рассматривает «преступления во время войны, депортацию, массовую резню армян как пятно на чести Турции, которое необходимо смыть». Как писал министр внутренних дел в циркуляре от 16 октября, «выборы, проведенные в точном соответствии с законодательством, продемонстрируют цивилизованному миру реальную волю нации».

То, что Стамбул стремился показать себя с лучшей стороны, понятно, но что выиграет в данном случае Кемаль? Признание своего влияния и авторитета. Когда Кемаль требовал от Рызы организации выборов и признания национального движения, великий визирь дал ему понять, что не намерен уступать ни крупицы законной власти, тогда как Кемаль представил ему список друзей-военных, для которых требовал ответственных постов, а также настаивал на суде над Ферит-пашой, Али Кемалем и всеми антинационалистами.

Чтобы «окончательно оговорить детали соглашения между правительством и националистами», Кемаль в сопровождении Рауфа и Сами встречается в Амасье со специальным представителем правительства Салих-пашой, морским министром, опытным политиком. Прежде чем прибыть в Амасью, Кемаль, верный своей привычке, расспросил командующих армейскими корпусами, чтобы узнать их мнение о внешней политике, администрации внутри страны и организации армии. Поступок, типичный для Кемаля, так как подобная консультация — не проявление какой-либо слабости, а постоянное стремление найти оптимальное решение. Наиболее интересные ответы получены Кемалем от Карабекира и командующего 13-м корпусом армии в Диярбакыре. Карабекир энергично защищал армию: «Армия должна остаться главной опорой», а ее численность не должна уменьшаться, так как «полезно для общества, чтобы каждый год армия получала новое пополнение из молодых». Командующий 13-м армейским корпусом тоже защищал корпоративные интересы: следует усилить армию и обеспечить продвижение офицеров по службе, но высказал и одну оригинальную идею: небольшую территорию необходимо предоставить армянам, «изменив немного наши восточные границы, учитывая необходимость создания Армении». Точка зрения довольно оригинальная, но поддержки она не получила[27].

Переговоры в Амасье проходили с 20 по 22 октября. Соглашение, подписанное Кемалем и специальным посланником Стамбула, явно удовлетворяло националистов. Были приняты их

позиции по определению национальных границ, о положении национальных меньшинств, по статусу Комитета представителей. В конфиденциальном приложении Салих-паша согласился поддержать функционеров-националистов, увеличить ресурсы национальных сил на западе и ограничить активность Ассоциации друзей Великобритании, а также и «других обществ и газет, оплачиваемых из-за рубежа». Кемаль согласился с тем, что Комитет представителей не станет вмешиваться в выборы, разве что будет «деликатно» устранять юнионистов и военных, скомпрометировавших себя во время мировой войны. Короче, обе стороны были удовлетворены: правительство признало законность национального движения Кемаля, а Кемаль признал законность Блистательной Порты.

На самом деле Амасийский протокол содержит немало двусмысленностей. Ряд положений зависит от третьей стороны — парламента или императорского правительства. В частности, вопрос о месте заседания нового парламента. Салих согласен с Кемалем, что, так как Стамбул находится под контролем союзников, парламенту лучше работать в Анатолии, «как это сделали французы в Бордо в 1870–1871 годах и немцы совсем недавно в Веймаре», но он выражал только личное мнение. Двусмысленности соглашения отражают отношения Стамбула и Сиваса. Все члены правительства, за исключением военного министра Кючюк Джемаля, старше пятидесяти, и все они прежде всего верные подданные Короны, и хотя они и националисты, но не хотят быть оппозиционным правительством. Сам Кемаль стал приходить к мысли, что между открытой враждебностью Ферит-паши и протянутой рукой, но в перчатке, Али Рыза небольшая разница, так что он пока выиграл совсем немного.

Выборы в Анатолии

Возможно, Кемаль был несколько разочарован, но он не из тех, кто обнаруживает свои чувства. Напротив, он демонстрирует поразительную уверенность. В начале предвыборной кампании он дает интервью главному редактору консервативной газеты «Тасвири-эфкяр» («Толкователь событий»). Ему был задан двадцать один вопрос, подготовленный начальником Генерального штаба. Стоит привести полностью эти вопросы и ответы, когда Кемаль проявил апломб и беспринципность, достойные опытного современного политика.

— Почему национальное движение?

— По причине несправедливого отношения к людям.

— Когда зародилось национальное движение?

— На следующий день после заключения перемирия, причем практически по всей стране в одно и то же время.

— В каких вилайетах движение сегодня активно?

— Нет ни одного района в Анатолии и Румелии, где не было бы движения.

— Кто являются лидерами?

— Сыновья, избранные нацией, кто сражался за независимость и неприкосновенность родины.

— Какова главная цель движения!

— Уважение единства родины и национальной независимости.

— Как можно добиться этого?

— Благодаря национальным силам, которые спасут и укрепят национальный суверенитет. (Кемаль ссылается на резолюции и мандаты конгресса.)

— Что вы думаете о выборах!

— Они должны обеспечить свободу нации и проходить без какого-либо вмешательства. Кандидаты должны признать принципы национального движения.

— Возможно ли организовать свободные выборы в Анатолии!

— Да.

— Каково ваше мнение о пропорциональном представительстве?

— Выборы должны проходить в соответствии с существующим законом. Только национальная организация может занимать определенную позицию по этому вопросу.

— А что думаете вы по поводу границ Армении, планируемых в Европе?

Кемаль воздерживается от ответа.

— Какими могут быть границы Армении?

— Националисты не могут уступить Армении ни пяди территории родины, находящейся внутри границ, установленных перемирием от 30 октября 1918 года.

— Беседовали ли вы с генералом Харбордом?

Кемаль не отвечает на этот вопрос.

— Подтверждаете ли вы слухи о том, что члены «Единения и прогресса» фигурируют в составе национальных сил?

— Ни один юнионист не является членом национальной организации. «Единение и прогресс» принадлежит истории. Если только ошибки центрального правительства или европейских держав не реанимируют его, народ не думает об этом и не возродит его…

— Возможно ли, что «Единение и прогресс» оказывает влияние

на национальные силы?

— Только народ и его возвышенный идеал оказывают влияние.

— *Что станет с национальными силами после выборов?*

— Их судьба будет решена конгрессом, который объединит национальных представителей в условиях свободы и безопасности для исполнения законодательных функций и контроля исполнительной власти.

— *Каковы возможные границы государства?*

— Границы независимой Турции останутся теми, какими были в день заключения перемирия 30 октября 1918 года.

— *Не могли бы вы кратко ознакомить нас с вашей биографией?*

Кемаль отвечает подробно. Не забыв отметить свои «разногласия с главнокомандующим Энвером по поводу проведения военных операций», он становится намного более лаконичным, когда касается периода после заключения перемирия: «После перемирия вернулся в Стамбул. Затем, как известно, был назначен в Восточную Анатолию военным инспектором 3-й армии. 8 июля 1919 года подал в отставку».

— *Говорят, что вы хотите стать кандидатом. Правда ли это, и если да, то где вы будете баллотироваться?*

— Я — не кандидат. Но если народ меня изберет где-либо, я с гордостью приму парламентский мандат.

— *Есть ли среди ваших друзей кандидаты?*

— Мои друзья ведут себя так же, как я.

— *Находятся ли в вашем городе представители великих держав Антанты? Вступали ли вы с ними в контакт? Какие взаимоотношения сложились у вас с ними? Что думают они по поводу национальных сил!*

— Представителей здесь нет. Но во время личных встреч с политиками или военными практически всех великих держав Европы и США, бывших здесь проездом, они признали и оценили легальный характер нашего движения и национальной организации.

— *Когда Васыф-бей, назначенный вашим представителем в Стамбуле, прибудет в столицу и с какими поручениями?*

Кемаль не отвечает.

Презентация Кемаля облегчалась пассивным характером интервью. В ней недостает искренности, порой она граничит даже с малодушием. Стремясь добиться нужного эффекта, Кемаль временами несколько лукавит, особенно когда говорит о роли юнионистов или заявляет о возможности организовать свободные выборы в Анатолии.

Свободные выборы осенью 1919 года — это игра

воображения. Как они могли проходить в Анатолии, лишенной традиции выборов, где 90 процентов населения было неграмотным, в условиях иностранной оккупации? Как писал английский капитан Хадкинсон, выборы на самом деле были «позорными», «грубой шуткой», с урнами, плетенными из тонких прутьев, в условиях давления на малые народы и немусульман.

Сам военный министр, «ассоциированный член» Комитета прёдставителей, телеграфирует Кемалю, сообщая, что немусульмане не голосовали, что члены политических партий заняли «сдержанную и выжидательную» позицию и что ходят слухи о многочисленных нарушениях. Ответ Кемаля в который раз достоин бывалого политика: он не оспаривает открыто утверждения Кючюк Джемаля, но заявляет, что было бы ошибкой считать, будто члены политических партий не голосовали, просто они не добились никакого успеха. По другим пунктам заявления министра он хранит молчание. И в самом деле, за исключением евреев, немусульманская часть населения не голосовала; кроме того, сторонники «Либеральной Антанты» отказались принимать участие в выборах. В Стамбуле число голосовавших составило только 12 процентов.

Нелегко было правительству превозносить перед союзниками качество этих выборов! Чтобы улучшить впечатление, Блистательная Порта решает отправить в Анатолию миссию, которой поручено проверить нарушения на выборах.

Бесполезно, утверждает Кемаль, но великий визирь настаивает и направляет в Сивас знаменитого генерала Февзи. Февзи, которому уже исполнилось пятьдесят, был скромен, несмотря на блестящую военную карьеру, что привела его на вершину иерархической лестницы — он стал начальником Генерального штаба. Кемаль и Февзи хорошо знакомы, так как сражались вместе при Дарданеллах и в группе армий «Йылдырым». Февзи прибывает в Сивас 19 ноября в разъяренном состоянии: бандиты — он считает, что это националисты, — напали на него по дороге. Кемаль утверждает, что это не националисты, и снова оспаривает обоснованность миссии Февзи: она создает впечатление, будто между Стамбулом и националистами нет согласия. Что касается выборов, то они проводились в соответствии с законом, осмеливается утверждать Кемаль. Вместе с тем Кемаль признает, что «невежество населения вынудило назначать членов избирательной коллегии[28] и что по его требованию были привлечены ходжи[29], чтобы способствовать избранию кандидатов, соответствующих интересам страны и нации». Симпатизировал ли Февзи, подавший в отставку из Генерального штаба в знак протеста против

оккупации Измира, националистическим настроениям Кемаля? Очевидно, да, так как по возвращении в Стамбул он выразил удовлетворение условиями, в которых проходила его миссия. Выборы избирательной коллегии завершились в начале ноября.

Глава двенадцатая
ИНТЕРМЕЦЦО

Националисты выиграли выборы. Но какие именно националисты? Те, для кого национализм служит для укрепления власти султана-халифа, или те, кто в Сивасе вынашивал планы республики, о которой говорил английский военный комендант Робек?

Период с момента окончания выборов в начале ноября 1919 года до сессии османского парламента 12 января 1920 года был весьма любопытным. В столице, как прежде, царили политические интриги и всевозможные сплетни. Казалось, вернулись добрые старые времена накануне выступления младотурок. Возвращение принца Сабахеддина, почти постоянно находившегося в изгнании, было символичным. Ферит-паша жаждал снова вернуться к власти; практически открыто он вступил в переговоры с курдами и пообещал им независимый Курдистан при условии, что они разгромят националистов Сиваса.

Еще до того, как приступили к действию курды, Кемаль и его сторонники столкнулись с выступлениями других соотечественников. На западе, в районе Коньи, центра консерватизма, поднялись голоса против сил националистов, называвшие их «заурядным вариантом „Единения и прогресса“, кто нападает на дома, принадлежащие образованным, состоятельным и уважаемым людям». Скорее англичане, чем националисты, спровоцировали мятежи в Бозкыре и Конье; Рефет, прибывший из Сиваса, поспешил усмирить их.

На северо-западе Анатолии, в районе Бурсы и Баликесира, сложилась еще более серьезная ситуация. Против националистов выступил Ахмет Анзавур, черкес, бывший жандармский полковник, прибывший из царской России. Черкесам из России османское правительство предоставило земли и налоговые льготы, черкесов-мужчин всегда ценили за отвагу, а женщин — за красоту. Ахмет Анзавур, как и большинство его соотечественников, не хотел иметь ничего общего с «Единением и прогрессом» и ожидал «приказа священного халифа». Грубоватый, невежественный Анзавур, по мнению англичан, «способный объединять», поднимает знамя антинационализма с благословения Ферит-паши. Против него выступает Этхем, другой черкес, с которым они ведут игру в «кошки-мышки». Но Анзавур будет вынужден прекратить выступления, когда правительство Стамбула по требованию Кемаля решит отправить жандармерию

на его усмирение.

Конклав

В это время Кемаль напряженно работает. Он осознает, что его сила может стать его слабостью. Султан и Блистательная Порта убеждают депутатов и других подданных, что их националистические убеждения так же сильны, как и уважение конституции — разве не они организовали законные выборы? Положение Кемаля становится шатким. Выборы могли бы стать началом его конца, объединение в Амасьи — заблуждением, а победа националистов на выборах — пирровой победой.

Нет, избрание палаты депутатов — еще не конец сражения; нет, депутаты не должны поддаваться улыбкам султана и Блистательной Порты: таковы убеждения Кемаля, которые он пытается передать своим соратникам, членам Комитета представителей и командующим армейскими корпусами, которых он собрал 16 ноября в Сивасе. Кемаль уже думает о «Национальном собрании», которое превратится в «Учредительное собрание», чтобы присвоить себе исполнительную власть. Радикально настроенный Кемаль считает, что «палата депутатов не должна собираться в Стамбуле, оккупированном англичанами, и что она не сможет добиться цели, преследуемой нацией».

К концу заседаний, 29 ноября, вопреки всем ожиданиям, Кемаль уступает: он должен был сделать выбор между собственными амбициями и реальностью. Карабекир, Фуад, особенно Рауф были за Стамбул. «Я понял, что большинство депутатов соберутся в Стамбуле, — заявил Кемаль. — У нас нет возможности заставить их собраться вне столицы».

Но Кемаль проиграл не всё. Он добился, что Комитет представителей будет продолжать заседать в Анатолии «по причине недостаточной безопасности в Стамбуле». Кроме того, конклав решил сформировать группу националистов в составе палаты депутатов, которая представит собой «не делегацию, а политическую группу, способную защищать наши позиции».

Волнения на двух континентах

23 и 24 ноября 1919 года, когда проходили дискуссии в Сивасе, в тысячах километров от Сиваса — в Индии, в Дели, собралось более трехсот делегатов, среди которых был и Неру, на

конференцию по проблемам халифата. Индийские мусульмане выражали серьезную озабоченность судьбой султана-халифа Стамбула: «Когда правительство приходит в упадок, как долго сохранятся его слава и влияние?.. Марокко пало, Персия тоже, теперь мы посмотрим, как долго будет сопротивляться Турция».

Конференция в Дели решает, что священная обязанность всех индийских мусульман — «отказаться от поддержки» английского правительства, если халифату угрожает несправедливый турецкий мирный договор. Вопреки мнению делегатов-коммерсантов конференция объявляет бойкот европейским товарам. Эту решимость делегатов поддержали также присутствующие наряду с мусульманами индусы. Конференция, впрочем, избрала президентом индуса, человека, чья слава начала только зарождаться, — Ганди… Для этих людей султан-халиф Стамбула — символ, икона, а Кемаль-паша — новый человек, сведения о котором и о его выступлении были опубликованы прессой националистов в Бомбее, станет настоящим героем мусульман.

Впрочем, судьбой султана-халифа, уготованной ему союзниками, озабочены также в Северной Африке, Сирии, Египте и Ираке, и не меньше, чем в Индии. Эта преданность халифу явилась для Кемаля важным козырем. Публично его соратники используют фактор верности халифу очень осторожно. Но можно ли вообразить, чтобы Кемаль не оценил его и не стал им умело пользоваться? Кстати, англичане и французы убеждены в этом. Когда Кемаль протестует против оккупации Киликии и Измира, он косвенно угрожает союзникам губительными последствиями для «двух великих континентов». «Это явный намек на панисламистское движение, которое Кемаль и его сторонники угрожают спровоцировать в Азии и Африке», — отмечает Дефранс. Другие доказательства? По меньшей мере, трижды в ноябре 1919-го и марте 1920 года французы и англичане перехватывают корреспонденцию в духе воинствующего ислама. В письме, адресованном влиятельному чиновнику в регионе Алеппо, Кемаль сообщает: «Я переписывался с командующим арабской армией и, если позволит Всевышний, вскоре отправлюсь к моим братьям-сирийцам». Он подписывается как «командующий войсками, защищающими мусульманскую религию». Другое письмо — страстный призыв к священной войне и к «Священному союзу всех мусульман» — распространяется в Палестине; он подписывается как «представитель Великого воина за веру Кемаль-паша» и призывает мусульман создавать национальные партии, чтобы лучше подготовиться к восстанию.

Французы и англичане ни на секунду не сомневаются в

подлинности этих посланий. Они даже уверены в том, что Кемаль начал настоящую панисламистскую политику и что он собрал в Сивасе в ноябре и декабре представителей Сирии, Месопотамии, Индии, курдов, арабов и азербайджанцев с целью создания подлинного Исламского союза. Что это — заблуждение, дезинформация или реальность? Кемаль хранит молчание по поводу этих событий. И когда Райан, мозговой центр английской комендатуры, изучает «менталитет национального движения» на основе публикаций журнала националистов «К Измиру» и отмечает участившиеся статьи, посвященные мусульманам Индии, сирийскому конгрессу, египтянам и персам, у него создается впечатление, что Кемаль стремится объединить всех мусульман вокруг халифа Стамбула. Напрасно.

Кемаль-паша никогда не был панисламистом в том смысле, в каком им был Абдул-Хамид. На открытии Великого национального собрания в Анкаре Кемаль в приватной беседе высказался по поводу панисламизма: «Мы не защищали панисламизм, который пугает иностранцев. Но мы нуждаемся в моральной и материальной поддержке мусульман. Кстати, исламские страны поддерживают нас». Таким образом, Кемаль — панисламист, так как он нуждался в помощи ходжей, которые, как он сам признался Февзи-паше, помогли ему выиграть выборы, или арабов. Мог ли он публично критиковать того, кто заявил, что «арабы Сирии, Египта, мусульмане Кавказа, Индии, Афганистана — все они объединились вокруг Кемаля, чтобы спасти ислам»? Что же касается развития национально-исламистского движения в Индии, Египте, Тунисе или Сирии, то даже если Кемаль не имел к этому отношения, могло только порадовать его, так как серьезно беспокоило англичан и французов. Прагматизм и трезвость взгляда всегда были присущи Кемалю.

После Октябрьской революции и окончания Первой мировой войны Восток, от Марокко до Китая, сотрясала лихорадка национализма, исламизма и большевизма[30]. Спецслужбы, а затем министерские канцелярии открывают новые имена — Ганди, генерала Реза Пехлеви и товарища Джугашвили, которого еще не называли Сталиным[31]. В этой великой битве Кемаль и Турция оказались на переднем фланге перед лицом традиционных колониальных держав. Его противостояние Стамбулу и союзникам не было продиктовано заурядными амбициями. С одной стороны, не нужно забывать о прошлом и традициях: султан, давая интервью Ассошиэйтед Пресс, приветствует введение «сухого закона» в США, подчеркивая, что речь идет о мерах, какие приняты «в течение веков» в мусульманских странах. В Анатолии уже ощущалось дыхание

нового века. В анонимной статье в «Национальной воле», официальной газете националистов, под заголовком «Наш менталитет и противоречия в современную эпоху» автор[32] отмечает: «Сегодня среди наших интеллектуалов, имеющих то или иное влияние на судьбу нашей страны, нет ни одного, кто, если спасение и будущее страны поставлено на карту, не подумал бы прежде всего о необходимости модернизации и идее доказать ее неизбежность, основываясь на реформах и прогрессе в духе принципов, доминирующих в нашу эпоху». И автор добавляет: современный менталитет — это «способность основываться на принципах, созданных знаниями, наукой и общим прогрессом, и энергично двигаться к будущему, изменяя и реформируя традиции и фундаментальные основы, несовместимые с этими принципами».

Был ли Кемаль автором этих строк или нет, но он именно таким путем построил новую Турцию.

Глава тринадцатая
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Узкий проход, открывающийся в хребтах Тавра на Кили-кию, получил название Киликийских ворот. Сама Киликия могла бы называться воротами: воротами Анатолии в арабскую Сирию, Анатолийского плоскогорья к морю. Этот регион богат речками, полезными ископаемыми, портами и людьми. Здесь широко развито земледелие, используются ирригация и механизация, а города Киликии — столица Адана, Таре и Мерсин — процветают.

В Киликии много арабов и армян. Тем не менее основная часть населения — турки, и, как пишет Дефранс, «Киликия — уже турецкая». Турки очень привязаны к Киликии, добавляет французский дипломат, но что делать с армянами? Каким образом не отдать их под суверенитет Турции?

С момента заключения перемирия французы открыто поддерживали армян как из гуманных соображений, так и преследуя собственный интерес. В начале ноября 1919 года они расширили свою зону оккупации до Мараша, Урфы и Антепа. Гуманность — хорошее основание, чтобы оправдать территориальный торг между Ллойд Джорджем и Клемансо. Территориальный выигрыш небольшой, а турки заставят французов дорого заплатить за эти дополнительные несколько сот квадратных километров.

Киликийский абсцесс

Кемаль отреагировал резко. Французская оккупация — бесчеловечный акт, противоречащий справедливости и принципам Вильсона. «Вся нация едина в своей решимости идти до конца по этому пути, одновременно законному и возвышенному, — утверждает он перед тем, как высказать свою знаменитую угрозу: — Стоит опасаться, что подобное положение вещей не ограничится только несколькими странами, но распространится одновременно на двух континентах».

Каковы были силы национального сопротивления, которые, как утверждал Кемаль в 1927 году, он сформировал с осени 1918 года? Общество по защите прав слабо и нерешительно, и его трудно контролировать; регулярная армия отсутствует; черкесы лояльны Стамбулу; арабы мало заинтересованы в борьбе или даже враждебно настроены; ожесточенность армян впечатляет.

Только в середине ноября намечается некоторая координация организации националистов, когда в Сивасе было принято решение отправить кого-нибудь, способного взять всё под контроль. Кемаль остановился на кандидатуре Асафа, бывшего адъютанта Нури-паши, брата Энвера, командовавшего турецкими войсками на Кавказе. Поначалу Асафа встретили в Сивасе без энтузиазма, Кемаль отнесся к нему даже с некоторым подозрением. Чтобы проверить лояльность вновь прибывшего, Кемаль потребовал его взять голой рукой горящую лампу. Асаф выполнил это, обжигая пальцы; он завоевал доверие Кемаля и тот решил дать ему новое имя. Отныне его называли Кылыч Али (Али-меч); он станет одним из доверенных лиц Кемаля.

Несмотря на усилия Кылыч Али, ситуация в Киликии оставалась сложной. Кемаль пытался найти решение. Можно было бы вообразить импульсивного Кемаля в приступах гнева и ощущении собственного бессилия. Но на самом деле он вел себя намного спокойнее: как и при Дарданеллах, Кемаль выслушивает своих ближайших советников — Рауфа, Сами, Рюстема, сам говорит немного, а его нервозность проявляется только в том, что он непрерывно курит любимые сигареты и перебирает четки. Трезво оценивая ситуацию, Кемаль принимает решение встретиться с Жоржем Пико, французским военным комендантом, только что завершившим миссию в Сирии. Сфорца, Хёрст, Роулинсон, Жорж Пико — список собеседников-врагов увеличивается. Жорж Пико — самый важный визитер, учитывая его высокий пост и угрожающее присутствие французских войск. Возможно, инициатором этой встречи стал Бекир Сами, бывший губернатором Бейрута в то время, когда там служил Жорж Пико. В своих воспоминаниях Кемаль ни словом, ни намеком не упоминает об этой встрече. Если бы Жорж Пико не вел дневника, неизданного до сих пор, то о встрече в Сивасе не было бы прямых свидетельств.

Первая встреча Кемаля с Жоржем Пико в зале конгресса Сиваса произвела на французского дипломата очень сильное впечатление, почти шок, который нельзя объяснить только усталостью после двухдневной поездки под снегом в машине, часто застревавшей в дороге. «Энергичный, с орлиным профилем, в меховой папахе, которую он часто снимает, обнажая тщательно зачесанные назад волосы», Кемаль направляется к Жоржу Пико с протянутой рукой и представляет ему своих советников — Рауфа и Рюстема. 5 и 6 декабря 1919 года Жорж Пико и Кемаль беседуют в присутствии только одного Сами, выступающего в качестве переводчика.

Ожесточенный Кемаль, забыв свои прежние заявления,

оправдывает участие своей страны в Первой мировой войне «на стороне группировки, в составе которой не было России, чья политика всегда предусматривала захват Константинополя». Он возмущается нелегальной оккупацией османских территорий, он крайне обеспокоен угрозами англичан Османской империи и парламенту, хотя и признает, что «парламент должен заседать в Константинополе», затем он успокаивается, чтобы разъяснить действия националистов. Столкнувшись с непривычной дипломатией, пораженный силой убеждения своих собеседников, Жорж Пико сбит с толку этой смесью угрозы и лести, свойственной Кемалю.

Сначала угроза: «Мы решили в случае необходимости прибегнуть к экстремальным мерам». Кемаль признает связь с арабами Сирии, Ирака и Месопотамии… В общем, существует национальная военная организация, чье бездействие Кемаль не может гарантировать в силу недовольства среди населения… Затем обольщение: «Угроза не производит на нас никакого эффекта; генерал Франше д'Эсперей ничего не добился. Вы, месье Жорж Пико, добились всего, так как прибыли как друг, и мы ясно почувствовали, какой интерес вы питаете к нам». Всего добился? Кемаль согласился на сотрудничество с Францией при условии, что «наша независимость будет защищена по отношению к другим нациям». Одновременно он одобрил временное прекращение всяких военных действий в Киликии. Формулировка «всего добился» несколько преувеличена…

Кемаль был удовлетворен переговорами в Сивасе. В письме, отправленном в Стамбул, французский дипломат писал почти с энтузиазмом: «Охваченные пылким патриотизмом, они (лидеры националистов) хотят сохранить целостность Турции, но чувствуют, что не в состоянии осуществить это собственными силами и средствами. Какими бы ксенофобами они ни были, они готовы к иностранному сотрудничеству… По их мнению, Франция — единственная страна, способная им действительно помочь при условии, что она не начнет вредить их родине». И Жорж Пико, кто еще несколькими месяцами ранее был сторонником аннексии Киликии, с опорой на армян высказывается теперь за турецкую Киликию, прежде чем отметить: «К несчастью, здесь живут словно в башне из слоновой кости — без контактов со страной, в мире, что зовется Константинополем». Справедливое замечание. И если Стамбул — это не Анатолия, то Лондон — еще менее. Действительно, когда французы и англичане встретились в Лондоне накануне Рождества 1919 года, дух примирения исчез. Глава французской делегации Вертело, кадровый дипломат, директор политического

департамента министерства иностранных дел, позволил себе шокирующее заявление: «Завоевание турками Константинополя ознаменовало конец Средневековья; их изгнание ознаменует новый период», а затем заключил, что национальное движение в значительной степени всего лишь блеф, который закончится военными столкновениями. Жесткая линия была принята снова: Турция сократится до части Анатолии, потеряв Стамбул, проливы Босфор и Дарданеллы, Фракию, Курдистан, власть над Измиром, Восточную Анатолию до Эрзурума и свою армию.

Тем не менее Кемаль не сожалел о гамбите, разыгранном с Жоржем Пико. Принимая французского дипломата, он работал для будущего, не соглашаясь ни на что незамедлительно. Жесткость решений, принятых в Лондоне, уже ничего не меняла. Лондон и Париж уже отказались от части своих намерений — проект создания Великой Армении был забыт; через десять дней после конференции в Лондоне правительство Великобритании заявило Парижу, что изменило свое мнение относительно Стамбула: Лондон больше не хочет изгнания турок из Стамбула.

Анкара

27 декабря Кемаль, покинув Сивас, прибывает в Анкару, где националисты решили собрать своих депутатов перед их отъездом в Стамбул. Поначалу местом встречи был избран Эскишехир, что казалось логичным. Эскишехир, важный железнодорожный узел, находящийся в трехстах километрах от Стамбула, вполне соответствовал требованиям Кемаля: «Это общее правило, что те, чья задача руководить и обеспечить высшее командование во время войны, должны быть рядом с наиболее важными участками операций, там, где опасность наиболее велика». Но присутствие значительного контингента англичан в Эскишехире и активность антинационалистов в Западной Анатолии заставили Кемаля немного отступить до Анкары, расположенной на полпути от Эскишехира до Сиваса.

Прибытие Кемаля в Анкару было впечатляющим. Еще за пределами города его встречали отряды сейменов, иррегулярной полиции, воинственность которых не уступала башибузукам[33]. А в самой Анкаре толпы, мобилизованные в течение трех дней, приветствовали Кемаля. Стоя в машине, гордо вскинув голову в серой папахе, он гипнотизировал толпу, окоченевшую на морозе и не привыкшую к подобному зрелищу. Анкара, расположившаяся у основания бывшей византийской крепости, утратила свое античное величие. Из пятидесяти тысяч жителей города конца

XVIII века осталось не более двадцати пяти тысяч. Даже появление железной дороги в конце XIX века не помогло воскресить былое великолепие, и город напоминал большое село, окруженное сетью болот, источников малярии.

Один из свидетелей этой встречи Кемаля вспоминал позже, что «в его голубых глазах сверкал огонь непреклонной воли и веры». Другой молодой человек также подтверждает магическую силу его голубых глаз: «Меня охватила дрожь от его необычайно пронзительного взгляда. Этот стройный, высокий мужчина с настолько серьезным взглядом, что приводит в замешательство, казался сверхчеловеком, как будто похищающим вас, отделяя душу от тела. В этот вечер мы только и говорили о Мустафе Кемаль-паше». Кемаль тоже был доволен приемом. Когда Али Фуад, командующий армейским корпусом Анкары, спросил Кемаля, как он нашел свою новую резиденцию, тот ответил: «Потрясающе. Я счастлив <…>. Я совсем не устал. Увидев всех встречавших меня, я совершенно забыл об усталости».

Кемаль обосновался в сельскохозяйственной школе за пределами Анкары[34]; через несколько дней школа превратилась в штаб-квартиру, снабженную, естественно, телеграфом, занимающим целый этаж. Кемаль окружен преданными соратниками, сопровождавшими его со Стамбула. Вскоре эта команда пополнится еще двумя: молодым суровым офицером Реджепом и полковником Исметом. В течение почти двадцати лет союз Кемаля и Исмета станет основой новой Турции. Это, несомненно, проявление одной из гениальных черт Кемаля — умение понять ценность Исмета. Огромная роль скромного Исмета в создании Турецкой Республики никогда не была оценена по достоинству. Прекрасный организатор, он занимался всеми мелочами, которые, по выражению одного из приближенных Кемаля, «вызывали у него головную боль». Удивительным образом эти двое сумеют создать и поддерживать интенсивные и плодотворные рабочие отношения, хотя лично они не были близки: Исмет, скромный буржуа-мусульманин, слишком серьезен, а его среда слишком однородна, чтобы принять и удовлетворить аппетиты Кемаля. В 1923–1924 годах, когда Исмет с помощью жены Кемаля попытается наставить распутника на путь истинный, ему придется признать поражение и отметить, что его влияние, как бы значительно оно ни было, останавливается у дверей кабаре и спальни Кемаля.

Перед депутатами-националистами, прибывающими в Анкару небольшими группами, Кемаль выступает с речью, апробированной в Эрзуруме и Сивасе: к Турции должны быть применены принципы Вильсона. Блистательная Порта

(правительство) предала нацию, необходимо объединить и организовать национальное движение. Рауф и Сами покидают Анкару, чтобы заседать в парламенте в Стамбуле, а Кемаль, избранный в Эрзуруме, решает отказаться от мандата и остаться в Анатолии. Распределение ролей или разногласия между ним и соратниками? Похоже, что и то и другое.

Османский парламент начал работу 12 января 1920 года в составе семидесяти пяти депутатов и в отсутствие султана: официально Мехмет VI испытывает недомогание, в связи с чем получает от Кемаля пожелания скорейшего выздоровления. Военные коменданты союзников считают, что большинство депутатов — националисты и юнионисты. Через несколько недель их поведение оправдает опасение Кемаля. Первое осложнение возникает 20 января, когда Робек и Дефранс потребуют отставки военного министра и начальника Генерального штаба, виновных, по их мнению, в многочисленных нарушениях условия перемирия. Блистательная Порта шокирована, но соглашается. Кемаль требует сначала отклонить ноту военных комендантов, но затем уступает: после того как друзья из Стамбула заверили его в будущей отставке правительства. Но отставки не только не произойдет, но и правительство заручится доверием парламента.

На берегу Босфора, обосновавшись во дворце Фындыклы, депутаты остались националистами: не спеша, без особых трудностей, они проголосовали за национальный пакт, выражающий «готовность османской нации пойти на жертвы, чтобы обеспечить справедливый и длительный мир». Националисты — да; революционеры — нет. Они забыли Кемаля. Когда он решает выставить свою кандидатуру на пост главы парламента, Рауф вынужден сообщить ему, подбирая слова, чтобы не задеть его самолюбия, что «создается впечатление, что в настоящий момент голоса разделятся». Единственный депутат предложил кандидатуру Кемаля, и только один голос был «за» — его собственный. Второе поражение Кемаля касалось национальной партии, создания которой он требовал от депутатов-националистов. В парламенте Рауф выступил на открытии с пламенной речью, восхваляя движение по защите нации, «организованное верными сынами родины и неизвестными смельчаками, движение, спонтанно хлынувшее из сердца народа для защиты чести нации», но он ни слова не сказал о создании партии. В конце концов, партия родилась, и почти вся элита националистов объединилась для спасения родины. Но в отсутствие лидера, оставшегося в Сивасе, они не смогли принять никакого решения и противопоставить себя парламенту. Таким образом, в середине февраля 1920 года Кемаль оказался в весьма

деликатном положении. С одной стороны, он не хочет «создавать трудности» правительству и пишет об этом Рауфу; с другой — великий визирь, ободренный поведением парламента, стремится отодвинуть Кемаля на второй план. В одном из своих заявлений визирь утверждал, что только парламент представляет национальное движение. Депутаты, конечно, согласны с этим. Шаг за шагом Стамбул берет под контроль националистов. Чтобы избежать постепенного удушения своего движения, Кемалю ничего не остается, кроме как поднять знамя восстания. Может ли он сделать это, хочет ли он этого? Мы этого не узнаем никогда, так как события в Киликии сами решат проблемы Кемаля и приведут к падению Стамбула.

Мараш

В первые дни 1920 года турки атакуют французские войска в окрестностях Мараша: прекращение огня, обещанное Кемалем Жоржу Пико, продлилось не более месяца. Жорж Пико сообщает в рапорте: «Паша не хочет делать ничего без гарантии с нашей стороны отступления армянских войск и прекращения притеснений. Я возмущен этой попыткой шантажа. Но Кемаль объясняет, что он не хотел оказывать на нас давления: нам необходимо выполнить его требования не потому, что если мы откажемся, то армия националистов выступит против нас, а потому, что в этом случае они больше не смогут контролировать население, которое поднялось бы само по себе под влиянием бесчинств, жертвой которых оно стало».

Мараш, расположенный севернее Урфы и Антепа, превращается в главное поле битвы. 10 февраля 1920 года французское командование решает покинуть город, подвергавшийся атакам турецких партизан в течение трех недель. Отступление превращается в драму: преследуемые врагом, терзаемые снежными буранами и морозом, французы потеряли тысячу двести человек. Но больше всего жертв было у армян, брошенных французами: по меньшей мере, пять тысяч, а возможно, и двадцать тысяч армян погибли в сражениях у Мараша и при отступлении. Гибель армян привела к горячей полемике между армянами, османским правительством и кемалистами. Англичане и французы выступили против создания межсоюзнической комиссии расследования: зная, что бросили многих армян под Марашем, они не хотели, чтобы комиссия обнародовала их ответственность за гибель армян.

События в Мараше явились критическим моментом,

окончательным завершением иллюзий и лицемерия, тем моментом, когда даже умеренные и оптимисты признали, что настал час оружия. В течение нескольких дней цепь событий подготовила разворачивающуюся драму. Во-первых, активно включился Анзавур, быстро потеснивший националистов и установивший контроль над регионом Адапазары. Затем произошло выступление националистов в Стамбуле. В ночь на 27 февраля они совершают налет на склад оружия в Акбаше, пригороде Стамбула, и захватывают 8 тысяч винтовок, 40 пулеметов и 20 тысяч ящиков боеприпасов, предназначенных для белогвардейцев Врангеля. Это нападение вызвало ярость англичан, направивших свой гнев против правительства и французов, ответственных за охрану склада, даже в большей степени, чем против националистов.

Придя в себя, англичане осознали, что нужно вести совершенно иную политику, чем прежде. С начала февраля Райан отказывается от политики, «позволяющей туркам самим решать свои проблемы, до тех пор, пока будут приняты окончательные решения Парижской мирной конференции». Он предлагает мирный договор, приемлемый для турок, оставляющий им Измир и Стамбул. В Париже газета «Тан», официальный орган министерства иностранных дел, выступила еще более оригинально: «Для положительного решения проблем Турции есть только одно средство: попробовать лояльно относиться к режиму националистов… Мы надеемся, что не слишком опережаем события, заявляя, что Франция готова попытаться провести этот эксперимент…»

Но большинство дипломатов, собравшихся в Лондоне в середине февраля 1920 года, и не подумали об этом: договор будет «жестким», а чтобы «отомстить» за события в Мараше, было предложено оккупировать Стамбул.

Оккупация

Когда эти предложения по проекту договора поступили в Стамбул, все военные коменданты единодушны в своем мнении: такой проект — безумство, турки резко отреагируют на него; всё возможно: отречение султана, переезд парламента в Анатолию, новые жестокие расправы с христианами, согласованные действия националистов, большевиков и арабов.

Только военная оккупация Стамбула оправданна, по их мнению: если союзники выбирают жесткие условия договора, то лучше подготовиться к реакции турок, а именно —

контролировать войсками Стамбул. Собравшиеся в Лондоне в конце концов принимают промежуточное решение: войска союзников ограничатся захватом военного министерства и префектуры полиции и не станут контролировать гражданскую администрацию и распускать парламент.

Было принято решение арестовать лидеров националистов, находящихся в Стамбуле. Английские спецслужбы составили список из двадцати трех депутатов, «причастных к уничтожению христиан», и рекомендовали арестовать семь из них. Кемаль не фигурировал во втором списке, но занимал шестнадцатую позицию в первом. Англичане обвиняют «депутатов из Эрзурума» в «заговоре», в убийстве доктора Сиска в Згале, в участии в «антихристианской пропаганде в Йозгате». Никакой информацией, подтверждающей эти обвинения, автор не располагает. Згала существует (это небольшая деревня между Токатом и Амасьей); Кемаль, возможно, проезжал через эту деревню, но никаких следов доктора Сиска найти не удалось. Следует ли заключить, что, обвиняя Кемаля и включая его в список, где фигурируют признанные активисты, в основном юнионисты, спецслужбы рассчитывали убедить Лондон и союзников в том, что Кемаль — всего лишь главарь банды?

Интервенция союзников, запланированная на 13 марта, была перенесена на 16 марта по просьбе французов и итальянцев. Из вежливости Лондон соглашается на отсрочку, но его приказы однозначны: действуйте по собственному усмотрению, даже если «ваши коллеги не в состоянии действовать вместе с вами». Никаких сомнений: операция прежде всего английская. 16 марта в 10 утра три тысячи британских солдат занимают префектуру полиции, главный почтамт и военное министерство. За двадцать минут до этого М. Райан официально предупредил великого визиря, а его французский коллега — султана. Население Стамбула быстро поняло, что произошло, даже до появления афиш с заявлением англичан о том, что Стамбул остается турецким, но без беспорядков и кровавых расправ, причем каждому турку, пойманному с оружием в руках, грозит смерть. Операция проходила быстро, англичане не встретили серьезного сопротивления; в ходе операции были убиты пять турецких военных и один англичанин.

Главной жертвой оказался Рауф. Он, герой Балканских войн, отказался бежать в Анатолию, что ему неоднократно предлагал Кемаль. «У меня моральный долг», — отвечал он. Он выступил в парламенте, заявив: «Я не хочу, чтобы парламент самораспустился; пусть его распустят!» В сопровождении нескольких депутатов он отправился к султану; это был диалог

глухих. Хотя Рауф потрясал Национальным пактом, а один из депутатов утверждал, что враги не пойдут дальше, что Анатолия тверда как сталь, Вахидеддин оставался невозмутим: «Они готовы на всё. Будьте внимательны к тому, что вы говорите в парламенте <…>. Завтра, если они захотят, они будут в Анкаре». Обращаясь к Рауфу, он заявил: «Рауф-бей, нация — это как стадо… А стадо нуждается в пастухе… Я — пастух». Рауф вернулся в парламент за несколько минут до прибытия туда англичан. Он требует вмешательства парламентской охраны, но она бездействует. «Чтобы избежать кровопролития», Хусейн Рауф и Кара Васыф сдаются англичанам. Депортированный на Мальту, Рауф вернется в Турцию только в конце 1921 года. В своих «Воспоминаниях» Кемаль критически отнесся к поведению Рауфа в эти мартовские дни 1920 года, посчитав, что Хусейн Рауф и Кара Васыф проявили недопустимую мягкотелость, позволив депортировать себя на Мальту.

А для Кемаля это непредвиденная удача. Кемаль реагировал даже прежде, чем было прервано телеграфное сообщение со Стамбулом и завершилась военная операция. Он обращается с гневным протестом к военным комендантам и к зарубежным парламентам. Он требует от националистов уважать христиан, но приказывает арестовать двадцать французских и английских военных, оставшихся в Анатолии. Обращаясь ко всем, он объявляет о начале войны за освобождение столицы халифата и за национальную независимость: «Аллах на нашей стороне в этой священной войне за независимость страны».

В десять утра Кемалю сообщили о начале операции. Эти события его не удивили: он всегда утверждал, что англичане обязательно окажут военное давление на Стамбул, и еще за несколько дней до 16 марта осознал, что операция неизбежна. При подготовке к оккупации Стамбула союзники стянули к столице войска, о чем был информирован Кемаль. Он поминутно следил за продвижением английских войск, непрерывно получая сообщения по телеграфу.

В десять часов:

— Утром англичане неожиданно атаковали правительственные здания…

Чуть позже:

— Ваше превосходительство, английские моряки захватили телеграф в военном министерстве и перерезали провода…

Затем:

— Ваше превосходительство, только что стало известно, что через час это здание тоже будет оккупировано…

После ареста Рауфа и Васыфа депутаты собрались снова. 18

марта по предложению Риза Нура депутаты решили больше не заседать. Заседания были отложены на неопределенное время, а Риза Нур заявил, что в силу исключительных обстоятельств «мы вверяем нашу судьбу истории».

На следующий день Кемаль созывает парламент в Анкаре. Он подготавливает обращение, в котором утверждает необходимость созыва Национального учредительного собрания в Анкаре. Но после трехдневной переписки по телеграфу с единомышленниками он понимает, что многие еще не готовы для Учредительного собрания. И снова он кладёт свой проект в папку. Кемаль рискует, он хочет преуспеть, но при этом сохраняет трезвость мышления. 19 марта он созывает парламент в Анкаре и объясняет, как будут выбирать депутатов, призванных заменить тех членов османского парламента, кто не прибудет в Анкару.

16 марта 1920 года кемалисты назовут черным днем. А между тем этот день способствует осуществлению их надежд. Стамбул оккупирован, султан вместе с Блистательной Портой превращаются в живые трупы. Стамбул оккупирован, и вся Анатолия в руках кемалистов. Стамбул оккупирован, и законная власть обосновывается в Анкаре.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЛИДЕР

Глава первая
НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Апрель 1920 года, Стамбул. Изо дня в день любопытные могут наблюдать, как во дворе военного министерства на широкой эспланаде разворачиваются учения новобранцев армии халифата.

Бронированные машины англичан доставляют Ферит-пашу в правительственное здание. Открыто, безрассудно Ферит решает начать настоящую гражданскую войну против националистов. Парламент распущен; верховный глава турецкого ислама, шейх-уль-ислам, который прежде снимал виновных султанов, приказывает всем правоверным мусульманам бороться против Кемаля и националистов. Созданы специальные трибуналы для суда над анатолийскими лидерами националистов. Как и Али Фуад, Исмет, Бекир Сами, Кара Васыф, Халиде Эдип и ее муж доктор Аднан, Альфред Рюстем и многие другие[35], «бывший инспектор 3-й армии, подавший в отставку, Мустафа Кемаль-эфенди из Салоник, сын Али Рыза-эфенди» приговорен к смертной казни. Кемаль, узнав эту новость, бросает: «Эти приговоры не радуют», и тут же выражает полное презрение: «Наши смертные приговоры не имеют никакой политической ценности». Но его окружение, особенно Исмет, не настолько спокойно и не скрывает страха.

Иллюзия продлится недолго: в конце мая французские спецслужбы напишут, что «репрессии — всего лишь комедия», а одна из газет утверждает, что «эра напрасных репрессий завершена». Но в данный момент затеянная Феритом битва внушает страх. Чтобы навести порядок в Анатолии, великий визирь создает специальные отряды, названные армией халифата. Халифата, а не султаната: разве султан стал менее популярен, чем халиф?

Хорошо оплачиваемые, производящие впечатление своей черной формой, эти защитники порядка выступают через несколько недель после оккупации Стамбула. Момент выбран удачно: бывший жандарм Анзавур, наемник англичан, был снова потеснен черкесом Этхемом, несмотря на свои пушки, пулеметы и на святую троицу — «веру в душе, Коран на устах и приказ султана на руках».

В этой части Северо-Западной Анатолии, слишком близкой к столице, чтобы чувствовать себя полностью анатолийской, армия халифата продвигается, поддерживаемая крестьянами, которые

радостно встречают защитников законной власти, чтобы с их помощью изгнать сторонников «предателя» Кемаля.

Разгорается гражданская война. В ответ на обвинения шейх-уль-ислама Кемаль мобилизует 153 анатолийских муфтия, чтобы с такой же убедительной силой и теми же цитатами из Корана дать религиозное обоснование своей борьбе. Великий визирь объявлен предателем родины. Но напыщенных заявлений и цитат Корана недостаточно. Нужно сражаться и проливать «кровь братьев». Войска, лояльные халифату, состояли преимущественно из черкесов, грузин, албанцев и арабов, что было разумно, если учесть значительное число черкесов и албанцев среди населения Северо-Западной Анатолии и их преданность султану-халифу. Националисты располагали ограниченными военными ресурсами. И всё же несколько решительных соратников Кемаля — Рефет, Этхем-черкес и Ариф смогли приостановить продвижение лоялистов. К концу июня армия халифата была распущена.

Новая граница

Турки оказались узниками в своей столице, пленниками, обреченными на унижение и ненависть англичан, греков и османских армян. Примеры подобного отношения к туркам только умножались. Школьники бывали избиты своими товарищами-греками за то, что отказывались кричать «да здравствует Венизелос»; женщин оскорбляли, срывая полог, отделяющий их в передней части трамвая; мужчин били по лицу за то, что они не уступили дорогу иностранному офицеру.

Оккупированный Стамбул не находился в абсолютной изоляции от Анатолии. Просто все желающие выехать должны были подвергаться тщательному и наглому контролю англичан и французов, а также сотрудничающих с ними греков и армян.

Только четыре человека избежали подобного осмотра. Эти четверо, признанные националисты, были направлены в Анатолию «для встречи с Мустафой Кемалем» с благословения англичан. Можно ли сомневаться, что они, не теряя ни минуты, бросились в объятия Кемаля.

Между тем контроль не останавливал тех, а их было немалому кого был билет только в одном направлении — в Анатолию. Бегство в Анатолию было единственным решением для Бекира Сами, Халиде Эдип, Юнуса Нади и других националистов, за голову которых были обещаны деньги правительством и союзниками. Переодевшись, перемещаясь по ночам при соучастии жандармов, рабочих железных дорог и матросов, используя

тайные каналы, разработанные «Караколом», многие смогли присоединиться к националистам. Это было нелегко! Сколько волнений и страха пережили эти буржуа, неожиданно брошенные в мир борьбы и подполья. Когда привык посещать салоны, когда ты женщина с тщательно ухоженными руками, как Халиде Эдип, довольно сложно представить себя участником сопротивления.

Депутаты последнего османского парламента, военные, гражданские, известные и неизвестные, они избрали путешествие к националистам пешком, на лошадях, на арбах, на пароходе или по железной дороге. Их мужество тем не менее не должно позволить забыть о политике выжидания многочисленных военных и высокопоставленных чиновников. Только финансовый кризис правительства Стамбула заставит их уехать. В декабре 1920 года, через девять месяцев после оккупации, военное руководство Анкары бросает призыв офицерам Стамбула: «Смерть и нищета будут преследовать вас до тех пор, пока вы остаетесь в Стамбуле. Тогда как здесь вы будете обеспечены, ваше жалованье будет увеличено в пять раз. Ускоряйте ваш отъезд и спешите спасать родину».

Для Кемаля мотивы приезда в Анатолию не очень важны: прибытие в Анкару по любым причинам и присоединение к движению националистов приветствуются. Кемаль персонально принимает большинство из тех, кто сумел выбраться из Стамбула. Особенно его обрадовало прибытие старого друга Исмета, который будет играть важную роль в окружении Кемаля: «Добро пожаловать, Исмет! Исмет, я очень рад твоему приезду; как хорошо, что ты приехал так скоро!»

Вновь прибывшие сразу поняли, что Анкара — далеко не рай. В городе свирепствовали малярия, болотная лихорадка и брюшной тиф. Не много домов было пригодно для обитания, не было ни одного отеля «европейского типа». Даже в наиболее приличных зданиях отсутствовал водопровод. Вместо ресторанов — скромные кофейни с шаткими столами и поломанными стульями. Магазины можно было пересчитать по пальцам на одной руке. Передвигаются в городе пешком или в колясках. До конца 1929 года в Анкаре был всего один старый, изношенный автомобиль, находящийся, естественно, по словам Исмета Инёню, в распоряжении Кемаля. Министры передвигались в фаэтонах по пыльным, грязным улицам города без тротуаров. Джеляль-бей, став министром экономики, предпочел передвигаться верхом на лошади!

Депутаты были вынуждены расположиться в здании школы для мальчиков. «С ними обращались как со школьниками», — отмечал французский офицер, взятый в плен 16 марта и

освобожденный в начале мая. Действительно, общая спальня, столовая в строго определенные часы, скудный бюджет — всё это производило удручающее впечатление. Но в отличие от французов для анатолийцев, особенно тех, кто присоединился к движению сопротивления, Анкара — «великий город». Они прибыли сюда не для того, чтобы искать очарование скромной, суровой жизни. К тому же все обитатели Анкары, как старожилы, так и вновь прибывшие, добровольно избрали этот путь.

Через несколько дней в Анкаре стала царить атмосфера возбуждения и волнения. Каждый стал осознавать, что участвует в авантюре. Одним из первых законов, принятых в Анкаре, был «сухой закон», а начальник полиции Дилавер стал производить и распространять ракы, анисовую водку, любимый напиток турок, что рассматривалось как чрезвычайное событие. Вскоре в Анкаре только и говорили, что о «воде Дилавера».

Ярким примером боевого, решительного духа, царящего в Анкаре, является создание пресс-агентства Анатолии *(Anadolu Ajansi)*. То, что Кемаль очень заинтересован в прессе и уверен в роли информации в успехе своих проектов, не ново. Это подтверждают история создания газеты «Минбер» и многочисленные интервью Кемаля турецкой и особенно иностранной прессе.

Во время конгресса в Сивасе Кемаль учреждает официальную газету националистов «Национальная воля». Прибыв в Анкару, Кемаль стремится расширить ее влияние, символически изменяет ее название на «Национальный суверенитет» и решает заставить понять своих собеседников, что наилучшим доказательством их присоединения к националистам будет подписка на «Национальный суверенитет». Прекрасно понимая влияние информации, даже в стране, неграмотной на 90 процентов, он рассылает многочисленные телеграммы, требующие контролировать почтовую службу и препятствовать распространению правительственной и иностранной прессы, враждебно настроенной к националистам. С мая он вводит цензуру, в чем ранее националисты так упрекали англичан, когда те ввели цензуру в Стамбуле.

Газет тем не менее было недостаточно, да и с бумагой были проблемы. И 6 апреля Кемаль создает пресс-агентство «Anadolu Ajansi». Идея пресс-агентства принадлежит не ему, а Юнусу Нади, бывшему директору одного из наиболее авторитетных органов прессы Стамбула «Новый день», и Халиде Эдип. По дороге в Анкару Нади, чья газета была запрещена англичанами, и Халиде Эдип, «Жанна д'Арк» националистского движения, единодушно принимают решение о необходимости создания агентства

информации и пропаганды для Турции и заграницы. А как назвать его?

«„Турецкое агентство“, или „Агентство Анкары“, или „Агентство Анатолии“, — предлагает Халиде Эдип. — Агентство Анатолии мне кажется наилучшим названием, ведь именно Анатолия должна защитить себя и всю родину?»

Кемаля не пришлось долго убеждать в этом: через четыре дня после прибытия Нади и Эдип в Анкару агентство было создано. Агентство «Хавас-Рейтер» утратило свою монополию. Отныне депеши анатолийского агентства будут поступать не только в бюро информации ислама, но и в комендатуры и канцелярии.

Новый парламент

Всеобщее внимание обитателей Анкары привлекает Национальное собрание, которое решил созвать Кемаль на следующий день после оккупации Стамбула.

Когда Юнус Нади заявил, что в Анкаре «главная проблема — это отсутствие армии», Кемаль тут же остановил его: «Для меня Национальное собрание — это не теория, а реальность, самая важная из всех: сначала Национальное собрание, потом армия, Нади-бей. Вся нация станет армией, а Национальное собрание — ее уполномоченным. Для армии нужны сотни тысяч людей, миллионы. Два или три человека не могут принять необходимые решения. Это может сделать только нация…» Только государственный деятель был способен высказать подобные мысли. Этот диалог приведен в воспоминаниях Юнуса Нади, опубликованных в пятидесятых годах. Других источников, подтверждающих его, нет.

Официальная газета националистов «Национальный суверенитет» словно переводит мысли Кемаля, когда говорит об «историческом событии»: «Это событие служит наиболее убедительным доказательством способности нашего народа выживать. Наша история очень богата чудесами такого рода. Наш народ пережил много потрясений и каждый раз выбирался из них. Народ, еще вчера считавший себя обреченным на исчезновение, сегодня поднимается. Наш народ создал мощную империю на священной земле Анатолии под эгидой детей Эртогрула[36]. Он всегда был преданным защитником ислама».

Пресса националистов, не краснея, обращалась к исламу и османской истории. А в узком кругу Кемаль не скрывал своего волнения: правительственные войска стояли у ворот Анкары. Он заявил молодому Реджепу: «Вспомни, Реджеп, когда ты прибыл, я

спросил, в чем, по-твоему, интересы страны, и ты ответил, что следует пойти на жертвы. А я сказал тебе, что наша историческая миссия — созвать Национальное собрание. Нужно исполнить наш долг, и я принял необходимые меры для созыва собрания». Пятница 23 апреля 1920 года началась как обычно. В середине дня, после молитвы, перед мечетью Хаджи Байрама образовалась процессия. Впереди несли золототканое знамя со священными строками Корана, а по его бокам десяток ходжей монотонно читали псалмы. Через несколько сотен метров процессия остановилась на главной площади в центре города.

На площади возвышалось здание, где прежде проходили заседания партии «Единение и прогресс». Массивное четырехугольное здание архитектор украсил двумя узкими террасами. На этих балконах будут появляться перед толпой Кемаль и его сподвижники. Кемаль шел за знаменем, подойдя к зданию, он поднялся по ступенькам крыльца и разрезал ножницами красные и белые ленты перед центральным входом. Под слово молитвы «Во имя Аллаха милостивого и милосердного…» Кемаль вошел в зал средних размеров. На первый взгляд зал был похож на класс с рядами узких парт и скамейками. В глубине зала — трибуна, над которой возвышался штандарт, а стол президиума в знак траура был покрыт сукном. Священнослужители, присоединившиеся к Кемалю, читали молитвы. Аллах велик, и его слуги молят его о защите Великого национального собрания Турции.

После соблюдения мусульманского протокола старейшина депутатского корпуса объявил: «Я открываю Великое национальное собрание, заявляя всему миру, что работа, необходимая для полной независимости, внутренней и внешней, начинается здесь…» Открытие было коротким, Кемаль произнес несколько слов, чтобы напомнить, что Национальное собрание состоит из депутатов османского парламента, которые смогли покинуть Стамбул, и депутатов, избранных[37] во время оккупации столицы; он добавил также, что новое собрание является легальным, и его поддержали аплодисментами.

На следующий день Национальное собрание приступило к серьезной работе. С программным докладом выступил Кемаль. Паша говорил властным, несколько хрипловатым голосом, речь его, сочетающая народный турецкий язык с более рафинированным языком османской элиты, была конкретной, лишенной каких-либо эффектов риторики. Эта трибуна Национального собрания скоро станет символом физического и духовного присутствия Кемаля в центре своей страны. И днем и ночью при свете керосиновых ламп он возвышался на трибуне,

«волевой подбородок и высокий лоб», энергичный, амбициозный, резкий, осторожный, непобедимый, рассказчик, волшебник, говоривший часто часами, что заставило одного депутата заявить: «Заставьте его замолчать, или он в конце концов убедит меня». Длительность его выступлений, впрочем, казалась одним из элементов, определяющим его успех, если верить другому депутату, который, беседуя однажды с послом Франции в Анкаре графом Шамбреном, сравнил ораторское искусство во Франции и Турции: «Ваши блестящие ораторы в Бурбонском дворце выступают не более одного-двух часов, тогда как наш гази может говорить четыре дня подряд. Вот это оратор!»

В эту субботу Кемаль, несмотря на усталость, говорил в течение четырех часов, проанализировав события, происшедшие с момента перемирия, и изложив свои действия — от декларации Амасьи до созыва Национального собрания в Анкаре. Речь-марафон, похожая на рапорт Генерального штаба, излучающая силу эгоизма оратора и украшенная несколькими правоверными и лояльными фразами, которые ввели бы в заблуждение любого скептика: «Национальное собрание спасет падишаха, халифа и Османское государство, продемонстрировав всему миру, что османская династия всё еще жива… С нами Аллах!» Можно ли удивляться, что речь Кемаля вызовет аплодисменты и крики «Да будет так!»?

Ненасытный Кемаль продолжил при закрытых дверях. На этот раз он не стал тратить время на сообщение всем известных фактов и ограничился перечислением основных принципов своего действия: «Наша задача — добиться освобождения народа внутри национальных границ. Мы не хотели пантуранистской политики, чтобы не столкнуться с внешними трудностями. Мы не защищали и панисламизм, пугающий иностранцев. Но нам необходима моральная и материальная поддержка мусульман. Впрочем, нас поддерживают исламские государства. У большевиков свои идеи. Я не знаю их точно. Мы считаем, что справедливо использовать любую поддержку при условии невмешательства в наши дела. <…> Так как Стамбул оккупирован англичанами, установление контактов с падишахом ничего не дает».

Что можно добавить? Всё сказано цинично, недвусмысленно.

Не теряя ни минуты, Кемаль начинает новое выступление, на этот раз на открытом заседании. Он заявляет: в настоящий момент Национальное собрание должно сформировать правительство, даже до принятия конституции; президент Национального собрания должен быть также главой правительства. Чтобы консерваторы успокоились и пришли в себя, Кемаль добавляет, что султан — наш верховный правитель,

халиф и глава исламского сообщества, поэтому мы не можем допустить, чтобы халифат был отделен от султаната; по той же причине бесполезно и невозможно назначать представителя падишаха в Анатолии. Момент напряженный. Впрочем, никто не сомневается: в течение трех минут непрерывные аплодисменты приветствуют оратора в конце его заявления.

Он снова появляется на трибуне под приветственные возгласы и крики «браво», чтобы выполнять функции президента Национального собрания, которым его только что избрали. Он произносит всего несколько фраз, но каких: «Национальное собрание <…> созвано, чтобы спасти султана-халифа <…>. Я буду работать на благо народа и страны, не преследуя никаких личных интересов <…>. Пусть Аллах даст жизнь и здоровье нашему падишаху и удалит от императорского трона все опасности, чтобы сделать его свободным!»

Успех полный: учреждение Великого национального собрания для управления страной; избрание Кемаля главой Национального собрания и правительства. В состав правительства вошли его друзья: Бекир Сами — министр иностранных дел, Хакки Бехиш — министр финансов, Исмаил Фазыл, отец Али Фуада, — министр труда, Февзи — министр обороны и Исмет — начальник Генерального штаба. Следует отметить, что назначение Февзи, который после оккупации Стамбула публично называл националистов «бандитами» и присоединился к ним только после открытия собрания, удивило многих, но не Кемаля. Февзи был слишком опытным военным, чтобы Кемаль не воспользовался его услугами.

Особое место в этой команде занимал Джелалледин Ариф, назначенный министром юстиции. Этот бывший главный судья Стамбула и лучший конституционалист Турции был последним президентом османского парламента и прибыл в Анкару с четкой идеей и завышенными амбициями. «Национальное собрание — не что иное, как продолжение распущенного парламента Стамбула», — заявил он, требуя поста президента. Кемаль, которого обрадовало прибытие этого видного либерала в Анкару, решил, что целесообразно ввести его в правительство и это не будет большой жертвой со стороны националистов. После переговоров пришлось уступить Арифу пост вице-президента, причем при голосовании он набрал всего на один голос меньше, чем Кемаль на президентство. На самом деле Кемаль будет предоставлять Арифу вести почти все заседания, за исключением очень важных дебатов, которые он оставлял за собой.

За работой

25 апреля Кемаль поднимается еще четыре раза на трибуну: работа Национального собрания продолжается. Возбуждение происходящим, недостаток опыта, опасность, нависшая над Анкарой, — всё это разжигает рвение и пыл депутатов.

Разгорается горячая дискуссия, и выступающие часто агрессивны. Только французская журналистка Берта Жорж-Голи под впечатлением от движения националистов и его лидеров осмелилась написать, что «парламент Анкары достаточно близок к английскому парламенту». Как она не увидела, или не захотела увидеть, глубокое соперничество между молодыми офицерами, ходжами, вождями племен в разноцветных тюрбанах, молодыми буржуа, покинувшими европейские университеты, и представителями религиозной элиты? Пропасть разделяет консерваторов и радикалов, не желающих останавливаться на «освобождении» султана-халифа и выступающих за создание в Анатолии общества, отличного от навязанного Стамбулом.

Кемаль был вынужден лавировать между теми и другими, чтобы его не могли упрекнуть в диктаторстве.

Результат: декларация Национального собрания от 28 апреля, «посмевшая сказать народу правду». «Великое национальное собрание работает, чтобы освободить халифа, нашего падишаха, чтобы предотвратить расчленение Анатолии и присоединить нашу столицу к родине. Мы, ваши представители, клянемся именем Аллаха и пророка Мухаммеда, что предположение о нашем „выступлении против халифа и падишаха“ — всего лишь ложь, направленная на уничтожение сил, защищающих страну, мусульманами, находящимися в заблуждении, и на захват страны, оставляя ее без лидера и защитника <…>. Да проклянет Аллах предателей, помогающих врагу! Сострадание и благополучие всем, кто работает на освобождение халифа, нашего падишаха, народа и страны!»

Кемаль выступал перед депутатами, чтобы убедить их в нарастающем недовольстве населения, отстоять тот или иной принцип, как, например, когда он заявил, что «Национальное собрание состоит не только из турок, черкесов, курдов и лазов. Это чистосердечный союз всех мусульман…». Наконец, был принят ряд законов, в том числе закон о действиях против предателей родины. Но первым принятым законом был закон о налогах. Одним взмахом пера депутаты в четыре раза увеличивают налог на скот. Подобное решение не лишено смелости: в какой стране, в какую эпоху видели крестьян, и без того уже жестоко пострадавших, выражающих энтузиазм по отношению к правительству, поднимающему налоги? Однако гражданские чиновники и военные, составляющие половину

Национального собрания, не задумывались над этим. Фактически у них не было выбора. Еще в Сивасе Мустафа Кемаль поставил фундаментальный вопрос: «Сколько у нас денег?» В течение двух часов были проанализированы все возможные источники доходов: десятина, налог на коз, подоходный налог, банковские ссуды, внутренний заём и заём, полученный у США, добровольные пожертвования. Вывод один: денег недостаточно и возможностей их получить немного. Национальное собрание должно было действовать решительно; оно берет на себя ответственность.

Таким образом, проблем было необычайно много, и не только в самой Анатолии, но и на Западе, а точнее — в Берлине. В начале мая правительство Греции информировало европейских дипломатов, что Энвер и Талаат присутствовали на панисламистском конгрессе в Берлине, проходившем под председательством маршала Людендорфа.

Опасные связи

Через несколько дней поступила более точная информация. Согласно сведениям посла Франции в Берлине, конгресс якобы лишил султана его функции халифа и провозгласил «Турецкую Республику Советов»; Талаат был провозглашен «диктатором», тогда как Энвер был назначен «военным полномочным представителем Европы в Москве», а Мустафа Кемаль — «главнокомандующим турецкими войсками в подчинении директории», руководимой Талаатом. Те же источники уточняли, что Кемаль якобы потребовал у руководителей конгресса устранить всех лиц, виновных в растратах и преступлениях.

Кемаль, командующий турецкими войсками в подчинении Талаата, Кемаль, вступающий в переговоры с Энвером, Талаатом и другими юнионистами в изгнании, — какой сюрприз! То, что бывший триумвират и его приспешники хотели бы сотрудничать с Кемалем, неудивительно. Но какой интерес Кемалю из Анкары сближаться с ними, бывшими лидерами партии, которую он не признает, с людьми, кто в неприглядном свете представлял Турцию? Разве Кемаль, вступая в контакт с ними, не рискует дать лишние козыри ярым антинационалистам, для кого «националисты и младотурки идентичны», тем, кто ищет любую возможность, чтобы разоблачить «обширный германо-большевистско-кемалистский фронт», инициируемый юнионистами в изгнании?

Нет никаких сведений, подтверждающих информацию из Афин, и от французского посла в Берлине. И всё же Кемаль

согласился вступить в контакт, по меньшей мере письменный, с бывшим триумвиратом и в первую очередь с Талаатом.

По крайней мере, два письма были продиктованы Талаатом одному из соратников, сыгравшему роль посредника с Кемалем, в конце 1919 года и в последние дни февраля 1920 года. Что же писал бывший великий визирь? Очень осторожно, неуверенный в реакции адресата, Талаат описывает организацию юнионистов в Европе и контакты с большевиками, сообщает о денежных проблемах, уточняя при этом, что он не просит денег, и набрасывает основные черты панисламистского и пантюркистского движения.

Кемаль отвечает с задержкой, только в конце октября 1920 года, также проявляя осторожность, неопределенность, недоверие. Он не отказывается сотрудничать с Талаатом, но выдвигает свои условия. Чтобы не распылять силы по разным фронтам, Кемаль отказывается от антифранцузской и антибританской операций в Сирии и Ираке; короче, он подтверждает скептицизм в отношении достоинств панисламистской политики. И в первую очередь президент Национального собрания остается абсолютно твердым по одной позиции: он, и только он один достаточно компетентен, чтобы организовать борьбу в Анатолии.

Когда Талаат получает ответ Кемаля, конец его уже близок: он будет убит в Берлине в марте 1921 года армянином Тейлиряном, отомстившим за жестокую расправу с армянами в 1915 году. Больше Кемаль не будет иметь контактов с Талаатом.

Глава вторая
ВРЕМЯ ДЕРЗКИХ ШАГОВ

В начале февраля 1920 года Кемаль обратился к войсковым командирам с посланием, в котором анализировал ситуацию, высказывая свое мнение и ожидая реакции соратников. Оценивая обстановку в Анкаре, он писал, что союзники «пытаются взять нас в окружение». Чтобы противостоять этому, «мы должны либо договориться с правительством Стамбула, либо вступить в контакт с большевиками с целью координации военных операций и получения новых ресурсов». Кемаль считал, что для того чтобы вырваться из изоляции, в которой он оказался, все средства хороши. В апреле он направляет Ленину в Москву «первое предложение Великого национального собрания Турции советскому правительству». Без обиняков Кемаль предлагает установление дипломатических отношений между Москвой и Анкарой и участие националистов в «общей борьбе против империализма», причем одним из первых объектов в этой борьбе будет «империалистическое правительство Армении»; взамен Кемаль просит помощи. Запросы турок конкретны: «аванс» в пять миллионов фунтов золотом, боеприпасы, оружие, медикаменты и продовольствие.

Маленький шедевр

Письмо от 26 апреля 1920 года — это прежде всего своеобразный вызов истории, тринадцати войнам турок с Россией и враждебному настрою их к русским, о чем свидетельствует поговорка в Анатолии: «Если вода может иногда остановиться, то Россия не остановится никогда».

Это письмо — маленький шедевр прагматизма и политического оппортунизма. Кемаль — не приверженец марксизма, хотя в его библиотеке чуть позже появится десяток книг, изданных турецкой коммунистической партией, в том числе две книги Ленина. Он не представлял, что такое «революционный характер коммунизма», но зато быстро усвоил, какую пользу можно извлечь из антиимпериалистических выступлений большевиков.

Кемаль, впрочем, не питал никаких иллюзий относительно природы сближения с Москвой: «Быть большевиком — это одно, а вступить в соглашение с большевистской Россией — совершенно

другое». В этом смысле он нашел в Ленине очень понятливого партнера. Принимая в декабре 1921 года Аралова, только что назначенного послом в Анкару, Ленин говорил: «Конечно, Мустафа Кемаль-паша — не социалист, но, очевидно, хороший организатор, талантливый командующий, он возглавил буржуазную революцию. Кемаль — прогрессивный человек и умный глава государства. Он понял смысл нашей социалистической революции и ведет себя благосклонно по отношению к социалистической России… Нужно ему помочь, вернее, помочь турецкому народу».

Наконец, Кемаль не вдруг осознал, какие возможности открывает соглашение с Москвой. Еще в Амасье, девятью месяцами ранее, паша и его окружение обсуждали и пытались оценить преимущества и недостатки сближения с Россией. В сентябре 1919 года Кемаль и Карабекир отправили в Баку Халиль-пашу и доктора Фуада Сабита. Фуад Сабит, Халиль-паша и Баха Саит, один из лидеров «Каракола», создали в Баку турецкую коммунистическую ячейку, искренне желая продемонстрировать большевикам свои коммунистические настроения. Кемаль внимательно ознакомился с отчетом Халиль-паши и Фуада Сабита. Таким образом, письмо Ленину не было чистой импровизацией.

И тем не менее сближение с Москвой оставалось рискованным шагом, к которому турки не были готовы. Об этом свидетельствует реакция депутатов на призыв Москвы к «мусульманам России и Азии». Некоторые слова послания из Москвы, как, например, «вы, чьи мечети были разрушены» или полная цинизма фраза: «Договор союзников о расчленении Турции и создании Армении на территории Турции обречены на провал», вызвали аплодисменты. Но в основном депутаты были настроены скептически: «Мы не знаем, что такое большевизм… нам неизвестна сила большевиков; этот призыв Москвы — пропаганда». И снова Кемаль поднимается на трибуну, чтобы объяснить, чтобы вселить уверенность. Двойственность политики такова, что Кемаль как искусный дипломат смотрит не только в сторону Москвы. Во время переговоров с Москвой он также пытается сделать несколько дипломатических шагов в сторону Италии и Франции. В Анкару прибывает Фаго, друг Сфорцы, для обсуждения экономического соглашения. А де Кекс, генеральный секретарь французской комендатуры Бейрута, подписывает с Кемалем короткое перемирие на 20 дней для обмена военнопленными и эвакуации войск из отдельных районов Киликии.

Напрасный труд — депутаты не только не поздравляют

Кемаля, а, напротив, выражают недовольство и требуют объяснений. Кемаль пытается успокоить депутатов, объясняя, что это — вынужденный шаг, что перемирие позволит реорганизовать войска, выходящие из-под контроля, а, кроме того, французское правительство признало нас законным партнером. «Французы серьезно хотят вступить в переговоры, это в их интересах (в Сирии), но это и в наших интересах».

«А что с большевиками? — спрашивает один из депутатов. — Для нас Восток — это точка опоры против политики Запада, стремящегося нас уничтожить. Но это сближение нас пугает. Кавказ враждебен нам — они признают Армению. Если на Кавказе вступят в соглашение с большевиками раньше нас, что будем делать мы? В интересах нашей страны и нашего народа как можно скорее заключить соглашение с большевиками. Пусть этим займется правительство…»

Но он не мог ничего сказать о соглашении с Москвой, на то была причина; два посланца Кемаля прибудут в столицу России только 1 июня, так как им пришлось добираться окольными путями, чтобы избежать столкновения с англичанами.

Армянская карта

Большевики ответили без промедления. В ответе Кемалю, полученном через два дня, сообщалось, что 3 июня Джемаль, один из бывшего триумвирата юнионистов, прибывает в Москву, «чтобы обсудить принципы альянса между большевистским правительством России и Турцией, получить помощь России и принять решение по вопросам создания значительных трудностей для Англии, подготавливая мятежи в Персии и Индии». Чичерин, министр иностранных дел России, написал ответ в тот же день, однако быстрота ответа еще не означает согласия.

Как сообщил спустя неделю Джемаль, Москва готова подписать договор о союзе после того, как «будет урегулирован армянский вопрос». «Дорогой мой, — заявлял Радек Джемалю, — если вы решите армянскую проблему, качество и важность нашей помощи вам увеличится в сто раз… Пожертвуйте небольшой территорией для Армении, — просил ответственный сотрудник Коминтерна, — это жертвоприношение на очень короткий срок».

Требуя от кемалистов «жертвоприношения на очень короткий срок» и сообщив армянам о своем желании «положить конец вековому антагонизму между армянами и их соседями мусульманами», Чичерин и Радек преследуют свои собственные интересы. Дело в том, что Москва отчаянно пыталась найти

друзей: поляки приближались к Киеву, генерал Врангель перешел в наступление, молодая большевистская власть в Азербайджане очень неустойчива, а в Дагестане начались волнения. Настал час компромисса с буржуазными республиками Грузией и Арменией. Москва подписывает договор, признающий независимость и суверенитет Грузии, но отказывается от него в феврале 1921 года. Москва ведет себя удивительно благодушно по отношению к Армении. Красная армия не предпринимает никаких шагов, когда армяне не уходят из Карабаха и Зангезура, с территорий, которые большевистское правительство Азербайджана считает своими. Еще более поразительно, что Москва позволяет правительству Еревана подавить восстание, организованное армянскими большевиками.

В письме Чичерина турецкие националисты увидели только одно: в соответствии с «Манифестом мусульман России и Востока» любой народ имеет право на самоопределение. Чичерин поставил точки над «i»: «Если вы хотите сотрудничать с нами, если хотите получить нашу помощь — организуйте сначала референдумы в Курдистане, Лазистане, в Восточной Фракии и в Армении». Бедный Халил-паша, ожидающий поздравлений в связи с получением от русских двух миллионов фунтов золотом, 60 тысяч винтовок и 100 пушек, все забыли о его письме!

Карабекир был в ярости: «Тогда как Антанта нападает на нас с Запада, большевики провоцируют население Армении, Курдистана, Лазистана и, будто этого недостаточно, Восточной Фракии отделиться от нас, вероятно для того, чтобы захватить их… Как можно быстрее следует оккупировать область Александрополя (города на востоке от Карса и на северо-востоке от Еревана), а если возможно, всю Армению, чтобы наши представители в Москве были посланцами победоносной армии». К счастью для националистов, их предводителем был Кемаль, а не Карабекир.

После двухнедельных раздумий Кемаль соглашается с Москвой. Чичерин предложил свои услуги в качестве посредника между турками, армянами и персами. Кемаль принимает это предложение и отменяет приказ о мобилизации, который он издал, чтобы бросить войска против армян. Помощь Советов стоит того и оправдывает забвение «варварских актов армян», которые еще недавно Кемаль так горячо разоблачал перед Национальным собранием.

Глава третья
УЖАСНОЕ ЛЕТО

«В те дни, — вспоминает сын Салиха Бозока, — ситуация была настолько критической, что однажды утром, когда я собрался в школу, отец сказал мне: „Вероятно, было серьезной ошибкой заставить тебя приехать ко мне… Кто знает, возможно, ты больше не сможешь увидеть мать и братьев“».

Летом 1920 года атмосфера в Анкаре была удушающей.

Сложные сюжеты

Ужасное лето началось с мятежа в Йозгате, расположенном вдали от Стамбула, на востоке от Анкары. Иозгат находился во власти очень влиятельной семьи феодалов Чапаноглу, которая контролировала не только этот регион, но и значительную часть Анатолийского плоскогорья. Надменные Чапаноглу не желали признавать никаких авторитетов, кроме собственного. Они собрали своих сторонников, организовав скачки, и объявили о своем решении во время роскошного ужина при свете факелов.

Кемаль немедленно принимает ответные меры и посылает на их усмирение Этхема-черкеса со своим отрядом. Этхем только что успешно подавил мятежи в Адапазары, Болу, Дюзге, оказав серьезную помощь Али Фуаду, командующему Западным фронтом.

Прибытие Этхема в Анкару с отрядом из четырех тысяч человек не прошло незамеченным. Восторженная толпа на улицах приветствовала своего спасителя. Высокий, с военной выправкой, словно офицер Генштаба, кем он никогда не был, излучающий силу, Этхем проезжал, окруженный бравыми телохранителями — черкесами, гордящимися своей формой и оружием. Кемаль удостоил Этхема высшей чести, предоставив в его распоряжение свою машину, единственную в Анкаре.

Кемаль не питает иллюзий: Этхем — всего лишь «баловень судьбы». Но разве бывший унтер-офицер не мог мечтать о еще более важной роли? Разве не встречают его чуть ли не как мессию? И когда его принимает Кемаль, окруженный важными военачальниками, Этхем неможет удержаться от того, чтобы не порисоваться. Мятеж в Йозгате? «Я уверен, что подавлю мятеж за пять дней, возможно — десять». Кемаль хранит молчание; он внимательно слушает, а затем уточняет несколько важных

деталей, касающихся организации Западного фронта.

Вот что беспокоит Кемаля: как использовать силы Этхема и его боевой дух, не давая ему политической роли, на которую он мог бы рассчитывать в силу своих военных успехов. А операция в Йозгате только усложнила проблему, так как Этхем времени зря не терял. Ему поручили усмирить Йозгат, и он сделал это с присущей ему энергией и жестокостью: в результате ожесточенной атаки занял город, повесил тех, кто попался ему под руку, и по привычке, сохранившейся со времен его службы в «Специальной организации», сжег несколько армянских домов. Кемаль мог «искренне» поздравить его: Этхем действовал быстрее урагана!

Когда черкес проезжал через Анкару после «освобождения» Йозгата, за ним следовал внушительный караван с награбленным добром и скотом, захваченным в качестве трофея. В то время как толпа устроила ему восторженную встречу, командование армии придерживалось иного мнения. Февзи и Исмет оценили поведение Этхема как недопустимый спектакль и постоянно напоминали, что Национальное собрание приняло закон, требующий подчинения всех добровольческих сил военному министерству.

А что думал об этом Кемаль? Он сам познал экзальтацию партизанской войны в Триполитании, когда создавал отряды местных жителей против итальянцев. Но Кемаль уже не тот молодой человек, предоставленный самому себе в африканской пустыне. Он давно покинул мир индивидуальной авантюры. Он твердо убежден: невозможно освободить родину и построить государство с помощью партизанских отрядов.

Однако в данный момент Кемаль был вынужден признать, что престиж Этхема в зените, а Анатолия, казалось, готова к многочисленным авантюрам, как, например, той, что была предложена «Зеленой армией».

Эти два слова — «Зеленая армия» — окутаны атмосферой таинственности, дикости, исключительности, характерной для России и Турции накануне революции. «Зеленая армия» возникла на юге России, она состояла из крестьян, отказавшихся вступить в ряды Белой армии и скрывавшихся в лесах (отсюда — «зеленая» армия); это название и было заимствовано Карабекиром.

Миф значительно превосходит реальность. Через несколько недель после оккупации Стамбула в ответ на запрос Кемаля о помощи Карабекир отправляет в Анкару из Эрзурума письмо: «Я предлагаю назвать это объединение „Зеленой армией“. Известно, что „Зеленая армия“ в России нанесла серьезные потери тылам Деникина. Кроме того, зеленый цвет производит на наших людей

сильное впечатление. Слово „красный“ может вызвать отрицательную реакцию как внутри, так и за пределами страны. А зеленая армия! Что это? Никто не знает, но почитает этот цвет».

В своих воспоминаниях Кемаль дает несколько более четкое объяснение: «После открытия Великого национального собрания в Анкаре было создано общество, названное „Зеленой армией“. Я очень хорошо знал его основателей, близких мне людей, но эта организация превысила первоначальные полномочия проекта по созданию национальной силы и поставила затем более широкие цели». Какие? Неизвестно. По мнению Кемаля, это тайное общество опасно и должно быть распущено как можно скорее.

Читая программу «Зеленой армии», погружаешься в странную смесь большевизма и исламизма. «Зеленая армия — организация, созданная на благо людей… Она состоит из послушного большинства, работающего на доминирующее меньшинство…» В ее основе можно найти принципы мусульманского закона, которому уже «тринадцать веков», с его исповедями, постами и пожертвованиями. Эта программа привлекла известных интеллектуалов и видных политических деятелей: Хаккы Бекиша, министра финансов правительства Анкары, Юнуса Нади, Халиде Эдип. Позже Халиде Эдип объяснит успех «Зеленой армии», так описывая восточный идеал: «Аморфная коллекция симпатичных идей, порожденных неудовлетворенным желанием».

Эти интеллектуалы поняли, что Запад, который их восхищал и формировал, хочет гибели их страны. «Зеленая армия» показалась им наилучшим убежищем от их собственных противоречий.

Но убежище может превратиться в западню. Вскоре после Йозгата к Этхему обратился министр финансов, генеральный секретарь «Зеленой армии», предложив ему вступить в ассоциацию. В своих мемуарах Этхем выставляет себя в выгодном свете: «Я спросил его: „А Кемаль-паша в курсе?“ — „Естественно, — ответил он. — Как мог бы я заняться делом такой важности без его приказа?“»

Насколько дисциплинирован Этхем! И какое непостоянство Кемаля, который через несколько дней требует роспуска «Зеленой армии», но затем, после того как Бекиш смог переубедить его, оставляет ее. Определенно, дело темное…

Упреки в адрес армии

А между тем Кемаль делал все, что мог. Халиде Эдип вспоминает его «необычайную энергию». Его окружение страдало

от невероятной активности Кемаля и непрерывной напряженной работы. Если верить свидетелям, Кемаль проявлял при любых обстоятельствах поразительное самообладание. Нервозность и сомнения юношеских лет забыты с момента «анатолийской авантюры». Спокойствие Кемаля отражалось на его окружении. «Вы живете как в монастыре», заявил обитателям сельскохозяйственной школы вновь прибывший Якуб Кадри. Тем не менее «монах» Кемаль не превратился ни в мистика, ни в аскета. Он оставался всё таким же, любил самые разные удовольствия, употреблял спиртное, но легко контролировал себя.

День за днем ситуация становилась всё более сложной. 22 июня греки переходят в наступление. Всё произошло за несколько дней. 12 июня Робек и Милн приглашают французских коллег на английский адмиральский крейсер. Их анализ ситуации прост: за три месяца националисты смогли собрать «сильную армию» во Фракии и на Черном море и «могут направить силы на Константинополь». А еще через неделю угрозы становятся всё более определенными. Французы отмечают в донесениях, что англичане серьезно озабочены и даже напуганы происходящим. Националисты были замечены в районе Дарданелл и особенно в районе Измита, менее чем в ста километрах от Стамбула. Три самолета националистов бомбят город, и войска Кемаля под командованием Али Фуада находятся в «300 метрах от заграждения из колючей проволоки вокруг правительственного лагеря». Хуже того, Шиле, в пятидесяти километрах от столицы, взят в окружение.

Робек и Милн считают, что следует что-то предпринимать. Французы более сдержанны. Вмешательство невозможно без политического решения, и Франше не упускает возможности поставить точки над «i»: виной всему операция 16 марта.

Спасителем, в который раз, оказался Венизелос. Премьер-министр Греции заявил, что его войска готовы действовать, и уточнил, что не потребует никакой компенсации. Наступление греков к тому же поможет решить и другую проблему. 22 июня оставалось всего три дня до окончания отсрочки, предоставленной союзниками Османской империи, чтобы принять проект мирного договора, который они передали Блистательной Порте.

Греки переходят в решительное наступление и через восемнадцать дней добиваются победы: греческие войска прошли четыреста километров вплоть до Эскишехира, что в двухстах километрах от Анкары. Итог наступления впечатляет: 4500 пленных, сотни пушек, а также репутация «дьявольских солдат».

Анкара в смятении. Депутаты в растерянности и, как обычно, решают обратиться к Кемалю: «Что скажет Мустафа Кемаль-паша?.. Что произойдет, если греки захватят Анкару?» На тайной встрече с депутатами Кемаль пытается их успокоить: «Почему не удалось противостоять греческому наступлению? Я объясню вам. Наши силы были малочисленны и слабы. До создания нашего правительства никто не мог устоять против греков. Кроме того, часть наших сил брошена на усмирение внутренних мятежей… Но мы не можем в настоящее время объявить мобилизацию. Наш народ устал от войн, длящихся годами… Нельзя превращать народ в армию. Необходимо убедить тех, у кого есть оружие, развернуть партизанскую войну. А чтобы не делить войска, отправленные на фронт, следует сформировать отряды от трех до пяти тысяч человек, чтобы подавлять внутренние мятежи». Между тем наблюдательный обозреватель отметил тремя неделями ранее: «Национальные силы претерпели с марта значительную реорганизацию; неорганизованные отряды и банды при поддержке малочисленных войск превратились в организованные мобильные отряды, снабженные оружием и боеприпасами».

Депутаты немного успокоились. Но паника началась снова, когда узнали о захвате Бурсы. Это было жестоким ударом по престижу Мустафы Кемаля. Официальная газета националистов «Национальная воля» заявляет патетически: «…Бурса — наша вторая Мекка… А теперь она в руках предателей, распятая, словно мессия, израненная и страдающая. Бурса не была достаточно укреплена, она не была вооружена».

Кемаль, который провел около двух недель на фронте, пытается успокоить одних и других. Но диалога не получается. Депутаты узнают, что Бурса была эвакуирована перед атакой греков. Охваченные страхом, они превращаются в стратегов. Они критикуют армию и командиров, предлагают судить командиров, сбежавших перед наступлением врага, организовать добровольные отряды из депутатов, а также отправлять на фронт больше офицеров. К тому же это недопустимо, что у каждого офицера — ординарец. Почему бы нам не учесть опыт большевиков?

Кемаль пытается защищаться шаг за шагом в узком кругу военных. Падение Бурсы? «Возможно, защита Бурсы была недостаточной. Но главное — защитить страну. В прошлом, если бы заранее отступили из Сирии, чтобы защитить Медину, возможно, спасли бы Медину. Вот почему важно делать всё возможное, чтобы спасти всю родину, не сосредоточивая внимания на отдельном участке». Создавать новые подразделения, состоящие только из офицеров? Это «не имеет

никакого смысла и не существует ни в одной стране мира, возможно, за исключением большевиков. Обучение офицеров — длительный процесс, и было бы несправедливо позволить их уничтожать». Кемаль уступает только по вопросу об ординарцах: «Пусть офицеры платят своим ординарцам. Если же они не хотят доверять им свои семьи, пусть делают всё, чтобы отправить на фронт снаряжение для ординарцев».

Кемаль пытается успокоить взволнованных депутатов: «Это я приказал оставить Бурсу. С точки зрения военного, важно не цепляться за какое-то место, а добиться результата. Важнее всего не Бурса, а освобождение страны… Нельзя вести себя сентиментально». Кемаль не защищается, он атакует. В свою очередь, депутаты подвергаются критике. Меткое заключительное слово принадлежит Халиде Эдип, описывающей состояние отношений между пашой и парламентариями: «Как известно, Кемаль мог пользоваться Национальным собранием по своему усмотрению».

Севрский фарфор

10 августа в Севре, предместье Парижа, знаменитом своим фарфором, был подписан наконец мирный договор. В Стамбуле в 13 часов все замерло на пять минут — пять минут, заставившие забыть пять веков истории.

В 433 статьях международный мирный договор отдавал де-факто Измир и большую часть Фракии Греции, предусматривал создание под эгидой Лиги Наций независимого Курдистана, учреждал независимую Армению (американский сенат только что отказался от армянского мандата) и создавал зоны влияния для Франции на юго-востоке Анатолии и для Италии — на юго-западе.

Османская империя больше не существовала. На ее руинах победители выкроили «опереточную» империю между Стамбулом и Сивасом, Черным морем и Кайсери. Пятнадцать тысяч военных и жандармов, а также личная охрана султана должны были обеспечивать порядок на территории этого прямоугольника. Был продлен режим унизительных капитуляций, а иностранным экспертам было поручено контролировать османские финансы.

Султан, «самый великий правитель в мире», и его правительство признали этот смертный приговор: когда министры, сенаторы и генералы собрались у падишаха, всего один человек набрался мужества не проголосовать за проект столь унизительного мирного договора.

Стоит ли жалеть или презирать этих верных слуг императорской короны? Большинство из них не задавало себе вопросов, а некоторые даже смирились с этими потерями, как, например, министр юстиции, еще с начала наступления греков.

«**Журналист**. Наше правительство будет протестовать против наступления греков?

Министр. Наше правительство официально вынесло смертный приговор Мустафе Кемалю. Мы объявили его предателем родины и халифата… Почему мы должны протестовать против этого наступления, которое пришло нам на помощь?

Журналист. Встретит ли это наступление достойное сопротивление?

Министр. Нет, в армии Мустафы Кемаля отсутствуют должная дисциплина и организация, она состоит из рецидивистов и разбойников.

Журналист. Как долго продлится это наступление?

Министр. Я не солдат. Но я уверен, что греческая армия будет действовать быстро и решительно и через несколько недель окажется у стен Анкары».

А пресса Стамбула реагирует по-иному. В день подписания договора почти все газеты появились в черных рамках в знак траура, а «Алемдар» оплакивает «многовековую славу, историю, чистую как жемчужина, которая хранит жертвы бесчисленных поколений…».

Даже победители не особенно горды подписанным договором. В Риме Сфорца, став министром иностранных дел, предлагает Турции «дружеское сотрудничество, экономическое и моральное, предоставляя ей полный суверенитет».

Лондон и Париж знают, что понадобится не менее двадцати дивизий, чтобы соблюдать условия договора. Но они не хотят сражаться. Во Франции сенат отказывается отправлять колониальные войска в Малую Азию, чтобы не ставить под угрозу будущее африканских колоний. Если верить президенту Франции Пуанкаре, церемония подписания договора была похожа на похороны: «Договор был подписан в помещении фарфорового завода в Севре… сам по себе столь же хрупкий… Не стоит его трогать, противоречивые цели Греции и Италии едва ли не испортили всё в последний момент. Несколько раз церемонию его подписания были вынуждены откладывать. Наконец она состоялась в атмосфере усталости и отсутствия энтузиазма, что заставило некоторых внимательных наблюдателей говорить о меланхолии, словно она иллюстрировала значительную утрату влияния Франции на Востоке». Единственный человек, кто

несколько наивно в удовлетворении потирал руки, — это премьер-министр Греции Венизелос, который с готовностью принял роль жандарма, доверенную ему Лондоном и Парижем.

Еще 18 июня 1920 года генерал Вильсон записал в своем дневнике: «Нам необходима помощь греков, но всё это закончится войной с Турцией и Россией и нашим вынужденным уходом из Константинополя».

Глава четвертая
МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ

Наступает осень. На холмах, окружающих Анкару, крестьяне собирают урожай. Чуть севернее на дороге из Чорума полиция, проверяя проезжих, задерживает греческого коммерсанта Мильтиади. Он прибыл из Стамбула и заявляет, что хочет передать Мустафе Кемалю письмо от матери. Его немедленно препровождают в Анкару, где на всякий случай помещают в тюрьму. А письмо Зюбейде быстро доставляют в новую резиденцию Кемаля.

Война и мир

Письмо Зюбейде датировано 15 августа. «Дорогой сын! Давно ты не присылал мне письма и не сообщал новости о себе…» Взаимоотношения матери и сына складывались непросто, хотя между ними было удивительное сходство: та же властность, та же нетерпимость к поражениям и особенно сила убеждений. Впрочем, их убеждения были различны, даже противоположны: Зюбейде была правоверной мусульманкой, признававшей незыблемые ценности, что типично для крестьян, и верховную власть падишаха. Кемаль, выполняя сыновний долг и уважая мать, пытался убедить ее в справедливости своих идей.

За двенадцать месяцев до этого письма Кемаль писал матери: «Дорогая мама, с того момента, как я уехал из Стамбула, я не мог ничего тебе написать за исключением нескольких телеграмм». Далее следует подробное обоснование своей отставки, своего решения выступить против правительства, организации конгресса в Сивасе и, наконец, завершающий аргумент: «Ты прекрасно понимаешь, что я знаю, что делаю. Если бы я не был уверен в окончательной победе, я бы ничего не предпринял. С уважением целую твои руки…»

Кемаль погрузился в чтение письма от матери: Зюбейде пишет о своем здоровье, о сестре Кемаля Махбуле и, конечно, о политике: «Если не наведут порядок в Анатолии, ситуация в Стамбуле станет катастрофической… Вне всякого сомнения, анатолийцы скоро признают силу и убеждения правительства». Кемаль в ярости, он немедленно пишет своему министру внутренних дел: «Я уверен, что это письмо фальшивое; предпримите необходимые шаги». Мильтиади предстал перед

Трибуналом независимости, только что созданным для суда над предателями, но в конце концов был оправдан.

В 1926 году Кемаль скажет о Зюбейде, что она «олицетворяла в его глазах добродетель, чистосердечность и все достоинства знатной дамы».

Красный поток

Этот эпизод, впрочем, не столь важен. Главным событием в Анкаре в начале осени были переговоры с Россией. Родилась мода на красное, и первыми здесь оказались военные; еще в конце июля турецкие конники и красноармейцы встретились на азербайджанской территории близ Нахичевани, и началось братание (10 августа 1920 года Армения признала «временную оккупацию» Карабаха, Зангезура и Нахичевани Красной армией). В ответ на приветствие русских турки ответили высокопарно: «Красное солнце начинает подниматься в своем великолепии и величии, озаряя ручьи и покрытые туманом горы Анатолии!» Судя по звездам, красным бантам на шапках и галстукам красного цвета, можно было подумать, что националисты просто влюбились в большевиков…

«Есть ли у нас какая-либо другая надежда, кроме России?» Очевидно, нет: временное перемирие, заключенное с Францией, было нарушено из-за событий, связанных с эксплуатацией шахт Зонгулдака, принадлежащих одной французской компании. В Киликии — снова война. За два дня в обстановке погрома несколько тысяч турок бежали из Аданы, а осада города Антеп, где турки героически сопротивлялись французским войскам, затянулась на месяцы. Короткий, но яростный мятеж консерваторов в Конье напомнил о том, что сторонники османского правительства хотя и потеряли всякую надежду на победу, но могут еще причинять вред. Восточной Анатолии продолжает угрожать Армения. И, наконец, греческие войска снова перешли в наступление. Остаются только итальянцы, насколько им позволяют возможности, и особенно большевики.

Кемаль тоже не наивный ребенок. Внимательно читая брошюру «Реалистичная внешняя политика», изданную в Париже в 1909 году, он умеет отделить зерна от плевел. 3 июля он заявляет: «Наши друзья говорят нам, что следует стать большевиками. Но у нас свои традиции и свои принципы, которых мы придерживаемся. Мы поддерживаем связь с большевистской Россией. Это всё». 14 августа: «Вы знаете, что в России произошла пролетарская революция в конце мировой

войны… Следует приветствовать ее, так как она направлена против известных врагов… Большевики… оказали нам материальную и моральную помощь… Но мы не нуждаемся ни в чьих поучениях… До сегодняшнего дня мы не думали, и тем более не предпринимали ничего, чтобы применить большевистские принципы к нашей нации».

Три слова «до сегодняшнего дня» — обещание для одних, обман для других, прекрасное резюме шахматной партии между Лениным и Мустафой Кемалем.

Силы двух игроков неравны. По сравнению с турками, которые нуждались во всем, у большевиков с недавних пор появились запасы оружия, брошенного белыми армиями Деникина и Врангеля, но они решили ничего не отдавать, не получив компенсации. Представители Москвы заявили, что готовы предоставить туркам золото, пушки, пулеметы и винтовки только при условии создания коммунистической партии в Анкаре и, что еще хуже, больших уступок Армении.

Тогда как в середине июля представители Кемаля Бекир Сами, министр иностранных дел, и Юсуф Кемаль, министр экономики, переодетые в миссионеров Красного Креста в целях безопасности, добрались до Москвы, Карабекир всё еще ожидал разрешения от Кемаля «укрепить оборону» в Армении, вернее, перейти в наступление. Но Кемаль слишком осторожен и пока воздерживается от этого шага, что вызвало недовольство ряда депутатов, обвиняющих его в «инертности на востоке».

Но осторожности Кемаля недостаточно. В течение месяца Чичерин продолжает требовать у Сами жизненно необходимое пространство для армян, а точнее, чтобы турки покинули провинции Ван, Битлис и Муш. Большевики предпочитали вести переговоры с Арменией. Но Армения, удовлетворенная перспективами Севрского договора, особенно не старалась завоевывать дружеское расположение Москвы и отозвала своих представителей, посланных туда на переговоры, что вынудило большевиков приехать в Ереван, чтобы добиться соглашения. Между тем 24 августа Чичерин и Сами подписывают проект договора. Оставалась одна проблема: договора не будет, если турки не уступят «кое-какую территорию» Армении.

Каково было разочарование Кемаля, который еще за месяц до этого уже принимал желаемое за действительное: «С этого момента можно считать, что подписание подобного договора произведет огромное впечатление на Европу!» На его счастье, Москва еще не научилась превосходить всех в искусстве дипломатии, и первой ошибкой большевиков была Польша. Изгнав поляков из Киева, они смогли дойти до Варшавы, почти у

цели они встретили ожесточенное сопротивление поляков, которых искусно консультировала группа французских офицеров, среди них был и некий капитан де Голль…

Второй раз большевики «споткнулись» в Баку, на I Конгрессе народов Востока, работавшем с 1 по 8 сентября. Чтобы убедить турок, персов, армян, индусов, китайцев, туркмен, киргизов, курдов, татар, азербайджанцев и калмыков встать под знамена коммунистов, Зиновьев и Радек, руководители Коминтерна, подготовили превосходную инсценировку. Окруженные такими звездами коммунистического движения, как американец Джон Рид, француз Садуль, венгр Бела Кун и «выдающийся борец за дело большевизма» Е. Д. Стасова, они собрали две тысячи делегатов в Большом театре Баку. «Мы собрались, чтобы обсудить мировые проблемы», — заявил Зиновьев. Но очень быстро посланцы Москвы поняли, что защита ислама или национализм гораздо больше вдохновляют большинство депутатов, чем обещание мировой революции. Кемаль, относившийся к происходящему сначала весьма сдержанно, был вполне удовлетворен собранием в Баку. Разве не заявил Зиновьев, что «будущее Турции принадлежит ей», добавив: «Мы готовы помочь всем революционерам, кто выступает против английского правительства»?

А в Национальном собрании Кемаля атакуют противники, и он переходит в контратаку. 4 сентября Национальное собрание приступило к выборам министра иностранных дел. Кандидат Кемаля, Рефет, был побежден Назымом, одним из лидеров «Зеленой армии», поддержанной только что созданной «Народной группой», состоящей из сотни людей, «склонных к радикальным идеям», а именно, к идеям большевизма или социализма, левых юнионистов, прогрессистов разных мастей, противников Кемаля. Кемаль не может терпеть подобное противостояние и требует, чтобы Этхем-черкес добился отставки Назыма.

Кемаль решает проявить твердость и остаться хозяином положения. «Наши товарищи, — пишет он Али Фуаду, — только что создали „Народную группу“ в Национальном собрании. Они уверены, что страна не добьется независимости без социальной программы <…>. Нам не хотелось бы, чтобы были политические группы вне правительства. Но теперь мы решили, что правительство могло бы иметь социальную программу». Затем Кемаль добавляет: «Создание коммунистической партии в стране абсолютно противоречит нашим интересам. Это повлечет полное подчинение России. Образование подпольной компартии должно стать невозможным… Пока ситуация на Западе и Востоке остается неопределенной, следует остерегаться революций; как я

написал товарищу Мустафе Субхи, ничего нельзя предпринимать без согласия правительства. Конечно, мы не будем открыто выступать против коммунизма и большевизма».

Ясность и откровенность, достойные уважения. И Кемаль не тратит времени даром. Накануне послания Фуаду он представляет социальную программу, искусно перефразированный проект, подготовленный «Народной группой». А 18 сентября предлагает Национальному собранию проект конституции. Имеющий уши да услышит: правила игры, порядок дня диктует он, и только он.

Кемаль перешел в наступление, но этого недостаточно. Начало октября. Анкара радушно принимает первую миссию России — 24 человека и грузовой автомобиль с оборудованием для радиотелефонной связи.

Тогда Кемаль усиливает давление. Большевики и их сторонники хотят создать партию? Кемаль опережает их, решив официально создать турецкую коммунистическую партию. «Решили, — пишет он Али Фуаду, — что наиболее разумным и простым шагом было позволить создать турецкую компартию внутри страны с помощью надежных друзей». Нади, Бехиш и некоторые другие «сомневающиеся» оказались окружены коммунистами столь неожиданными, как Исмет, Джеляль, Фуад, Рефет и, по некоторым сведениям, сам Кемаль! Официальная газета националистов «Национальный суверенитет» ставит точки над «i»: «Мы могли бы грубо заблуждаться в революционных принципах, если бы попытались применить в Турции методы России. Большевистская революция не является образцом для всех коммунистических движений… Слепая имитация плоха в любом случае, но особенно когда это касается революции».

В ночь на 29 января 1921 года Мустафа Субхи, создавший первую коммунистическую партию Турции в Баку, его жена и 12 ближайших соратников, вернувшиеся в Турцию, погибают при загадочных обстоятельствах — они утонули в Черном море вблизи Трабзона. Виновников этого убийства так никогда и не найдут. Одни предполагают, что это жандармы, другие, что это лодочники, подкупленные юнионистами. Тем не менее смерть одного из наиболее выдающихся соратников большевиков в Турции, бывшего блестящего ученика школы политологии в Париже, брошенного на алтарь интернационального реализма и государственного интереса, не испортит их теплых отношений с Кемалем.

Москва хранила молчание даже тогда, когда Кемаль нанес удар по анатолийским коммунистам. За несколько дней до гибели Субхи были арестованы лидеры молодой народной

коммунистической партии.

Трудно поверить, что Кемаль был удивлен, когда узнал, что Чичерин связывал подписание соглашения между Турцией и Россией с территориальными уступками Армении со стороны националистов. И все же он задавался вопросом: стоит ли, как этого хотел Карабекир, отказаться от этого «шантажа» и перейти в наступление против армян или лучше, как это считают Исмет и Али Фуад, укрепить Западный фронт? Доводы Карабекира оказались более убедительными, и его войска быстро опрокинули армянскую оборону. После прекращения огня и переговоров в ночь на 3 декабря 1920 года Турция и Армения подписывают договор в Александрополе; Армения остается независимой, но отдает Турции Каре, а также три области, «имеющие неоспоримую историческую, этническую и юридическую связь с Турцией». Москва не может допустить такого проникновения турок в Предкавказье. 4 декабря радио Москвы объявляет, что «в Армении провозглашается советская республика… Эта страна спасает себя, став советской республикой». Красная армия входит в Армению «по призыву трудящихся масс Армении». Однако, несмотря на неодобрение соратников и отчаяние армян, Ленин твердо заявляет: «Мы ни с кем не станем сражаться за Армению и за Каре, и тем более с Кемалем».

«Буржуазная» Армения была обречена. Как напишет Александр Хатисян, бывший премьер-министр этой республики, союзники «ушли так же, как и пришли, позволив нам пасть в наиболее сложный момент». Армяне попытаются сопротивляться Москве, но советизация Грузии в феврале 1921 года лишит их последних надежд на независимость. Чтобы освободиться от большевиков, бывшие «буржуазные» правительства Грузии и Армении попытаются вести переговоры с Турцией. Слишком поздно: Россия взяла под свой контроль Кавказ, а Кемаль сделал свой выбор между Москвой и Антантой, предложившей Грузии и Армении сблизиться с Анкарой: именно Антанта стремится расчленить его страну.

Глава пятая
ЗРЕЛОСТЬ

В 1921 году в Париже появилась небольшая книга под названием «Анкара при Мустафе Кемале». Это одно из первых исследований, проведенное в столице националистов иностранным журналистом, в настоящее время мало кому известно. Жаль, так как читатели репортажа Аладдина Хайдара могли бы узнать много любопытного: что Кемаль, например, предлагал журналистам интервьюировать его на французском, что он ест немного и по-европейски. Автор сообщал также, что Кемаль работал каждый день до двух часов ночи, что единственная его цель — защищать свою родину и что он не сомневался в окончательной победе: «Венизелос, даже если будет послушен Ллойду Джорджу, будет разбит со своей 500-тысячной армией и покинет страну, оставив тысячи трупов на этой чужой ему земле».

А далее Хайдар пишет: «В Малой Азии появилось новое государство. Второе государство, созданное Мустафой Кемалем». Да, новое государство, имеющее правительство и Национальное собрание, а также прессу, агентство пропаганды и социальную программу. Это настоящий вызов тем, кто считал националистов бандой военных-реваншистов, так как национальная независимость — это всего лишь локомотив длинного поезда, вагоны которого — это поддержание национальной солидарности, повышение благосостояния народа, развитие дорог и железнодорожных путей, борьба с малярией и сифилисом, подготовка большого словаря и мемориальной книги, посвященной национальным традициям, перевод на турецкий язык научной и технической литературы, опубликованной на Востоке и Западе, и улучшение материального положения представителей судебной, административной и политической власти.

Это лишь пустые слова, думали старые функционеры османской политики, сколько мы уже слышали о программах и реформах! Чего могут стоить заявления этого правительства, в котором практически нет опытных чиновников, даже пришлось привлекать лицеистов Анкары в администрацию Национального собрания?

Тем не менее неделя за неделей, месяц за месяцем Кемаль воплощает в жизнь свою программу. В ноябре 1920 года, например, французские спецслужбы отмечают «его лихорадочную

активность… по строительству и восстановлению шоссе, железнодорожных путей и узкоколейных железных дорог». Правда, Аладдин Хайдар прав в одном: государство без армии — еще не государство. Но «новое государство в Малой Азии пока не имеет армии».

Бесславный конец Этхема

А между тем Кемаль и его соратники старались всеми силами умножить боеспособность армии. С этой целью были повышены налоги и пошлины; строились и реконструировались дороги и железнодорожные пути; повышались оклады, в первую очередь офицеров, наконец, значительно возросла мобилизация в армию и, если верить слухам в Стамбуле, даже были сделаны заманчивые предложения белогвардейцам Врангеля, которых насчитывалось примерно 75 тысяч, впрочем, в лагере противника надеялись, в свою очередь, направить их против националистов.

Всё было бы прекрасно, если бы не было Этхема-черкеса. Между ним и Анкарой всегда существовало недоверие, затем перешедшее во враждебность. Исмет, дисциплинированный, жесткий, организованный, считает: «Воевать должна регулярная армия, нет никаких иных решений на будущее. Мы обязаны иметь регулярную армию». Эти рассуждения непонятны черкесу: он блестяще проявил себя на полях сражений, он завоевал авторитет и не собирается уступать свою власть. Когда Исмет пишет ему в конце ноября, приказывая ограничить военные действия, Тевфик, один из братьев Этхема, отвечает: «Глупые и невозможные для исполнения приказы».

В сложившейся ситуации, когда националисты оказались в железных клещах, мобильные силы, как теперь называются отряды черкеса, обладают достаточными преимуществами, чтобы заставить Кемаля и Исмета подавить гнев. Кемаль пытается избежать испытания силой и, когда направляет Али Фуада послом в Москву, предлагает Этхему стать его военным атташе. Черкес отвечает решительным отказом, и лобовое столкновение становится неизбежным. Разрыв происходит в начале декабря на вокзале Эскишехира: на поезде из Анкары прибывают Кемаль, Исмет, Этхем, Решит, другой брат Этхема, депутат Национального собрания, и несколько других важных персон. В зале ожидания Кемаль не скрывает удивления: «А где Этхем?» Отвечает Решит: «В настоящий момент он во главе своих отрядов». Этхем, предчувствуя ловушку, сбежал, тогда как Кемаль собирался серьезно поговорить с ним. В приступе гнева Кемаль заявляет:

«До сих пор мы встречались с вами как старые друзья, чтобы откровенно обсуждать наши проблемы. С этого момента наша дружба умерла. Перед вами председатель правительства и Великого национального собрания Турции».

Черкес проиграл. На закрытом заседании 29 и 30 декабря Кемаль представил парламентариям материалы, обвинив Этхема и его братьев в неповиновении как правительству, так и Национальному собранию. Кемаль стал искусно убеждать их в том, что сможет урегулировать вопрос без кровопролития: «Дайте мне немного времени. Вот что я предлагаю, но если всё же Национальное собрание хочет заняться этим делом…» Торг был откровенным: окажите мне доверие… И снова ему поверили, и на этот раз вполне обоснованно.

Менее чем через месяц, 24 января 1921 года, Кемаль в последний раз возвращается к делу Этхема. К этому времени дело практически закрыто. 6 января 1921 года, когда греки предприняли новое наступление, Этхем встал на путь предательства: он подписал с ними соглашение о прекращении огня и окончательно перешел в лагерь греков вместе с тремястами соратниками.

Так бесславно завершилась эпопея Этхема. Черкес останется в Анатолии до 1922 года, позволяя грекам использовать его былую славу и заявляя греческой прессе, что Кемаль «хотел продолжать войну, преследуя собственные амбиции, и что он был не в состоянии сопротивляться ни минуты греческой контратаке». Приговоренный заочно к смерти, Этхем фигурировал в списке ста пятидесяти турок, изгнанных молодой республикой в 1923 году.

Этхем действительно исчез 10 января. В этот же день в окрестностях Эскишехира примерно пятнадцать тысяч греков столкнулись с восемью тысячами турок под командованием Исмета в местности под названием Инёню. Турки одержали победу, которая была далеко не шедевром стратегии, но явилась глотком свежего воздуха, столь необходимого молодой регулярной армии. «Важная победа националистов», — ликует газета «Исламские новости», и Анкара празднует свою первую большую победу в течение нескольких дней: город утопает в турецких флагах, раздается протяжное пение ходжей, гремят военные оркестры, с восторгом встречаемые школьниками. Важно ли, что военное достижение было намного скромнее?

В Инёню Исмет получает звезды генерала и регулярную армию.

Анкара укрепляет свои позиции

Начало 1921 года, после того как анатолийские большевики были выведены из игры, а Этхем устранен, проходило под знаком установления порядка. Символом, хотя и довольно незначительным, этой эволюции стало появление молодой хозяйки в резиденции Кемаля. Двадцатилетняя Фикрие с огромными глазами и вьющимися волосами была родственницей его отчима.

Украшенная флагами Анкара. Какой контраст со Стамбулом! Столица находилась в отчаянном финансовом положении, зависела от милости Османского банка при выплате жалованья своим чиновникам, военным и полиции. А прибытие около ста пятидесяти тысяч русских, ставших жертвами поражения Врангеля, — вовсе не подарок при всем сочувствии к ним. Многие с сожалением вспоминали даже о времени, когда у власти были юнионисты! Стамбул теряет свое положение, словно старая жена, которой угрожает молодая соперница. Правительство агонизирует: вместо Ферит-паши, являвшегося настоящей красной тряпкой для националистов, военные коменданты союзников в очередной раз назначают великим визирем старого Тевфик-пашу, чьего возраста уже никто не помнит. Наконец на сцене вновь появляется старый знакомый Кемаля Иззет-паша, которого Робек и Дефранс уговаривают поехать к Кемалю и убедить его присоединиться к ним для борьбы с большевиками.

После длительных уговоров и отсрочек Иззет-паша, ставший военным министром «правительства» Тевфика, в конце концов согласился. В начале декабря он покидает Стамбул в сопровождении Салих-паши, тоже ставшего министром. Иззет заявил, что у них есть шесть шансов из десяти успешно завершить миссию. Прежде чем прибыть в Эскишехир, Иззет и Салих встретились с Кемалем в Биледжике. Кемаль немедленно ставит на место посланцев Стамбула: «Представляюсь вам: я — президент Великого национального собрания Турции и председатель его правительства; с кем имею честь говорить?» Иззет и Салих ошеломлены: не ослышались ли они? «С кем имею честь?» Иззет, которого Кемаль регулярно посещал два года назад, и Салих, с кем Кемаль встречался в Амасье совсем недавно?

Иззет отвечал, подробно напоминая всё, что произошло с момента заключения перемирия, говорил о большевистской угрозе и рекомендовал установить мир. И снова Кемаль взорвался от гнева: «Англичане вас обманывают. Вы наивны, и во всем, что вы мне сказали, я не нахожу никакого конкретного предложения… Я вам повторяю: для нас правительство Стамбула не существует». И повернувшись к Салиху, который еще не

раскрывал рта, заявил: «Что касается вас, паша, вы ответственны за исчезновение османского парламента, так как мы поверили тому, что вы говорили нам в Амасье».

Униженные, ошеломленные, оба посланца Стамбула понимают, что их миссия провалилась. Тем не менее, вместо того чтобы вернуться в Стамбул, миссионеры едут с Кемалем в Анкару. Националисты получили возможность показать им реальную ситуацию. Но затем начинаются загадочные события, неясно, с их согласия или против их воли.

Анатолийская версия не оставляет никаких сомнений. «Прибывшая делегация, — заявляет агентство „Национальный суверенитет“, — состоит из патриотов, находившихся под давлением и тиранией англичан, не дававших им ступить на священную землю Анатолии. Они использовали в качестве предлога переговоры с правительством Анкары и покинули Стамбул, чтобы сотрудничать с нами на благо и процветание нашей родины. Они официально заявили, что присоединяются к анатолийскому движению». Иззет добавил, согласно официальному коммюнике: «Мы прибыли, чтобы защищать с нашим народом священную землю и сражаться с нашими общими врагами».

Какой успех! Посланцы Стамбула, и какие посланцы, преобразились и объединились с анатолийскими братьями. На самом деле автор этого официального коммюнике, опубликованного агентством, сам расскажет позже, в шестидесятые годы, что Иззет и Салих «хотели вернуться в Стамбул».

Они прибыли 20 января, как раз вовремя, чтобы присутствовать при голосовании за основной закон — конституцию. Отныне у националистов есть своя конституция! В течение шести месяцев Кемаль и его сторонники сражались против правых и левых экстремистов. Первым Кемаль навязал принцип национального суверенитета и отсутствие какого-либо упоминания о султане-халифе; единственная уступка — «религиозные убеждения» должны будут учитываться в работе парламентариев в той же степени, что и юридические принципы; ясно, что Кемаль готов убрать султана, но он еще не решается трогать халифа. С левыми экстремистами Кемаль обошелся не лучше. Он лично вмешался, чтобы исключить пропорциональное представительство, так как «оно увеличило бы число депутатов», что осложнило бы работу Национального собрания. Убедительный аргумент! Только новый французский военный комендант, генерал Пелле, написал, что «абсолютные демократические принципы <…> свидетельствуют о

возрастающем проникновении большевистских идей!». В самом деле, военные училища не специализировались в конституционном праве!

Итак, конституция, принятая Национальным собранием, всего через девять месяцев после его появления, свидетельствует о скороспелой зрелости режима националистов.

Иззет и Салих в качестве привилегированных свидетелей присутствуют при «кровопускании», которое приведет к смерти Стамбул, его режим, их мир. А события развиваются в ускоренном темпе: 26 января союзники приглашают Национальное собрание в Лондон на переговоры. «Первый шаг сделан» — такой заголовок появился в газете националистов.

Глава шестая
ДВИЖЕНИЕ

Париж, 24 января 1921 года. Уже в который раз собираются дипломаты для обсуждения турецкого договора. Легко можно вообразить подобный диалог:

«— Как, месье, мы можем приглашать разбойников за стол переговоров?

— Но это необходимо, мой друг. Севрский договор всё еще не применяется, и вы знаете так же хорошо, как и я, что Блистательная Порта больше не имеет никакой власти. Не хотите ли вы, чтобы анатолийцы объединились с большевиками? В Тунисе пришлось запретить газету, восхваляющую Кемаля как национального героя. В Марокко генерал Лиоте нам непрерывно повторяет, что действия турецких националистов вызывают большие симпатии и что необходимо заключить соглашение с Анкарой. А в Индии уже давно известно о том, как восхищаются националисты Индии Кемалем. И эта эпидемия продолжает распространяться: разве Афганистан не собирается вступить в альянс с Анкарой? Верите ли вы, что наши итальянские друзья, я называю их друзьями дипломатически, помогут нам, принимая в Риме турецкий национальный конгресс, чтобы позволить посланцам Анкары получить благословение всех турок, находящихся в изгнании в Европе? Чего вы хотите, сэр, возможно, вы правы: договор должен быть применен, но ни вы, ни мы не имеем возможности сделать это. Армия Врангеля? Не станем повторять наших ошибок. А греки! Они на грани финансового краха, и признаемся, что поражение на выборах Венизелоса и возвращение короля Константина не вызывают восторга ни у кого. Я опасаюсь, что придется внести некоторые изменения в договор, как это предлагает Сфорца. Поедем в Лондон и там посмотрим».

Неожиданный поворот конференции

Ходило много слухов о том, кто же возглавит делегацию националистов: говорили об Иззете и самом Кемале, но в конце концов главой делегации был назначен Бекир Сами, министр иностранных дел Анкары. Покинув Анкару под восторженные приветствия толпы, Сами прибывает в Лондон через Рим и Париж, где он дает несколько интервью.

Конференция начинается 23 февраля 1921 года. Делегация Анкары сидит в одном конце овального зала, делегация Стамбула — в противоположном. Когда было только объявлено о конференции, великий визирь предложил Кемалю включить несколько представителей Анкары в османскую делегацию. Можно представить, как встретил Кемаль подобное предложение: Великое национальное собрание — «единственная законная и независимая власть. Вы должны признать, что законное правительство в Анкаре» и «Его Величество должно официально заявить, что признает Национальное собрание как единственный орган страны, способный выражать волю нации». Тонкий психолог, Кемаль не скупится даже на комплименты великому визирю, чтобы растрогать его: «Исключительная возможность исторической важности предоставлена Вашему превосходительству как выдающемуся государственному деятелю». В конце концов, великий визирь уступает до такой степени, что две турецкие делегации оказываются в Лондоне, поселившись в одном и том же отеле «Савой».

Старый Тевфик, разрываемый между своей преданностью султану-халифу и патриотизмом, произносит на открытии конференции всего одну фразу: «Делегация Анатолии пользуется доверием нации и будет выступать от имени Турции. Я передаю слово Бекиру Сами-бею».

На следующий день Тевфик, сраженный гриппом, вовсе не дипломатическим, исчезает. С этого момента Сами выступает от имени двух делегаций. То ли этот захват власти, то ли собственный успех вскружил ему голову и позволил принять неосмотрительные инициативы. В самом деле, Сами согласился с созданием межведомственной комиссии для оценки этнического состава регионов Измира и Фракии. В частной беседе с Ллойд Джорджем он обсуждал участие Турции в «Кавказской конфедерации», задача которой — сдерживать натиск большевиков, и, наконец, он подписывает с Лондоном, Римом и Парижем три соглашения, предусматривающие, в частности, предоставление Франции и Италии зон экономического влияния в Турции.

Как он поступил с очень строгими инструкциями Кемаля, запрещавшими ему любые инициативы? Никак. Когда Национальное собрание ознакомилось с отчетом, парламентарии пришли в ярость и стали обвинять всех — Бекира Сами в предательстве, а правительство в выборе такой делегации. И всё же Национальное собрание ратифицировало турецко-британское соглашение об обмене турок, депортированных на Мальту, на английских офицеров, содержавшихся в плену в Анатолии.

Сами, вернувшийся в Анкару в начале мая, вышел в отставку и предстал перед судом Трибунала независимости. Но Кемаль отказался от расправы и произнес с трибуны блестящую речь искусного политика. Да, Бекир Сами вел себя плохо, но он столько сделал для нации, и не стоит ли его вернуть из отставки? Забудем всё, бросает этот волшебник и отправляет затем Сами в неофициальную миссию для новых переговоров с Римом и Парижем.

От одного дуэта к другому

Когда в Лондоне греки утверждали, что располагают достаточными военными и материальными возможностями, чтобы «умиротворить Анатолию», раздавались голоса сомнения и скептицизма. Сфорца напомнил бедствия Наполеона в России, а генерал Гуро более резко описал героическое сопротивление турецкого населения Айнтепа, который в течение шести месяцев выдерживал осаду французской армии.

Уязвленные недоверием, греки снова перешли в наступление через десять дней после конференции и продвинулись на сто километров за четыре дня. А на десятый день они снова подошли к Инёню, только если в январе их было 25 тысяч, то теперь в три раза больше.

«У них в три раза больше артиллерии и пехоты. Но наша кавалерия сильна: лошади не нуждаются ни в технике, ни в снарядах, а наши сабли стоят недорого».

26 марта. «Враг начинает наступать на правом фланге».

27 марта. «Сражение по всему фронту». 28, 29, 30 марта: «Бои продолжаются».

Ночь на 31 марта. «Ясная луна, я ничего не понимаю — долина Инёню заполняется голосами и вспышками».

На следующий день, 1 апреля.

«Озаряется гора Метис, а мы читаем телеграмму: „6 час. 30 мин. Горит Бозуёл, враг отступает с поля битвы“».

Все эти сообщения подписаны: «Исмет, командующий Западным фронтом».

Рождается новый герой — генерал Исмет. На обложке второго номера нового еженедельника в Стамбуле карикатура, где Исмет «помешивает суп на спине» греческого генерала. А Кемаль пишет победителю в Инёню: «В мировой истории очень редко встречаются полководцы, взвалившие на себя столь тяжкую ношу, какую Вы взяли на себя в ходе боев в Инёню». Какое

торжественное посвящение в рыцари!

А вслед за Исметом на первый план выдвигается Февзи. Массивный, серьезный, полный энергии Февзи был оценен Кемалем: после принятия конституции он становится председателем Совета министров, а весной — и военным министром.

Так рядом с Кемалем появились два надежных соратника, а два других ушли: Бекир Сами скромно покидает политику после своей неофициальной миссии, тогда как Ахтем Рюстем исчезает после того, как представил в «Исламские новости» последнюю статью, в которой — жестокая ирония! — критикует поведение Сами во время конференции в Лондоне. Каждый из них имел свое место в кемалистской системе. Сами и Рюстем вместе с Кемалем участвовали в приемах Харборда и Жоржа Пико, выполняя дипломатическую миссию — они должны были убеждать союзников и большевиков в том, что националисты существуют, что с ними можно встречаться и они отвечают за свои действия, что с ними следует вести переговоры. Их миссия не была завершена, она достигла критической точки: итальянцы стали союзниками, французы готовы к переговорам, англичане могли бы изменить свое отношение, если бы не слепая любовь Ллойд Джорджа к Венизелосу. Наконец, Москва подписывает с Анкарой соглашение.

16 марта 1921 года правительство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Великое национальное собрание Турции объявляют о дружбе и братстве навеки. Какие выгоды давало это соглашение? Признание Москвой национального пакта? Ее обещание оказать помощь деньгами, оружием, боеприпасами и инструкторами в обмен на турецкий хлопок? Взаимное обещание не помогать и не принимать любую организацию, выступающую против законного правительства другой страны или требующую часть ее территории? Или обмен информацией о любых переговорах, способных в заметной степени изменить турецко-российские отношения?

Любой договор никогда не бывает совершенным, и этот тоже не стал исключением из правил. Впрочем, Кемаль проявил себя исключительно тактично, лишь изредка комментируя его и касаясь только фактов. Короткая фраза в его «Воспоминаниях» дает разгадку этого молчания: «По договору с Москвой Батум был снова оставлен». Батум, османский с XV века, был передан России в 1876 году вместе с Карсом, Артвином и Ардаганом. Через пятьдесят три года большевики согласились уступить три последних населенных пункта, но категорически отказались

отдавать Батум. Анкара пошла тогда на крайнюю меру: 23 февраля представители Анкары в Москве подписали соглашение с последним буржуазным правительством Кавказа — с грузинскими меньшевиками.

Реакция Ленина была мгновенной: Красная армия немедленно вмешалась и в течение недели смела меньшевиков. Батум никогда не станет турецким. Вернувшись из Москвы, посланцы Анкары безуспешно пытаются вести сепаратные переговоры с каждой из трех кавказских республик. Никакого успеха. Ленин не скрывал своего удовлетворения договором: «Мирный договор с Турцией устраняет навсегда риск войны на Кавказе». Границы между кавказскими республиками и Турцией отныне незыблемы. В обстановке революционного подъема Ленин пренебрегает трудностями, какие придется преодолевать Москве, чтобы урегулировать постоянные тяжбы между кавказцами. С июня 1921 года две области, населенные в основном армянами, Ахалкалах и Карабах, столкнут в конфликте армян, азербайджанцев и грузин. Ахалкалах будет передан Грузии. Карабах после первоначального решения о присоединении к Армении будет передан Азербайджану под влиянием, вероятно, Сталина.

И всё же нет худа без добра. Вместе с договором с Москвой турки навсегда потеряли не только Батум, но одновременно и вирус пантюркизма, первый этап которого подразумевал контроль над Кавказом. Это было трудным решением для Кемаля, а Карабекир настолько медленно выводил свои войска с армянской территории, что Москва даже начала обвинять его в «двурушничестве».

Вот почему «Новый день» Нади, одновременно справедливо и нет, написал: «Конференция в Лондоне не только не урегулировала восточный вопрос, а еще более его запутала». Действительно, конференция и договор с Москвой «запутали» восточный вопрос, но этот туман был на пользу Кемалю. Как никогда прежде, он может сказать как Антанте, так и Москве: я свободен, теперь ваш черед меня «соблазнять».

Несмотря на все их заслуги, Бекир Сами и Ахтем Рюстем не получают ни «теплого местечка», ни поздравлений. Кемаль — не из тех, кто воздает должное успешным соратникам. Что это — эгоизм или высочайшая несправедливость? Кемаль поставил главную цель — спасти свою страну, и те, кто пошел за ним на эту авантюру, должны понимать, что они всего лишь исполнители этой миссии. Если они не добиваются успеха, как Али Фуад, их необходимо заменить, невзирая ни на какие дружеские связи. Если же добиваются успеха, окончательная цель приближается, и

это всё. Как сценарист и режиссер, Кемаль расставляет персонажей, руководствуясь единственным критерием: они должны вносить лепту в продвижение к цели, они должны служить, быть полезными.

Глава седьмая
ГРЕКИ НАСТУПАЮТ

Несмотря на торжество победы, следует признать, что второе сражение под Инёню не положило конец претензиям греков на Анатолию. Греческая армия, впрочем, не оставляла никаких сомнений в этом: осквернена могила Эртогрула в Севде; Енишехир, преданный огню, покинут его обитателями, а Биледжик «буквально стерт с лица земли». В Эскишехире штаб-квартира генерала Исмета превращена в центр приема беженцев с запада; их селили в больших палатках, группируя в соответствии с их родными городами и деревнями. Как отмечала французская журналистка Берта Жорж-Голи, «это новое наступление греков в Анатолии явилось суровым испытанием как для среднего класса, так и для буржуазии».

Всеобщая мобилизация

Турецкая армия предпринимает контратаку, чтобы вытеснить греков на север и отрезать их от Стамбула: «Мы переправляемся через Сакарью на плотах, внезапно атакуем и захватываем Адапазары, пробираемся вдоль озера Сарапка к восточной части Измита. Враг покидает Измит глубокой ночью и отступает к Бурсе».

Что же обусловило успех турецкой армии? Улучшения финансового положения Анкары недостаточно для объяснения повышения боеспособности армии. Конечно, получение золота от большевиков и утверждение первого бюджета, значительная часть которого выделена на оборону страны, вселяют уверенность и несколько успокаивают. Оружие и боеприпасы, захваченные у армян и начинающие поступать из Москвы, а также лихорадочно изготавливаемые в Эскишехире на старом железообрабатывающем заводе, тоже оказывают существенную поддержку. Но остальное находится в весьма плачевном состоянии: нет обмундирования, обуви для солдат, не хватает транспорта и артиллерии.

Решающим фактором, вне сомнения, был моральный дух войск. Всё изменилось после первого сражения под Инёню. Больше никто не смел сказать, что создать регулярную армию невозможно. А на следующий день после второй победы под Инёню был пересечен новый рубеж. «Мы готовы выполнить любое

задание и идти на необходимые жертвы», — заявляло население.

Национальное собрание рассматривает широкий спектр вопросов и принимает законы. К весне 1921 года уже принято 122 закона, охватывающие широкий круг вопросов — от защиты индустриального потенциала страны до развития образования. Короткая беседа одного из журналистов «Национального суверенитета» с министром финансов служит хорошей иллюстрацией главных задач момента:

«В перерыве между заседаниями Национального собрания я встретил Ферит-бея, министра финансов.

— Мой дорогой, — сказал он, — мы читаем ваши статьи „Конференция в Лондоне“, „Греческий вопрос“, но есть кое-что гораздо более важное, о чем вы забываете написать.

— Чего это касается? — быстро спросил я у уважаемого министра.

— Заводов, мой дорогой, заводов… Пишите и повторяйте, расскажите всем, что нам необходимы заводы, и еще раз заводы. Экономическая независимость не может быть гарантирована иным образом. Без этого какой смысл добиваться политической независимости <…>. Да, мы продаем за сорок сантимов, а покупаем за тысячу двести… Правительство строит и будет строить необходимые заводы. Но правительство не может заниматься всеми предприятиями…»

Итак, заводы и… школы. В начале июня агентство «Национальный суверенитет» объявляет о предстоящем созыве Конгресса по образованию: «Когда мы укрепим успехи нашей регулярной армии на фронтах армией образованных людей в тылу, мы сможем добиться равновесия, необходимого для нашей Стабильности. Армия и образование — вот два средства, которые обеспечат победу народу».

Приходят на ум некоторые воспоминания. Мнение английского посла в Стамбуле в 1908 году: «История Турции исключительно военная». Или фраза, произнесенная Кемалем в лицее Анкары через три дня после прибытия в город: «Уважаемые ученики, вы занимаетесь исключительно важным делом… Я знаю, что вы ответите на призыв родины».

Заигрывания с Кемалем

В Анатолии продолжались сражения. А в Европе итальянцы, французы и англичане были озабочены одним — договориться с Кемалем. Все пути вели в Анкару.

Первый шаг сделали итальянцы. Они стали предлагать

Анкаре различные услуги. Нуждаются ли националисты в корабле, чтобы перевезти своих представителей, или в городе, где состоялись бы переговоры? Рим предлагает свои услуги. Нужно ли им оружие и боеприпасы? Рим предоставит. Анатолийское агентство нуждается в ретрансляции своих новостей по Европе? Никаких проблем, итальянское агентство в их распоряжении. И наконец, итальянское правительство выполняет соглашение, подписанное Бекиром Сами в Лондоне, и с 1 июня 1921 года начинает эвакуацию из южной провинции Адалии.

В отличие от итальянцев французы ведут себя сдержанно. И мая 1921 года Аристид Бриан, министр иностранных дел, объявляет военной комендатуре Стамбула о скором отъезде в Анатолию Анри Франклен-Буйона. Бывший председатель комиссии по иностранным делам, отличившийся в борьбе за ратификацию Версальского договора, планирует поездку в качестве частного лица.

Частным образом? Франклен-Буйон непрерывно связывается по телеграфу с министерством иностранных дел Франции и не делает ни шага без сопровождения полковника Сарру из турецкой жандармерии.

К сожалению, Франклен-Буйон практически не оставит никаких свидетельств о своей поездке и переговорах с Кемалем и его соратниками. Но одно не вызывает сомнения: между пашой и радикальным политиком установились настоящие дружеские отношения. Об этом свидетельствует и фотография: Кемаль, как всегда элегантный, с искренней улыбкой слушает собеседника, Франклен-Буйона, мужчину среднего роста, несколько тучного, с хитрым взглядом, поддерживая его за локоть. Взаимопонимание и даже некая фамильярность очевидны.

Кемаль очень редко проявлял фамильярность, по крайней мере публично. Как отмечал журналист Якуб Кадри Караосманоглу, взявший у него интервью в 1921 году, «Кемаль не похож ни на одну из своих фотографий, какие вы видите в газетах. Лицо у него гораздо более приветливое, живое и выразительное, чем на всех фотографиях». Как правило, на публике у Кемаля застывшее выражение лица, лишенное каких бы то ни было эмоций. Анатолийцы не осуждают его за это. Напротив, как отмечал один из турецких обозревателей, когда он появлялся на улице в сопровождении телохранителей-лазов, вооруженных до зубов, толпы людей спешили увидеть его, поцеловать его руки, «воспринимая его в определенной степени как монарха». А поэт Яхья Кемаль пытается объяснить этот феномен более утонченно: «Он сумел понять разницу между надменностью одиночки на вершине славы и восторженной

любовью народа к тому, кто всюду со своим народом».

Не стоит поддаваться искушению всё объяснить, но как не представить себе радость, охватившую Кемаля, когда он услышал о том, что Париж хотел бы начать переговоры с Анкарой?

Тогда как Париж при посредничестве Франклен-Буйона ищет пути сближения с Анкарой, Лондон ведет себя более сдержанно. Тем не менее один шанс, кажется, был предоставлен англичанам в ноябре 1920 года. Этот эпизод мало известен и не упоминается большинством биографов Кемаля.

Некто Димитр Ачков был принят британскими дипломатами в Софии. Бывший болгарский парламентарий, а теперь коммерсант, Ачков знал Мустафу Кемаля со времен его службы в Софии в 1914 году; он тогда был в дружеских отношениях с Кемалем, принимал его у себя и даже «сватал» ему свою дочь. «Я не встречался с пашой с марта 1920 года, — заявил Ачков своим собеседникам, — но я поддерживаю с ним связь. Моя инициатива базируется тем не менее на заявлениях, услышанных из уст самого Кемаля». И Ачков утверждает, что Кемаль хочет дружбы с Великобританией, что он готов тайно встретиться с английскими представителями, чтобы договориться о следующем: Измир должен остаться турецким, Великобритания должна отказаться от своей прогреческой политики, а Кемаль будет использовать помощь большевиков только в том случае, если будет вынужден пойти на это из-за «отсутствия любой другой помощи», и он не будет выступать «против существования автономной независимой (!) Армении в пределах Эриваньской Республики».

В Лондоне не вызвала сомнения искренность болгарина. Тем не менее министерство иностранных дел не осмелилось на решительный шаг. Англичане были убеждены, что «главной политической силой Турции остается „Единение и прогресс“», а Кемаль — всего лишь национал-карьерист: «Как только Мустафа Кемаль согласится с нашей позицией, мы сможем сообщить в Блистательную Порту о нашем согласии включить его в состав правительства. Если он станет, например, военным министром, то, в худшем случае, он будет находиться под нашим контролем, в лучшем случае, это станет концом национализма. А это назначение будет иметь и дополнительное преимущество — усиление соперничества между Мустафой Кемалем и Энвером». Неуместный ли это цинизм или глубоко ошибочная оценка ситуации, не так важно. В отличие от дипломатов британские военные хотят вступить в переговоры с Кемалем. Они всегда принимали националистов всерьез, и то ли общность военных интересов, то ли просто здравый смысл подсказывали им возможность переговоров с лидером националистов. Так начался

в первые дни июня 1920 года, когда Франклен-Буйон собирался выехать из Стамбула в Анкару, нелепый эпизод, настоящая дипломатическая комедия в трех актах.

Акт первый. Генерал Харингтон, британец до кончиков усов, командующий войсками союзников в Турции, решает отправить двух своих соратников в Анкару к Кемалю.

Акт второй. Непредсказуемый Рефет принимает двух британских офицеров в Инеболу и ведет с ними беседу, очень близкую по смыслу к тому, что говорил Ачков шестью месяцами ранее. Англичане намекают на то, что их сторона готова признать полную независимость Турции, и предлагают встречу Харингтона и Кемаля в Стамбуле.

Акт третий. 5 июля Кемаль получает телеграмму Харингтона такого содержания: «В своем отчете майор Генри, один из двух посланцев в Инеболу, подтвердил желание Вашего превосходительства встретиться со мной, чтобы внести некоторые пояснения в содержание беседы между военными. По согласованию с английским правительством я готов прибыть на крейсере „Аякс“ в Инеболу или Измит, чтобы встретиться с Вашим превосходительством в удобный для Вас день… Мне поручено выслушать Ваши комментарии и передать их правительству Великобритании для подробного изучения. Но сам я не располагаю никаким официальным правом вести переговоры с Вами или выступать от имени правительства. Встреча состоится на борту английского крейсера. Вашему превосходительству будут оказаны почести, соответствующие Вашему рангу, и Вы будете пользоваться полной свободой для возвращения на берег…»

Что же произошло в Инеболу? Хотел ли майор Генри произвести впечатление на командующего? Хотел ли Рефет намеренно запутать своих собеседников, предусматривал ли он, сознательно или нет, решения, к каким Кемаль не был готов? В любом случае, ответ Кемаля был резким. Кемаль подчеркнул, что это он выдвигает требования и что никаких переговоров не будет без признания принципа полной независимости Турции, что он готов встретиться с Харингтоном в Инеболу, и заключил: «Если ваше высочество намерено ограничиться всего лишь обменом мнений по поводу сложившейся ситуации, то я отправлю на встречу своих товарищей». Харингтон признает, что британское правительство определенно проявило себя как тупой и недальновидный игрок. По его мнению, встречное предложение Кемаля подтверждает «влияние большевиков на националистов».

Предначертанный час

Портрет Кемаля, изображенный журналистом Якубом Кадри Караосманоглу в эти дни переговоров, — это портрет человека простого, непринужденного, затрагивающего в беседе до такой степени второстепенные проблемы, что журналист задается вопросом, осознает ли этот «экстраординарный человек» всю полноту той важной исторической роли, которую он сыграет.

Слова Якуба Кадри достойны доверия. Простой и непринужденный, спокойный и твердый, Мустафа Кемаль при любых обстоятельствах проявляет неизменное самообладание. Забыта нервозность былых времен, исчезли прежние сомнения. «Как только я ступил на землю Анатолии, прибыв в Самсун, — признался как-то Кемаль в частной беседе, — я сразу отметил, что люди испытывают чувство стыда за тех, кто сомневается в возможности отстоять независимость. В самом деле, события, свидетелем которых стал весь мир в течение двух лет, доказали справедливость моих идей и твердость воли и веры народа. Мои идеи, желание и вера людей — вот священная и несокрушимая пара в основе мессианской логики». В ответ на любую критику и выражение недоверия Кемаль может спросить: какую ошибку я совершил с тех пор, как прибыл в Анатолию два года назад?

А между тем греки начинают новое наступление. 9 июня греческий броненосец «Халкида» обстреливает порт Инеболу: Греция открывает второй фронт и оказывает поддержку османским грекам. Через три дня король Константин высадился в Измире в сопровождении премьер-министра Гунариса, военного министра Теотокиса, нескольких генералов и трех принцев: «Солдаты! Голос родины снова позвал меня возглавить вас… На этой священной земле… вы сражаетесь за греческий идеал. Вперед!» Ответ турок не заставил себя ждать. Пресса потешилась вволю. На первой странице сатирической газеты Стамбула «Лицо с улыбкой» карикатура изображала Константина в опереточной форме с завитушками на голове, хватающего за локоть молодую красавицу по имени Свобода в шароварах и феске:

«— Эта бродяга отдает мне свое сердце.

— Убирайся, я влюблена в Полумесяц».

На другом рисунке изображен греческий военный с завязанными глазами, двигающийся к пропасти в окружении трех граций в белых платьях с полумесяцем в волосах: Бурса, Измир и Эдирне играют в жмурки с Константином. А 12 июля появляется рисунок, изображающий Наполеона, обращающегося к турецкому военному: «Пусть Константин придет сюда, и я обещаю свернуть ему шею во имя военного искусства».

Но в это время Константин уже в Ушаке, и греки занимают один город за другим и продвигаются к Анкаре. В течение одной

недели Инегёль, Енишехир, Афьон-Карахисар, Кютахья взяты греками.

В Генеральном штабе в Эскишехире Исмет в крайне подавленном состоянии. Ожидая нового наступления греков, он в четыре раза увеличил численность армии на фронте — до пятидесяти тысяч солдат, привлек новые подразделения и дивизии, создал мобильные отряды, предназначенные для внезапного нападения на греков. Но линия сопротивления Афьон — Кютахья — Эскишехир распалась; под напором греков левое крыло армии отступило, и Эскишехир оказался в клещах под огнем ста тысяч греков. Мустафа Кемаль прибыл в Генштаб, где Исмет доложил ему обстановку. Беседа была долгой и оживленной: Исмет объяснял, — Кемаль задавал вопросы; Исмет отвечал — Кемаль задавал новые вопросы, требуя уточнения. Он хотел понять, почему Эскишехир пал.

18 июля Мустафа Кемаль объявляет о своем решении командованию Западного фронта: «Мы должны отступить на восток от Сакарьи, чтобы наша армия смогла восстановить силы, переформироваться и пополниться». Ночью был эвакуирован госпиталь с ранеными. На следующее утро на вокзале Эскишехира можно было наблюдать типичную картину массового бегства: толпы обезумевших от страха женщин с детьми и тюками. На ступеньках своего вагона Кемаль отдает последние распоряжения офицерам. «Он совершенно спокоен, — отмечает Халиде Эдип, находящаяся рядом, — а женщины… смотрят на военных чрезвычайно печально».

Выбор Кемаля ясен: «Если враг преследует нас без остановок, он удаляется от своих баз и будет вынужден занимать новые позиции». Впрочем, у Кемаля нет другой альтернативы; без достаточного количества транспорта его армия бессильна.

Но подобная тактика не лишена и недостатков: «Моральный шок, какой могло бы ощутить общество из-за того, что врагу отданы важные территории и города, такие как Эскишехир». Верный себе, Кемаль убежден, что «эти недостатки быстро исчезнут, как только мы добьемся успеха».

В Анкаре падение Эскишехира действительно вызвало настоящий шок. Национальное собрание пытается найти виновных и пути выхода из подобной безрадостной ситуации. Парламентарии наконец ратифицируют договор с Москвой, словно этого достаточно, чтобы устранить греческую угрозу. 23 июля на закрытом заседании председатель Совета министров Февзи-паша, уставший, обросший за несколько дней бородой, поднимается на трибуну: «Друзья, мы переживаем исторические дни. Наши солдаты героически сопротивляются наступлению

греческой армии, значительно более многочисленной. Мы несем тяжелейшие потери… Но нашей задачей остается победа. Мы будем продолжать войну на участках, стратегически более важных. На этой неделе наше правительство покинет Анкару; мы решили перебраться в Кайсери…» Как только он покинул трибуну, на нее взошел депутат из Эрзурума и заявил о своем желании присоединиться к армии. Под возгласы одобрения большинство Национального собрания отказывается покинуть Анкару.

Несмотря на это, готовится отъезд членов правительства и некоторых депутатов и их семей. Богатые семьи Анкары тоже покинули город. «Господа убегают по-английски», — отмечали беспомощные горожане, не имеющие возможности покинуть Анкару.

4 августа, после недели, проведенной на фронте, Кемаль поднимается на трибуну Национального собрания, в чьем ведении, согласно конституции, находится армия, и требует, чтобы эти властные полномочия были переданы лично ему. Депутаты разделились во мнениях: идея лишиться такой прерогативы у одних вызывает сомнение, и они не воспринимают объяснения тех, кто считает, что поставить Кемаля во главе армии — последняя надежда нации. Говоря правду, основа спора была вовсе не конституционной: уже, по меньшей мере, в течение года под маской единодушного патриотизма Великое национальное собрание разваливалось из-за политического соперничества. Сам Кемаль кинулся в бой, создав еще весной 1921 года «Общество по защите прав Анатолии и Румелии». За месяц до этого религиозный деятель из Эрзурума основал «Общество по защите прав и святых мест». Создание этого духовного общества, симпатизирующего султану, было встречено Кемалем с обеспокоенностью. Его реакция была мгновенной и квалифицированной. Название и программа Национальной партии были приняты еще на конгрессе в Сивасе. Как можно выступать против?

Тем не менее некоторые шли на риск. Кязым Карабекир был озабочен «опасностью эволюции султаната и халифата в республику». Кемаль его успокаивает: «Султан останется, также как и халиф, во главе Турции. Что же касается вопроса о правах правителя <…> в сравнении с правами народа в национальном государстве, то пока мы еще не приняли окончательного решения». Но основная критика касалась концентрации власти в одних руках. Наиболее эмоциональные депутаты были готовы кричать о диктатуре, и парадоксально, что это были сторонники Энвера.

Энвер! Канонада греческих пушек в нескольких десятках километров от Анкары пробудила его энергию; сохраняя свои связи в Анатолии и демонстрируя в Москве, что он — искренний революционер, Энвер верил, что настал его час. Энвер забывает соглашение о невмешательстве, заключенное с Али Фуадом, и 16 июля пишет из Москвы Кемалю. Письмо написано в тоне начальника подчиненному, спасителя, снизошедшего до заблудшей души: «Мы намерены вернуться в страну, как только почувствуем, что бесполезно и опасно оставаться за рубежом, по той причине, что угроза нависла над страной и мусульманским миром, который мы пытаемся спасти!»

Не следует легкомысленно относиться к угрозам Энвера: в регионе Трабзона, в частности, его сторонники собрали более тысячи человек, готовых идти на Анкару. Но когда враг находится менее чем в ста километрах от Анкары, важно только одно: спасти родину. Кемаль предпринимает необходимые меры: «Я принимаю верховное командование по единодушному требованию уважаемых депутатов Великого национального собрания». 5 августа Национальное собрание принимает закон, назначающий Кемаля натри месяца Верховным главнокомандующим.

Решающее сражение

18 августа Верховный главнокомандующий прибывает в Генеральный штаб; на нем элегантный охотничий костюм, его любимый и очень практичный наряд с многочисленными карманами. Он испытывает азарт игрока: выждать, неожиданно удивить противника и ударить там, где тебя не ждут. Однажды в напряженный момент сражения он спросил одного из помощников: «Ты умеешь играть в покер?» И, не дожидаясь ответа, добавил: «Война — это как игра в покер. Тот, кто держит на руках самую сильную карту, не думает о том, что у его противника может быть четыре туза или „флеш-рояль“ (пять карт одной масти). Желая блефовать, он может удивиться, что другой игрок соглашается повысить ставку. Вот как я представляю сегодня состояние наших врагов».

Добрался он до Генерального штаба быстро: тот находился меньше чем в пятидесяти километрах от Анкары. Кемаль сел, чтобы облегчить боль, которую ему причинял бок, ушибленный на прошлой неделе во время падения с лошади. В течение всего сражения Кемаль будет оставаться неподвижным в старом кресле в вагоне, совершенно неспособный сесть на лошадь. Для его

солдат это плохое предзнаменование. Но главнокомандующий утверждает: «Это знак Аллаха: как я сломал ребро, так и сопротивление врага будет сломлено». Но подобное предзнаменование не разделяет никто из окружения Кемаля. Склонившись над картой, где красные и голубые флажки отмечали позиции греческих и турецких войск, Исмет-паша, четыре члена Генерального штаба и другие командиры с трудом скрывали озабоченность. И только начальник Генерального штаба генерал Февзи, назначенный 5 августа 1921 года вместо Исмета, сохранял несокрушимый оптимизм. Кемаль доверял ему, как и Рефету, который отвечал за снабжение армии. Прежде чем Рефет был назначен главным интендантом, он занимал такое количество должностей, что можно было и забыть о том, что когда-то он был простым офицером. Благодаря Кемалю и принятым им десяти постановлениям о реквизиции армия была более или менее обеспечена всем необходимым. Эти десять распоряжений Рефет воплотил в жизнь словно десять заповедей, проявив талант, немного власти и в первую очередь пользуясь поддержкой населения. За несколько дней исчезли решетки на окнах и в садах: все они пошли на изготовление штыков.

23 августа сражение на Сакарье началось. Греки были уверены, что турки потеряли армию у Эскишехира. Их план был прост: переправиться через Сакарью, протекающую в глубоком ущелье, ударить по левому флангу турок и прорваться в образовавшуюся брешь к Анкаре. Под натиском греков левый фланг турецкой армии стал отступать, отойдя за неделю на десять километров. В лагере греческой армии больше не сомневались ни в чем, и военный министр Греции назначает английскому военному атташе встречу в Анкаре на 5 сентября.

Кемаль не покидает Генштаб. Когда Халиде Эдип спросила его, что делать, если турки будут вынуждены покинуть Анкару, генерал буквально выплюнул ответ: «Счастливого пути, господа, я похлопаю вас по спине, когда освобожу всю Анатолию». «День за днем, ночь за ночью Кемаль демонстрирует всё ту же улыбку, то же спокойствие и даже позволяет себе давать уроки стратегии интеллектуалам, прибывшим из Анкары, проявляя терпение преподавателя первого года обучения в военном училище», — напишет Якуб Кадри Караосманоглу. Кемаль выглядит совершенно спокойным и невозмутимым. Не раз проигрывая, он прекрасно осознает важность тех качеств, какими он теперь обладает. А интеллектуалы, окружающие его, Халиде Эдип, Якуб Кадри Караосманоглу и другие, находятся здесь, чтобы быть свидетелями его выдержки и поддержать его. Но многие думают, что Кемаль скрывает какой-то секрет, известный только Мехмету

Арифу, полковнику, недавно введенному в военный совет Верховного главнокомандующего.

Окружение Кемаля не могло понять, зачем он приблизил к себе этого тщедушного полковника, которого отстранил от командования дивизией. Кемаль только улыбался в ответ.

Дружбе, связывающей его с Арифом, уже более двадцати лет. Никакой ординарец не смог бы быть настолько ему преданным, и Кемаль прощал ему некоторые странности, как, например, длинные кинжалы, которые он носил на поясе, или ручного медвежонка, всюду его сопровождавшего.

И тем не менее однажды всё изменилось: Кемаль раздражен, явно нервничает; никто уже не может сосчитать, сколько чашек кофе он выпил. Греки после трех дней ожесточенных боев захватили господствующую над местностью гору Чал-Даг. Кемаль не может скрыть своего отчаяния и даже не старается этого сделать. Стоит ли продолжать сопротивление или лучше отступить? Неожиданно ему сообщают, что звонит Февзи, находящийся на передовой; все офицеры, присутствующие в комнате, умолкли. В два часа утра Кемаль берет трубку: «Мустафа Кемаль слушает. Это вы, ваше превосходительство? Что? День улыбается нам? Правильно ли я вас понял? Что? Хаймана почти взята. Что? Греки истощены и собираются отступать?»

Февзи и его звонок изменили всё. На следующий день греки оставляют свои позиции. Фронт стабилизируется. Обе стороны отдали все силы этому сражению. У греков не осталось больше ни снарядов, ни сил, чтобы продолжать наступление, а у турок нет ни сил, ни снарядов, чтобы немедленно приступить к контратаке. Чтобы создать иллюзию продолжения наступления, греческая армия бомбардирует вокзал Анкары и бросает дивизию в атаку.

9 сентября Кемаль наконец перемещает Генштаб на запад к правому флангу турецкой армии. «Он счастлив, как ребенок», — вспоминала позже Халиде Эдип. На следующий день Кемаль переходит в наступление, бросая в бой свои любимые войска — кавалерию.

13 сентября греки отступили на запад от Сакарьи после двадцати двух дней и ночей изматывающих боев. Обе стороны потеряли 40 тысяч человек, что соответствовало пятой части общего числа участников этого кровопролитного противостояния.

Глава восьмая
ПОБЕДЫ ОХОТНИКА

Кемаль возвращается в Анкару, как и покинул ее, в костюме охотника. Зеленый костюм, белоснежная рубашка и тщательно повязанный галстук производят сильное впечатление на журналиста Якуба Кадри Караосманоглу. Его можно понять: какой еще турок-победитель позволил бы себе столь скромный наряд?

На следующий день Кемаль поднимается на трибуну Национального собрания со словами благодарности: Национальное собрание производит его в маршалы и присуждает ему почетное звание гази, какое давалось великим победителям и мусульманам, побеждавшим неверных.

Настал час его воинской славы. Многие офицеры получили повышение в звании и награды, а Мюфид Ферит произнесла торжественную речь в честь турецких солдат: «Турецкие солдаты, вы в очередной раз поднялись словно солнце на небе независимости. Еще раз вы принесли нашим опечаленным сердцам священную веру и наполнили светлой радостью наши глаза, полные слез… Весь мир был против вас. Но вы благодаря вашему мужеству, вашей мощи и уверенности в правоте своего дела оказались сильнее всего мира… Да здравствует турецкий солдат! Солдат-победитель, священный герой, да благословит тебя Аллах!»

А в ответ Исмет-паша отметил, что «это турецкие женщины выиграли битву на Сакарье, обеспечив армию провизией и обмундированием под огнем врага». Исмет прав: по инициативе Ассоциации турецких женщин в Стамбуле женщины Анатолии организовали доставку солдатам продовольствия и боеприпасов. Известны также военные подвиги некой Незахат, прозванной турецкой Жанной д'Арк, Махбуле и Рахмие, возглавивших партизанские отряды. Анатолийские женщины по праву фигурировали в числе славных победителей.

Солдаты, женщины, крестьяне, отдававшие свои продовольственные запасы и соль, свои телеги и скот, свою одежду и обувь, — все они победили на Сакарье. Взаимопомощь всегда была древней традицией турецкого народа. На берегах Сакарьи братская взаимопомощь была одним из важнейших факторов, обеспечивших победу.

У Кемаля всеобщий энтузиазм и взаимопомощь вызывали чувство глубокого удовлетворения. После этой победы он сможет

усилить влияние на людей, их умонастроения и на события.

От Парижа до Москвы

Первым трофеем оказался французский дипломат. Через два дня после прибытия Кемаля в Анкару туда возвращается Франклен-Буйон. «Я не могу пока сказать, какую политику следует проводить по отношению к кемалистам для установления мира», — заявлял Аристид Бриан[38] во время наиболее напряженных боев на Сакарье. Но после победы Мустафы Кемаля всё меняется. И тогда Франклен-Буйон возвращается, чтобы подписать соглашение с Анкарой: Франция отдает Киликию Турции.

Соглашение вызвало бурю всеобщего негодования, и слово «предательство» было на устах у всех. «Предательство!» — кричали французские правые, заклеймив этот «грубый и обидный выпад» против национальной славы. «Предательство!» — вторила им турецкая оппозиция, имея в виду, что Искендерун (Александретта) находится вне национальных границ. «Предательство!» — утверждали Лондон и Москва. Лорд Керзон, министр иностранных дел Англии, обсуждает «сепаратный мир», подписание которого «наносит урон авторитету Франции». Как бы он отреагировал, если бы ему показали секретную переписку между Франкилен-Буйоном и министром иностранных дел Анкары, где Парижу были обещаны экономические преимущества для французских предприятий?

А Сталин принял в Кремле Али Фуада, долго беседовал с ним и наконец спросил: «В конце концов, каков истинный смысл этого франко-турецкого соглашения, которое так обеспокоило всех нас?» — «Подлинное значение соглашения с Францией — это заинтересованность в том, чтобы разделить наших двух могущественных врагов…» — ответил посол Анкары.

Сталин только усмехнулся в ответ: не он ли объяснял Фуаду семью месяцами ранее, что цель коммерческого договора, подписанного Москвой и Лондоном, — расколоть капиталистический фронт между Францией, США и Великобританией? Фуад добавил: «Мы знаем, что французы продолжают враждебно относиться к вам, но, зная, что они не могут ничего предпринять против вас при нашем посредничестве, они не делают никаких предложений на эту тему».

Сталин и Фуад поняли друг друга. Затем они стали обсуждать другие вопросы, в том числе и вопрос об Энвер-паше и о помощи, которую Турция просит у Москвы. «Энвер-паша — наш

друг, он пользуется уважением в мусульманском мире», — подтверждает Сталин. Когда Энвер покинет Батуми и направится в Бухару[39], правительство большевиков будет считать, что им удалось убить одним выстрелом двух зайцев: его удаление от Анатолии успокоит Кемаля, а его авторитет в мусульманском мире сможет убедить мятежников Бухары присоединиться к большевикам. Энвер, таким образом, станет второй жертвой победителя на Сакарье, но заставит большевиков дорого заплатить за то, что они предпочли Кемаля.

По мнению Энвера, Бухара и ее окрестности, Ташкент, Самарканд, Хива, вершины Памира, этот регион Центральной Азии — тюркская земля, часть легендарного Турана, дорогого сердцу Энвера. «Это не русская территория, а подлинно тюркская!» — взволнованно восклицает Энвер. На следующий день после прибытия в Бухару он с горсткой соратников отправляется в горы, якобы на охоту, и присоединяется к басмачам.

Но этой октябрьской ночью в Москве Сталин и Али Фуад не могли предвидеть такого финала; они обсуждали очень серьезные проблемы. Всякий раз, когда Али Фуад пытался добиться от Чичерина золота и оружия, в чем так нуждались турки, тот ссылался на бедность, впрочем реальную, своей страны. Настойчивый Али Фуад атаковал теперь Сталина по тому же вопросу. «Вы требуете слишком много денег, наше положение не позволяет нам полностью удовлетворить ваш запрос». Али Фуад настаивает, напоминает о соглашении с Москвой и о вступлении Анкары в борьбу против империалистов, Сталин говорит о своем искреннем желании помочь, но: «Как убедить некоторых моих товарищей?» А затем великий актер заявляет, что он позвонит военному министру, министрам экономики и иностранных дел.

Уже около трех часов утра; в течение долгих минут, что Сталин проводит у телефона, беспокойный взгляд Фуада вопрошающе следит за ним, слушающим собеседника на другом конце провода.

В итоге Фуад добивается того, что Сталин обещает удовлетворить его просьбу. Тем не менее доброжелательные отношения между Анкарой и Москвой, если они когда-либо и были, закончились. Большевики поняли, что должны бороться за то, чтобы избежать отклонения правительства кемалистов в сторону лагеря противника.

Кемаль в очередной раз извлек наибольшую выгоду из слабостей других. Великобритания изолирована, СССР вынужден оказать помощь, Энвер удален, Киликия вновь приобретена, три армейских корпуса переведены с Южного фронта на Западный.

Определенно, Кемалю есть чем гордиться.

Слабовольный наследник

Третьей жертвой победителя при Сакарье был пятидесятичетырехлетний мужчина, приземистый, но производящий впечатление стройного, что было обусловлено его лицом: продолговатое, с приподнятыми бровями над зеленоватыми глазами, оно выражало властность, присущую обычно людям высокого роста.

Абдул-Меджид, сын султана Абдул-Азиза, кузена правящего султана, и наследник престола, имел хорошую репутацию. Любитель поэзии и музыки, франкофон, германофон, художник-любитель, лучшей картиной которого был автопортрет, принц был просвещенным человеком. «Можно было бы сказать, что это член Лондонского или Парижского клубов, а его костюм был заказан, несомненно, в Англии». Как Вахидеддин, как либералы, он осуждал юнионистов, считая Энвера «посредственным политиком, проявляющим дерзость бандита». Принц мужественно признавал: «Мы все поддерживали этих молодых людей (то есть юнионистов), которые казались нам искренними» и осмеливался говорить о слабости и ограниченности султана Решата, предшественника Вахидеддина. В отличие от Вахидеддина и либералов он открыто проявлял симпатии к движению националистов. С весны 1919 года он многократно критиковал слабость патриотизма Вахидеддина, пытался убедить султана взять на себя ответственность и отказаться рассматривать Кемаля как мятежника.

Отношения между Вахидеддином и Абдул-Меджидом накалились до предела. За наследником следили турецкая и английская полиции, а в конце лета 1920 года в крыле дворца Долмабахче, где он пребывал, и на его вилле на Босфоре без предупреждения был проведен обыск, чтобы унизить принца и его семью, находившихся в течение тридцати восьми дней в резиденции под наблюдением.

Что же произошло? Говорили, что Абдул-Меджид написал султану, требуя, чтобы тот отрекся от престола и «передал трон империи в более надежные руки в этот ответственный исторический момент». Известно, что принц тайно принимал подполковника, прибывшего из Анатолии с тремя письмами; одно из них было подписано Мустафой Кемалем.

Остается тайной, отвечал ли Кемаль Абдул-Меджиду или сам проявил инициативу и написал принцу. Что же он пишет

наследнику? Известна только версия окружения Абдул-Меджида: «Приезжайте, приняты все меры для Вашего приезда в Анатолию. Достаточно, чтобы Вы приняли решение». Как расскажет позже его сын, Абдул-Меджид не скрывал своего удовлетворения, глаза его сверкали, особенно ему льстило, что приглашение пришло персонально от Кемаля. Тем не менее наследник просит время на размышление. Через два дня, согласно тому же источнику, грустный Абдул-Меджид отказывается уехать, чтобы «не ставить под угрозу положение султана и его семьи», но что означает тогда письмо, требующее у Вахидеддина отречения?

Можно добавить, что в феврале 1921 года французские спецслужбы «перехватили» послание, в котором Кемаль якобы предлагал Абдул-Меджиду султанат. Если верить военному коменданту Пелле, наследник якобы снова ответил отказом.

Тогда как наследник запутался в противоречиях и сомнениях, кандидатов на поездку в Анатолию в императорской семье хватало. Наиболее настойчивым был молодой человек, знакомый Кемалю: Омер Фарук, сын Абдул-Меджида, женившийся на Сабихе, дочери Вахидеддина, которую когда-то «сватали» Мустафе Кемалю.

Однажды ночью в конце апреля 1921 года принцесса Сабиха разбудила отца: «Он уехал!» И она протягивает адресованное ему письмо Фарука: «Мое положение принца османской крови заставляет меня считать своим долгом отправиться в Анатолию, чтобы служить как османский солдат». «Зачем он сделал это?!» — воскликнул тогда Вахидеддин. Переодевшись в торговца овцами, Фарук, который, казалось, был рожден в форме гусара, проникает на корабль и, спрятавшись в кладовой, избегает контроля полиции.

В Инеболу толпа встречает молодого человека с восторгом; многие думают, что путешественник — Абдул-Меджид или даже султан. Фарук, не имеющий никакой власти, но стройный, элегантный, с бархатным взглядом, был наделен обаянием, подобающим османскому принцу. Он всё еще оглушен путешествием, переживаниями, страхами и криками толпы, когда получает послание от Кемаля: «Ваш патриотический долг — вернуться в Стамбул».

Кемаль больше не нуждается в связях с императорской семьей; напротив, он относится к ней с недоверием. После победы при Сакарье он окончательно приостанавливает таинственную связь с наследником, длившуюся два года.

24 декабря 1921 года на закрытом заседании Национального собрания он знакомит депутатов с письмом принца Абдул-Меджида. «Товарищи, — начинает Кемаль, — принц Абдул-

Меджид уже прислал несколько писем, адресованных лично мне; они полны двусмысленностей. Я ответил ему, что лично я ничего не значу, что он не добьется ничего, пытаясь установить отношения со мной, что он должен признать Национальное собрание, состоящее из представителей нашей нации, и устанавливать отношения именно с ним <…>. Сегодня пришло письмо, адресованное непосредственно председателю Великого национального собрания <…>. Да, вы не ослышались, Великого национального собрания!»

После дискуссии между сторонниками наследника и теми, кто упрекал его в том, что он до сих пор в Стамбуле, Кемаль снова взял слово: «Ваше Высокое собрание может воспользоваться этим письмом: необходимо, чтобы вся нация узнала, что это письмо адресовано Великому национальному собранию, являющемуся ее единственным представителем».

Абдул-Меджид теперь должен стать не более чем отражением законности Великого национального собрания. Этот символ еще может служить, Кемаль это знает и не колеблется использовать его, но в отличие от 1920 года, когда наследник султана не прибыл в Анатолию, теперь, даже напротив, пусть он остается в Стамбуле! Абдул-Меджид, не будучи выдающимся политиком, понял ли роль, отведенную ему Кемалем? В любом случае, Национальное собрание не отвечает на письмо наследника и не будет больше говорить о нем до конца 1922 года.

Строптивая дичь

В ходе обмена пленными в конце октября 1921 года англичанами был освобожден Хусейн Рауф вместе с сорока другими турками, находящимися в тюрьме на Мальте. 11 ноября он прибывает в Анкару после двухлетнего отсутствия. Рефет, Али Фетхи, освобожденный несколькими неделями ранее, Февзи, Аднан, Халиде Эдип и особенно Мустафа Кемаль радостно встречают своего друга и соратника. Как всё изменилось! Рауф буквально утонул в новостях, рассказываемых друзьями; он с трудом осмысливает то, что произошло за это время.

Тем не менее его сразу поразило глубокое противоречие между Кемалем и некоторыми депутатами. Находясь в тюрьме, Рауф не мог вообразить ярость оппозиции, их злобу. Когда его кандидатура на пост министра труда поучила 86 голосов против, Рауф был настолько шокирован, что потребовал повторного голосования.

А между тем оппозиция — это реальность. Она выбрала

скромное название «Вторая группа», представляла менее трети депутатов Национального собрания и была достаточно неоднородна — в нее входили закоренелые консерваторы, сторонники Энвера и радикалы, но какой боевой настрой!

Опьяненная победой при Сакарье, «Вторая группа» не понимает, почему армия немедленно не переходит в наступление. «Оставьте военные дела тем, кто в этом разбирается», — ответил им Кемаль, добившийся обновления закона о предоставлении ему должности главнокомандующего. Хусейн Авни, адвокат, полный коварства, полковник Кара Васыф, один из немногочисленных военных во «Второй группе», преподаватель Зия Хюршит и другие оппозиционеры выступают, по словам Халиде Эдип, за «экстрадемократическую» политическую систему; они стремятся представить Кемаля как диктатора и при этом пытаются скрыть свои собственные амбиции.

Борьба в Национальном собрании обостряется. Отсутствие военных событий (никаких важных боев не произошло в течение шести месяцев с момента победы при Сакарье и до весны 1922 года), осознание, что политическая система никогда больше не будет такой, как прежде; авторитарное поведение Кемаля, сведение личных счетов политиками — всё это превратило Национальное собрание в арену ожесточенных сражений.

24 ноября оппозиция снова переходит в атаку; она предлагает проект закона об ответственности Совета министров. Согласно проекту Национальное собрание наделено только временной властью, переданной ей султаном; с точки зрения Кемаля — этот проект не что иное, как совершенно недопустимый пересмотр принятой конституции. Но Кемаль не спешит на трибуну и тщательно подготавливает ответ. В течение недели, несмотря на усталость, он проводит многочисленные совещания в своем кабинете в Национальном собрании и в зале заседаний Совета министров. Прежде чем вернуться в свою резиденцию в Чанкая, он заходит в свой кабинет на вокзале: темно-красное кресло, на стенах большой ковер и гравюра с изображением первого султана, стол красного дерева с его фотографией и портретом Зюбейде, а перед окном с тюлевыми занавесями — два бюста: Бонапарта и Мольтке[40].

1 декабря наступление наконец началось; оно длится три часа и сметает всё на своем пути. Кемалистская волна уносит Авни и его приспешников, лихорадочно пытающихся сопротивляться. «Товарищи, правительство Национального собрания существует, оно законно. Это знает вся нация, а также весь мир!» «Товарищи» слушают, очарованные этим искусным оратором, наделенным богатым воображением, временами

резким, провоцирующим: «Правительство Великого национального собрания, какое оно — демократическое или социалистическое? Нет, наше правительство ни демократическое, ни социалистическое. Оно не похоже ни на одно из правительств, описанных в книгах. Это правительство национального суверенитета, национальной воли! Если следовало бы дать определение нашему правительству на основе социологических и научных критериев, можно было бы сказать, что это правительство народа. <…> Панисламизм, вот о чем я думаю. Наш народ и правительство, его представляющее, мы хотим, чтобы все наши единоверцы на всей планете были счастливы <…>, но мы не практикуем пантуранизма».

Вот пример его провокационного заявления: «Я читал Жан Жака Руссо от начала и до конца. Пока я читал его, я верил тому, что читал. А затем я заметил, что автор основывался на двух принципах: страдание и безумие. Это меня озадачило, и я стал изучать его как личность. И тогда я понял, что он действительно безумен. Да, безумен!» А вот Кемаль скромен и даже лиричен: «Я был бы счастлив, если бы с помощью этого исследования мог открыть вам истину. Эта истина, какую знает народ, потому что он встал на путь, ведущий к сияющему солнцу. Нация придет к солнцу, и никакая сила не сможет помешать ей сделать это».

Стенографист Национального собрания отмечает, что последние слова оратора были встречены бурными и продолжительными аплодисментами. 1 декабря в Стамбуле на обложке журнала «Улыбающееся лицо» представлен рисунок, изображающий мужчину во весь рост, с саблей на поясе, окруженного шестью молодыми женщинами, одетыми по-европейски: «Мустафа Кемаль-паша, победоносный главнокомандующий, и его шесть возлюбленных». Греция — на коленях, закрыв лицо руками, Персия сосредоточенно глядит себе под ноги, Албания уцепилась за его пояс, Россия опирается на его правое плечо, Азербайджан опустил глаза под взглядом паши, и Афганистан у его левой руки. Какой прекрасный день!

Глава девятая
ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Впервые после 1918 года без грохота сражений закончилась осень, прошла зима и началась весна. Французы покинули Киликию в первые дни 1922 года; восстание греческого населения Черноморского бассейна было подавлено с необычайной жестокостью, что отмечали как советские дипломаты, так и французская журналистка Берта Жорж-Голи. Тем не менее греческие войска всё еще оккупируют Западную Анатолию. Но, как утверждал Кемаль, всякое наступление должно быть подготовлено; Франклен-Буйон, информированный лучше, чем депутаты, узнал от самого Кемаля, что наступление планируется не раньше весны.

Об атмосфере, царящей в это время в Анкаре, можно судить по сообщениям в газетах. «Французская журналистка посетила турецкую семью: мадам Берта Жорж-Голи в сопровождении гази нанесла визит его адъютанту Салиху, проживающему с семьей в Чанкая; она долго беседовала с дочерью Салиха». «Во время блестящего приема посол Афганистана заявил, что „ислам — это огромное тело, где Турция — его голова, Азербайджан — шея, Персия — грудь, Афганистан — сердце, Индия — живот, Египет и Палестина, Ирак и Туркестан — его руки и ноги“». «Гази посетил вчера вечером посольство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики; он был принят послом Араловым, который, хотя прибыл совсем недавно, уже стал одной из самых знаменитых личностей в Анкаре. А с момента прибытия посла наше правительство получило помощь, позволившую приобрести материалы и оборудование для типографии и кинотеатров; российские дипломаты всячески способствуют укреплению турецко-российской дружбы и справедливой борьбе против империализма и колониального гнета. Один из участников этого вечера в посольстве сообщил нам конфиденциально, что гази прибыл туда в сопровождении музыкантов и певцов; он сам тоже пел и, по выражению нашего информатора, „глаза его были полны грусти“».

Анкара не развлекается, она дышит, так как чем дольше длится временное затишье боев, тем яростнее становятся сражения на внутреннем фронте.

Внутренние бои

Противники Кемаля не сложили оружия после поражения 1 декабря. Более ожесточенно, чем когда-либо, они продолжали бороться против главнокомандующего-диктатора.

Оппозиция могла даже радоваться расколу в окружении Кемаля. Рефет ушел в отставку с поста министра национальной обороны, ревниво реагируя на власть, приобретенную Февзи, и возмущенный быстротой, с какой Кемаль забыл, как блестяще он организовал реквизиции.

А Рауф хотел бы понять, как может министр труда, это его официальный титул, работать, не имея ни денег, ни инженеров, ни материалов. Это было прекрасным поводом для отставки; одним словом, экс-министр труда стал задумываться над тем, действительно ли ситуация всегда такова, что Кемаль должен сосредоточивать всю власть в своих руках.

Сам же Кемаль не сомневается в этом ни секунды. Во время заседания Великого национального собрания в связи со второй годовщиной его учреждения Кемаль подсчитал число новых врачей, появившихся с 1920 года (пятьдесят два), объявил проект об оседлости кочевников и об открытии факультета права. Тогда как его противники старались защитить свою власть, он уже пытался конструировать будущее страны. «Полная независимость не существует без экономической независимости!» — воскликнул он, отдавая должное крестьянам, «хозяевам нашей земли». Гордость за сделанное, поразительное предвидение — вот что отличало Кемаля от своры его противников, погрязших в политических интригах. А его обращение к крестьянам как к спасителям Анатолии в зале, где несколько десятков депутатов обвиняли его в диктаторстве, имело особый оттенок, связанный с воспоминанием об одном любопытном случае. Это произошло с наступлением ночи на дороге из Алпу в Эскишехир. Кемаль сидел в глубине машины рядом с адъютантом Салихом, а впереди сидели шофер и проводник, анатолийский крестьянин.

«— Знаешь ли ты Мустафу Кемаль-пашу?

— Нет, Салих, я его никогда не видел.

— Что бы ты сделал, увидев его?

— Ну, я поклонился бы ему в ноги!»

С разрешения Кемаля Салих тогда показал крестьянину пашу: «Вот он — Мустафа Кемаль-паша». Крестьянин посмотрел на человека, чье лицо было плохо различимо в сумерках наступающей ночи, и улыбнулся. «Возможно», — ответил он отвернувшись, так как не поверил Салиху.

Несколько позже, когда он увидел мэра Эскишехира, войска, оркестр, вышедшие навстречу машине, крестьянин понял свою ошибку и, когда машина остановилась, хотел уйти.

Остановленный Салихом, он не переставал повторять: «Простите меня, если я совершил ошибку». Затем, осмелев, крестьянин попросил снова посмотреть на пашу поближе, при свете. Он приблизился к Кемалю и, как рассказывал Салих, досыта нагляделся на лицо паши. Растроганный Кемаль велел дать ему 25 лир, что было значительной суммой.

Как бы прореагировали на эту историю те, кто считает его диктатором? Кемаль ничего не ожидал от этих людей с короткой памятью, критикующих как его идеи, так и поведение. Кемаль был убежден, что выдержка — единственная возможная преграда против любых злоупотреблений; на первое место он ставил успех своей политики, он даже пытался напомнить оппозиции, как функционировали режимы «модели» Рима и Афин, он ставил точки над «i», доказывая, что внутренний фронт, формируемый всей нацией и страной, намного важнее внешнего фронта; короче, он хотел, чтобы оппозиция успокоилась.

Если оппозиция не хочет смириться с утратой своей власти, Кемаль справедливо считает, что должен иметь свободные руки, чтобы добиться мира. Инциденты неминуемо следовали один за другим. Встречался ли Юсуф Кемаль, министр иностранных дел Национального собрания, отправленный с поручением в Париж и Лондон, с султаном в Стамбуле? Оппозиция кричит об этом не без основания, эта история так же темна, как борода Юсуфа Кемаля. Паша не поставил в известность Национальное собрание об этой миссии и тем более не запрещал Юсуфу встречаться с султаном, лишь ограничился единственным наставлением: «Ты скажешь ему, что Великое национальное собрание признает халифат и хочет, в свою очередь, чтобы халифат признал Великое национальное собрание». Когда же депутаты узнают, что Вахидеддин заявил, что готов принять «одного из представителей нации, управлением которой он гордится», они потребовали объяснений. По поводу признания Национального собрания Вахидеддин заявил, что надо будет подождать: «На нашей земле греки, и только после того, как они покинут Анатолию, можно будет вернуться к этому вопросу; необходимо быть осмотрительным. Это мне посоветовал генерал Пелье» (французский военный комендант). Хусейн Авни и другие оппозиционеры в возмущении топают ногами, их можно понять, а объявление об отъезде министра иностранных дел в Стамбул, Париж и Лондон только подливает масла в огонь.

У правительства, возглавляемого Кемалем, подобные инциденты не вызывали особого беспокойства: после обсуждения результатов встречи с Вахидеддином 156 депутатов проголосовали за доверие при восьми против и двадцати семи

воздержавшихся. И тем не менее, когда в начале мая 1922 года правительство потребовало нового обновления закона о полноте власти главнокомандующего, Национальное собрание отказалось его поддержать. Полковник Кара Васыф, бывший представитель анатолийцев в Стамбуле, прервал министра обороны: «Каковы военные планы нашей армии?» «Изгнать врага из страны», — ответил ему Кязым, товарищ по военному училищу, но Кара Васыф не верит ни слову: «Армия не способна перейти в наступление; сегодня она не имеет для этого никаких возможностей. Нас хотят обмануть с этим законом. Ни сегодня, ни завтра армия не сможет начать наступление!» Страсти накаляются, депутаты не понимают, чего хочет Кемаль, тогда как армия действительно топчется на месте. Не ищет ли Кемаль повода, чтобы просто лишить Национальное собрание своих полномочий? Когда Рауф, Февзи и Кязым сообщают ему об отказе Национального собрания, Кемаль, не присутствовавший на голосовании из-за болезни, не теряет самообладания. Армия без главнокомандующего не может существовать, и, нарушая закон, он телеграфирует конфиденциально военачальникам, сообщая им, что ничего не изменилось. Но диктатор отказывается быть диктатором и просит Национальное собрание на следующий день собраться на закрытое заседание. Кемаль не хочет быть одним из тех генералов, кто способен однажды удушить законную власть. Он не хочет соглашаться с Зией Гёкалпом, предвидящим для своей страны латиноамериканскую модель, где власть переходит из рук одного генерала в руки другому. Еще совсем недавно Кемаль заявлял, что турецкая армия полностью доверяет Национальному собранию и уважает его решения. Когда он заявил: «Я был вынужден выполнять функции главнокомандующего, чтобы не подвергать родину опасности, которую представляет отказ снова утвердить закон о полноте власти», Национальное собрание буквально взрывается от возмущенных криков оппозиционеров. Окружив Хусейна Авни и Али Шюкрю, они выхватили пистолеты и холодное оружие, выкрикивая оскорбления. Невозмутимый Кемаль бросает: «Национальное собрание — это не сельская кофейня».

Во время голосования гази выигрывает в очередной раз: он «лучше проинформировал» тех, кто голосовал накануне против, и возобновление закона получило 177 голосов «за», 11 — «против» и 15 — «воздержавшихся».

Этот эпизод очень глубоко задел Мустафу Кемаля. Как могли депутаты забыть ту роль, которую он играл с начала борьбы за независимость, что за наивность побудила их пожелать уже сейчас обойтись без военных? Он скажет это Халиде Эдип, считая,

что некоторые члены «Второй группы» заслуживают, чтобы их линчевала толпа из-за той опасности, какую представляет их безответственность. А когда гнев прошел, Кемаль повел себя как искусный политик. Если Национальное собрание опасается его диктатуры, надо его успокоить. Кемаль не возражает против проекта закона, отнимающего у него право назначать министров и ставящего на голосование пост председателя Совета министров. Он даже уговаривает Рауфа баллотироваться на этот пост. Рауф больше нравится оппозиции, рассчитывающей, что бывший морской офицер, герой, будет честным и спокойным главой правительства, умеренных взглядов, чтобы нравиться консерваторам, и достаточно энергичным, чтобы удовлетворить армию.

Рауф хотел бы возглавить Совет министров, но опасался вмешательства Кемаля: «Тогда я был бы вынужден уйти с этого поста; я считаю, что важно, чтобы ты был во главе армии». «Брат мой, — ответил ему сердечно Кемаль, — я даю тебе слово, что соглашусь с тем, чтобы председатель Совета министров формировал правительство, и я уверяю тебя, что не буду вмешиваться».

Так Рауф был избран председателем Совета министров. Второй шаг послабления: Кемаль покидает пост президента «Первой группы», который он доверил Али Фуаду.

Как в детских сказках, волк просто переоделся, замаскировался. Через несколько дней после этих уступок Кемаль в гостях у Рефета, на окраине Анкары, там же Али Фуад и Хусейн Рауф. Обстановка очень теплая, душевная, какая бывает, когда встречаются старые друзья. Предаваясь воспоминаниям, гази говорит о политическом будущем страны, об отношениях в Национальном собрании и, наконец, останавливается на теме, обжигающей ему язык: «Я знаю, как победить оппозицию, но сейчас это делать неразумно, потому что позже у нас не будет надобности делать это». Трое друзей просят его объяснить подробнее свои планы и рекомендуют усмирить страсти. Кемаль слушает, но не говорит ничего. Рефет, который обижен на Кемаля и отказался принять командование 1-й армией для наступления на западе Анатолии, не скрывает своего недовольства поведением Кемаля. Он даже упрекает Кемаля в его визитах в советское посольство, где, кажется, «вы хорошо развлекаетесь», что еще более раздражает оппозицию.

Выпады Рефета оставляют Кемаля невозмутимым: «Я внимательно прислушиваюсь к вашим советам. Завтра я представлю Национальному собранию мои идеи о будущем страны». Перед рассветом Кемаль поднимает последний стакан:

«У меня создается впечатление, что мы все довольны, а теперь давайте отдохнем, так как нам предстоит серьезная работа».

Вернувшись в Чанкая, Кемаль принимает душ и работает в своем кабинете. А через несколько часов гази прибывает в Национальное собрание в форме маршала и заявляет депутатам, что вскоре «драгоценный Измир», «прекрасная Бурса», «наш Стамбул» и «наша Фракия» присоединятся к родине-матери: «Итак, я снова займу место, отведенное мне, когда мы начали защиту нашей священной цели». Что делает Национальное собрание? Оно наделяет Кемаля всей полнотой власти, как военной, так и политической, на неограниченный срок!

«Солдаты, вперед, к Средиземному морю!»

Усмирив оппозицию, поставив Хусейна Рауфа во главе правительства, гази может полностью посвятить себя армии. Уже более месяца как он решил начать наступление. Когда в середине июня Кемаль принимал известного французского писателя Клода Фаррера, симпатизирующего туркам, он не побоялся утверждать, что война продлится совсем недолго: «Сегодня у меня есть армия», тогда как силы греческой армии подорваны дезертирством, недовольством и политическим соперничеством между сторонниками Венизелоса и короля Константина.

Кемаль не очень спешит; даже напротив, он неоднократно демонстрирует свою готовность вести переговоры с одними и другими. В последние дни июля он приглашает своего старого друга Али Фетхи в резиденцию в Чанкая. После короткого приветствия Кемаль сразу приступает к делу: «Я принял решение начать наступление. Для полного успеха необходимо избежать военного вмешательства англичан, скажем, до середины сентября. Можешь ты этим заняться? Чтобы Лондон ничего не заподозрил, лучше поезжай туда через Рим и Париж».

Али Фетхи прибывает в Лондон 15 августа 1922 года; он не спешит и даже доволен нерасторопностью англичан. «Лорд Керзон не сможет вас принять до начала сентября», — заявляют ему в министерстве иностранных дел..

Турки стараются усыпить бдительность англичан. Тогда как Фетхи отправляется в Лондон, Кемаль встречается с генералом Тауншендом. После турецкого плена Тауншенд становится депутатом и выступает против политики Ллойд Джорджа на Ближнем Востоке; естественно, националисты устраивают ему радушный прием. После беседы с Кемалем Тауншенд направляет отчет в министерство иностранных дел; английские дипломаты

не исключают скрытого смысла, когда он пишет, что Кемаль, если «на этот раз не добьется мира», хочет привлечь широкое антибританское движение, готовое ему помочь в Египте и Индии. А что думать об информации генерала о коммерческой активности французов, итальянцев и американцев в Анатолии?

После встречи с Тауншендом Кемаль направляется в Акшехир: официально — чтобы присутствовать на футбольном матче. В Акшехире он встречается с Исметом, Февзи, Кязымом и другими военачальниками, чтобы окончательно подготовиться к наступлению.

Наконец всё готово. 6 августа войска получают приказ приготовиться к наступлению. Гази уверен в успехе: он дает себе пятнадцать дней на то, чтобы изгнать греков из Анатолии. И все же кое-что, вернее кое-кто, беспокоит его — это Энвер. С момента своего прибытия в Бухару Энвер стал благодаря своему богатому воображению «эмиром Туркестана, зятем халифа, посланником Пророка» и «главнокомандующим армий ислама» и причинял большевикам много беспокойства. Его успехи побудили короля Афганистана дать ему войска[41]; к весне Энвер взял под контроль большую часть старинного бухарского эмирата и, отказываясь вступать в переговоры с посланцами Москвы, требовал, чтобы войска большевиков покинули Туркестан в течение пятнадцати дней, так как собирался «создать Великое мусульманское государство Центральной Азии». Как и Красная армия, Кемаль желал Энверу поражения. Новости прибывали медленно из далекого Туркестана, но они вселяли надежду в сторонников Энвера в Анатолии и усиливали убеждения противников и даже многих сторонников Кемаля в том, что будущее Турции — в Азии. И всё же Кемаль напрасно слишком беспокоился. Высокомерное безрассудство Энвера оттолкнуло от него некоторых союзников, а Красная армия бросила против него около десяти тысяч бойцов. На самом деле, когда Кемаль дал приказ о наступлении, Энвер был уже мертв. Его труп, оставленный на месте красноармейцами, был подобран и похоронен с почестями толпой его сторонников. Так ушел из жизни тот, кто хотел создать новую турецкую империю. Судьба забрала Энвера в тот момент, когда Кемаль был готов победоносно завершить войну за независимость. Кемаль узнает гораздо позже о гибели Энвера: только в декабре английский журналист в Москве сообщит по телеграфу о «последнем подвиге Энвера-паши».

20 августа агентство «Национальный суверенитет» на первой странице сообщает о приглашении дипломатического корпуса в резиденцию Кемаля в Чанкая. Полковник Мужен, прибывший в Анкару представлять интересы Франции, товарищ Аралов и

персидский посол, к несчастью, не будут иметь возможности оценить гостеприимство хозяина и отведать ароматного чая. Этот анонс помещен с целью маскировки отъезда гази на фронт. Оставалось всего несколько дней до даты, назначенной для начала наступления, — 26 августа.

Кемаль расположил Генеральный штаб на «высоком холме», на склоне горы, выжженной солнцем. На расстоянии шести километров находились первые траншеи греков. В греческом лагере всё спокойно; система защиты греков образует подкову, открытую на запад. Девять дивизий, около 150 тысяч бойцов, защищены системой траншей, надежность которых была недавно проверена английскими военными советниками.

В 5.30 утра тишину взорвала турецкая артиллерия, разбудив совершенно изумленных греков. Через четыре часа, когда в атаку пошли пехота и турецкая кавалерия, греческая армия всё еще не могла понять, что произошло. События развивались стремительно. Греки отступили ко второй линии обороны, которая тоже считалась неприступной. Битва при Думлупынаре завершилась 30 августа: пять греческих дивизий попали в окружение, глубокой ночью некоторые несчастные пытались бежать и укрыться на горных пастбищах.

Тогда как дивизии Северного фронта греческой армии устремились к Бурсе, три дивизии на юге, избежавшие окружения, взяли курс на Измир. Преследуемые грозной турецкой кавалерией, многие греческие солдаты не добрались до побережья. Потеряв командующего Трикуписа, взятого в плен со многими офицерами, обезумевшие от страха греки превратились в дикие банды, грабившие, поджигавшие и уничтожавшие всё на своем пути.

1 сентября Кемаль обращается к армии с лаконичным приказом: «Солдаты, ваша главная цель — Средиземное море, вперед!» И турецкая армия продвигается, день за днем освобождая Западную Анатолию.

Традиционная церемония: генерал-победитель принимает своего поверженного противника. Встреча Кемаля с Трикуписом состоялась в Ушаке 3 сентября. Гази пожимает руку противникам и предлагает им кофе и сигареты. Победитель держится просто. Трикупис не скрывает своего отчаяния. «Успокойтесь, — говорит ему Кемаль. — Вы знаете, — добавляет он с притворной лестью, — история знает немало великих военачальников, оказавшихся пленниками: например Наполеон».

Шокированный Трикупис ничего не хочет слушать: «Мои адъютанты сбежали, бросив меня; я должен покончить с собой». Кемаль решает тогда положить конец этой мучительной сцене и

поворачивается к Исмету: «Эти господа устали. Позаботьтесь о том, чтобы они смогли отдохнуть». Снова Кемаль пожал руку Трикупису: «Вы — наши гости, будьте спокойны. Скажите мне, если вы хотите чего-нибудь». — «Предупредите мою жену, она в Стамбуле».

Деревня Ниф находится примерно в тридцати километрах от Измира. Многочисленная толпа окружает машину Кемаля, гази спокойно скручивает сигарету; его близким известен этот жест, ради которого, если нужно, он может прервать беседу. Из толпы выходит мужчина, внимательно смотрит на Кемаля, затем достает открытку из кармана, изучает ее, снова сосредоточивает взгляд на живом Кемале и снова повторяет проверку. Наконец он поворачивается к толпе: «Друзья, это Мустафа Кемаль».

9 сентября 1922 года Мустафа Кемаль-паша входит в Измир.

Глава десятая
ПОЖАР

Когда в Измир вошли первые эскадроны турецкой кавалерии, в городе царила впечатляющая тишина. Корабли союзников всё еще стояли на якоре в порту. В течение трех дней греческая армия покинула город. Прибытие Кемаля, окруженного эскортом кавалерии с шашками наголо, изменило всё: толпы жителей с восторгом приветствовали его. Освобожденный турецкий Измир встречал своих героев.

Кемаль, находящийся в машине с Исметом и Февзи, не скрывал своих чувств. Они направляются к зданию муниципального совета. Он смотрит на флаг, развевающийся над крепостью Измира после сорока месяцев вражеской оккупации. Сорок месяцев…

Взгляд Кемаля, более холодный, чем обычно, обращается к приветствующей его толпе. Чего они ожидают от него? Отмщения, чтобы забыть оккупантов, их жестокую расправу над турецким населением, сожженные и ограбленные ими дома? Турки требуют мести.

Для Мустафы Кемаля подготовлена резиденция на севере залива, в комфортабельном пригороде Каршияка, называемом нетурецким населением Корделио, в честь легендарного Ричарда Львиное Сердце *(Coeur de Lion),* останавливавшегося там. Выйдя из машины, Кемаль обнаруживает греческий флаг, расстеленный на ступеньках лестницы, ведущей в дом. Удивленному генералу объясняют, что король Константин, входя в этот дом, растоптал турецкий флаг. Кемаль с трудом скрывает отвращение; он ведь даже пожал руку побежденному Трикупису, что отказались сделать Исмет и Февзи. «Это было ошибкой, какую я не совершу. Флаг — это гордость и честь нации. Его нельзя швырять на землю и топтать. Уберите флаг!»

Такой акт благородства гази едва ли был понят. В этом израненном городе турецкие войска не смогли поддерживать порядок. Участились грабежи и жестокая расправа с нетурецким населением, тем более что командующий турецкими войсками Нуреддин-паша, известный своей независимостью и жестокой решительностью, распорядился выселить греков и армян из города. В городе началась паника; тысячи людей устремились в порт. Между турками и иностранными представителями, гражданскими и военными, — полное непонимание: но разве французы и англичане проявляли какую-либо инициативу, когда

с турками жестоко расправлялись греки?

Горящий Измир

Насколько Кемаль озабочен драмой, происходившей в Измире в начале сентября 1922 года? Как отмечает в своем дневнике Халиде Эдип, 10 сентября гази пребывал в хорошем настроении. В этот день он познакомился с молодой женщиной по имени Латифе. Она вернулась из Франции, где изучала право, как сообщил Кемаль Халиде и добавил доверительно: «У нее на шее небольшой медальон с моим портретом». Паша решает, что Латифе влюблена в него, пишет Халиде Эдип, но в него влюблены все женщины.

Латифе решительно ворвалась в жизнь Кемаля. Прорвавшись через преграду его адъютантов, распахнув дверь его кабинета, она предстала перед гази 10 сентября 1922 года. Прежде чем Кемаль успел отреагировать, молодая женщина в черном пальто и сиреневой шляпе с вуалью представилась: «Меня зовут Латифе, я — старшая дочь Муаммера Ушакизаде (знатного жителя Измира). Я пообещала, что поцелую вашу руку», — добавляет она, сопровождая слова жестом. Латифе двадцать четыре года, но она выглядит старше, невысокая брюнетка, она восполняет недостаток физической красоты подкупающим шармом европейских манер. Владея французским, как француженка, много путешествуя по Европе, овладев таинственными секретами «общества», будущая супруга Кемаля заняла бы достойное место в любом салоне Парижа или Лондона.

В кабинете Кемаля Латифе с увлечением рассказывает о своей огромной радости в связи с победой при Сакарье, о своем стремлении вернуться в Измир, покинув семью в Биаррице, о своих злоключениях с греческими властями, которые приняли ее за шпионку националистов. Затем она признается гази, что носит на груди его портрет, вырезанный из французского журнала. Кемаль не может устоять перед подобным преклонением.

Расставив любовные сети, Латифе ловит свою жертву: «Я хочу пригласить командующего армией к нам, в наш дом». — «Очень хорошо, поговорите с Нуреддин-пашой, это он командует армией, вошедшей в Измир». — «Нет, я хочу пригласить главнокомандующего — Мустафу Кемаль-пашу!» Победа оказалась легкой; Кемаль соглашается переехать в дом Ушакизаде в Гёзтеп.

Переезд в Гёзтеп происходил в обстановке неописуемого беспорядка, вызванного пожаром: Измир был объят пламенем 13

сентября. Пожар возник одновременно в нескольких местах; водопровод был перекрыт, порывы ветра были необычайной силы, поэтому борьба с огнем была тщетной. За три дня и три ночи город исчез в огне пожаров. Сгорело 20 тысяч домов; уцелел только турецкий квартал. Тысячи горожан, спасаясь от огня, поспешили на набережную. Давка была невообразимая. Многие из тех, кто кидался в море, надеясь найти спасение на кораблях союзников, утонули. Говорили, что американские и английские моряки включали граммофоны, чтобы не слышать крики несчастных, молящих о помощи.

Естественно, обвиняли турок в том, что они спровоцировали пожар и не боролись с ним, чтобы очистить Измир от иностранной оккупации и его населения: разве не уцелел только турецкий квартал? С психологической точки зрения подобное обвинение понятно, но турки отрицали какую бы то ни было причастность. Даже напротив, они обвиняли греков и армян в том, что те намеренно подожгли город, чтобы не отдать это сокровище победителям. Принимая адмирала Дюмесниля, командующего французской эскадрой, стоящей в Измире, Кемаль объяснял: «Мы знаем, что существовал заговор. Мы даже обнаружили у женщин-армянок всё необходимое для поджога. Мы арестовали нескольких поджигателей. Перед нашим прибытием в город в храмах призывали к священному долгу — поджечь город».

Правда, по всей вероятности, так и останется погребенной в руинах Измира. Берта Жорж-Голи, вернувшаяся из Измира в начале октября, была всё же недалека от истины, когда писала: «Кажется достоверным, что, когда турецкие солдаты убедились в собственной беспомощности и видели, как пламя поглощает один дом за другим, их охватила безумная ярость и они разгромили армянский квартал, откуда, по их словам, появились первые поджигатели».

Спровоцированный турками или их противниками пожар в Измире глубоко огорчил гази. Один из турецких офицеров рассказывал Берте Жорж-Голи: «Мы никогда не видели Мустафу Кемаля с настолько изменившимся лицом. Казалось, это ужасное событие, столь омрачившее победу, повергло его в оцепенение. Без слов, без жестов он смотрел, как горит то, что ему удалось взять неповрежденным, чем он так гордился. Он вспоминал об опустошенных территориях, по которым он прошел, стремясь скорее взять Измир. Он наблюдал, как в дыму исчезало всё то, что еще не превратилось в руины. На этот раз Анатолия потеряла надежду немедленного возрождения».

При встрече с адмиралом Дюмеснилем Кемаль выглядит более спокойным; он ограничивается тем, что называет пожар

«неприятным инцидентом». Дюмесниль отмечает про себя слишком слабое определение произошедшего, но добавляет, что «пожар — всего лишь эпизод», мало значимый по сравнению с войной.

Если, как указывает Берта Жорж-Голи, турки ответственны за возникновение пожара, это событие нисколько не волнует Нуреддина. Этот генерал уверен, что Анатолия может обходиться собственными средствами, и его возмущает, что Кемаль решил направить главные силы к Измиру, вместо того чтобы идти прямо к Дарданеллам.

Что же касается Кемаля… Сцена происходит на балконе дома в Гёзтепе: луна освещает силуэты Кемаля и Латифе, тогда как пламя пожара продолжает поглощать Измир. Если верить Исмету Боздагу, написавшему книгу о любви Кемаля и Латифе, гази произнес: «В день прибытия я сказал Рушену Эшрефу, что буду очень сожалеть, если мы нанесем ущерб этому прекрасному городу, освобождая его… А сегодня он горит на моих глазах».

Латифе его успокаивает, она говорит о том, что ему удалось реализовать свою мечту, что турецкий флаг раскрылся, словно цветок, на вершине крепости — какой символ! Она говорит о будущем родины, о радости быть у себя дома. «Мой паша, я готова быть вашей рабыней до конца дней», — склоняет Латифе голову на грудь гази. «Для меня ты не Латифе, дитя мое; ты будешь Латиф…» Если у *слова Latife* — «шутка» убрать окончание «е», то получается *Latif* — «знак красоты, божественности».

Перемирие

Кемаль влюблен. В белом костюме или кавказской рубашке он принимает друзей в «Белом доме» Гёзтепа. Одна вечеринка следует за другой, друзья вспоминают Салоники, под звуки фарандолы мужчины, положив руки на плечи друг друга, исполняют танец.

Кемаль буквально околдован и делится своими мечтами с Хусейном Рауфом и Али Фуадом: «После войны мы приобретем небольшой участок на эгейском побережье с виноградником, курами и заживем как петухи!» Друзья с изумлением посмотрели друг на друга. Не ослышались ли они, и это говорит Мустафа Кемаль, тот Кемаль, кто еще несколько недель назад отвергал советы Халиде Эдип отдохнуть и обещал бороться с оппозицией после поражения греков?

Рауф и Фуад, каждый по-своему, пытаются напомнить ему о суровой реальности, об оппозиции, о трудностях при обсуждении

будущего бюджета, о воинственном настрое тех, кто хочет без промедления направить армию на Стамбул, о том, какой риск представляет война с англичанами.

В самом деле, сейчас не время предаваться мечтам. На севере турецкие войска подошли к Дарданеллам, к границе нейтральной зоны, недавно созданной англичанами, чтобы отделить турок от греков. Греки покинули Анатолию; 20 сентября греческий Генеральный штаб объявил о «конце операций в Малой Азии». Если французы и итальянцы вывели свои немногочисленные войска из нейтральной зоны, то англичане, вопреки указаниям из Лондона, остались там: в Чанаккале турецкие и английские солдаты столкнулись лицом к лицу, готовые вступить в бой.

Кемаль неоднократно повторял, что он не сражается с англичанами, его интересует только одно — Национальный пакт. Но задета британская честь, и Черчилль, убежденный, что турки готовы начать наступление 30 сентября, требует у своих представителей в Стамбуле предъявить туркам ультиматум. Но всё же англичане понимают, что туркам невыгодно сражаться с ними, им достаточно развернуть позиции войск к Стамбулу. Их главная цель — перемирие, предложенное Кемалю Пуанкаре, Керзоном и Сфорца.

Кемаль медлит с принятием окончательного решения. 29 сентября, после приватных бесед с Франклен-Буйоном, он наконец дает согласие. Он лично соглашается с принципом перемирия вопреки мнению всех, гражданских и военных депутатов, кто кричит: «На Стамбул!» Он покидает «Белый дом» Гёзтепа, Латифе не сопровождает его. Их близость очевидна: молодая женщина теперь подруга гази, но отказывается стать его любовницей. А Кемаль выдвигает «свои принципы»: он поклялся, что не женится до тех пор, пока не добьется своей главной цели. Латифе, в свою очередь, тоже говорит о своих принципах, даже если они плохо маскируют ее амбиции. Юная женщина отвечала офицерам, предлагавшим ей руку и сердце: «Я выйду замуж только за самого главного мужчину в стране!» «Но это султан!» — воскликнул один из них. «Ну что ж, тогда я выйду замуж за него!»

Переговоры о перемирии проходят на берегу Мраморного моря, в пригороде Муданьи: с одной стороны — Харингтон, Шарпи и Монтелли, с другой — Исмет. Командующий Западным фронтом был назначен главой турецкой делегации. Этой чести он был удостоен не потому, что имел опыт подобных переговоров с болгарами в 1913 году. Кемаль доверил ему эту миссию, так как был уверен, что Исмет будет точно следовать его указаниям и не проявит никакой неуместной инициативы.

Всем журналистам, поспешившим в Измир взять интервью у

Кемаля, всем военным и дипломатам гази заявил: Восточная Фракия вплоть до реки Марица должна принадлежать Турции, а греки должны эвакуироваться оттуда в течение тридцати дней после заключения перемирия.

Переговоры превратились в дуэль между Харингтоном и Исметом: и тот и другой принадлежали к касте военных, тех, кто любит вести переговоры. «Вы хотите Стамбул, — заявил Харингтон, — но этим городом очень сложно управлять». Исмет улыбается в ответ: «Мы сможем справиться, ведь это наша страна».

Упрямый Харингтон не собирается уступать туркам. Исмет тогда получает приказ Кемаля прибегнуть к угрозе: турки готовы начать наступление. И Кемаль не блефует. Он только что подтвердил Национальному собранию, что страна хочет жить в мире, что настал час для развития и процветания родины. Но если нужно вступить в бой в последний раз, турки будут сражаться. 7 октября Монтелли и Шарпи соглашаются с требованиями турок. Тогда Харингтон покидает стол переговоров; вернувшись через два дня, он делает последнее предложение: союзники временно оккупируют Фракию, а турки покинут свои позиции на Дарданеллах и полуострове Измит. В результате на шестой день переговоры зашли в тупик. Возобновление враждебных отношений неминуемо: тогда как Дамат Ферит-паша и король Константин признали свое поражение, причем первый бежал в Ниццу, а второй отрекся от престола, Лондон дает несколько часов Харингтону, прежде чем открыть огонь по туркам.

Всё решается в Анкаре Кемалем, довольным, что отказался возглавить турецкую делегацию на переговорах, а, напротив, остался сдерживать волнения парламентариев, спешивших давать ему советы. Кемаль внимательно перечитал отчеты и телеграммы, присланные ему Исметом. В одной из телеграмм от Франклена-Буйона его внимание привлекла одна фраза: Франция поддержит требования турок на предстоящей мирной конференции.

10 октября он телеграфирует Исмету, требуя подписать договор о перемирии. Кемаль принял решение; он повторяет дословно то, что заявил в Национальном собрании на прошлой неделе: «Миссия нашей армии завершена. Теперь необходимо урегулировать проблемы дипломатическим путем». Возмущенные парламентарии вопят о том, что у них украли победу.

11 октября 1922 года в 6 часов утра перемирие было подписано в Муданье. Мудрос и Севр остались позади! Но окончательный мирный договор еще не подписан, и Стамбул остается оккупированным.

Через пять дней Кемаль прибывает в Бурсу. Город, избежавший разрушения войной, устроил ему восторженную встречу: население Бурсы воздавало должное генералу.

В зале «Востока», большого кинотеатра Бурсы, собрались семьсот сирот, прибывшие из Стамбула, их окружают взволнованные преподаватели и преподавательницы, все в черном. А на сцене — военные командиры: Февзи, Исмет, Кязым Карабекир, приехавший с другого конца Анатолии, все они в парадной форме. Только Мустафа Кемаль предпочитает охотничий костюм, в каком он был в Анкаре.

Кемаль застыл в торжественной позе перед огромным турецким флагом. Все участники взволнованны, женщины плачут. Наконец он обращается к присутствующим: «Мы выиграли великую битву, необычайно тяжелую и сложную. Тем не менее это еще ничего не значит, если вы не придете на помощь, чтобы выиграть сражение за образование». Кемаль поворачивается к мужчинам: «Если отныне женщины не станут принимать активного участия в жизни общества, если мы не изменим радикально наши обычаи, мы никогда не добьемся подлинного развития. Мы останемся навсегда позади, неспособные общаться на равных с цивилизацией Запада». Под бурные аплодисменты Кемаль продолжил: «Оставайтесь самими собой, но сумейте взять у Запада то, что необходимо для жизни цивилизованных людей. Пусть в вашу жизнь войдут наука и новые идеи; в противном случае Запад поглотит нас».

Вслед за Кемалем другие генералы, а за ними интеллектуалы из его окружения выступили с короткими речами, а затем происходит удивительная сцена. Сидящие на сцене и в зале смешались, Стамбул и Анатолия соединились, преподаватели, учащиеся, военные, рядовые и герои войны слились в шумную, беспорядочную толпу, и только ходжи, начав читать молитву, восстановили тишину. А за стенами кинотеатра дул резкий, горячий ветер. Вооруженная борьба завершилась; начинается другая война.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НАСТАВНИК

Глава первая
ПАДЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ДИНАСТИИ

28 октября 1922 года Фредерик Гадмер отплывает из Марселя в Стамбул. Его направляет в Турцию Альберт Кан[42] для пополнения своих знаменитых «Архивов планеты». В течение трех месяцев Гадмер снимал Стамбул, Фракию и Анатолию, затратив 2200 метров пленки.

За двадцать лет с начала XX века столица Турции сильно изменилась, причем некоторые даже критиковали происходящие перемены. Например, Луи Бертран жаловался, что после 1908 года «на Большом базаре в Константинополе шум сотен швейных машинок стал несносным». Камера Гадмера снимает один квартал за другим, демонстрируя современный город, европейский квартал Пера и главную улицу, неумелую копию Больших бульваров Парижа. Но это лишь небольшой островок в общем ансамбле, сохранившем национальные традиции. Женщины редко встречаются на улицах, а когда появляются, то их лица и фигуры скрыты чадрой. Горожане передвигаются в основном пешком или на двуколках, изредка можно увидеть трамвай. Камера Гадмера, запечатлев современный Стамбул, высветила тот урон, что был нанесен столице Первой мировой войной и войной за независимость. Главная улица Пера пуста, а активность порта Стамбула снизилась на две трети с 1914 года.

Еще более грустную картину Гадмер наблюдает в Анатолии, хотя и пытается найти наиболее живописные кадры, свидетельствующие о модернизации. Во всех городах, посещенных Гадмером, деревянные дома, грунтовые дороги и очень ограниченная экономическая активность: несколько мастерских, ремесленников, но в основном слоняющиеся без цели и работы мужчины. Анатолия в разрухе: Биленджик в руинах, Кюплю стёрт с лица земли, Афьон-Карахисар разорен, Маниса разрушена. Железная дорога между Стамбулом и Анкарой с трудом восстанавливается; многие вагоны и локомотивы, искореженные взрывами, лежат на земле. Кемаль, заснятый камерой на заседании кабинета министров, выдвигает гигантскую задачу: восстановить страну и построить современную Турцию.

В течение двух дней турецкая часть Стамбула готовится к празднику. Красные знамена со звездой и полумесяцем, плакаты, славящие национальную армию, патриотические выступления в прессе, всё готово для торжественной встречи представителя Анкары — Рефет-паши. На всем пути от дебаркадера на берегу

Босфора до мечети султана Мехмета Завоевателя на противоположном конце города Рефета встречает восторженная толпа, воздавая ему должное как освободителю города, оккупированного в течение четырех лет. Рефет наслаждается этими моментами славы и огромной радости.

Ожидал ли он такой же теплой встречи от стамбульских властей? Представитель султана, великого визиря и министры — все прибыли с поздравлениями. Рефет отвечает им, тщательно подбирая слова. Он напоминает, что «спасение цитадели халифата было одной из наших важнейших задач», и просит передать свои глубокие религиозные чувства и почтение высшему духовенству халифата. Заметил ли кто-нибудь, что представитель Анкары ни словом не упомянул ни султана, ни султанат?

И всё же головы падут!

Рефет не тратит время даром и вскоре уточняет позицию Анкары. 22 октября, через три дня после прибытия в Стамбул, он выступает в университете и заявляет, что нация спасена не одним человеком, а идеей о национальном суверенитете. Султанат — это вся нация, добавляет он. Нам нужна не монархия, не республика, а правительство, отстаивающее национальный суверенитет, и халифат, освобожденный от властных полномочий.

Идея убрать султана, но сохранить халифат, не нова. В ходе войны за независимость дипломаты и спецслужбы неоднократно сообщали о будущей реализации этого проекта. Фрунзе, прибывший в Анатолию в начале 1922 года, отмечал: «Для турок султан не более важен, чем прошлогодний снег. Это касается не нынешнего султана Мехмета VI, а самой идеи султаната. За три года страна научилась жить без него и убедилась, что в его отсутствие мир не рухнул». Но в последние шесть месяцев слухи о близком конце правления султана разрастались. В конце сентября представитель Анкары в Стамбуле заявил французскому военному коменданту генералу Пелле о предстоящем смещении Вахидеддина и замене его правителем, избранным Национальным собранием. Через три недели спецслужбы информировали Пелле о том, что Кемаль советовался с рядом губернаторов о будущем способе управления страной и что губернатор Зонгулдака, например, предложил разделить султанат и халифат.

Почва была подготовлена. Не хватало одного: веского повода, чтобы претворить в жизнь этот амбициозный проект Кемаля, сделать этот шаг неизбежным. Кемаль знал, что такой случай

представится; наиболее сложно набраться терпения и выждать.

И случай не заставил себя долго ждать. 25 октября Вахидеддин принимает французского военного коменданта и жалуется на недопустимые претензии «молодых людей из Анкары». Он изобличает явное «влияние большевиков» в выступлениях делегатов Национального собрания и критикует их концепцию национального суверенитета, что, по мнению султана, не соответствует ни социальному положению, ни традициям турецкого народа, ни религиозным законам. «Я не смирюсь с ролью римского папы… Халиф должен стоять на страже закона», — добавляет султан. Тридцать седьмой падишах утратил свою самоуверенность, его стройная фигура сгорбилась, а близорукие глаза моргали, когда он стал клянчить: «Турция для вас более важна, чем Сирия». Затем, намекая на приглашение Лондона, направленное Стамбулу и Анкаре, Вахидеддин стал просить о вмешательстве Пелле, чтобы только одна делегация, возглавляемая представителем дворца, представляла Турцию на мирной конференции. Возможно, дипломатическая осторожность Пелле вселила в султана надежду, и 29 октября великий визирь телеграфирует Мустафе Кемалю, предлагая отправить на мирную конференцию одну общую делегацию, состоящую из представителей Стамбула и Анкары.

В этот же вечер Кемаль приглашает в Чанкая Февзи и Фетхи. Во время продолжительного ужина они много говорят о мирной конференции, запланированной на 13 ноября в Лозанне. Внезапно гази произносит вещую фразу: «Час настал. Сначала мы разделим султанат и халифат, а затем упраздним султанат, доказав, что верховная власть нации принадлежит Великому национальному собранию». Обращаясь к Фетхи, он добавил: «Позаботься о том, чтобы Совет министров поддержал это единогласно». Сначала озадаченный, Фетхи быстро пришел в себя: «Завтра перед заседанием Совета министров поговорим с Рауфом, выскажем ему наши доводы. С ним обязательно надо обсудить это, ведь он — председатель Совета министров».

Рауф удивлен, его большие черные глаза утратили свой ироничный блеск: для него настали нелегкие времена. Он надеялся возглавить турецкую делегацию в Лозанне в сопровождении министра иностранных дел Юсуфа Кемаля. Но Кемаль решил отправить в Лозанну Исмет-пашу вопреки мнениям многих, в том числе и самого Рауфа. Бедный Рауф, ему следовало заподозрить, что старый друг, несмотря на обещания, не сдержит своего слова! Многие также считали, что Рауф не вполне поддерживал идею об упразднении султаната. Кемаль в своих «Воспоминаниях» отмечает, как во время одной из бесед Рауф

якобы заявил о своей преданности «трону и халифату».

И всё же 30 октября Рауф поднимается на трибуну, чтобы осудить телеграмму великого визиря, и подписывает с Мустафой Кемалем, Фетхи, Али Фуадом, Аднаном, Кязымом Карабекиром и семьюдесятью пятью другими депутатами резолюцию, предлагающую упразднение неограниченной власти монарха, создание государства, управляемого Великим национальным собранием, и поддержку халифата. Около тридцати депутатов клеймят с трибуны самодержца и предателя родины — Вахидеддина. При голосовании резолюцию поддержали 132 депутата из 136. Кемаль поднимается на трибуну, но не торжествует по поводу результатов голосования. Дебаты возобновляются 1 ноября. Кемаль произносит в этот день одну из лучших своих речей. Он напоминает славные страницы турецкой истории, когда «Турция <…> отправляла послов в Китай и <… > принимала послов из Франции», когда было создано огромное государство в Центральной Азии, когда турки продвигались на запад, всё больше расширяя границы своих владений. Какое место занимает османский падишах в этой многовековой истории? Второстепенное. И Кемаль обращается к аудитории: «Кто согласился обречь на смерть Турцию, лишив независимости Турецкое государство и уничтожив честь и славу турецкого народа?» «Вахидеддин, Вахидеддин!» — отвечали ему слушатели. «Да, Вахидеддин, тот, кто, к несчастью, правитель, султан, падишах и халиф!» — «Да опечалится Аллах!» Заключение готово: с халифом без властных полномочий, избранным Национальным собранием, исламское турецкое государство будет счастливейшим на земле!

Резолюция, упраздняющая султанат, направляется в комиссию. В небольшом зале собрались члены трех комиссий, и дебаты продолжились. Оппозиция всё больше сомневается в истинных целях Кемаля. Религиозные представители опасаются нарушения шариата. Кемаль, сидя в углу, внимательно слушает. Он явно удивлен и обеспокоен: он предложил революцию, а ему отвечают академической дискуссией. Ученики не поняли проблемы, и профессор снова обращается к ним, пытаясь объяснить секреты суверенитета и власти: «Суверенитета добиваются силой, а власти — насилием <…> В настоящий момент нация взбунтовалась против узурпаторов <…> Это реальность. Это факт, который должен быть принят без каких-либо условий. И он будет неизбежно реализован. Если собравшиеся здесь, Национальное собрание и другие считают это естественным, очень хорошо. В противном случае реальность проявит себя каким бы то ни было образом, и в этом случае

вполне вероятно, что некоторые головы могут пасть…» Кемаль сопровождает последнюю фразу красноречивым жестом правой рукой, который понятен каждому. Президент комиссии, ходжа, принес извинения за то, что они рассматривали этот вопрос несколько в ином свете.

Дело завершено, хотя и не без нажима. Некоторые депутаты предложили поименное голосование. «Бесполезно, я уверен, что Высокое национальное собрание единогласно примет принципы, направленные на сохранение независимости нации и страны навсегда». Кто-то из депутатов снова высказался за голосование. «Принято единогласно!» — повторил Кемаль, хотя один из депутатов все-таки осмелился высказаться против. 1 ноября 1922 года в 18 часов 30 минут султанат был упразднен.

Побег султана

Через два дня Кемаль принимает ближайших соратников в Чанкая. Час эйфории прошел, теперь они задумываются над тем, как отреагируют турки и иностранцы, особенно мусульмане, на происшедшее.

Исмет и Февзи считают, что реакции не будет. Пока не возникло никакого движения в поддержку монархии, но в Стамбуле Вахидеддин отказывается от отречения: он — султан-халиф и останется султаном-халифом. Его брат Абдул-Хамид пытался сопротивляться реформаторам, выступавшим за конституцию в 1876 году, и младотуркам в 1908–1909 годах, но у Абдул-Хамида была армия, а у Вахидеддина ее больше нет, тем не менее последний султан имел еще титул халифа.

В Чанкая Мустафа Кемаль обращается к Фетхи: «Из всех нас ты дольше других оставался в Стамбуле, что, по твоему мнению, произойдет?» Фетхи считает, что правительство великого визиря Тевфик-паши уйдет в отставку. Что на самом деле и произойдет 5 ноября. «Я думаю, — продолжал Фетхи, — что Вахидеддин покинет страну. Наиболее вероятно, что он найдет убежище в Англии. Англичане не могут пренебречь политическим весом халифата, учитывая многомиллионное мусульманское население их колоний, начиная с Индии. Война вызвала политические и социальные перемены, и британцы должны стараться устранять всё, что может морально и материально ранить мусульман». И Фетхи заключает, поддержанный Кязымом Карабекиром и Фуадом: «Предположим, что Вахидеддин сбежит к англичанам, и постараемся этим воспользоваться!»

Кемаль молчит. Если Фетхи прав, достаточно выждать или

спровоцировать ошибочный шаг свергнутого султана; но если он проявит упрямство и не захочет расставаться с дворцом, Кемаль окажется в довольно щекотливой ситуации: придется судить «предателя» Вахидеддина, убеждать мусульманский мир, что они осуждают султана, а не халифа. Предстоят трудные и опасные дни.

Последующие события вселяют уверенность в Кемаля, если он вообще в этом нуждался. Не успел Тевфик-паша и возглавляемое им правительство уйти в отставку, как Рефет тут же заявляет, что население столицы теперь должно подчиняться Национальному собранию, и объявляет властям союзников, что министерства в Стамбуле превращаются в отделы, подчиняющиеся Анкаре. Продолжая в том же духе, он требует вывода войск союзников из зоны Стамбула и даже решает диктовать условия перемещения боевых кораблей. Какое безумие! «А как же перемирие в Муданье, не предусматривающее вывода войск союзников?» — спрашивают военные коменданты. «А Мудросское перемирие?» — добавляют они. Рефет, светский по своей природе и менее радикальный, чем требуют инструкции, на этот раз подчиняется победной логике националиста, растоптавшего режим, ставший синонимом упадка и предательства. Перед ним военные коменданты с их традиционным отношением к османам, они находятся здесь, чтобы защищать свои эгоистические интересы, свободное передвижение по проливам Босфор и Дарданеллы, чтобы обеспечить безопасность 350 тысяч христиан, находящихся в Стамбуле.

Один мир рухнул, другой утверждается, а Стамбул потрясает одно событие за другим. Манифестация националистов жестоко подавлена британской полицией, при этом один турок убит. На следующий день при выходе из здания, где заседали сторонники Вахидеддина, публицист Али Кемаль был похищен кемалистами и препровожден в Измит. Али Кемаль, решительный противник националистов, понимал, какой опасности он подвергает себя, но отказался покинуть страну; когда же он узнает, что его переправляют в Анкару по распоряжению Кемаля, он успокаивается. Его главной целью всегда было спасение родины, и разве можно упрекнуть его в том, что он предпочитал иные средства, чем националисты? Не собираются ли судить его за то, что он писал: «Что может быть общего между анатолийцем и Мустафой Кемалем, героем Мировой войны, привыкшим к роскоши и удовольствиям в посольствах и „Пера Паласе“ и не хранящим никаких других воспоминаний о Салониках, кроме как об удовольствиях и разврате?» Али Кемаль никогда не прибудет в

Анкару; в Измите, выходя от Нуреддин-паши, он был растерзан толпой, среди которой были полицейские и военные в штатском.

А 9 ноября на вокзале Сиркеджи собралась впечатляющая толпа проводить в Лозанну турецкую делегацию, возглавляемую Исмет-пашой. В то же время собрались военные коменданты и генералы союзных войск, чтобы обсудить возможность объявления осадного положения. Несмотря на мнение Харингтона, что 24 тысячи солдат союзников не смогут противостоять 160 тысячам турок, английский военный комендант Румбольд сумел навязать решение об осадном положении и добиться одобрения Лондона и Парижа.

Ситуация оказалась критической, так как Стамбул, который оккупанты хотели объявить на осадном положении, покидает его исторический владыка — султан. 6 ноября французский военный комендант Пелле узнает, что его британский коллега Румбольд встречался с Вахидеддином по поводу его отъезда. Через неделю морской адъютант султана получает срочную депешу от Харингтона: немедленно приезжайте повидаться со мной, только тайно. «Ситуация в стране очень усложнилась, — говорит ему при встрече британский генерал. — Если падишах захочет уехать, мы можем переправить его на Мальту. Он сможет вернуться, когда ситуация изменится к лучшему». Адъютант спешит во дворец и просит аудиенции у султана, главный камергер Фахри проводит его к Вахидеддину. Экс-султан встречает его в домашнем халате, взгляд его усталый и растерянный. Он выслушал адъютанта и произнес только четыре слова: «Вы можете быть свободны».

Фахри спешит в свой кабинет и пишет рапорт Хусейну Рауфу, своему бывшему командиру, который устроил его во дворец старшим камергером султана. Он относит рапорт Рефету с просьбой переслать его в Анкару как можно скорее. Сделал ли это Рефет?

17 ноября Рефет отправляет в Анкару следующую телеграмму: «Этой ночью Вахидеддин <…> исчез из дворца. Я направил во дворец начальника полиции и командующего войсками Стамбула, чтобы уточнить ситуацию… Имею честь передать Вам также письмо и заявление генерала Харингтона».

«Мы официально заявляем, — пишет Харингтон, — что Его Императорское Величество по причине опасностей, угрожающих в настоящее время его жизни и свободе, попросил британской защиты как халиф всех мусульман; одновременно Его Императорское Величество решил покинуть Константинополь. Его желание исполнено этим утром…» За несколько часов до этого Харингтон прибыл, чтобы встретиться с султаном в одном из укромных уголков императорского сада. Вахидеддин,

сопровождаемый сыном Эртогрулом, сел в машину, а его главный камергер, главный дирижер императорского оркестра, врач, главный парикмахер, дворецкий и слуга, ответственный за трубки и табак, втиснулись во вторую машину.

Под мелким дождем машины проследовали по улицам, тщательно охраняемым британскими солдатами, и прибыли на берег Босфора; пассажиры поднялись на катер, доставивший их на борт английского крейсера «Малайя». Там Вахидеддин был встречен командующим британским флотом на Средиземном море и поверенным в делах англичан в Стамбуле. Султан взял с собой Коран и три тысячи турецких фунтов. Бывший султан прибыл на Мальту, а затем принял приглашение Хусейна, короля Хиджаза, того, кто когда-то возглавил восстание арабов против турок! Уставший и постаревший Вахидеддин всё-таки нашел в себе силы, чтобы обратиться с посланием к мусульманскому миру. Жалкий текст обращения, полный вранья и лицемерия, — это вопль человека, неспособного понять и признать свои ошибки. До самой смерти в Сан-Ремо 15 марта 1926 года он, впрочем, будет продолжать называть себя халифом.

17 ноября 1922 года, на следующий день после побега султана, его двоюродный брат Абдул-Меджид, наследный принц, согласился с предложением, переданным ему Рефетом: стать халифом, избранным Национальным собранием. Новый халиф ограничился только одним требованием: он не будет судить Вахидеддина. В то же время он не стал оспаривать права Национального собрания избирать нового халифа для всего мусульманского сообщества, хотя некоторые депутаты выступили против этого. 20 ноября 1922 года Абдул-Меджид был провозглашен халифом мусульман и хранителем святых мест, интронизация проходила в соответствии с традиционной церемонией в присутствии делегации Национального собрания. Единственным отступлением по требованию кемалистов было то, что новый халиф был облачен во фрак (его турецкий вариант) вместо исторической мантии, унаследованной от султана Мехмета, покорителя Византии.

Фетхи не ошибся. Кемаль выиграл с поразительной легкостью. Без насилия, без жестокости, предоставив Рефету роль пикадора, — таков был метод Кемаля. Вахидеддин — не чета своему брату Абдул-Хамиду, да и ситуация в 1922 году резко отличалась от той, что была в 1908–1909 годах. Султан настолько быстро был лишен законной власти, что не мог, как Людовик XVI, призвать иностранные государства выступить против своей страны. Но на месте гази многие «цареубийцы» избрали бы прямое противостояние и вместо того, чтобы устранять

Вахидеддина, назначая халифом Абдул-Меджида, сами поспешили бы занять трон. Успех гази был обеспечен. Впрочем, после побега Вахидеддина анатолийские крестьяне верили, что Мустафа Кемаль стал султаном.

Кемаль предоставляет другим материальную компенсацию и титулы; он предпочел позволить говорить о том, что отказался от титула султана, не уточняя, кто ему его предлагал, — и пошел дальше. Кемаль как-то признался Мужену, представителю посольства Франции в Анкаре, на следующий день после 1 ноября: «Примером служит Великая французская революция; правда, мы отстаем на полтора века». Но Кемаль не любит отставать. И каждый знает, что французская революция, упразднив королевскую власть, создала республику.

Глава вторая
В ПОИСКАХ ПОДДЕРЖКИ НАРОДА

Три депутата «Второй группы», составляющей оппозицию, — полковник, журналист и юрист, 2 декабря 1922 года защищали в Национальном собрании проект закона, согласно которому депутатами могут быть только лица, родившиеся в пределах настоящих границ Турции или прожившие не менее пяти лет в одном из турецких городов.

Этот законопроект был направлен против Мустафы Кемаля, родившегося в Салониках. Разъяренный Кемаль поднимается на трибуну и пытается отразить вероломную атаку: «Да, я рожден за пределами настоящих границ, но это не является ни моим выбором, ни моей ошибкой <…>. Если бы я стремился следовать этому законопроекту, то не стал бы защищать Арыбурну и Анафарту, что нам позволило сохранить Стамбул. Если я должен был бы жить в течение пяти лет в одном и том же городе, то не смог бы сражаться с врагом, угрожающим Диярбакыру после того, как были захвачены Битлис и Муш. Если бы я попытался выполнять условия, предложенные этими господами, я не смог бы сформировать армию в Алеппо <…>. Я верю, что своими действиями завоевал симпатию и любовь своего народа и, возможно, всего мусульманского мира».

Проект был направлен в комиссию да так там и остался. Кемаль победил. Но сам факт, что «Вторая группа» не только подготовила такой проект, откровенно враждебный гази, неуважительный к тому, что он сделал для родины, но и осмелилась представить его, свидетельствует о болезненной ожесточенности политического климата. И то, что проект был направлен на рассмотрение комиссии, естественно, не решит всех проблем.

Политические распри

Перемирие и упразднение султаната открыли ящик Пандоры. Навязывая перемирие, отправляя Исмет-пашу на конференцию в Лозанну, добиваясь отмены султаната, Кемаль всё повышал тон и принуждал своих ретивых партнеров принимать решения по его собственному выбору. В ходе войны за независимость окружающие мирились с его жестокостью, напором, надменностью, так как он был наилучшим, и в конечном счете

задача победить была общей для всех. Но сегодня ситуация изменилась. Оппозиция нападает на Кемаля непрерывно и беспощадно. Между ними, забывшими, кем бы они стали, если бы Кемаль не возглавил национальное движение, и Кемалем, твердо решившим идти дальше, чего бы это ни стоило, диалог очень сложный. В настоящий момент Кемаль вынужден занимать оборонительные позиции под перекрестным огнем сражений в Стамбуле, Лозанне и Анкаре.

Новый халиф через неделю после своего избрания на этот пост проявляет желание играть важную политическую роль. Абдул-Меджид довольно быстро завоевал определенный авторитет. Его выезды на религиозные церемонии каждую пятницу в экипаже с четверкой белых лошадей производили должное впечатление. Когда Абдул-Меджид не занят молитвами, он проводит встречи, принимая иностранных дипломатов, Рефета, с которым у него устанавливаются настолько добрые отношения, что это заставит Кемаля заменить Рефета, наконец, он встречается с Кязымом Карабекиром и Рауфом.

Эта чрезмерная активность нового халифа раздражает Кемаля. Он заявил в день избрания халифа и повторяет при любом удобном случае, что национальный суверенитет не делится на части, он принадлежит нации, и только ей одной; ему хотелось бы добавить, что Турция не нуждается в халифе, но он пока не решается заявлять об этом не только публично, но даже в приватных беседах. Кемаль прекрасно понимает, что общественное сознание еще не созрело для подобных перемен. Даже напротив, некоторые депутаты требуют организовать политические контакты между Национальным собранием и халифом, признавая, таким образом, его властные полномочия.

«Национальный суверенитет» — вот два слова, дорогие Кемалю, два слова, какими он напутствовал Исмета. Но в Лозанне победитель при Инёню столкнулся с противником более хитрым, чем он сам. Лорд Керзон, английский министр иностранных дел, очень искусно плел паутину. Его метод был прост: по каждой из позиций выставить против Исмета самого компетентного партнера. Таким образом, Конференция по восточным проблемам работала с тремя комиссиями: первая, возглавляемая самим Керзоном, занималась вопросом границ, столь важным для Великобритании; вторая сосредоточила внимание на финансовых и экономических проблемах, эту комиссию возглавлял француз, так как Франция была самым крупным кредитором Османской империи. Последняя комиссия занималась юридическими вопросами и судьбой национальных меньшинств, возможно, это самое слабое звено системы Керзона, может быть, поэтому он

отдал ее итальянцам.

Исмет твердо стоял на Национальном пакте: вся Анатолия, Стамбул, Западная Фракия, Мосул должны быть частью Турции[43]; отмена капитуляций; одним словом, политическая и экономическая независимость. Сам Исмет признавал, что лорд Керзон — «государственный деятель, мастер искусных маневров». Но подобное признание достоинств противника не только не ослабило Исмета, а, напротив, усилило его настойчивость в отстаивании своих позиций, хотя Керзон относился к нему с пренебрежением, считая его «дипломатом-любителем», и даже пытался подвергнуть Исмета финансовому шантажу, заявляя, что «ваша страна нуждается в наших деньгах, чтобы встать на ноги». Это было психологической ошибкой, так как анатолиец — не из тех, кто поддается шантажу. С тех пор, несмотря на несколько частных соглашений[44], конференция была обречена на поражение. 30 января 1923 года от имени союзников лорд Керзон представил проект мирного договора, потребовав ответа через 48 часов. 4 февраля противники встретились официально; когда Исмет отказался подписать договор, Керзон объявил, что он немедленно уезжает в Лондон. «Что скажете вы по возвращении в Великобританию?.. Моя же задача будет простой… Я скажу, что ответственность за разрыв лежит на лорде Керзоне… Да, я заявлю всему миру, что лорд Керзон не хочет мира!» — заключает Исмет. Работа конференции была приостановлена. Оппозиция в Анкаре безжалостно критикует происходящее в Лозанне, обвиняя в неудачах авторитарную политику Кемаля. Нечего было заключать перемирие — нужно было прислушаться к их мнению и идти на Стамбул. А назначение Кемалем Исмета главой делегации? По мнению оппозиции, Хусейн Рауф с его героическим прошлым и знанием английского языка смог бы добиться гораздо большего. Вот к чему приводит узурпация власти!

Кемаля обвиняют в абсолютизме, диктаторстве. Члены «Второй группы» непрерывно напоминают о достоинствах демократического режима и осуждают пренебрежительное отношение и даже презрение Кемаля к оппозиции. Обстановка накаляется, причем критика затрагивает даже армию. Некоторые депутаты осуждают поведение ряда офицеров в Измире, а также условия, в которых происходит продвижение рада военных по службе. Кемаль должен действовать…

Обходной маневр

6 декабря 1922 года Кемаль собирает представителей

«Национального суверенитета» и двух других газет и просит опубликовать обращение «ко всем патриотам, деятелям науки и искусства», призывая их «разработать программу на демократической основе». А претворять эту программу в жизнь будет Народная партия.

Первая реакция даже среди ближайшего окружения Кемаля была отрицательной. Мирный договор еще не подписан, необходимо сохранять единство страны, Кемаль должен придерживаться нейтралитета, а не ввязываться в борьбу интересов и идей. Критики не поняли главного: Кемаль задумал создать партию нового типа, лишенную безумных территориальных амбиций, стремящуюся объединить все социальные слои общества, опирающуюся на анатолийский народ, — это должна быть поистине народная партия, которая поможет Кемалю осуществить задуманное. Народная партия станет для него источником власти. Опираясь на народ, Кемаль сможет добиться политической легитимности, в чем ему отказывает оппозиция; в таком случае оппозиция обречена на уход с политической сцены. Кемаль не запрещает оппозицию, она просто станет бесполезной.

Чтобы убедить страну в том, что она вступает в новую эру, Кемаль использует оригинальные, прежде неизведанные методы. Он отправляется в предвыборную поездку по стране, прибегая к настоящему политическому «маркетингу». Сначала он совершает поездку по Западной Анатолии с середины января до середины февраля 1923 года, затем, после трех недель в Анкаре, отправляется в Центральную и Причерноморскую Анатолию, где проводит вторую половину марта. Во всех случаях он действует по одной и той же схеме. Сначала встречается с местными властями и чиновниками, подвергая их тщательным расспросам. И беда тому, кто плохо осведомлен о подчиненном ему ведомстве.

— Как много леса в вашем регионе? — спрашивает Кемаль у супрефекта Эскишехира.

— Двести двадцать пять тысяч гектаров.

— Откуда вы это знаете?

— Данные статистики.

— Насколько надежна эта статистика?

Супрефект выпутался, но местный директор отдела образования оказался в весьма затруднительном положении, когда на вопрос о количестве школ в районе ответил, что «примерно восемь или десять». «Так восемь или десять?.. Директор отдела образования обязан знать количество школ и преподавателей!» Бедные чиновники, они никогда не видели не

только султана, но и своих министров. Для населения сюрприз был столь же велик. Сколько поколений турок славили султана, которого никогда не видели? И вдруг спаситель нации, гази, приезжает к ним. Причем ведет себя очень скромно: в одном месте он отказался сесть в приготовленное для него позолоченное кресло; в другом, слушая молодого человека, сравнивающего его с Бисмарком и Наполеоном, прерывает его:

— Кто такой Наполеон? Человек, ищущий приключений и власти. А Бисмарк — верный слуга своего монарха. Я не из их числа и никогда таковым не буду!

— Я просто хотел подчеркнуть ваш авторитет и славу, — стал извиняться молодой льстец.

— Какой авторитет, какая слава? Мой авторитет и слава — это лишь слава и честь моего народа.

Выступая перед толпой, Кемаль всегда задавал один и тот же вопрос: «Что вы хотите знать? Задавайте вопросы, и я попытаюсь на них ответить». Этот прием казался простым, но очень эффективным: между Кемалем и населением устанавливался диалог, причем гази производил одинаково сильное впечатление на любую аудиторию: молодежь, женщин, ремесленников, крестьян, коммерсантов, преподавателей…

Во всех случаях он разъясняет законы новой Турции: «Наше правительство — это правительство народа. Это правительство Национального собрания. Новая Турция стоит на позициях национального суверенитета»; «Национальное собрание не принадлежит халифу, это невозможно. Национальное собрание принадлежит только нации»; «Халиф должен быть достаточно сильным, чтобы защищать мусульманские страны, а Турция с ее восьмимиллионным населением не имеет достаточно средств, чтобы обеспечить это»; «Мы хотим, чтобы у нас в стране было много миллионеров и миллиардеров»; «Мы — не враги рабочих. Стране нужны рабочие»; «Следует признать, что народ, не использующий технику, оказывается в стороне от прогресса»; «Плуг — это не меч. Тогда как рука, размахивающая мечом, быстро устает, тот, кто работает за плугом, всё лучше овладевает им и обрабатывает землю. Из двух соперников (меч и плуг) победителем всегда оказывается плуг»; «Наша задача превратить турецкую женщину в партнера и друга мужчины в социальной, экономической, научной сферах»; «Если в стране нет армии образованных людей, то даже самых блестящих побед на полях сражений недостаточно; только армия образованных людей принесет стране радикальные результаты».

Французский военный комендант в Стамбуле генерал Пелле, ознакомившись с выступлениями Мустафы Кемаля, задумался:

какова главная цель Кемаля — его идеи или завоевание власти?

Этот вопрос Пелле, удивляющий поначалу, не совсем неуместен. Анатолия далеко, а Стамбул полон самых невероятных слухов. По мнению Пелле, все в Стамбуле верят в восстановление султаната. В этой атмосфере единственной организованной силой остается старая партия «Единение и прогресс». Пелле считает, что юнионисты были бы готовы поддержать кандидатов-кемалистов, если бы гази гарантировал им определенное число избранных представителей юнионистов. Пелле располагает информацией о том, что Кемаль встречался с Кара Кемалем, лидером юнионистов Стамбула. Мустафа Кемаль никогда не упоминал об этой встрече; единственная известная версия — это версия Кара Кемаля и его друзей: гази якобы расспрашивал его о политических проектах «Единения и прогресса». Кара Кемаль якобы предложил ему возглавить партию, а Кемаль спросил:

— Хорошо, но как относятся к этому твои друзья?

— Я не знаю.

— Ну что ж, тогда узнай и сообщи мне, — якобы заключил гази.

Хотя официально считалось, что партия «Единение и прогресс» распущена четыре года назад, юнионисты благополучно пережили войну за независимость и сохранили солидные бастионы в Стамбуле, Трабзоне, Измире и Конье, а Кемаль должен был или уживаться с ними, или уничтожить их…

Тем не менее поездка Кемаля по Анатолии стала впечатляющей демонстрацией его идей. Не важно, если они не все принадлежали Кемалю, если многие из них высказывались ранее. В январе — марте 1923 года Мустафа Кемаль первым представил стройную совокупность идей, базирующуюся на национальном суверенитете, экономической независимости, развитии просвещения, приоритете науки и техники, социальном равенстве мужчин и женщин. Так был заложен фундамент кемалистской революции.

Подлинный фейерверк этих идей Мустафа Кемаль изложил еще 16 февраля 1922 года при встрече с журналистами, которая длилась пять с половиной часов — до трех часов утра. Кемаль принял прессу Стамбула: семь журналистов первого плана — консерватора, либерала, двух прогрессистов, одного юниониста, сопровождаемых двумя «неоанкариотами» — Якубом Кадри и Фалихом Рыфкы. Все они задавали вопросы гази, который присутствовал на встрече с Халиде Эдип и ее мужем Аднаном, назначенным представителем Анкары в Стамбуле вместо Рефета. Кемаль говорил обо всем откровенно и жестко: о мире, выборах, будущем Стамбула, Народной партии, политической жизни, об

ответственности тех, кто вовлек Турцию в мировую войну, об экономическом развитии, о кочевничестве, об организации административного аппарата. Это была настоящая пресс-конференция, где гази столкнулся с прессой Стамбула, гордящейся своими традициями. Кемаль блестяще справился со своей задачей и даже сумел покорить аудиторию, четко отвечая на все вопросы. Этой ночью с 16 на 17 февраля 1922 года гази рискнул представить журналистам проекты, которые он сделает достоянием общественности гораздо позже.

В числе этих проектов были следующие: перенос столицы в Анкару, «новый город с блестящей перспективой», который «станет самым красивым городом мира»; отмена халифата, «символа исламского мира, а не турецкого»; светский характер общества, который он тщательно отличает от атеизма, несмотря на свое неприязненное отношение к ходжам, так как «наша нация набожная, ее религия — ислам; нельзя отвергать религию так, как коммунизм»; наконец, по вопросу об избрании женщин в Национальное собрание он всё время придерживается одного мнения: «Это произойдет».

Глава третья
ДАТА, НАИБОЛЕЕ ВАЖНАЯ В ИСТОРИИ МИРА

Покидая Анкару 14 января 1923 года, Кемаль знал, что предстоят исключительно важные, даже решающие дни для его страны и для него лично. Срыв переговоров в Лозанне усложнил обстановку, и возобновление их могло завершиться как войной, так и миром; ожесточенность политических противников может привести к ситуации, в очередной раз выигрышной для врагов родины. Мог ли он представить себе, какие личные потрясения уготовила ему судьба?

Мадам Латифе гази Мустафа Кемаль

Едва Кемаль прибыл в Эскишехир, первый этап его поездки, как получил телеграмму, отправленную из Измира его адъютантом Салихом: его мать Зюбейде умерла. В последние недели состояние здоровья семидесятилетней женщины ухудшилось, и только ее железная воля заставила Зюбейде отправиться в Измир, чтобы познакомиться с Латифе и умереть в этом освобожденном городе. «Я знаю, что мама умерла этой ночью, — признался Кемаль, — я видел сон, будто мы вдвоем прогуливаемся в поле, и вдруг налетел ураган и унес ее». Турки встречают смерть с достоинством, зная, что она неизбежна. И Кемаль просит Салиха похоронить мать со всеми почестями, которых она заслуживает, а сам продолжает поездку по Анатолии.

А в Измире печаль Кемаля разделяет Латифе. В течение месяца она окружала мать Кемаля заботой и вниманием. Она надеялась, что если мать оценит ее достоинства, то Кемаль не откажется жениться на ней. Трудно сказать, была ли Зюбейде действительно покорена современными взглядами и вкусами Латифе, ее властным характером.

Что касается самого Кемаля, то он сделал свой выбор. Через пять дней после похорон матери гази прибывает в Бурсу; он обедает в отеле, хозяйкой которого была семидесятичетырехлетняя француженка, мадам Бротт, прибывшая в Турцию с отцом полвека назад, чтобы создать прядильную фабрику. «Не собирается ли ваше превосходительство паша жениться в Измире?» — спросила любопытная мадам. «Да, я женюсь. Дата моей женитьбы зависит of графика моей поездки».

Как это часто случалось с Кемалем, правда была несколько иной. Возможно, Кемаль знал точную дату свадьбы, но Латифе этого не знала. Какой же был для нее сюрприз, когда 27 января Кемаль объявил, что в ее распоряжении не больше сорока восьми часов, чтобы подготовиться к свадьбе! Итак, сорокадвухлетний гази собирается жениться на женщине, которая моложе его на восемнадцать лет и которую он знает около пяти месяцев. Живая, образованная, свободная, с изысканными манерами, влюбленная Латифе олицетворяла все то, что хотел бы видеть Кемаль в турецких женщинах. «Я хочу, чтобы турецкая женщина походила на американскую», — признался он в 1918 году в доверительной беседе со знакомой. С Латифе Кемаль испытывал ликование Пигмалиона, если бы тот добился всего, ничего не предпринимая. «Он женился на идеале», — комментировал один из свидетелей.

Этим же утром Кемаль произнес надгробную речь над могилой другого своего идеала. Прибыв в Измир, он тут же поехал на могилу матери. В присутствии сопровождавших его в поездке Кязыма Карабекира и Февзи и большой толпы Кемаль произносит поразительную речь, превращая Зюбейде в исторический символ, в жертву султанского режима: «В течение трех с половиной лет моя мать плакала дни и ночи, она практически ослепла от слез, а я не смог спасти ее из Стамбула… И вот мы встретились: ее тело мертво, но ее душа жива… Разумеется, я тяжело переживаю утрату. Но тем не менее кое-что смягчает мою боль и успокаивает меня. Да, режим, уничтоживший мою мать и родину, исчез навсегда. Моя мать покоится в этой земле, но национальная свобода не погибнет никогда».

29 января 1923 года десяток персон собрались на свадьбу гази и Латифе. Когда кади, религиозный судья, проводящий церемонию бракосочетания, спросил, какой выкуп готов заплатить Кемаль за невесту, тот ответил: «Десять серебряных дирхемов!» — назвав самую скромную сумму, предусмотренную мусульманским обычаем. «Недорого ты платишь за невесту!» — воскликнул Кязым Карабекир. После благословения, произнесенного кади, Кемаль приглашает своих свидетелей, Февзи и Кязыма, остаться на ужин:

— Я хочу оценить таланты молодой жены.

— Но, паша, разве этот вечер не предназначен для развлечений?! — воскликнул Февзи.

— Жена военного проводит вечер после свадьбы на кухне, — заявил Кемаль.

Завидная перспектива!

Непростые взаимоотношения молодых замечают окружающие. Так, Кемаль с Латифе приглашены к его старому другу Эмин-паше, коменданту крепости Измира. В просторном салоне, выходящем в сад, жена Эмина предлагает молодоженам шампанское. Кемаль с бокалом в руке усаживается на диван перед окном, выходящим в сад и на улицу; он взглянул на толпу, узнавшую о его приезде и собравшуюся его поприветствовать. «Кемаль, Кемаль, — восклицает Латифе, — не показывай свой бокал, тебя видят с улицы!» Гази остается невозмутимым и продолжает пить. «Этот брак долго не продлится», — скажет жена Эмина после их ухода. Но Кемаль и Латифе не расстаются. Она сопровождает его в поездке и получает настоящее боевое крещение 17 февраля в Измире.

В этот день гази произносит речь на открытии Экономического конгресса, собравшего три тысячи участников. Менее чем через полгода после окончания сражений и пожаров в городе, после того как переговоры в Лозанне были приостановлены, этот конгресс имеет важное значение: он символизирует, что Турция становится на путь экономического развития и модернизации. Организаторы конгресса подготовили большую выставку, свидетельствующую о том, что Анатолия может производить как ковры и фисташки, так и заколки для галстуков, бумагу для сигарет, футбольные мячи и одеколон. Кемаль придает этому конгрессу такой же статут, как и конгрессам Эрзурума и Сиваса: не может быть политической независимости без экономической независимости страны. Докладчик, цитируя «выдающихся» экономистов, в частности французских и английских, излагает основные принципы экономики. В остальном, для конкретной работы, Кемаль рассчитывает на таких советников, как Джеляль, бывший сотрудник Немецкого банка, и Махмуд Эссат, получивший университетское образование в Швейцарии и Венгрии, где он узнал, что одним из первых шагов революционеров-националистов 1848 года был созыв Экономического конгресса; в настоящее время Махмуд Эссат — министр экономики. Впрочем, даже не зная экономики, нужно было быть слепцом, чтобы не видеть, какой колоссальный урон причинила стране экономическая политика Османской империи. Кстати, юнионисты первыми заклеймили позором Капитуляции, Комиссию по долгам, регулирующую выплату внешнего долга империи и франко-немецкую монополию на торговлю османским табаком. Воспользовавшись мировой войной, юнионисты отменили

выполнение Капитуляций и призвали соотечественников к подлинной экономической войне.

Кемаля нисколько не задевает их первенство. Говоря о национальной независимости, он вовсе не хочет выглядеть фанфароном. В отличие от Энвера и Талаата Кемаль выиграл свою войну, и немцев не было за его спиной. Но путь Кемаля не менее тернист. Страна в руинах, и он с нетерпением ожидает, чтобы правительство наметило пути восстановления и развития экономики.

Среди 1135 делегатов, сгруппированных в четыре секции (коммерсанты и банкиры, аграрии, рабочие и ремесленники, промышленные предприниматели), наиболее организованными и внимательными были коммерсанты и мусульмане Стамбула. Коммерсанты Стамбула, объединившиеся в конце 1922 года в Турецкий национальный союз ассоциаций ремесленников и Генеральный союз рабочих Стамбула, твердо решили использовать националистов для борьбы с иностранными предпринимателями, стремясь исключить интересы иностранцев и национальных меньшинств. Между прочим, они сыграли важнейшую роль в организации и подготовке этого конгресса. Таким образом, цели Кемаля восстановить национальную экономику их устраивали, только нужно было еще, чтобы Анатолия и ее буржуазия не действовали в ущерб Стамбулу. А ведь Кемаль, кажется, предпочитает Анкару Стамбулу…

Кемаль произносит речь, объединяющую всех: «Товарищи, вы представляете все классы общества, то есть народ… Среди нас нет соперничества классов или профессий. Все они тесно сплочены и образуют одно целое: народ, нацию, одним словом — Турцию. Это и есть Народная партия, партия, представляющая народ Турции, — это не какая-то фракция, она сама по себе и есть нация, она — Турция».

Кемаль предоставляет другим, как, например, Махмуду Эссату, выступать с докладом о проблемах управления экономикой и вести дебаты с Турецким национальным коммерческим союзом о роли государства и частного сектора во внешней торговле и иностранных инвестициях. Кемаль покидает Измир 18 февраля, оставив руководство конгрессом Кязыму Карабекиру.

Конгресс завершил работу через две недели, приняв окончательную декларацию — Экономический пакт в либерально-националистическом духе. Следует отметить, что конгресс отказался распределять землю крестьянам, а также от участия профсоюзов в защите интересов предприятий. Национальный союз удовлетворен результатами. А для Кемаля главной заботой

была экономическая независимость страны или, как он более прозаически сформулировал в частной беседе, «как сделать, чтобы мой народ ел досыта» и как «развивать национальную торговлю… строить заводы… разрабатывать полезные ископаемые». С этой целью он хочет «помочь анатолийским коммерсантам, способствовать их процветанию». Либерализм не очень беспокоит его, поскольку у него нет альтернативы. Самое важное — заставить турок понять и показать иностранцам, что новая Турция всерьез занимается подъемом экономики. Как отметила одна из газет, близких к правительству: «Народ Турции не уничтожен, он строит <…>. Он много работает, избегая пустой траты времени и разбазаривания национальных богатств. Он готов работать днем и ночью, если потребуется, чтобы производить национальную продукцию <…>. Народ Турции осознал, что он сидит на золотой жиле, имей такие национальные богатства. Он любит свои леса, как своих детей <…>. Воровство, ложь, лицемерие и лень — наши главные враги <…>. Турки тянутся к знаниям и к овладению техникой <…>. Турки остерегаются микробов, загрязнения воздуха, эпидемий и грязи».

Пороховая бочка

Латифе прибывает в Анкару 20 февраля с Кемалем и Исметом, вернувшимся из Лозанны. Молодая женщина испытывает шок. Измир, Биарриц, Париж и Лондон словно на другом краю света, в другом мире, где столицы — это не деревни и где женщины свободно гуляют по улицам и могут исполнять Моцарта, Шуберта и Чайковского. Но еще больше поражают Латифе настроения, царящие в Анкаре: она рассчитывала прибыть в город, «лежащий у ног гази», но сталкивается с раздражением и недовольством и ощущает себя словно на пороховой бочке.

После победы круг сторонников Кемаля сужался, а провал конференции в Лозанне породил заурядные амбиции и чрезмерные обещания. Нужно ли снова приступать к переговорам или следует готовиться к войне? Непрерывно заседают Совет министров и Национальное собрание, разворачивающиеся там дебаты продолжительные и шумные. «Новый год может быть годом мира или войны, — заявляет Кемаль и добавляет: — Нужно быть готовыми ко второму варианту».

Когда первое удивление прошло, Латифе приступает к обязанностям хозяйки. Ковры, изящные безделушки, новые занавески и букеты цветов украшают и преображают резиденцию Кемаля в Чанкая. Новая хозяйка стремится установить свои

порядки для слуг и адъютантов. Первые споры с Кемалем, первые семейные разногласия. Кемаль одобряет желание супруги совершить маленькую революцию, присутствуя на открытии парламентской сессии или принимая дипломатов после завершения дебатов в Национальном собрании, но выступает против того, чтобы прислуга в Чанкая прислуживала в белых перчатках!

Своеобразие пары Латифе — Кемаль становится заметным. Латифе читает ему Монтескье и Руссо, пока он бреется, — очень хорошо. Латифе сопровождает его повсюду — на гражданских и военных мероприятиях, пешком или на лошади, набросив шаль, элегантно прикрывающую голову и плечи, — ещё лучше. Но когда Латифе критикует его образ жизни, частые застолья с друзьями и пытается придать более светский характер его вечерам, он выступает категорически против подобного вмешательства. «Статуэткой на выставке», образцом авангарда — вот кем, по его мнению, должна стать Латифе.

Риск, на который идет Кемаль, не только касается его лично, его семьи. Появление на сцене Латифе и чрезмерность ее модернизма удивляют и шокируют. В Адане религиозные авторитеты вынуждены опубликовать коммюнике, чтобы уточнить, что присутствие Латифе рядом с гази не противоречит исламской религии, а ее одежда, английский дамский костюм и вышитая вуаль, не рассматриваются как нарушение религиозного закона. По мнению французского коменданта Пелле, этих комментариев недостаточно: «Кажется, Кемаль выбрал себе жену, словно созданную, чтобы разжигать его амбиции и выявлять недостатки». Пелле считает, что Латифе шокирует почти всех и начинает компрометировать мужа.

Пелле, конечно, преувеличивает, но критика действительно была, как это обычно случается в сложные моменты. А обстановка в Анкаре была напряженной. Готовится коммюнике, уточняющее условия, при которых Анкара возобновит переговоры в Лозанне, и депутаты уверены, что правительство пытается их обмануть. Национальное собрание бурлит, и Исмет, отныне привыкший к дипломатическим тонкостям, поражен тем, что он видит и слышит с момента своего возвращения. Али Фуад, возглавляющий работу Национального собрания, с трудом справляется, а избрание на пост вице-президента Хюсейна Авни, одного из руководителей «Второй группы», нисколько не разряжает атмосферу. Депутаты больше не обсуждают вопросы спокойно, они нападают, обвиняя друг друга, сжав кулаки. А когда однажды Али Шюкрю гневно прервал Кемаля, взбешенный гази стремительно направился к оппозиционеру, сжимая в

кармане пистолет.

В этой грозящей взорваться атмосфере 29 марта Национальное собрание узнает об исчезновении Али Шюкрю. Для его друзей из «Второй группы» нет ни малейшего сомнения: «хотели избавиться от одного из лидеров оппозиции», хотят «заткнуть рот» оппозиции, готовятся подавить свободы. И даже уточняют, кто мог это сделать: последним, с кем видели живого Али Шюкрю, был не кто иной, как Осман Хромой, командир лазов личной охраны Кемаля! Через несколько часов обнаружили труп Шюкрю, и Рауф, после обсуждения с Кемалем, отдает приказ арестовать Османа Хромого. В ночь на 2 апреля жандармы окружают лаза, Осман Хромой предпочел покончить с собой. Жестокий финал: Али Шюкрю — озлобленный и непримиримый оппозиционер, и Осман — жестокий, без стыда и совести, с одинаковым рвением уничтожавший армян, греков и энверистов[45]. Многое в этой истории остается неясным, но нет времени разбираться в деталях.

1 апреля 120 депутатов выступили с предложением распустить Национальное собрание. Сам Исмет поддержал это предложение: «Необходимо обновить Национальное собрание, чтобы доказать конференции в Лозанне, что всё, что мы будем говорить, и те решения, которые мы примем, будут отражать последнее слово нации». Оппозиция с радостью поддержала это предложение: ведь она требовала роспуска в течение месяца! Решение принято.

Несколько дней в стане «Второй группы» царит эйфория; следовало бы убавить спеси и сменить тон. Тогда как у «Второй группы» нет никакой программы, Кемаль публикует «новые принципы», точнее, программу Народной партии. Программа представляла искусное сочетание вопросов: национальный суверенитет, Экономический пакт, принятый в Измире, ликвидация поборов, строительство железных дорог, реформа юриспруденции, усовершенствование банковской системы и… мир при полной независимости. Программа, организация и лидер, святая троица победы на выборах, объединены.

Кемаль не сомневается в своем успехе, даже готов отвергнуть руку, протянутую юнионистами. Собравшиеся у Кавита, бывшего министра финансов, около двадцати уцелевших лидеров юнионистов пытаются найти пути воскрешения «Единения и прогресса» с Кемалем во главе. «Сегодня никто не имеет права говорить от имени „Единения и прогресса“», — комментирует гази. Единственная неудача может остановить победный марш Кемаля: провал второй конференции в Лозанне.

Турки хорошо подготовились ко второй конференции в Лозанне. Исмет, настроенный решительно и верящий в успех, решил даже взять с собой жену, а Кемаль поддержал его.

Другой жест, еще более выразительный, — это голосование по закону о проекте Честера, который был принят Национальным собранием. Следовало бы еще раньше упомянуть о проектах американского адмирала Честера. Прибыв в Стамбул в 1900 году, адмирал проявил нестандартное мышление, задумав проекты, воплощение которых тормозило только недоброжелательное отношение других инвесторов: мост через Босфор, железную дорогу через всю Анатолию, строительство морских портов, добычу железной руды… Несмотря на неудачи перед 1914 годом, Честер вернулся в 1922 году и предложил новые проекты правительству националистов. Произошло чудо — Анкара подписала предварительное соглашение, предусматривающее строительство трех портов и более четырех тысяч километров железных дорог, а также концессию на 99 лет, дающую право на использование шахт на 40 километров вдоль железных дорог и в районе портов. Так, за несколько недель до открытия конференции в Лозанне Анкара стремилась завоевать симпатии Соединенных Штатов Америки, желающих вновь поставить под сомнение успехи европейцев, что на языке дипломатов целомудренно называют политикой «открытой двери».

К несчастью для турок, лорд Керзон тоже придерживался политики «открытой двери». Из Лозанны Исмет направляет запрос в правительство, требуя пересмотреть проект Честера, который, если принять всё во внимание, может очень дорого обойтись национальной независимости. В Национальном собрании развернулись бурные дебаты, освещаемые прессой. «Вторая группа» выступала против, а Кемаль защищал проект. Кемаль обратился с призывом к «великой американской нации», чтобы «американцы с открытым сердцем относились к турецкому народу, борющемуся за свободу и независимость и стремящемуся встать на путь прогресса и справедливости, следуя вашему примеру». Он был уверен, что американская помощь причинит наименьший вред по сравнению с любой другой иностранной помощью. Великие державы знали, что им угрожает: утвердив проект Честера, Национальное собрание объявляет о пересмотре всех существующих концессий.

Вторая конференция в Лозанне протекала в доброжелательной атмосфере, чему способствовало и присутствие жены Исмета, и голосование по проекту Честера, и

отсутствие лорда Керзона, и личные отношения Исмета с Венизелосом. Начавшись 23 апреля 1923 года, она завершилась через три месяца подписанием мирного договора.

«Мирный договор в Лозанне, — комментирует газета „Фигаро“, — знаменует важную дату в истории мира, так как впервые к Турции отнеслись как к западной державе». Независимость новой Турции признали Франция, Италия, Великобритания, Япония, Румыния и Югославия, а между тем Турции принадлежит в Европе территория всего в 24 тысячи квадратных километров при общей площади страны 767 тысяч квадратных километров, расположенной в основном в Азии. Исчезли территориальные претензии Севрского мирного договора: новая Турция совпадает в общих чертах с той, что определена Национальным пактом. Больше не встает вопрос о Курдистане, и армянская часть ограничивается пределами Советской Армянской Республики. Единственное огорчение для Турции — судьба Мосула: конференция в Лозанне не приняла по этому вопросу решения, Лондон и Анкара будут продолжать переговоры под эгидой Лиги Наций. Еще более впечатляет признание экономической и финансовой независимости Турции. Унизительные Капитуляции отменены, а все иностранные концессии, так же как и долг Османской империи, будут пересмотрены. Турция наконец добилась свободы в таможенной политике.

Побежденная в 1918 году, живой труп в 1920 году, Турция рассматривается как «западная держава» через три года. Какая резкая перемена! Наряду с Японией, победившей Россию в 1905 году, новая Турция оказывается в первых рядах Востока, решившего покончить с колониальной мощью Европы. Пока никто еще не говорит о деколонизации и не противопоставляет север югу, но тем не менее одно не вызывает сомнения: в Лозанне международные отношения определенно вступили в XX век. В апреле 1955 года на конференции в Бандунге, в Индонезии, представители тридцати африканских и азиатских стран, собравшиеся для подготовки деколонизации, вспомнят о Лозанне. Кстати, активное участие в работе этой конференции приняли Неру и Чжоу Эньлай.

Сто один орудийный залп в Анкаре, Стамбуле и во всех турецких городах салютовал договору в Лозанне. Сто один залп в честь Мустафы Кемаля, но также и Исмета. Исмет, военный, ставший дипломатом по гениальной прихоти гази, заслужил такой почет. Генеральный секретарь конференции в Лозанне Рене Массильи писал о нем: «Худощавый, начинающий седеть, он выглядел старше своего возраста лет на десять; тонкие черты

лица, орлиный нос, глаза всегда настороже, скромный, но не застенчивый, всегда спокойный, очень вежливый, не реагирующий на громы и молнии величественного лорда Керзона, сохраняющий самообладание и снова повторяющий слово в слово бесстрастным голосом аргументы, которые западные делегаты считали уже отвергнутыми; при этом он был скорее скуп на слова, немного глуховат, что позволяло ему, в зависимости от обстоятельств, не всё услышать или заупрямиться дольше допустимого и вывести собеседников из себя, он изматывал противников, брал их „измором“. Руководствуясь точными инструкциями Мустафы Кемаля, он сумел, таким образом, при всех бесчисленных трудностях следовать точно по заданному пути».

Глава четвертая
ДЕСТРУКТИВНОЕ СОЗИДАНИЕ

Через три недели после подписания договора[46] Исмет возвращается из Лозанны. В толпе, торжественно встречающей Исмета, нет Рауфа. 4 августа председатель Совета министров подал в отставку. Как только стало известно о подписании договора, Рауф в сопровождении Али Фуада поспешил в резиденцию Кемаля в Чанкая.

— Я не смогу работать с Исмет-пашой.

— Мой милый Рауф, не знаю, что тебе сказать, — ответил ему гази, а затем добавил: — Ты прав, эта среда делает человека безнравственным.

— Мой паша, не беспокойся, найдется дюжина честных соратников, с кем ты сможешь управлять страной.

Тут вмешался Али Фуад:

— Кто же теперь будет твоими апостолами? — И, почувствовав недопонимание старого друга, добавил: — Кто станет апостолами, разделяющими с тобой твои усилия?

— У меня нет апостолов. Есть лица, готовые служить нации и стране. И эти «апостолы» должны доказать свою силу и возможности.

Новые апостолы

С апостолами или без, но Кемаль практически держит в руках Национальное собрание: выборы прошли с триумфальным успехом. Ни один из членов «Второй группы» не получил снова мандата, тогда как гази был избран дважды — в Измире и Анкаре. Он снова избран президентом Национального собрания единогласно, за исключением одного голоса — его собственного, который он отдал Исмету.

Апостол или нет, но Исмет, блестяще завершивший переговоры в Лозанне, стал одним из столпов кемалистской системы. Несмотря на недовольство примерно сорока депутатов, упрекающих его за неудачу с присоединением Мосула и Александретты, Исмет добивается прекрасных результатов голосования по ратификации договора. И всё же первым апостолом был не Исмет, а Али Фетхи, которого гази избрал на пост председателя кабинета министров. Друг детства, компаньон по «ссылке» в Софии, бывалый политик, молодая элегантная жена

которого стала подругой Латифе, Фетхи — это тот, кому гази может доверять безоговорочно.

9 сентября Кемаль основал свой «храм» — Народную партию, главная задача которой «руководить обеспечением национального суверенитета с помощью народа и для народа». «„Священная ассоциация“, воплощение в нации революционного духа» — так определял Кемаль организацию, предназначенную для осуществления его революции. Члены Народной партии должны понять, что они не являются членами обычной партии. Чтобы помочь им в этом, президент Мустафа Кемаль выбирает генеральным секретарем партии Реджепа. Высокомерный, скупой на улыбки Реджеп похож на министра внутренних дел, о котором мечтает любой режим; впрочем, он и будет им несколько раз. Бывший лейтенант, хороший организатор умеет добиваться намеченной цели, преданный человек. Это именно те качества, которые необходимы Народной партии: Национальное собрание хотя и состоит из представителей одной партии, не всегда единодушно принимает решения.

И всё же первое важное голосование нового Национального собрания было единогласным. 13 октября 1923 года по предложению Исмета Анкара становится столицей новой Турции. Националисты предвидели это с 1921 года, французские дипломаты поняли, что это случится, в декабре 1922 года, а Кемаль заявил об этом журналистам в Измире в феврале 1923 года. Но падение Стамбула означало страшное поражение для его депутатов, Рауфа, Кязыма Карабекира, Рефета, для его прессы, для его деловых кругов и государственных чиновников. Все они так или иначе утратят свою власть. И не променяют в один прекрасный день столицу с четырнадцативековой историей на захолустный городок. Современный город, о каком мечтает гази, еще не существует. В городе нет ни одного отеля, всего два ресторана и фургон для товаров, куда поместили американского консула. В июле 1923 года Анкару посетил американский журналист и не обнаружил ничего, что могло бы понравиться чиновникам и дипломатам, привыкшим к шарму Босфора и Золотого Рога. Впрочем, европейские послы будут сопротивляться переезду в Анкару и останутся в Стамбуле до 1925 года. Но настоящие трудности для новых апостолов начнутся 25 октября.

Да здравствует республика!

«Мустафа Кемаль должен будет разрешить внутренний кризис установлением устойчивого народного режима» — таков

анализ полковника Мужена от 24 сентября; Мужен был официальным представителем посольства Франции в Анкаре. Он не имел дипломатического опыта, но симпатизировал Кемалю; военный комендант Пелле называл его Мужен-паша. И в то же время его пессимистическое заключение удивляет: какой внутренний кризис? В стране воцарился мир, гази триумфально победил на выборах, где же кризис?

А между тем кризис повсюду. Прежде всего в экономике. В общественном порядке, нарушаемом то здесь, то там выступлениями групп с политическими претензиями. В армии, где были отправлены в отставку в связи с демобилизацией 1200 офицеров, среди которых оказался Нуреддин-паша, «освободитель» Измира. Нельзя безнаказанно выйти из состояния войны, продолжавшейся двенадцать лет, и распрощаться с политической и социальной системой, просуществовавшей пять веков.

Кризис усугубляется еще и тем, что страна оказалась между двумя мирами. Старый покинули, но где новый? Национальный суверенитет, Экономический пакт Измира, Народная партия — важные вехи. Но чего-то недостает: политического определения режима. Хотя Кемаль заявляет американскому журналисту, что «первый, наиболее важный проект новой Турции не политический, а экономический», но сам-то он знает, что основа его конструкции — политическая.

Кемаль страстно желал республики. Республиканский идеал был для него настоящим культом, как и для французских радикалов. Республика! Это слово заставляло взволнованно биться его сердце, и он даже пытался перевести его на турецкий язык. Республика навечно связана с французской революцией. «Следует выбрать для учреждения республики подходящий момент», — советовал ему Юнус Нади. «Именно сейчас подходящий момент», — отвечал ему Кемаль. Однако в этом не было никакой уверенности. Как писал в своих «Мемуарах» Исмет: «Многие товарищи считали, что провозглашать Республику еще не время». «Гиблая идея», — публично заявил Рефет, тогда как Рауф отстаивал идею конституционной монархии и заявлял, что режим должен быть свободно выбран самим народом, без давления сверху. Учитывая оппозицию и осложнения, порождаемые проектом, Кемаль не включил создание республики в «новые принципы» Народной партии. Ярые консерваторы, осторожные сторонники умеренной политики, личные противники Кемаля и депутаты, смешивающие личные интересы и жизненно важные вопросы, — все они значительно ослабляли позицию Кемаля.

24 октября Фетхи покидает пост министра внутренних дел, который он совмещал с должностью председателя Совета министров. На следующий день Али Фуад выходит в отставку, а Рауфа избирают первым вице-президентом Национального собрания, тогда как кандидат правительства на пост министра внутренних дел проигрывает представителю внутренней оппозиции в Народной партии. 27 октября правительство уходит в отставку с согласия гази. Затем разыгрывается потрясающая мизансцена, дирижируемая «сверху» и сыгранная «внизу». «Верх» — это резиденция Кемаля в Чанкая, окруженная виноградниками и садами, «низ» — это Национальное собрание в центре города.

После отставки правительства Народная партия пытается найти ему преемника, перебирают имена, составляют различные комбинации. Наконец, приходят с предложениями к Кемалю в Чанкая. Кемаль категорически отказывается заменить Исмета на посту министра иностранных дел, делегация уходит, озадаченная. Всё начинают снова. Тогда Кемаль переходит в атаку, пригласив нескольких друзей на обед в Чанкая. 28 октября Исмет, Али Фетхи, министр обороны Кязым, Рюшен и трое других близких ему депутатов обедают с гази. «Завтра мы провозгласим республику, — объявляет Кемаль, прежде чем распределить роли каждому. — Сами, ты потребуешь завтра заседания Народной партии и сделаешь так, чтобы партия попросила моего вмешательства с целью приостановить кризис. А ты, Исмет, останешься здесь, и мы подготовим вместе текст обращения Национальному собранию».

На следующий день всё происходит как задумано. Партия собирается, и начинаются обсуждения состава нового правительства, но в какой-то момент Кемалеттин Сами предлагает, чтобы «Мустафа Кемаль-паша присоединился к ним и высказал свою точку зрения». Предложение принято, отправлено в Чанкая, чтобы пригласить Кемаля, и гази обращается к депутатам: «Месье, предоставьте мне один час». За эти шестьдесят минут Кемаль встречается с несколькими депутатами и тщательно шлифует свой доклад. Через час депутаты возвращаются в зал, чтобы выслушать гази. «Дорогие друзья! Я думаю, что все прекрасно поняли причины, которые привели нас к этой деликатной ситуации, какую мы должны разрешить сегодня. Существующая система является причиной чертовской слабости. Да, каждый из нас должен участвовать в выборах правительства и министров всякий раз, когда наша конституция вынуждает нас формировать новое правительство <…>. Ваше высокое собрание поручило мне найти решение <…> я вам его предоставляю». И Кемаль дает секретарю прочесть свой проект

конституции, начинающийся так: «Турецкое государство — это Республика…»

«Подвергнуть бомбардировке, затем стремительно напасть, внести замешательство и добиться успеха» — тактика Кемаля вступила в свою последнюю фазу. Исмет — автор исторической формулировки: «Мы родили ребенка. А теперь мы должны дать ему имя». Юнус Нади тоже вмешивается, чтобы поддержать гази: «Не будем торопиться». «Мы только согласились на решение по составу кабинета министров», — заявляют некоторые депутаты. В 18 часов началась работа Национального собрания; завязалась горячая дискуссия. В 20 часов 30 минут председатель заседания воскликнул: «Да здравствует республика!» Через 15 минут Мустафа Кемаль был избран президентом республики единогласно при 158 голосовавших. Его первые слова адресованы Исмету: «Мой паша, будь счастлив, какое доброе дело для нации!»

Первые волнения

Теперь нужно убедить всех в правильности этого шага. Например, Кязыма Карабекира: он был в Трабзоне, когда в честь провозглашения республики прогремел 101 орудийный залп. Карабекир с недовольством заявил своему окружению: «Мы не обсуждали подобной инициативы».

Это же надо было объяснить и анатолийцам. В регионе Вана, как рассказывал депутат от этой области, провозглашение республики вызвало смятение и страх. Что это такое — «республика», о которой никогда не говорили? Не собираются ли запретить религиозные обряды и свадебные контракты, не дадут ли право жандармам распоряжаться жизнью и смертью крестьян? Страх некоторых настолько велик, что они предпочитают бежать в Персию или Ирак. Правительство республики реагирует мгновенно и разъясняет принципы нового режима: республика — это не диктатура, она дает гораздо больше прав и власти народу и запрещает всякое беззаконие, она — не противник религии, одна из великих держав мира — Соединенные Штаты Америки — республика…

Регион Вана в Восточной Анатолии — один из наиболее отсталых в стране, поэтому смятение и страх населения не удивительны. С другой стороны, реакция Рауфа тоже предсказуема. В Стамбуле он дает интервью двум консервативным газетам «Ватан» и «Тефхиди Эфкяр» и выражает поддержку новому режиму: «Только такой режим сможет обеспечить процветание и независимость нашего народа». И всё

же высказывания Рауфа «огорчили» Кемаля. Почему? Рауф, как бывший глава кабинета министров, позволил себе отметить, что процедура учреждения республики была слишком быстрой и директивной. Он осмелился сказать, что «даже самые выдающиеся люди не могут устоять перед соблазном — использовать свою силу и влияние», что, естественно, задело Кемаля. По инициативе Исмета, ставшего премьер-министром, Рауф был вызван ответить перед Народной партией, причем ему не дали возможности предварительно встретиться с Кемалем. 22 ноября в течение восьми часов он должен был объяснять свою «ошибку» и защищаться против тех, кто поставил во главе с Исметом вопрос о его пребывании в Народной партии. Рауф отклонял обвинения: «Мне ставят в упрек, что я создаю оппозицию в партии, но я этого не делаю. Вам решать, но моя совесть чиста…» Рауф был прощен.

Заседание 22 ноября было небесполезным. Для Рауфа это была своего рода репетиция: через год он покинет Народную партию и создаст оппозицию. Что же касается правительства, то оно через три недели после провозглашения республики продемонстрировало, что готово защищать это историческое событие от кого бы то ни было и любыми средствами. В своих «Мемуарах» Исмет рассказывает о том, что спросил у адмирала Бристоля, представителя Вашингтона в Стамбуле, через сколько лет США поверили в незыблемость их республики. «Да, это фундаментальный вопрос, — ответил адмирал, — через двадцать лет». — «Ну что же, нам тоже, вероятно, понадобится двадцать лет».

Лучший способ защиты — это нападение: в Анкаре в этом не сомневаются. В Стамбуле тоже. В начале ноября пресса бывшей столицы обращается к халифу с вопросом, не намерен ли он уйти в отставку. «Я не вижу никаких причин покинуть мой пост халифа», — отвечает Абдул-Меджид, поддерживаемый президентом коллегии адвокатов Стамбула, который уточнил, что «это было бы бедствием для мира». Борьба с халифом начинается. Анкара начинает с того, что сокращает на одну треть средства, выделяемые на содержание халифа и его окружения, а торжественная церемония выезда халифа по пятницам в мечеть превращается в скромную процессию.

Игры Измира

«А теперь вопрос о халифате» — таков заголовок статьи, появившейся 11 ноября в юнионистской газете «Танин» («Эхо»). И

действительно, вопрос о судьбе халифата становится главным в борьбе двух миров, гази не включил его в «новые принципы» Народной партии, считая, что не стоит «преждевременно будоражить реакционеров и несведущих», но отмена халифата и религиозная реформа терзали его сознание. Новая Турция с ее восьмимиллионным населением не может себе позволить сохранять халифат, да, впрочем, она и не нуждается в нем[47]. «Мы — турки, только турки», к чему эта интернациональная ответственность? К чему сохранять духовное родство с панисламизмом, принесшим столько жертв и несчастий? И если бы еще исламская религия служила прогрессу и науке, но Кемаль, верный последователь французских республиканцев, выступивших за разделение церкви и государства, испытывал ненависть к ходжам и считал их бесполезными.

Битва за халифат шла не только в Стамбуле, но и в прессе. Сторонники халифата, стремясь обуздать Кемаля, совершили несколько ошибок. Первая — это статья президента адвокатской коллегии Стамбула. Еще более серьезную ошибку допустили газеты «Танин», «Тефхиди Эфкяр» и «Икдам», опубликовавшие 5 декабря 1923 года письмо, отправленное из Лондона Исмету двумя мусульманскими авторитетами. Ага-хан и эмир Али требовали у турецкого правительства, чтобы были восстановлены честь и власть халифата: мы всегда защищали турок, даже в самые трудные времена, и мы присудили Мустафе Кемалю титул «Меч Ислама»; взамен обеспечьте халифу «положение, внушающее доверие и уважение мусульманских наций и придающее, таким образом, Турецкому государству исключительную силу и достоинство».

Письмо из Лондона о защите халифата — какая удачная находка: наилучшее доказательство связей между английскими «врагами» и халифом! Предательство Вахидеддина еще не забыто. И Анкара немедленно реагирует на этот выпад. В Стамбуле создается Трибунал независимости, подвергаются аресту владельцы и главные редакторы этих трех газет, а заодно и президент коллегии адвокатов Стамбула. Правда, вскоре все, кроме президента коллегии адвокатов, отпущены. Конец первого сражения.

А Кемаль в Измире вместе с Латифе. Мало кому известно, что Кемаль пережил шесть трагических месяцев. Всё началось в Мюнхене, где в санатории проходила лечение от туберкулеза бывшая возлюбленная Кемаля, Фикрие. Случайно узнав о женитьбе бывшего любовника, Фикрие немедленно прибывает в Анкару. Встреча была мучительной. Фикрие, тяжело переживающая происшедшее, собирается уехать в Стамбул и

перед отъездом вдруг решает в последний раз увидеться с Кемалем. Когда она прибыла в Чанкая, главный адъютант Кемаля заявил: «Это невозможно, необходимо заранее договориться о приеме». Вскоре после этого труп Фикрие был обнаружен в ее фаэтоне. Кемаль был настолько потрясен этой смертью, что однажды назвал жену Фикрие. Латифе решает призвать на помощь родителей. Тогда как Кемаль разыгрывает из себя гостеприимного хозяина, Латифе взрывается: «Я хочу развода… Ты не делишься со мной своими мыслями, ты ведешь себя по отношению ко мне как восточный мужчина, ты отгораживаешься от меня своей работой, я нахожусь в заточении, словно в гареме». А эти знаменитые ужины в мужской компании, то с друзьями детства, то с однокашниками по училищу, то с однополчанами и адъютантами, с которыми можно было расслабиться и отдохнуть. Пьяные и примитивные скоты, по мнению Латифе, Али-меч, Реджеп Зюхтю, Джевад Аббас и Салих позволяли гази выплеснуть избыток энергии и снять напряжение, они могли сказать все что думали, а взамен, Кемаль знал это, были бесконечно преданы ему.

После кризиса Кемаль на какое-то время почувствовал себя лучше. Но в середине ноября 1923 года ощутил острую боль в груди. Сердечный приступ и потеря сознания. Специалисты, прибывшие из Стамбула, поставили диагноз — нервные спазмы, обусловленные сильным переутомлением, и прописали строгий режим и никаких излишеств, только кофе. Жизнь Кемаля в Измире протекает, как спокойная река, в течение двух недель. За это время была предотвращена попытка нападения, а Исмет переслал ему письмо личного секретаря Абдул-Меджида. Халиф требовал большего внимания и дополнительных средств для функционирования халифата. И тогда разворачивается второе и последнее сражение с халифатом. Кемаль отвечает Исмету: «Халиф и весь мир должны осознать, что функционирование халифата лишено смысла как религиозного, так и политического». Затем он приглашает в Измир журналистов из Стамбула, в том числе и трио, которое ранее было арестовано его администрацией. Длительные дискуссии о взаимных обязательствах политиков и журналистов, всеобщее примирение, а затем информация: «Я собираюсь отменить халифат». Проходит десять дней; пресса молчит. 15 февраля в Измире начинаются военные учения. Тактические задачи этих маневров, в которых участвует вся элита турецкой армии, — отразить вражескую атаку в районе Искендеруна (Александретты) и обсудить последствия недавнего военного соглашения между Грецией и Италией. Кемаль ставит и третью, стратегическую; задачу: отмена

халифата и деполитизация армии, обязав военную верхушку выбрать между их политической карьерой и военной, а также подчинение начальника Генерального штаба непосредственно президенту республики. Маневры длятся одну неделю; армия соглашается не чинить препятствий, и 27 февраля газета «Илери», близкая Кемалю, задает тон: нужно устранить все помехи, препятствующие действиям правительства; «религия — это дело совести каждого», «не должно быть никакого посредника между Богом и его слугами».

1 марта на открытии парламентской сессии Кемаль поднимается на трибуну и произносит речь: республика должна быть защищена от любых атак[48], государство, и только оно одно должно заниматься народным образованием, политика и религия должны быть разделены в интересах даже ислама. Вскоре группы депутатов (по 50 человек в каждой) предлагают три проекта закона. Первым был отменен халифат и изгнаны члены правящей династии; вторым — унифицированы образовательная и юридическая системы; третьим — упразднены религиозные институты (духовные школы и религиозные суды) и… начальник Генерального штаба переведен в подчинение президента республики. Но битва еще не выиграна. Исмет отметил это в своих «Мемуарах»: «Насколько легкой была отмена султаната, настолько ожесточенное сопротивление встретило упразднение халифата». В течение пяти часов депутаты обсуждали достоинства светского государства.

Когда, в конце концов, все три проекта закона были приняты, Кемаль признался полковнику Мужену, представителю посольства Франции в Анкаре: отмена халифата и изгнание принцев были необходимы для того, чтобы республика жила и развивалась; народ, ошеломленный событиями четырех последних лет, не упорствовал и принял новый режим. Несмотря на свою уверенность, Кемаль счел необходимым предпринять некоторые элементарные меры предосторожности[49]. Абдулу-Меджиду, информированному об упразднении халифата, было предложено немедленно покинуть территорию Турции. Ранним утром 4 марта, после молитвы, Абдул-Меджид в сопровождении жены, сына и двух принцесс садится в старую машину Вахидеддина. Прежде чем шофер тронулся, последний халиф обратился к присутствующим помощникам: «Я заявляю, что никогда не сделал ничего плохого моей нации и никогда не сделаю. Напротив, я буду молить Аллаха о ее возрождении до самой моей смерти и после нее». По лицу Абдул-Меджида покатились слезы, когда он садился в машину. В сопровождении эскорта экс-халиф направился к вокзалу Чаталджа на окраине

Стамбула, откуда поезд увез его в изгнание. Остальная часть его семьи получила отсрочку на десять дней для подготовки к отъезду. После июня 1924 года к ним присоединяется еще 150 «соратников», в основном функционеров, наказанных за проступки, совершенные во время войны за независимость.

Смерть Абдул-Меджида пройдет незамеченной: 23 августа 1944 года в Париже было слишком много других проблем.

Глава пятая
КУДА ИДЕТ НОВАЯ ТУРЦИЯ?

«Тогда как обычно новые правительства стремятся сохранить традиции своей страны и установить новые дружеские связи и контакты с другими странами, молодая Турецкая Республика спешит порвать все связи с прошлым и стремится к изоляции», — писал французский обозреватель газеты «Petit journal», пораженный отменой халифата[50]. А журналист Жентизон в газете «Le Temps» заверяет, что «Турецкая Республика несомненно осуществила самую крупную попытку духовного и интеллектуального освобождения в мусульманском мире наших дней». В прессе высказывались самые разные суждения. А молодая республика должна была показать себя Парижу и другим европейским столицам.

Критические высказывания подполковника Катру

1 июля 1924 года подполковник Катру, военный атташе Франции, отправляет в Париж длинную докладную записку под заголовком «Куда идет новая Турция?». Он пишет, что «революция происходит только тогда, когда созрело общественное сознание, а новые условия государственного строя находятся в гармонии с желанием населения и фундаментальными интересами страны». Катру выражает сомнение, что подобное имеет место в новой Турции: революция изменила государственный режим, но не традиции, догма о полной независимости народа исчезла в пользу правления олигархии, непримиримости исключительного национализма. И французский офицер заключает: «Национализм, такой, какой он сегодня в Турции, угрожает стать самоубийством».

А между тем Турецкая Республика привлекает иностранных экспертов и устраивает конкурс иностранных предприятий, правда, больше американских, швейцарских и особенно немецких, а не французских или английских. Англичане не привлекаются из-за вечной проблемы с Мосулом, а французы слишком напоминают время унизительных капитуляций. Бедные французы, они с трудом допускают, что «молодые люди, единственным достоинством которых было участие в борьбе за независимость», способны строить железные дороги, добывать полезные ископаемые, заниматься торговлей и, что самое удивительное,

основать банк. В самом деле, молодые энергичные люди, вдохновленные Муаммер-беем, свекром Кемаля, и деловыми кругами Измира, создали банк. Рассчитывали ли руководители банка, что достаточно того, что гази является одним из его акционеров, чтобы конкурировать с османским банком, владевшим франко-английским капиталом?

Несмотря на свои предубеждения, Катру ставит и вполне справедливые вопросы. Отъезд из Турции около полутора миллионов греков и других немусульман в соответствии с договоренностями, достигнутыми в Лозанне, способствует, по выражению Торговой и промышленной палаты Стамбула, «началу экономического возрождения». Но на самом деле ни прибытие 500 тысяч турок из Фракии в соответствии с тем же соглашением, ни действия Анкары не помогли, и экономика по-прежнему оставалась в упадке. Реформа конституционных законов привела к ожесточенной борьбе между радикалами и умеренно настроенными депутатами. Частичные компромиссы обеспечивают весьма зыбкое равновесие: президент республики имеет право вето на большую часть законов, но право роспуска принадлежит только Национальному собранию; ислам остается официальной религией Турции. Переговоры в Стамбуле между турками и англичанами по поводу Мосула не продвинулись ни на шаг: каждая из сторон повторила аргументы, использованные в Лозанне, чтобы требовать получения суверенитета над регионом Мосула. Одним словом, первые шаги республике даются с трудом. Многочисленные скандалы потрясают политическую среду, а министр внутренних дел был даже вынужден уйти в отставку из-за того, что оказался замешанным в деле о взятках, которые якобы поступили от армянских кандидатов. Еще более угрожающим для будущего было то, что Народная партия полностью раскололась. Некоторые обвиняли в этом Исмета. Но за улыбками и спокойствием премьер-министра скрывались порядочность и твердость гранита. Повлиять на его мнение можно было только до принятия решения; когда же решение принято, любое вмешательство бесполезно, ничто не остановит Исмета. Но поведение Исмета всего не объясняет; другие противоречия, более фундаментальные, разделяют руководство Народной партии.

Кемаль в Чанкая хранит молчание.

Три тысячи километров

Кемаль пробуждается в конце августа. 30 августа по случаю

второй годовщины сражения при Думлупынаре, «генерального сражения», открывшего дорогу на Измир, он участвует в открытии памятника Неизвестному солдату. Кемаль выступает десятым, и последним, после Февзи, Али Фетхи и других известных представителей нации, и произносит блестящую речь, определяя задачи новой Турции. Турция должна стать высокоцивилизованной страной путем экономического развития и социального обновления. Мужчинам и женщинам, которых он обещает уравнять в правах с мужчинами, молодежи, в чьих руках будущее страны, гази предлагает подлинно светскую религию вместо ислама. В своей пламенной речи гази призывает к революции сердца и сознания. После выступления в Думлупынаре Кемаль не возвращается в Анкару. Он отправляется в поездку по стране длиною в три тысячи километров. В течение сорока девяти дней по суше и по морю он доберется до приграничных районов Восточной Анатолии. Он посетит эти малоразвитые регионы, стремясь проповедовать идеи, выдвинутые им в Думлупынаре. Всюду один и тот же ритуал: он посещает армию, местное отделение Народной партии, дома простых граждан, школы, торговую палату, Союз женщин… Выслушивает местные власти, а затем отвечает на вопросы. Проповедуя свои идеи, Кемаль в то же время обсуждает с народом повседневные трудности. Дороги: «Связь между западом, востоком и центром страны недостаточна для управления республикой, вот почему я считаю, что необходимо продолжить железную дорогу до Эрзурума, чтобы связать восток с другими регионами страны — это жизненно необходимо для республики». Здоровье: «Мы должны найти решение, чтобы врачи больших городов, таких как Стамбул и Измир, могли заботиться о жизни и здоровье всей нации. То, что происходит сегодня, совершенно недопустимо». Светское образование: «Вы не хотите школ, вам нужны медресе. Но народ хочет получать образование в школах. Оставьте народ в покое, чтобы дети нашей страны получали светское образование». «Запомните, ходжи: медресе никогда не откроются, народ нуждается в школах!» — заявил Кемаль, когда его остановили два ходжи, требуя снова открыть религиозные начальные школы (медресе).

Кемаль из предосторожности совершает несколько символических жестов, чтобы предать забвению Османскую империю. В Самсуне, имея несколько свободных часов, он просит библиотекаря принести ему несколько книг по истории и погружается в них. В Эрзуруме и Ризе он категорически отказывается от того, чтобы его именем называли улицы: «Я не вечен, а наша республика будет жить всегда». В Ризе он

наставляет мэра города (вали): «Вы должны знать, что не имеете права заставлять кого-либо работать без его желания: в республике не будет принудительного труда!» Общаться, покорять, объяснять, убеждать — вот революционное искусство Кемаля, не всегда встречающее одинаковый прием.

Крейсер Кемаля пересекает Мраморное море и поднимается по Босфору. В европейской и азиатской частях Стамбула собрались огромные толпы в ожидании: не остановится ли гази в бывшей столице? Нет, президентский крейсер не бросит якоря в Босфоре: полиция, опасаясь покушения, отговорила Кемаля от этого шага. А Латифе, сопровождающая Кемаля, утомила его своими нервными срывами и истериками. Кемаль заявляет ей, что «мой брак — это одна из ошибок, какие я совершил в жизни», и требует, чтобы Латифе возвращалась в Анкару. Их разрыв был неизбежен, но его опередили другие.

Через неделю после возвращения в Анкару Кязым Карабекир подает в отставку с должности инспектора 1-й армии, чтобы полностью посвятить себя депутатской работе. Вслед за ним подает в отставку Али Фуад, инспектор 2-й армии. Кемаль не верит в совпадения, и он прав. Карабекир и Фуад регулярно встречаются с Рауфом. Все трое уверены, что за ними установлена слежка тайной полиции и что их почту вскрывают. Фуад и Карабекир объясняют Рауфу, насколько трудно стало выполнять обязанности инспекторов армии. Все трое единодушно заключают: Кемаль порвал со старыми друзьями, окружил себя «льстецами» и «безнравственными людьми», которые их унижают; их ожидает диктатура.

Кемаль тоже упоминал об утраченной дружбе в своих «Воспоминаниях»: «В день отставки Али Фуада я пригласил его на ужин к себе в Чанкая. Я ожидал его довольно долго, но он так и не пришел». Впрочем, Али Фуад в своих «Мемуарах» объяснит, что не получал никакого приглашения. Хуже того, он оспаривает существование такого приглашения.

Кемаль теперь не сомневается в заговоре и требует, чтобы шесть генералов-депутатов покинули Национальное собрание. Четверо из них послушаются его приказа, но Джевад и Кафер Тайяр откажутся его выполнять: не обращаются с бывшим начальником Генерального штаба армии и с бывшим командующим военным сопротивлением во Фракии как с юнцами! Тем не менее, позабыв их высокие должности, заслуги и старые дружеские отношения, Кемаль лишил Джевада и Кафера Тайяра депутатских мандатов. Кемалю удалось избежать кризиса: представители армии не присоединятся к оппозиции.

Что же представляла собой оппозиция? Она объединилась

вокруг Рауфа, Аднана, Рефета и Исмаила Канболата: три героя войны за независимость и активист «Единения и прогресса», четыре депутата от Стамбула. Были ли они противниками республики, сторонниками султаната и халифа? Вероятно, нет. Они предпочитали конституционную монархию на манер Великобритании, но в то же время не были готовы сложить головы, сражаясь против республики. Они выступили против скоропалительных реформ, отсутствия консультаций с депутатами и превращения Национального собрания в палату, регистрирующую законы. Они опасались, что республиканизм — это всего лишь иллюзия, скрывающая абсолютизм. «Самодержец, носящий имя президента республики, управляет по своей прихоти», — пишет газета «Танин» в Стамбуле, поддерживающая оппозицию, при этом напоминая, что, например, Гаити тоже считается республикой. Они презирают выскочек, фанатиков и нетерпимых, которые их постоянно атакуют, не задумываясь над тем, кем они были бы сейчас, если бы те, на кого нападают — Рауф, Карабекир, Фуад, Рефет и другие, Аднан или Канболат, не решили бы сопротивляться. Какое нужно иметь самообладание, чтобы выслушивать, когда говорят, что «в Турции есть 80 тысяч Рефетов и миллион Кязымов Карабекиров»! Какое терпение нужно иметь, чтобы ежедневно подвергаться экзамену по республиканизму?

В другом лагере, лагере большинства, знают только один приказ: защищать республику. «Самой недопустимой ошибкой, какую мы могли бы допустить сейчас, — воскликнул Реджеп, — было бы колебаться и проявлять нерешительность. Никто не знает, куда могло бы это нас привести». Аргументы честности и старой дружбы ничего не значат. Впрочем, поддержка, оказанная группе шестью консервативными газетами Стамбула, а также Торговой и промышленной палатой города, оправдывает бдительность Исмета, Реджепа и их друзей. Слово «предательство» не было произнесено, но Исмет задает вопрос, используя довольно дерзкое сравнение: «Встречали ли вы когда-нибудь инвестора, рискующего своими капиталовложениями в коммерческое предприятие, если бы он не верил в успех?» Итак, с одной стороны — гази, республика и новая Турция, а с другой — реакция, выступающая против республики, секуляризации, Анкары. Одним словом, Стамбул.

8 ноября Национальное собрание подтвердило доверие правительству Исмета 147 голосами из 167 голосовавших. На следующий день Аднан, Исмаил Канболат, Рефет, Рауф и семь других депутатов выходят из Народной партии. Разрыв завершен. Партия решает изменить название: трудно защищать республику,

не будучи республиканцем, поэтому логично переименовать Народную партию в Народно-республиканскую партию. А в Стамбуле бывшие члены Народной партии были встречены многочисленной толпой, поддерживающей их решение, и они создают Прогрессивную республиканскую партию.

Один турецкий карикатурист изобразил однажды двух детей, играющих в куличики у ног высокого мужчины, набросанного схематично, но вполне узнаваемого, — хозяина Чанкая. Один из ребят — Исмет: он уйдет в отставку 21 ноября, другой — Али Фетхи: он займет пост премьера на следующий день. Кемаль считает его более подходящей фигурой, чтобы противостоять оппозиции, требующей референдума, расширения полномочий законодательной власти и децентрализации администрации. Как писал французский подполковник Мужен 9 ноября, «президент республики говорил мне, что считает необходимым иметь оппозицию в Национальном собрании, но не хочет оппозиции в рядах партии и будет делать всё, чтобы этого не было». «Мы провозгласили республику. Чтобы наш режим не оставался простой теорией, нужно, чтобы наши действия гармонировали с нашими идеями, — уточняет гази, обращаясь к Фетхи, и добавляет: — Меня действительно беспокоит то, что часть Народно-республиканской партии с трудом это одобряет».

Фетхи не оправдывает надежд

«В программе оппозиции я не нахожу ничего, что противоречило бы принципам Народно-республиканской партии, что заслуживало бы серьезной дискуссии», — заявил гази журналисту «Таймс». Вероятно, Кемаль предполагал предложить оппозиции сосуществование, но все расценили это как объявление войны. Али Фуад, друг детства Кемаля, ответил ему, что, прежде чем сравнивать программы двух партий, нужно, чтобы обе партии имели программы, и добавляет безжалостно: «Фактически у Народной партии нет программы». А лагерь гази атакует Рауфа, напоминая, что он подписал Мудросское перемирие, а также непрерывно цитирует заявление Кязыма Карабекира во время выступления перед студентами факультета права Стамбульского университета, когда он утверждал: «Если нация спасла свое существование, то только благодаря исламу. Если у Турции отнять всё, то у нее останется только мусульманская вера».

Короче, перед Фетхи стояла нелегкая задача. Даже внутри партии его упрекают в умеренности. Поражение Фетхи стало

явным, когда в начале февраля 1925 года во время заседания Национального собрания два депутата, выясняя отношения, затеяли перестрелку. «Револьвер стал повседневным аксессуаром, столь же обычным, как феска», — отмечают французы. «Депутаты предпочитают иметь скорее два револьвера, чем один», — добавляют с иронией англичане.

Всего один раз Фетхи удалось объединить большинство и оппозицию: когда Анкара решила выслать нового греческого православного митрополита, бывшего архиепископа Бурсы. Афины отреагировали мгновенно и обратились в Лигу Наций. Анкара ответила, что это внутреннее дело Турции и никто не должен вмешиваться; Турция даже готова к войне, если понадобится. Этот эфемерный, призрачный кризис продлился всего три недели: с тех пор как последний греческий солдат покинул Анатолию, прошло около тридцати месяцев…

Глава шестая
ВОЗВРАТНО-ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Середина февраля 1925 года. Депеша анатолийского агентства сообщает об инциденте в деревне Пизан; причиной беспорядков был мятеж, возглавляемый шейхом Саидом. Депеша не вызвала бурной реакции. Наиболее любопытные стали искать деревню Пизан на карте, а когда обнаружили ее на юго-востоке Анатолии в регионе, населенном курдами, то лишь прибавили это событие к длинному списку выступлений непокорных курдов.

Никто не мог навязать свои порядки курдам. Курды, которых, по сведениям французских спецслужб, насчитывалось примерно 2,8 миллиона, жили на территории Турции, Персии, Сирии и Месопотамии; в Турции их проживало около 1,5 миллиона. Племена курдов были совершенно неуправляемы. Феодальная независимость и воинственный нрав создали курдам ужасную репутацию грабителей и работорговцев. Только Абдул-Хамид сумел несколько усмирить курдов, создав племенные отряды «хамидийе», подобно тому, что сделали с казаками русские цари. Но юнионисты, придя к власти, решили снова обуздать курдов, не желающих признавать авторитет Стамбула. Курдов, отважных воинов, почувствовавших себя националистами, пытался использовать во время войны за независимость и Кемаль, как, впрочем, и англичане или великий визирь Ферит-паша. Но гази забыл о своих обещаниях в момент окончательной победы. По мнению Анкары, курды как нация не существуют, это изобретение врагов, в особенности англичан, желающих отнять у Турции юго-восточные пограничные районы, чтобы свободнее контролировать Месопотамию. Стоит вспомнить финансовую поддержку повстанческого курдского комитета и действия майора Ноэля среди курдских племен во время конгресса в Сивасе.

Читая депешу национального агентства о мятеже курдов, власти в Анкаре не рассматривали это происшествие как восстание националистов, требующее немедленного вмешательства. Всеобщее внимание в этот момент было приковано к отмене ашара, тяжким бременем лежавшего на плечах крестьян.

Новая Турция, где четыре пятых населения проживало в сельской местности, была, естественно, аграрной страной. Предстояла огромная работа, чтобы поднять сельское хозяйство. Культивирована только десятая часть посевных площадей, использовалось менее пятисот тракторов, и Турция была вынуждена импортировать зерно; «отъезд и устранение местных немусульманских посредников» привели к тому, что коммерцией стали заниматься турки, пока еще не имеющие опыта своих предшественников. Главной задачей новой Турции становится подъем сельского хозяйства. «Да, действительные хозяева Турции — крестьяне!» — провозгласил Кемаль в 1922 году с трибуны Национального собрания.

Главная проблема — земельная реформа. Она была отвергнута конгрессом в Измире, где безземельные крестьяне, впрочем, не были представлены. И Кемаль предпочитает не восстанавливать против себя землевладельцев, начиная реформу, экономические достоинства которой на данном этапе развития не очевидны. Институционализация деревень, создание министерства сельского хозяйства, реформа аграрного банка, организация сельскохозяйственных выставок, бесплатное распределение зерна и материалов — такова активность государственных властей. Большое внимание уделяется также строительству железных дорог, что значительно облегчит коммерциализацию продукции. В первое время протяженность железных дорог составляла всего 4500 километров, 80 процентов которых управлялись иностранными компаниями. Кроме того, сеть дорог не охватывала всю Анатолию, а вела только к портам; ни одной линии не существовало к востоку от Анкары.

Недоставало еще важной и символической реформы: отмены ашара, налога с урожая. Ашар был кошмаром для крестьян, и конгресс в Измире записал его отмену как один из национальных приоритетов. К несчастью, этот налог, взимаемый в натуральном виде и превосходящий десятую часть продукции, был важнейшим доходом в бюджете республики. Когда дефицит бюджета, когда национальная оборона поглощают более трети кредитов, а таможенные доходы нейтрализованы в соответствии с договором в Лозанне, нужно было обладать значительным политическим мужеством, чтобы решиться на отмену ашара.

17 февраля 1925 года Национальное собрание проголосовало за замену ашара современным земельным налогом. А через три дня Исмет был срочно вызван из Стамбула в связи с восстанием курдов.

Неизбежное насилие

Если верить английскому бизнесмену, беседовавшему с Исметом в середине декабря 1924 года, тот никогда не верил в успех Фетхи как главы правительства: «Фетхи-бей на ложном пути, откуда нет выхода. Вам не придется долго ожидать смены правительства».

Кемаль встречает Исмета на вокзале и везет в Чанкая. Гази обеспокоен: «Кажется, восстание курдов принимает серьезный оборот». Ночью Кемаль собирает Совет министров; в Восточной Анатолии объявляется чрезвычайное положение. Фетхи, сторонник более умеренных действий, наталкивается на решительное сопротивление Кемаля и Исмета: республика в опасности, необходимо сделать всё, чтобы ее защитить. «Наша первостепенная задача, — заявляет Исмет Мужену, французскому представителю в Анкаре, — установить прочный республиканский режим». «Мы воспользуемся этим случаем, чтобы предпринять такие меры, какие исключат возможность повторения подобного восстания», — добавляет Кемаль.

Мог ли шейх Саид с пятьюдесятью мятежниками угрожать республике? На самом деле восстание быстро разросталось, и вот уже Саид во главе тридцати тысяч восставших курдов движется на Диярбакыр и опустошает Хлат. Правительственные войска застигнуты врасплох; согласно сообщениям французских и английских дипломатов армия ослаблена многочисленным дезертирством. В течение нескольких дней восстание охватило одиннадцать провинций Восточной Анатолии. Анкара в панике: многие не понимают или, скорее, слишком хорошо понимают, что происходит. Одни винят во всем административное управление, но большинство, как и пресса Стамбула, называют других виновников: религиозных реакционеров, противников светской республики и сторонников халифата, защитников султаната: принц Селим, сын Абдул-Хамида, по слухам, мог бы стоять во главе движения. Кроме того, курды не смогли бы так развернуться без иностранной поддержки.

Ясно, что здесь не обошлось без поддержки Лондона, защищавшего проект независимого Курдистана. Наконец, англичане пытались оправдать перед Лигой Наций свое поведение в отношении Мосула. В конце февраля 1925 года установление границ и судьба провинции Мосул всё еще не были решены между Турцией и английским протекторатом — Ираком. После неудачи турецко-британской конференции в Стамбуле (май 1924 года) пограничные инциденты умножились до такой степени, что обе стороны решили обратиться в Лигу Наций, которая назначила комиссию по расследованию осенью 1924 года. Кемаль и Турция очень дорожили провинцией Мосул. Эта

провинция Османской империи была оккупирована англичанами после Мудросского перемирия; в то время, в октябре 1918 года, Кемаль даже предлагал правительству оказать военное сопротивление оккупационным войскам. Дополнительные аргументы были изложены гази во время встречи с журналистами, Стамбула в Измире в январе 1923 года: потеря Мосула лишала турок нефтяных месторождений и позволяла англичанам постоянно угрожать Турции, опираясь на многочисленные курдские племена, живущие в этой провинции. Поэтому турки были уверены, что Лондон спровоцировал восстание курдов, чтобы показать Лиге Наций, что курды не хотят турецкого суверенитета и что Анкара не способна обеспечить порядок в этом регионе[51].

К длинному списку виновных в разгоревшемся конфликте правительственная партия добавляет также Фетхи. 2 марта члены партии во главе с Реджепом выступают с критикой бездействия премьер-министра. Атака продолжалась в течение десяти часов в присутствии самого Кемаля. Фетхи подает в отставку. Исмет становится премьером и переходит в атаку. Более сорока пяти тысяч солдат и несколько эскадрилий самолетов были брошены против повстанцев[52]. Завязались ожесточенные бои. Прекрасное знание местности, холодный климат, затруднения с транспортом и наличие многочисленных резервистов в войсках Анкары благоприятствуют курдам. Только 15 апреля армия наконец берет под контроль территорию, кстати, не без помощи некоторых курдских племен. Шейх Саид и около тридцати главарей были повешены. Восстание было подавлено с исключительной жестокостью. Чтобы покарать восставших курдов, кидавшихся в атаку с криком: «С вами ваши великие паши, а с нами наш Великий Аллах!» — правительство использует силу и переселяет часть населения в Западную Анатолию. Кемаль заявил, что подобное восстание не должно повториться. Новое восстание в 1926 году покажет Кемалю, что только силой курдов не победить.

Правительство Исмета решило проявить силу по всем направлениям. Вопреки тому, что можно было бы подумать, первыми жертвами решительного наведения порядка, первыми «клиентами» Трибунала независимости были вовсе не курды. Первая атака правительства была направлена против прессы: в ряде городов провинции, и в первую очередь в Стамбуле, были запрещены газеты, арестованы журналисты. Многие из них будут затем отпущены или получат легкие наказания после того, как признают свои «ошибки». Республиканская прогрессистская партия подверглась ожесточенной критике за то, что требовала объяснить причины отставки Фетхи и не смогла «четко

сформулировать свою позицию в отношении восстания курдов». Рауф осмелился заявить, что «республика не была в опасности». Вслед за критикой последовал приказ о роспуске партии: в начале июня все отделения партии были закрыты по распоряжению правительства. Официально оппозиционную партию упрекали в использовании религии во время политических дискуссий и в организации реакционного движения, связанного с бывшим халифом. Серьезные обвинения на какое-то время приведут к режиму террора в Стамбуле, а Рауф, бывшая правая рука Кемаля, будет вызван в комиссариат полиции. И всё же ни один из лидеров запрещенной партии не будет брошен в тюрьму или осужден, чего нельзя сказать о семидесяти членах религиозной организации, заподозренной в подготовке восстановления султаната, а также о двадцати коммунистах: одиннадцать консерваторов будут казнены, двадцать других брошены в тюрьму, как и большинство арестованных коммунистов. Коммунистов освободят в конце 1926 года, а затем снова арестуют в 1927 году.

Оппозиционеров, виновных или невинных, заставили замолчать. После девяти месяцев демократического эксперимента в кемалистской Турции устанавливается мягкий деспотизм. Кемаль, поддерживаемый Фетхи, искренне попытался вести либеральную политику. Восстание курдов выдвинуло на первый план тех, кто по темпераменту или по убеждениям был уверен в том, что Турецкой Республике угрожают как внутренние, так и внешние враги[53]. Кемаль мгновенно становится на их сторону. «Наш народ еще не готов к демократическому и конституционному режиму, — якобы заявил он в частной беседе в середине августа. — Мы, основатели республики, должны его подготовить к этому. В течение десяти-пятнадцати лет мы, и только мы одни должны взвалить на свои плечи государственное управление. После этого турецкому народу будет позволено создавать политические партии, чтобы свободно обсуждать внутренние и внешние вопросы. Но до этого момента турецкий народ должен заниматься сельским хозяйством, торговлей и работой на промышленных предприятиях, а для развлечения было бы неплохо предаваться плотским удовольствиям, а не опасным политическим играм». Но это была приватная беседа, о которой предположительно сообщили английские дипломаты. Необходимо с осторожностью относиться к этим высказываниям.

Будущее подтвердит эту информацию: в 1930 году, то есть пять лет спустя, Кемаль попытается снова создать оппозиционную партию. И снова неудача. Следовало подождать еще 16 лет, до 1946 года, когда преемник Кемаля Исмет Инёню разрешит

многопартийность.

Глава седьмая
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ШЛЯПА

Машина выезжает из Анкары и направляется на север. В десяти километрах от столицы горы уступают место огромной равнине, покрытой худосочными зерновыми культурами. Овцы, козы, несколько буйволов рассматривают машину, приближающуюся к обычной деревне с глинобитными домами, минаретом и строящейся школой.

В машине гази оживленно рассказывает о битве, которая, согласно местным поверьям, происходила именно здесь[54] между султаном Баязидом[55] и Тимуром (Тамерланом)[56]. Это произошло в 1402 году, когда Тимур одержал победу и разорял Османскую империю в течение десяти лет. Кемаль не скрывает своего восхищения великим стратегом и убеждает в этом своих спутников, друзей детства. В этой поездке 23 августа 1925 года Латифе не сопровождает Кемаля: она больше не будет его сопровождать никогда.

После поездки по Восточной Анатолии прошлой осенью отношения между Кемалем и Латифе всё ухудшались. Развод становился неизбежным, несмотря на все попытки Исмета примирить их. Исмет, образцовый муж и отец, беспокоился о состоянии здоровья гази, он всегда сожалел о бурном образе жизни, невоздержанности Кемаля. Исмет надеялся, что Латифе сможет изменить Кемаля, «уравновесить» его. Но Исмет заблуждался. Латифе стала «ошибкой» Кемаля, помехой в осуществлении задуманного им революционного преобразования страны. В день развода он пригласил в Чанкая двух лучших подруг Латифе и признался им: «Я задумал огромные реформы для моей страны, но сейчас я ничего не могу делать». И, повертев правой рукой над головой, добавил: «У меня такое состояние, словно винт сверлит мой мозг». Помолчав несколько секунд, гази объявил: «Я решил сегодня развестись с Латифе, и я не увижу ее больше»[57]. И действительно, Кемаль больше никогда не увидит Латифе, но ее образ будет его преследовать. Однажды он спросил у одного из друзей: «Не правда ли, она похожа на Латифе?» — хотя женщина была полной противоположностью его бывшей жене.

В машине Кемаля место Латифе занимал теперь Нури, единственный человек, кто мог называть гази просто по имени. Его связывала с Кемалем братская дружба. Нури был первым представителем националистов в Берлине, он — член

Национального собрания, но эти официальные титулы — лишь слабый отблеск роли Нури в жизни Кемаля. Впрочем, слишком сложно определить эту роль. Мирную гавань, торжество необычайной доброты, семейный комфорт — вот что познал Кемаль с Нури и его семьей, нормальную жизнь без страстей и потрясений. «Было забавно видеть, как они подшучивали друг над другом, — вспоминала через полвека вдова Якуба Кадри Караосманоглу, — словно два брата!»

Кемаль, Нури и их попутчик, тоже друг детства гази, одеты в европейские костюмы, в руках у них шляпы. Прибыв в Чанкыры, Кемаль выходит из машины и приветствует толпу, размахивая шляпой. Во время этой поездки в Чанкыры, Кастамону и Инеболу, регион на северо-западе от Анкары, известный своим консерватизмом, Кемаль провозглашает революцию головного убора.

Вспомним историю. В 1829 году по распоряжению султана Мехмеда II все чиновники должны были носить феску, которой султан решил заменить традиционный тюрбан. Это решение вызвало взрыв возмущения: феска превращала мусульманина в неверного, уподобляла грекам. В 1908 году Кемаль, направленный юнионистами в Триполитанию, проезжает через Сицилию, и дети швыряют корки лимона в чужестранца с феской на голове. В 1910 году Мустафа Кемаль выезжает во Францию, чтобы присутствовать на Больших маневрах в Пикардии; на вокзале в Белграде торговцы насмехаются над одним из его попутчиков с красной феской на голове. В Париже Фетхи, тогда военный атташе во Франции, ожидает своего друга Кемаля, чтобы представить его в военном министерстве. Кемаль появляется в спортивном костюме и тирольской шляпе, гордый, сияющий, словно европеец.

Пятнадцать лет спустя его склонность к элегантности и восхищение «европейской цивилизацией» не изменились. А между тем турецкий народ снова обретает гордость за свою нацию. «Каждый крестьянин Анатолии знает, что Мустафа Кемаль сбросил греков в море, а каждый горожанин — что Исмет подписал с союзниками договор, положивший конец иностранным привилегиям», — отмечает английский дипломат. Создание республики и отмена халифата начали менять умонастроения людей. Отныне турок может понять свою отсталость по сравнению с цивилизованным миром, признать это и попытаться преодолеть, а в повседневной жизни, в частности, изменить свой наряд.

Появление Кемаля без фески, со шляпой в руке перед толпами восторженно встречающих его людей привело к

исчезновению фесок. Направляясь в казарму, Кемаль облачился в маршальский мундир, украсив его единственной наградой — медалью за независимость. В казарме его внимание привлекает плакат: «Один турок стоит десятка врагов». «Это так?» — спрашивает он у офицера. «Да, мой паша». — «Нет, я так не думаю. Один турок стоит всего мира!» Но сильный турок обязан быть цивилизованным.

«Вот феска, — объясняет Кемаль, — она украшена вышивкой. Всё это приносит деньги иностранцам. (Большая часть турецких фесок действительно импортировалась из Австрии.) Мы должны стать цивилизованными людьми. Мы вынесли много страданий из-за того, что не понимали окружающий мир. Наши идеи и наш образ мышления должны быть цивилизованы с головы до ног <…>. Хотите того или нет, но мы должны двигаться к прогрессу, что неизбежно. Нация должна понять, что цивилизация — это настолько сильная игра, что она сжигает и уничтожает всех, кто игнорирует ее».

27 августа Кемаль произносит «речь о шляпе». Выступление начинается с известных тем: национальный суверенитет, отмена халифата и создание светского государства. Далее следует фундаментальное утверждение: «Турецкий народ, создавший республику, — цивилизованный народ. Это исторический факт, это реальность». И обращаясь к аудитории, где одни были в традиционных нарядах, а другие — в европейских костюмах, Кемаль предлагает цивилизованный наряд. «На ногах — ботинки или туфли, затем брюки, жилет, рубашка, галстук и, естественно, всё это завершает головной убор, защищающий вас от солнца, — это шляпа, — заявляет он и демонстрирует свою. — Некоторые считают это недопустимым, но я им отвечаю, что они невежественны, и спрашиваю: почему носить греческий головной убор — феску возможно, а носить шляпу — нет?»

Но на этом Кемаль не останавливается: «В деревнях и городах я вижу, что лица женщин, наших товарищей, полностью прикрыты. Я уверен, что особенно в жаркое время года эта практика доставляет им мучение. Друзья мои, всё это результат нашего эгоизма. Будем честны и внимательны. Наши женщины чувствуют и мыслят, как и мы. Пусть они покажут свои лица миру и сами внимательно смотрят на мир. Нечего бояться».

Кемалю действительно нечего опасаться администрации и огромной толпы, встречающей его. После появления его в шляпе фески стали быстро исчезать, некоторые даже рвали их на части, и все дружно отправились на поиски шляп или чего-то подобного. Но Кемаль тем не менее не питает иллюзий. Накануне своего возвращения в Анкару он обрушился с критикой на секты и

братства, расшатывающие власть в Анатолии: «Мы знаем, что шейхи, дервиши и другие религиозные деятели не поддерживают республику, — и переходит к угрозе: — Цель реформ, которые мы реализуем, — это превращение народа Турецкой Республики в современное общество как по форме, так и по содержанию. Такова основная задача наших реформ. Те, кто не воспринимает эту реальность, будут уничтожены».

Революционные реформы Кемаля

Кемаль проводит в Анкаре всего несколько часов; этого оказалось достаточно, чтобы Совет министров принял решение о закрытии монастырей, принадлежащих различным сектам и братствам, а также постановление, обязывающее всех чиновников носить шляпы и регламентирующее одежду религиозных деятелей. Далее он отправляется в Западную Анатолию, Бурсу, Балыкесир, Измир, Ушак и Конью, продолжая пропагандировать замену фесок на шляпы. В честь Кемаля организуют «церемонии, на которых демонстративно рвут фески» и дарят ему шляпу местного производства. Поездка проходит настолько успешно, что мэр Балыкесира позволил себе исключительное сравнение: «Если бы Аллах не учил нас тому, что Магомет — последний пророк, я сказал бы: о гази, вы — пророк!» В своих выступлениях Кемаль делится мечтами о модернизации общества: «Пусть в Бурсе будет так много заводов, чтобы их число сравнялось с количеством религиозных заведений». Он даже собирался поехать в Стамбул, чтобы наладить отношения с оппозицией. Английские дипломаты комментируют поездку Кемаля: «Гази, безусловно, человек необычайной силы и целенаправленности; в нем удивительным образом сочетаются смелость и осторожность, что позволяет ему наносить жестокие удары, но только в том случае, если он верит, что удар достигнет цели. Подлинный патриотизм вдохновляет его, и он искренне желает, чтобы его родина стала сильной и процветающей; одновременно он абсолютно убежден в том, что только он способен справиться с огромной задачей реконструкции страны». «Где он остановится?» — задается вопросом представитель Лондона.

В самом деле, ничто не способно его остановить, даже законы природы. Его жена и его любовницы не дали ему детей, и Кемаль решает удочерить двух девочек, встреченных в Бурсе и Измире, а затем еще шестерых. Восемь девочек и ни одного мальчика[58]. Он якобы признавался одному из близких друзей, Джеваду Аббасу, что не хотел бы иметь сына, так как боится, что тот «может

оказаться дегенератом»[59]. Мудрая предосторожность. Гази не испытывал династической амбиции.

Кемаль беззаветно любил Турцию, он даже отождествлял себя с ней. А приемные дети будут олицетворять то будущее, о котором он мечтал для своей родины. Девочки получат самое лучшее образование, какое тогда было возможно, в школе, открытой в Чанкая, затем в христианских учебных заведениях Стамбула и даже за границей. Он страстно желает создать образцовых представителей новой Турции. Кроме того, с психологической точки зрения удочерение девочек накладывает определенную ответственность. Обязательство в знак признательности, когда он удочерил Афет в Измире: ее мать жила в регионе Салоник, в доме, где скрывался Кемаль перед революцией 1908 года. Обязательство политического характера, как в случае с Сабихой в Бурсе, сиротой, как и большинство других приемных детей. Ведь сироты, которых было очень много после десяти лет войны, явились невинными жертвами той политики, какую осуждал Кемаль, а также войны за независимость. Во время войны за независимость Кязым Карабекир собрал около двух тысяч сирот в Восточной Анатолии. Как отмечала Халиде Эдип, Карабекир был известен как «друг детей», а сироты прозвали его «папа-паша». Тогда как Карабекир заботился о том, чтобы дети были обеспечены питанием, обучались музыке и столярному делу, Кемаль превращает сироту в символ. «При виде сироты я испытываю глубокое сострадание и начинаю плакать, — как-то признался он. — А ведь я плачу исключительно редко…»

Несколько приемных дочерей Кемаля оказались достойны своего отца. Афет Инан стала его советником, известным историком, активным проводником культурной революции, которую осуществлял Кемаль в тридцатые годы. Сабиха Гекчен стала первой женщиной — военным летчиком в стране[60]. Они — современные женщины, счастливые и свободные, образцовые представители новой Турции.

К этому времени шляпы были признаны всеми турками. Но в конце 1925 года шляпы еще только пробивали себе дорогу. Правда, в Стамбуле эта инициатива Кемаля была поддержана: в бывшей столице выстраивались очереди за шляпами, коммерсанты и местные производители не успевали удовлетворять запросы. Каждый хотел первым продемонстрировать свою шляпу. Единственный раз, когда Анкара приняла решение, не вызвавшее отрицательной реакции Стамбула!

Братья Борсалино удовлетворенно потирали руки: шляпная

революция предоставила им турецкий рынок. Однако их энтузиазм длился недолго: в Сивасе, Кайсери, Эрзуруме, Ризе, Мараше, Гиресуне, Самсуне и многих других анатолийских городах ношение шляп вызвало бурю протеста. «Мы не хотим, чтобы наши государственные служащие были похожи на гяуров (неверных)!» — кричали манифестанты, часто возглавляемые религиозными деятелями или, как в Сивасе и Мараше, мэром города и бывшими депутатами. В этой части страны, на севере и востоке Анатолии, всё население за исключением армии и среды, близкой к правительству, отвергало шляпы и все другие идеи модернизации, пропагандируемые Кемалем.

Правительство не ожидало такого недовольства и динамизма оппозиции: одновременные выступления в разных городах наводили Исмета на мысль, что это движение организовано извне. Это было еще одной причиной не отступать и ответить ударом. Прислуга французского посла, отправившись на рынок, чуть не ударилась головой о ноги повешенных: шесть пар ног болтались на площадке перед посольством; в провинции аресты и смертные приговоры умножались, а город Ризе был обстрелян крейсером.

Но эти меры были только началом. Настоящий ответ оппозиции Кемаль подготовил в Национальном собрании менее чем за шестьдесят дней: международные время и календарь заменяют традиционную мусульманскую систему; разработан Гражданский кодекс; наконец, 1 марта 1926 года депутаты принимают Уголовный кодекс. Полигамия запрещена, законным считается только брак, зарегистрированный представителем государства; развод должен быть представлен на решение суда мужем или женой. Запрещается любая пропаганда против принципов светского государства.

Клод Фаррер, известный своими симпатиями к Османской империи, резко критикует светскую революцию, предпринятую Кемалем: «Искоренять религию народа, столь близкого еще к своим корням, для которого религия всегда была важной составляющей его жизни, — серьезная ошибка». В отличие от того, что думает Фаррер, Кемаль — не атеист, а его модель государства — вовсе не советская. Он борется с клерикализмом, а не с религией. Он считает, что религия — это личное дело каждого, что ее следует освободить от безрассудных обрядов, чтобы она не противостояла нации, и добьется своего: религия станет цивилизованной.

Что касается эмансипации женщин и полного отделения религии от государственных дел, то следует придерживаться единственного правила. «Эта нация признает теперь, что в

интернациональной борьбе за существование единственное средство, которым располагают нации, — это признание западной цивилизации», — утверждает Кемаль на открытии факультета права в Анкаре. Еще более четко это сформулировано в преамбуле Гражданского кодекса, где заявлено, что «нет никаких фундаментальных различий в нуждах наций, принадлежащих к современной семье цивилизации»: западная цивилизация и цивилизация — это единственная и одна и та же реальность.

Кемаль не был первым в Турции, кто восхищался западной цивилизацией. Еще во второй половине XVIII века государственные деятели и интеллектуалы внимательно изучали Запад, пытаясь найти объяснение упадку Османской империи и возможные пути выхода из кризиса. Впрочем, ряд реформ, проводимых Кемалем, предлагался и ранее и даже был узаконен. Например, во время Первой мировой войны было принято несколько законов, передающих религиозные школы и суды в ведение светской администрации и превращающих браки в светский контракт.

Революционное своеобразие Кемаля и величие его реформ в другом. «Османские порядки были замкнуты в круге, ограждены непроницаемыми стенами, — анализировал позже Исмет. — Османские реформисты работали и прилагали все усилия в этом замкнутом круге. Все попытки реформ, даже тех, что увенчались успехом, не выходили за пределы этих стен». А Кемаль разбил эти стены, объединив турок только единственной связью — их национальностью. Оказавшись в имперской ловушке, склонные скорее реформировать государство, чем общество, и неспособные найти равновесие между веком и религией, его предшественники были обречены и проиграли по всем статьям.

Твердо опираясь на национализм, Кемаль смело повел свой народ по неизведанному пути.

Глава восьмая
РЕШИТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

«Не будем питать иллюзий, товарищи, совершенная нами революция еще не понята по-настоящему народом. Увы! Народ пребывает в неведении. Ускоренный темп реформ, происходящих одна задругой, приводит его в замешательство, народ в растерянности и опрометчиво кидается в ряды реакционных движений. Ему приказывают носить шляпу? Он соглашается и надевает шляпу. И вы воображаете, что он делает это от чистого сердца? Нет, товарищи! На самом деле народ в настоящий момент против того, чтобы носить шляпу…»

Человек, произносящий эту речь, — не реакционер, не коммунист. Весной 1926 года доктор Энвер, не имеющий никаких родственных связей с ушедшим из жизни лидером юнионистов, участвует в годичном конгрессе Турецкого центра. Турецкий центр, созданный в 1912 году по инициативе Мехмета Эмина, Зии Гёкалпа, Халиде Эдип и Хамдуллы Суфи с целью развития национальной культуры, оказался на передовой кемалистской революции. Кемаль объявил турецкие центры общественным объединением, Латифе была их почетным президентом, а гражданские и военные администрации получили приказ всячески помогать и содействовать им. Задачами турецких центров были выступление против консерватизма Востока, пропаганда западной цивилизации среди населения, организация конференций и выставок, сохранение народных традиций, забота о гигиене и здоровье крестьян, защита национализма. Одним словом, согласно формулировке французского посла Сарро, турецкие центры были «одним из лучших помощников республики националистов». После курдского восстания 1925 года турецкие центры оказались более эффективны, чем республиканская партия, в пропаганде идей кемалистов в Восточной Анатолии.

Поэтому к словам доктора Энвера следовало отнестись серьезно.

Разрыв между амбициями и возможностями

Народ в замешательстве, а как могло быть иначе? С 1922 года Турция постоянно переживает потрясения, по выражению французского журналиста Жентизона, народ буквально

«вывернули наизнанку».

Революционное нарастание реформ смело практически все ориентиры. Новые ценности не усваиваются сразу. Например национализм. После подписания договора в Лозанне Анкара постоянно утверждала неоспоримость принадлежности Турции провинции Мосул. Но когда в конце 1925 года Лига Наций принимает решение о передаче провинции Мосул Ираку, что соответствовало интересам Лондона[61], правительство Турции ограничивается лишь дипломатической реакцией. Многие, особенно в Генеральном штабе, предпочли бы военное решение проблемы и рассматривали лишь как слабую компенсацию подписание договора с Москвой о дружбе и нейтралитете. Гази и Исмет пытаются изменить взаимоотношения государства и народа. Некоторые губернаторы, мэры и начальники полиции были смещены за злоупотребление властью. Министр финансов запретил таможенникам получать мзду, но через девять месяцев был вынужден назначить премии тем, кто будет доносить на чиновников, получающих взятки: старые привычки оказались устойчивыми, и в то же время появлялись новые виды злоупотреблений. Политика общественных работ, строительство, обустройство Анкары, участие многих политиков в частных предприятиях создавали нездоровый рабочий климат. Один из приближенных к Кемалю дошел до того, что стал продавать сигары под названием «Гази Мустафа Кемаль-паша»!

А между тем жизнь большинства населения нисколько не улучшалась. Экономическая ситуация в стране оставалась непрочной: цены быстро росли, производство основных сельскохозяйственных продуктов на территории современной Турции не достигло довоенного уровня; торговый обмен и бюджет оставались дефицитными, турецкая лира слабела. Средства на развитие страны крайне ограниченны, что заставляет правительство избрать «своего рода государственный капитализм». Введение государственного контроля над производством сахара и бензина, выкуп у иностранных компаний 85 процентов железных дорог, проведение налоговой реформы должны позволить правительству увеличить государственные ресурсы. Обложение налогом домов терпимости не вызвало особой критики, но многие были недовольны тем, что государственные служащие должны платить меньше налогов, чем наемные рабочие (преподаватели и военнослужащие, а также крестьяне были освобождены от налога с доходов), а Промышленная палата Стамбула не скрывает своего недовольства освобождением от налогов только государственных предприятий.

Со временем разрыв между амбициями Кемаля и его

возможностями становился всё более очевидным. Даже наиболее приоритетное направление — образование — развивалось с трудом. Кемаль опубликовал и бесплатно распространял «Гражданский кодекс», написанный простым, доступным языком. Согласно конституции 1924 года начальное образование стало обязательным и бесплатным для всех турок, женщин и мужчин, а армии было рекомендовано обучать новобранцев методам ведения сельского хозяйства. Прогресс впечатлял: в 1926 году число учащихся в школах по сравнению с 1923 годом удвоилось, но задача оставалась огромной: более половины детей, в том числе четыре пятых девочек, не ходили в начальную школу, а число неграмотных по-прежнему составляло примерно 90 процентов.

Проблема элиты

«Если бы я не был главой государства, я хотел бы быть министром образования», — признавался Кемаль, придававший образованию первостепенное значение. Сам он буквально поглощал книги, особенно исторические, делая пометки красным и синим карандашами; часто превращал обеды в многочасовые дискуссии, которые могли длиться до рассвета. Близкие друзья, министры, депутаты, интеллектуалы приглашались для обмена идеями и мнениями, для ответа на вопросы, волновавшие хозяина, причем он часто приглашал и незнакомых ему людей, чтобы узнать их. Так, молодой французский бизнесмен, прибывший в Анкару открыть филиал автозавода «Ситроен», был удивлен, получив приглашение в Чанкая; в тот же вечер он оказался за одним столом с президентом республики. Молодого человека, находящегося под сильным впечатлением от личности Кемаля, чуть не хватил удар, когда гази обратился к нему: «Я — абсолютный ноль в экономике. Объясните мне, что следует сделать, чтобы накормить население».

Кемаль разрабатывает доктрину, можно даже сказать — религию, образования. Учителя и учительницы, окрещенные «лоцманами будущего освобождения», брошены в атаку на обскурантизм. Их преданность делу, самоотверженность, чувство ответственности перед республикой и кемализмом станут одной из традиций политической жизни новой Турции. Но сколько лет понадобится им, чтобы добиться победы в сложных условиях разбросанности мелких деревень, суровых зимних холодов и сопротивления крестьян, стремящихся отправлять дочерей в школы, где сохранилось религиозное влияние? В 1926 году

культурная революция делала первые шаги. В 1935 году из 40 тысяч деревень 35 тысяч еще не имели школ и только 350 тысяч детей из 1,9 миллиона обучались грамоте.

Молодая республика испытывала недостаток в интеллектуальной элите и кадрах. Она унаследовала от прошлого около 600 выпускников школы государственного управления, 500 выпускников факультета права и 900 врачей, получивших образование в Османской империи между 1880 и 1900 годами. К счастью, большинство из них были турками и почти единодушно поддержали республику. Большинство министров, многие депутаты имели университетское образование и были полны энергии и энтузиазма, что поразило французского посла, прибывшего в Анкару: их горячее стремление строить будущее и их компетентность не вызывали сомнения. Но их было слишком мало для выполнения этой грандиозной задачи.

Идти в народ, пропагандировать новые идеи и ценности — вот задача, поставленная Кемалем перед Народной республиканской партией. Однако партия действовала удивительно скромно, что было трудно объяснить. Региональные конгрессы партии, запланированные с осени 1924 года для подготовки Великого конгресса в конце апреля 1925 года, были проведены только в нескольких провинциях, а затем приостановлены восстанием курдов, возглавляемым шейхом Саидом. А когда региональные отделения партии функционировали, то скорее напоминали палату аграриев, торговли или промышленности, чем «школу гражданского обучения населения», объявленную Кемалем. Видные деятели партии были больше озабочены собственными делами и поэтому едва ли были способны убеждать непосредственно крестьян в преимуществах кемалистской революции. К счастью, эту роль взяли на себя турецкие центры, что даже вызвало некоторую обеспокоенность партии. Турецкие центры активно участвовали в открытии диспансеров и деревенских школ, в организации курсов для населения и конференций, гимнастических залов и кинотеатров. «Несомненно, турецкие центры должны были заботиться о крестьянах, рабочих и солдатах, но они не вовлекали их в свою деятельность. Турецкий центр не может привлекать людей с улицы», — заявлял их руководитель Хамдулла Суфи, один из интеллектуалов, которых очень ценил гази.

Что может сделать революционер-буржуа, как говорил Ленин, который решил превратить века в годы, когда элита столь малочисленна? Ответ прост: чтобы убедить народ и вести его за собой, единственным решением был сам гази Мустафа Кемаль.

13 марта 1926 года подлинный фейерверк статей, посвященных Мустафе Кемалю, появился в турецкой прессе. Юнус Нади посвятил ему целое исследование, где сравнивал гази с «великой горой, с солнцем», с «призмой с тысячей граней, каждая из которых представляет целый мир». В тот же день «Вакыт» начинает публиковать серию статей под названием «Как мы узнали гази-пашу?». А ежедневная газета «Миллиет», основанная депутатом Махмудом Эсатом, предприняла публикацию «Воспоминаний» гази. «Воспоминания», продиктованные Кемалем журналисту Фалиху Рыфкы в присутствии свидетелей, охватывали период Первой мировой войны. В этих «Воспоминаниях» Кемаль обрушивается с критикой на Энвера и Германию, не затрагивая бывшего лидера юнионистов Джемаля, а себя выставляет в наилучшем свете. Как заметил один из видных туркорологов Франции Жан Дени по поводу «Воспоминаний»: Кемаль всегда был прав, а Турция избежала бы многих несчастий, если бы с 1908 года прислушивались к мнению Кемаля.

«Воспоминания» публиковались в «Миллиет» до 12 апреля; далее газета объявила, что вслед за первой частью будут опубликованы еще три, когда будут подготовлены и одобрены к печати Кемалем. Странно, но эта подготовка затянулась до 1944 года.

Одновременное появление такого количества хвалебных статей, их необычайно возвышенный тон, а также задержка публикации обещанного продолжения «Воспоминаний» — всё это примечательно. Тем не менее никто из иностранных обозревателей не обратил на это внимания. Автобиография, опубликованная в «Миллиет», была отмечена в дипломатических депешах, но ведь Кемаль и раньше уже делился воспоминаниями: в 1922 году он давал интервью газете «Вакыт». Французы и англичане, каждый по своему, писали одно и то же: никто не знает, действительно ли население с энтузиазмом поддерживает реформы Кемаля, но все убеждены в том, что новая Турция целиком и полностью в руках Мустафы Кемаля. Он единственный, кто способен поддержать революцию, провести народ через все трудности и испытания. И англичане задаются фундаментальным вопросом: что случилось бы с Турцией, если бы здоровье Кемаля или его безопасность оказались под угрозой?

20 мая 1926 года Кемаль прибывает в Бурсу после короткой поездки по югу страны. Он проводит в Бурсе три недели, словно на отдыхе. Впервые никаких сенсационных заявлений, никаких революционных реформ. Он посещает мавзолей, выставку

швейных изделий, спокойно прогуливается по улицам города, посещает театральный спектакль труппы, совершающей турне по Анатолии, ведет размеренный образ жизни. Вечером 13 июня гази выезжает в направлении Балыкесира, чтобы затем посетить Измир.

На следующий день вопреки предусмотренной программе Кемаль всё еще в Балыкесире. Он получает телеграмму от губернатора Измира о том, что раскрыт заговор. Хозяин моторной лодки, который должен был вывезти заговорщиков из Турции, пришел с повинной и выдал четырех заговорщиков, которые были тут же арестованы. Один из них — бывший депутат Зия Хюршид, лидер «Второй группы», объединившей оппозиционеров во время войны за независимость. 16 июня Кемаль прибывает в Измир, его встречает восторженная толпа: «Придет день, когда мое скромное тело превратится в прах, но Турецкая Республика останется навсегда, а турецкая нация пойдет по пути цивилизации согласно принципам, гарантирующим счастье и безопасность».

Смерть не пугает Кемаля, впрочем, его физическое существование не обсуждается. За год до заговора в Измире Кемаль уже заявлял о своей претензии на бессмертие: «Есть два Мустафы Кемаля. Один из них перед вами, доподлинно Мустафа Кемаль, тленный. Но есть и другой, о ком я не могу сказать, что это „я“. Это не я, это вы, кого он олицетворяет, вас всех, присутствующих здесь, всех тех, кто понесет во все уголки страны новый идеал, новый образ мышления. Я представляю вашу мечту. Все, что я предпринимаю, направлено на то, чтобы реализовать их надежды». Кемаль действительно горд тем, что сделал для своей страны, и, как написал английский дипломат, он страстно верит в то, что сила и счастье Турции будут результатом его реформ. Его убеждения настолько сильны, что одним из первых шагов по прибытии в Измир было распоряжение привести к нему Хюршида, главу заговорщиков. Кемаль пытается понять:

— Зия Хюршид-бей, мы долго работали вместе во имя общей цели, не правда ли?

— Да, мой паша.

— Тогда почему этот заговор? Вы глава этой банды?

— Да, это так, мой паша; я собирался совершить покушение, но это не получилось…

— Я не ожидал такого от вас.

— Мир полон событий, которых не ожидают…

Проект покушения возник в нужное время и сразу заставил забыть обо всех трудностях, упомянутых послом Франции в депеше, посвященной раскрытию заговора: о слабой позиции Анкары в проблеме Мосула, о перипетиях в личной жизни

Кемаля, об экономических проблемах и враждебных отношениях между армией и полицией. И тем не менее проект покушения — реальность. Перед Измиром Хюршид и его сообщники планировали убить Кемаля в Анкаре или в Бурсе, и полиция, по крайней мере ответственные за его безопасность, знала об этих проектах. Один из сообщников Хюршида был, кажется, агентом правительства, а другое, более серьезное свидетельство заговора — это сообщение молодого депутата, близкого к Кемалю, начальнику полиции Стамбула о подготовке заговора, руководимого Хюршидом. 29 июня губернатор Анкары сообщает прессе, что за заговорщиками была установлена слежка с зимы 1925 года. Становится очевидным, что заговор в Измире позволит Кемалю развернуть гигантскую политическую операцию.

Расправа с политическими противниками

Трибунал независимости Анкары переезжает в Измир и отдает распоряжение об аресте примерно двухсот человек; пятнадцать депутатов оказались в тюрьме. «Не может быть и речи о парламентской неприкосновенности, когда это касается явного преступления», — утверждает президент Национального собрания. Имена арестованных занимают целые полосы газет, среди них видные участники войны за независимость: Рефет, Бекир Сами, Али Фуад, Кафер Тайяр, бывший министр-юнионист Кавит, Исмаил Канболат; Кара Васыф и Ариф арестованы и переправлены в Измир, а вместе с ними и Кязым Карабекир. Исмет, узнав об аресте своего старого друга, героя войны Карабекира, не верит своим ушам и отдает приказ освободить его. Мандаты на арест были выписаны также для доктора Аднана и Рауфа, находящихся за рубежом, и Кара Кемаля, который успел бежать.

Впервые Исмет выступает против решения Кемаля. Это смелый шаг, так как Трибунал независимости планирует и его арест за «обструкцию правосудия». Исмет объясняет гази: «Я не думаю, что организаторы заговора могли быть связаны с лидерами партии прогрессистов». Тем не менее Исмету приходится смириться, и Карабекир возвращается в тюрьму.

На первых же заседаниях трибунала, происходящих в зале кинотеатра, украшенном флагом Турции и портретом гази, трое судей и прокурор занимают скорее политическую, нежели юридическую позицию. Председатель трибунала Кель Али (Али Лысый), его заместитель Кылыч Али (Али-меч) и прокурор опираются на весьма подозрительных свидетелей, бесстыдно

использующих слухи и юридически сомнительную информацию. Трибунал обвиняет Партию прогрессистов и юнионистскую ячейку Стамбула в том, что они стали вдохновителями заговора и предали, из чувства зависти и собственных амбиций, обновление страны, предпринятое Кемалем.

11 июля Трибунал независимости выносит пятнадцать смертных приговоров, что на три больше, чем того требовал прокурор, за организацию заговора против конституции и правительства Национального собрания. В тот же вечер Зия Хюршид, Исмаил Канболат, Ариф и десять других заключенных были казнены. Кара Кемаль, которому смертный приговор был вынесен заочно, предпочтет покончить с собой, а первый губернатор-националист Анкары, также осужденный заочно, будет арестован и казнен 13 августа. Один из осужденных бросил палачу: «Если ты хочешь что-нибудь сказать своему деду, скажи мне, так как я скоро его увижу». Старая дружба и сотрудничество с гази не спасли Канболата и Арифа, но Али Фуад, Рефет, Кафер Тайяр, Бекир Сами и Кязым Карабекир оказались более удачливыми и были оправданы. Трибунал обвинил Партию прогрессистов, но оправдал ее лидеров: он предпочел риск показаться смешным угрозе кризиса. Когда генералы предстали перед судом, к ним отнеслись с большим уважением, и это позволило предположить, что с благословения Исмета армия предупредила Кемаля, что если Карабекир будет осужден, то может начаться вооруженное восстание.

1 августа в Анкаре начался второй процесс. Пятьдесят арестованных, в их числе Рауф, доктор Аднан, Кавит и другие, все они в прошлом были членами «Единения и прогресса». Процесс в Анкаре стал еще более политическим, чем в Измире. Следовало осудить поведение лидеров «Единения и прогресса» во время мировой войны, их «заговоры» против Кемаля во время войны за независимость, авантюры Энвера с большевиками и шаги, предпринимаемые юнионистами с 1923 года. Трибунал даже не пытается замаскировать свои намерения: прокурор использует действия Энвера и собрание юнионистов у Кавита в феврале 1923 года, чтобы обвинить их в организации заговора в Измире! 26 августа четверо обвиняемых приговорены к смертной казни, среди них Кавит, бывший министр финансов и эксперт турецкой делегации в Лозанне. Недостаточная обоснованность обвинения, блестящая защита, вмешательство Ротшильдов и французского правительства не спасли его головы. А Рауф заочно был приговорен к десяти годам тюремного заключения.

За рубежом процессы в Измире и Анкаре и осуждение Рауфа и Кавита вызвали шок, но внутри страны многие признавались: «Мы

ничего не понимаем, мы не знаем деталей; но если они действительно участвовали в заговоре против Мустафы Кемаля, то должны быть наказаны». Гази как спаситель нации завоевал доверие народа. Во время торжественной церемонии, организованной в конце октября 1926 года по случаю третьей годовщины республики, шквал оваций встречает гази, а когда он покидает трибуну, то приказывает военным, ограждающим его от толпы, расступиться и погружается в восторженную толпу. Удивленные мужчины и женщины почтительно расступаются, и Кемаль, словно гипнотизер, долго шествует по образовавшемуся коридору. Один из помощников предлагает ему вернуться в машину, и гази, словно пробуждаясь от волшебного сна, говорит ему: «Ты, наверное, любил. Но был ли ты когда-нибудь любим? Это наслаждение, не сравнимое ни с чем. Особенно если тот, кто любит тебя, это турецкий народ. Позволь мне еще немного насладиться этим».

Лето 1926 года стало знаменательным этапом: расправившись с политическими противниками, реальными или потенциальными, Кемаль отводит своим реформам время, чтобы убедить турок в их целесообразности. Партии юнионистов, пережившей поражение в 1914–1918 годах, больше не существует. Все, кто мог мешать ему в проведении реформ, мертвы физически или политически. Рауф, например, вернется в Турцию только в июле 1935 года; Кемаль, узнав о его возвращении, пригласит его к себе, но Рауф откажется. Дружба между ними угасла уже давно.

Кризис лета 1926 года окончательно разлучил Кемаля практически со всеми друзьями детства и соратниками по борьбе за независимость, прошедшими рядом с ним через все испытания и разделявшими его надежды. Начиная с 1922 года многие из них расстались с ним, тяжело переживая тот факт, что Кемаль забывает о старой дружбе и приближает к себе вновь появившихся; они неспособны понять, что Кемаль никогда не останавливался перед выбором: будущее Турции или дружба. Сам Исмет в «Мемуарах» не скрывает своего потрясения, вспоминая о процессе 1926 года, когда были осуждены и приговорены к жестоким мерам наказания многие из его друзей…

Когда председатель Трибунала независимости спросил Карабекира: «Ваша честь, вы оказали огромную услугу стране во время войны за независимость и национального движения… Почему вы примкнули к оппозиции?» — генерал ответил, что очень сожалеет о том, что некоторые «аморальные» личности оказали влияние на Кемаля, и напомнил о своем письме Исмету, где требовал их устранения. Кель Али и Кылыч Али, соответственно председатель и член трибунала, были в первых

рядах этих «аморальных»…

И только Али Фуаду удалось восстановить старую дружбу. Через восемь месяцев после суда в Измире он приехал в Чанкая. Фуад столкнулся лицом к лицу с Кязымом, президентом Национального собрания, который не смог защитить своих депутатов и членов Трибунала независимости. По словам Фуада, Кемаль якобы критиковал тогда и Кязыма, и Трибунал независимости, а затем добавил: «Я знаю, что была совершена огромная несправедливость по отношению к моим друзьям».

Глава девятая
ТРИУМФ

Анкара покрыта снегом. В доме Исмета все готовятся к предстоящему событию. Вот уже два месяца, как Кемаль попросил своего премьер-министра и его жену организовать бал. Хотелось показать, что не один посол Франции способен организовать в Анкаре праздничные приемы, пользующиеся большим успехом. Наконец наступила долгожданная дата — 27 февраля 1927 года. Из-за обильного снега машины вынуждены были остановиться далеко от дома, а гости добираться далее пешком. Посол Англии заметил: «Мы можем стать добычей волков, и, когда они кончат нас пожирать, снег покроет наши фраки и цилиндры». Хозяйка дома встречает гостей с непокрытой головой, а Кемаль целует руку дамам. Все восхищаются дочерью французского посла, юной Сарро, только что пышно отметившей восемнадцатилетие: она в вечернем платье с обнаженными руками и шеей. «Ты видишь, — прошептал Исмет жене, — насколько элегантной можно выглядеть в таком наряде, но поторопись — тебе осталось не так уж много времени».

Десять дней спустя были упразднены Трибуналы независимости: они рассмотрели дела 7446 арестованных, из которых 4122 были оправданы, было вынесено 640 смертных приговоров, причем половина из них заочно. Через восемь месяцев после заговора в Измире Исмет торжествует победу над самыми упорными противниками. Но порядок, установленный в регионе проживания курдов, весьма относительный. Всё возрастающий разрыв между бюджетными средствами и необходимыми затратами на управление железными дорогами вынуждает правительство уступать дорогостоящие концессии иностранным компаниям. Многие задавались вопросом: как долго продлится победа Исмета?

Покорение Стамбула

30 июня 1927 года маршал Мустафа Кемаль покидает армию, но это событие не привлекло особого внимания, так как его затмило другое, более знаменательное. В тот же день Кемаль отправляется на поезде в Стамбул, где не был целых восемь лет. В конце мая 1927 года у Кемаля было несколько сердечных приступов, и врачи рекомендовали ему отдохнуть на берегах

Босфора.

В сентябре 1924 года более ста тысяч встречающих на берегах Босфора ожидали прибытия президентской яхты в бывшую столицу. Каково же было их разочарование! Удивительный Стамбул! Первоначальное скептическое отношение к режиму Кемаля («это долго не продлится!») сменилось беспокойством и ревностью. Стамбул не сдавался: тогда как экономическая жизнь замирала, светская жизнь продолжала бурлить, а красота русских «принцесс» по-прежнему украшала вечера в двух знаменитых кабаре бывшей столицы — «Черном жемчуге» и «Бирюзе». Жизнь Стамбула резко отличалась от таковой в Анатолии. Прибыв в Анкару, французский посол Сарро был поражен «разительным контрастом между климатом Стамбула и Анкары. Насколько далека была Анкара от космополитизма Константинополя!».

Кемаль хотел придать Стамбулу «новое дыхание», «отмыть его от грязи», очистить Стамбул от душной атмосферы и космополитической фауны. Весной 1924 года журналист Якуб Кадри описал упадок Стамбула в письме к одному из друзей в Анкаре, близкому к гази, и Кемаль, ознакомленный с содержанием письма, продиктовал ответ, отрывки из которого приведены выше. Между самым красивым городом Турции и гази установилось недопонимание, питаемое ущемленной гордостью и личными обидами. Поддержка бывшей столицей антикемалистов стала одной из ее последних ошибок, а гази начиная с 1924 года[62], по-видимому, был готов вернуться в город, ставший колыбелью Партии прогрессистов.

Когда бывшая императорская яхта «Эртогрул» вошла в Босфор, на ее встречу вышла целая флотилия: паромы, соединяющие Стамбул с островами, частные яхты, рыбацкие шхуны, все они были перегружены людьми вопреки всяким мерам безопасности. Кемаль сходит на берег перед дворцом Долмабахче. Гази в сопровождении Сабихи и двух других приемных дочерей, Нури и других близких поднимается по ступенькам дворца и входит в зал приема почетных гостей. Зал поражает своей необычайной роскошью, потолком в виде купола, бесчисленными коринфскими колоннами, гигантской люстрой, подаренной королевой Викторией, и сверкающим повсюду золотом.

Солнце, проникающее через купол из красного стекла, воспламенило колонны и мраморный пол. Достойное место для приема Кемаля: «Соотечественники, прошло восемь лет с тех пор, как я с разбитым сердцем покинул печальный Стамбул. Никто не пожелал мне счастливого пути. И вот через восемь лет я со спокойным сердцем возвращаюсь в гостеприимный Стамбул,

самый красивый город…» Кемаль, словно волшебник, покоряет Стамбул.

Гази останавливается во дворце Долмабахче. «Этот дворец отныне больше не принадлежит теням султана. Теперь он стал дворцом нации, а я здесь — счастливый гость нации», — заявил он в день своего прибытия.

Кемаль проведет в Стамбуле три месяца, посетит различные кварталы города, совершит прогулки по Босфору и Мраморному морю, встретится с министрами и другими государственными деятелями. С этих пор каждый год, вплоть до своей смерти, Кемаль в сопровождении членов правительства будет проводить в Стамбуле три месяца. Бывшая столица обрела новое дыхание: она становится летней столицей Турции.

Выборы как праздник

Второй срок полномочий Национального собрания завершился во время пребывания Кемаля в Стамбуле. Президент Национального собрания Кязым утверждает, что собрание «стремилось превратить мечты в реальность, а века — в годы».

Лидеры «Единения и прогресса» казнены, Партия прогрессистов исчезла, Стамбул покорен, а двухступенчатые выборы становятся формальностью. К тому же в очередной раз удачное стечение обстоятельств. 27 августа полиция убивает черкеса Хаджи Сами, бывшего соратника Энвера, который с группой сообщников прибыл из Греции, чтобы подготовить покушение на Кемаля. Во время судебного процесса в ноябре 1927 года сообщники Сами признались в связи с Этхемом Черкесом и уточнили, что если бы их операция завершилась успешно, они пригласили бы султана вместе с юнионистами управлять страной; по утверждению обвиняемых, в Турции еще насчитывалось 3,8 миллиона юнионистов.

На выборах Национального собрания гази ожидал настоящий триумф, он сам назначал кандидатов и предусмотрительно настаивал, чтобы они отказались от участия в частных или государственных компаниях.

Выборы, освобожденные от каких бы то ни было политических интриг, превращаются в праздник. Посол Франции описывает своеобразие кемалистской демократии на выборах в Стамбуле: «Избирательные урны, украшенные яркими цветами и зеленью, выставлены на открытом воздухе в общественных местах, они окружены флагами. На избирательном участке центральное место занимает большой портрет гази, который как

бы следит за происходящим, а члены избирательной комиссии выдают бюллетени избирателям, которым остается только опустить их в урну… Подведение итогов будет происходить в Центральной избирательной комиссии в помещении муниципалитета… Специальный кортеж доставляет туда урны. Жителям на берегу Босфора предоставлены катера, украшенные зелеными ветками, перевозящие публику, официальных лиц и музыкантов на концерт».

В Стамбуле партия кемалистов получает 1477 голосов из 1481 по списку; в новом Национальном собрании 429 депутатов-кемалистов из 433 членов собрания. Открытие парламента не готовило никаких сюрпризов, если бы не выступление гази.

«Речь» гази

Речь гази под названием «Нутук» вошла в историю в середине мая 1927 года. Как отмечал поверенный в делах Франции в Анкаре, «подготовке выступления Мустафы Кемаля предшествовала оживленная дискуссия, выявившая две фракции внутри Народной партии — умеренную, представляемую Исметом, и ультранационалистическую». Как выяснилось позже, Кемаль тщательно готовился к выступлению, посвятив этому в Долмабахче долгие часы. Гази изучил огромный объем документальных материалов, подготовленный его помощниками; он писал речь сам или диктовал секретарям, доводя их до изнеможения. 14 октября 1927 года французские дипломаты заявили, что съезд Народной партии, «второй после конгресса в Сивасе», открывающийся на следующий день, — всего лишь повод, позволяющий Мустафе Кемалю произнести свою речь, «ожидаемую с напряженным любопытством и беспокойством».

Кемаль говорил в течение шести дней: 36 часов и 33 минуты! Выступление? Нет, это монумент, мемориал событиям, начавшимся 19 мая 1919 года. Текст «Нутука» занимает 543 страницы на турецком языке и 724 страницы на английском. «Я высадился в Самсуне 19 мая 1919 года. Ситуация в это время была следующей…» — начал он и завершил выступление лирическим обращением к турецкой молодежи. В течение шести дней гази произносил беспрецедентный панегирик себе лично и своей политике, представив свою версию войны за независимость и первых лет республики, подвергнув уничтожающей критике Хусейна Рауфа, Рефета, Бекира Сами, Кара Васыфа, Кязыма Карабекира, Али Фуада, Кафера Тайяра и других. Кемаль намеренно избрал жесткую манеру изображения событий внутри

страны, как будто хотел окончательно похоронить осужденных в 1926 году. Десятки дополнительных документов, сотни цитат, имен и дат придавали речи вес исторического труда, объективного и… печального. Но «Нутук» — исключительный пример манипулирования Историей человеком, гордящимся своим патриотизмом и уверенным в своей силе до такой степени, что он готов представить своей стране не просто исторический рассказ или политическое выступление, а символ. Впрочем, «Нутук» станет главным источником для всех, кто захочет окунуться в кемалистскую эпоху и помнить о ней. На следующий день после государственного переворота в мае 1960 года генералы-кемалисты передадут «Нутук» по радио целиком.

Заслушав «Нутук», конгресс продолжил работу еще в течение трех дней, чтобы принять несколько важных решений. Отныне все занимающие ответственные должности в политических, экономических, общественных, административных и культурных организациях будут отбираться по согласованию с партией, ставшей «всеобъемлющим национальным органом»; самостоятельность турецких центров больше не существует, и партия становится хозяином администрации. Настал час «закручивания гаек» и концентрирования власти. Тон задает Исмет, представляя протокол комиссии, которой было поручено обследовать отчеты региональных конгрессов. Один из депутатов попросил дополнительное время на ознакомление с этими отчетами, которые «представляют интерес»: 46 протоколов, отмечающих нехватку полиции и дорог, недостаток сельскохозяйственного оборудования, школ, банков или критикующих сложность налоговой системы. Однако просьба депутата была проигнорирована, протоколы утверждены, и конгресс завершил работу.

Через пять дней молодая республика проводит первую перепись населения. Всем было приказано оставаться дома до конца мероприятия. Националисты торжествуют: турецкое население превысило 13,5 миллиона жителей. Стамбул остается самым крупным городом — 700 тысяч жителей, а Анкара приближается к 75 тысячам, и ежедневная национальная газета «Миллиет» выходит под заголовком «Четырнадцать миллионов — это означает, что пятьсот тысяч турецких пехотинцев охраняют границы Фракии и Анатолии».

Торжество политики Кемаля

Пятьсот тысяч пограничников, но чью атаку они готовы

отразить? Афины только приходят в себя после тяжелого кризиса, разразившегося в 1922 году. Обмен населением, жест, принципиальный для национализма гази, завершен, и турецко-греческие отношения остепенились. В сентябре 1925 года было подписано торговое соглашение между странами, на очереди были и другие договоры. Как ни парадоксально, но имперские замашки Муссолини на Балканах и в Средиземноморье гораздо больше тревожат Анкару, но договор, подписанный 30 мая 1928 года, временно уменьшил опасения гази.

Напряженность в отношениях с Лондоном и Парижем из-за Мосула и региона Александретты снималась дипломатическим путем. Большинство экспертов разделяют мнение журналиста Жентизона, написавшего: «Воскрешение Турции до сегодняшнего дня — заслуга только одного человека» и добавившего, что будущее республики, находящейся пока еще в младенческом возрасте, зависит одновременно от сохранения мира, улучшения экономической ситуации и вовлечения широких масс в реформы — нравственные и психологические. Но реализм берет верх, и усилия Али Фетхи, посла Турции в Париже, по заключению международного договора об упорядочении долга Османской империи впечатляют. Заголовки многочисленных книг и статей, посвященных гази и новой Турции, выражают восхищение перед масштабом реформ, осуществленных за столь короткий срок: «Рождение новой нации», «Пробуждение расы», «Восток на марше», «Обновление Турции», «Турецкое чудо», «Воскресшая Турция», «Ренессанс Турции». В СССР опубликована «История кемализма» и с некоторыми сокращениями с французского в 1929 году переведена «Нутук» под заголовком «Мустафа Кемаль, путь новой Турции». В том же 1929 году «Нутук» переведена на французский и английский языки. Возможно, сам гази и Бюро информации, созданное в Анкаре, имели отношение к этой публикации.

Кемаль вызывал восхищение в мусульманском мире — от Северной Африки до Японии. Такие лидеры национального движения, как Мессали Хадж и Ферхад Аббас в Алжире, Хабиб Бургиба в Тунисе, Гамаль Абдель Насер в Египте, Сукарно в Индонезии, и многие другие революционеры-националисты и сторонники превращения своих стран в светские государства были вдохновлены гази. «Кемаль Ататюрк был идеализирован во всем мусульманском мире, — писал Садат в своих «Мемуарах», — так как его имя стало символом лидера, стремящегося освободить и реконструировать свою страну», Прозападные и светские реформы гази несколько ограничивали ряды его мусульманских поклонников, но опрос, проведенный египетским журналом в

1927 году, ставит Кемаля в первый ряд «самых выдающихся из ныне живущих патриотов в мире».

В конце двадцатых годов у Кемаля уже были последователи — король Афганистана и шах Ирана. В мае 1928 года король Аманулла был первым главой государства, посетившим республиканскую Турцию, где ему был оказан пышный приём. «Я вижу, что солнце поднимется, чтобы изменить судьбу наций, страдающих в течение веков», — заявил гази. К несчастью, Аманулла был свергнут в следующем году интегристами. Шах Ирана Реза Пехлеви тоже испытывал затруднения: оппозиция духовенства заставила его отказаться от проекта создания республики, а многовековая ненависть между турками и персами не способствовала сближению Тегерана и Анкары.

Но общее желание создать современный политический блок, защищаться от советских и английских амбиций и контролировать курдов оказалось сильнее. Договор о дружбе, подписанный в 1926 году и подтвержденный два года спустя, освящает маленькую азиатскую Антанту. Кто бы мог подумать в 1919–1920 годах[63], что Турция, Персия и Афганистан могли бы создать блок независимых мусульманских держав?

Молодая Турецкая Республика торжествует. Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю даже разрабатывал проект азиатского союза, простирающегося до Японии, так как, по мнению турецкой прессы, Япония и Турция — два крайних полюса восточной цивилизации в Азии. Токио увеличивает торговый оборот с Турцией, но отказывается от всяких политических соглашений. Потерпев неудачу с Японией, Рюштю предлагает свой опыт китайцам, и небезуспешно. Как объяснял Рюштю послу Франции, «китайцы просили нас помочь (что правда), мы это делаем и будем продолжать делать!».

Анкара с удовлетворением и гордостью воспринимает высокую оценку проводимым преобразованиям и приумножает договоры о дружбе (их уже около двадцати) — от Германии и СССР до Болгарии, Чили и Финляндии. Анкара стремится занять свое место на международной арене, забыть о пережитых унижениях. Благодаря гази Турция возрождается, занимает достойное положение и даже задает тон, о чем, например, свидетельствует рассказ посла Франции Шамбрена. Вскоре после прибытия в Анкару Шамбрен был приглашен на торжественный обед по случаю национального праздника — годовщины образования республики. На приеме присутствуют правительство и дипломатический корпус, около двухсот гостей: «Среди приглашенных — министр из Египта, феска которого сверкает словно фанфара. Время от времени Президент бросает на него

насмешливый взгляд. К несчастью, министр ничего не замечает. Неожиданно гази выходит из-за стола, проходит мимо египтянина и осторожно, словно кот, шепчет ему что-то, поглаживая по плечу. Мне показалось, что он обнимает министра, как вдруг феска незаметно переместилась на серебряный поднос, с которым стал быстро удаляться слуга большими бесшумными шагами». И Шамбрен добавляет: «Мы все провожали взглядом это своеобразное блюдо!»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ОТЕЦ НАЦИИ

Глава первая
РЕВОЛЮЦИЯ ЗНАКОВ

10 апреля 1928 года Национальное собрание внесло поправки в конституцию; всё произошло настолько скрытно, что не привлекло внимания французских дипломатов. А между тем были приняты революционные решения: ислам перестал считаться государственной религией; в официальных присягах больше не упоминается Аллах; утвержден принцип свободы вероисповедания.

Точный расчет

Светский характер государства мог бы быть вписан в конституцию, принятую в апреле 1924 года, через несколько недель после упразднения халифата. Кемаль тогда не настоял на этом и никогда позже не объяснял, почему воздержался. Более того, гази никогда не объяснял, почему только в 1925 году инициировал отказ от фесок и обязал чиновников носить шляпы, а женщинам была предоставлена свобода в выборе одежды, хотя еще осенью 1922 года он объявил английской журналистке: «В следующем году женщина станет свободной. Женщина должна открыть свое лицо и чувствовать себя равной мужчине». В ответ на вопрос: «А что подумают мужчины?» — Кемаль заявил: «Не важно, какова будет их реакция, главное — это свобода. — И добавил: — Летом, когда станет жарко, мы сменим папахи на шляпы с полями, чтобы защититься от солнца. Настал час, чтобы нация сменила облик. Одежда должна быть комфортной».

Несмотря на молчание Кемаля, причины этих задержек легко объяснимы… гази разъяснил свою тактику в «Nutuk»: «Единственный практический метод, обеспечивающий успех, — это делать совершенно понятным каждый этап в подходящий момент». Кемаль обладал удивительной способностью оценить то, что Виктор Гюго называл «точным количеством будущего, какое можно включить в настоящее». Джеляль, который станет его последним премьер-министром, сравнивал Кемаля с ученым, тщательно подготавливающим свой эксперимент в лаборатории, осторожно регулируя огонь, чтобы замедлить или ускорить химический процесс по мере необходимости. Этот человек, если верить словам советского посла Аралова, знавший, что ему не суждено дожить до старости, сумел выиграть пари у времени.

В жесткой хронологии гази час секуляризации, светских реформ, настал весной 1928 года. Несмотря на некоторые приступы религиозной горячки, эволюция общественного сознания, похоже, свидетельствовала о правоте президента республики. Комиссия факультета теологии Стамбула представила ему доклад, рекомендующий превращение религии в «социальный инструмент», предназначенный для модернизации мусульманского народа. В докладе даже предлагалось разрешить носить обувь в мечети, хотя это предложение все же где-то затерялось, а Кемаль, после того как светские реформы были записаны в конституции, казалось, больше не интересовался религией. Для него это сражение завершилось; из 29 школ, функционировавших в 1924 году для подготовки имамов й проповедников, впрочем, 27 были уже закрыты.

Гази готовится к новой битве, последней. Лицо его покрыто легкими морщинами, но сохраняет все такое же твердое и решительное выражение. На подступах к пятидесятилетию Кемаль начинает культурную революцию.

Учитель

20 мая 1928 года Национальное собрание принимает решение о латинизации турецкого алфавита.

Через месяц состоялось первое заседание Комиссии по реформе турецкого языка. Вопрос о реформе языка был предметом обсуждения уже нескольких поколений. Османская элита говорила на тяжелом языке — смеси турецкого с элементами арабского и персидского языков и использовала арабский алфавит. Арабский алфавит был слишком сложным для большей части населения, и турецкий народ не использовал османский язык, ограничиваясь «скудным языком пастухов», как его называло правительство. Таким образом, реформа языка давно назрела и была обязательным этапом.

Необходимо «приблизить» наш язык к западноевропейскому, причем следует начать с армии и медицинских училищ, заявил Кемаль во время войны за независимость. Этот вопрос поднимался на конгрессе в Измире, но председательствующий Кязым Карабекир отклонил его, утверждая, что принятие латинского алфавита принесет Турции те же трудности, что и в Азербайджане, где впервые пытались ввести латинский алфавит в 1863 году. Кстати, именно Азербайджан поднял этот вопрос на тюркологическом конгрессе в Баку в марте 1926 года. К большому удовлетворению Москвы, латинский алфавит был одобрен

большинством участников конгресса, за исключением делегатов Анкары: один из них, известный университетский профессор, был ярым противником этой реформы. Исмет тоже неодобрительно относился к реформе, но по другим причинам: он вспоминал о безуспешной попытке Энвера в 1914 году рационализировать арабский алфавит и боялся такого же провала. Через несколько недель Кемаль расспрашивал Фалиха Рыфкы о работе Комиссии по языку, в которой тот принимал участие:

— Какой срок, по вашему мнению, будет необходим для принятия нового написания?

— Одни говорят пятнадцать лет, другие — пять, а во время этого периода оба алфавита будут сосуществовать.

Мгновенно взгляд гази приобрел стальной блеск. Как, ждать пять, а возможно и пятнадцать лет, чтобы латинизировать алфавит? Потерять столько времени, тогда как принятие нового алфавита должно ознаменовать разрыв с османской эрой! Необходимо положить конец религиозному влиянию, дать возможность людям читать и писать, сблизить образ мышления турок с Европой — вот что поможет осуществить языковая реформа, а нам предлагают ждать столько лет! «Это нужно сделать за три месяца или не делать вообще!» — заключает Кемаль.

9 августа гази находился в саду Сарайбурну; парк раскинулся у подножия императорского дворца Топкапы, где у Золотого Рога воды Босфора встречаются с Мраморным морем. В парке начинает играть оркестр, несколько поодаль выступают египетские музыканты. Отдыхающие слушают музыку, мирно беседуют. Неожиданно гази приказывает: «Пусть прекратят эту музыку, и дайте мне тетрадь!»

Египетские музыканты немедленно замолкают. Кемаль пишет несколько фраз в тетради и протягивает ее Фалиху Рыфкы. Название «Текст Сарайбурну» написано латинским шрифтом. Кемаль просит кого-нибудь прочесть текст. Молодой человек подбегает, но тут же останавливается, увидев незнакомые знаки. «Наш юный друг удивлен, так как не знает настоящий турецкий алфавит. Я попрошу прочесть текст одного из своих друзей», — заявляет Кемаль и протягивает его Фалиху Рыфкы. Рыфкы зачитывает слова Кемаля о том, что турецкая письменность — это не арабская письменность и турецкая музыка — тоже не арабская, и заканчивает: «Если 80 процентов нации неграмотно, то это не наша ошибка, а тех, кто, не зная характера турок, загружал его голову многосложным грузом. Настало время исправить эти ошибки. И мы их исправим. Я призываю соотечественников активно участвовать в искоренении этих ошибок. В течение года,

в крайнем случае двух, всё турецкое население должно выучить новый алфавит. Своей письменностью и образом мышления наш народ покажет, что занимает свое место в цивилизованном мире!»

Толпа аплодирует, в очередной раз пораженная сценой, разыгранной президентом республики. Гази, завершая свой триумф, поднимается со стаканом ракы в руке: «В прошлом лицемерные самозванцы имели привычку пить намного больше. Я — не самозванец, и я пью в честь моей нации». По примеру гази окружающие поднимают свои бокалы в вечернем Стамбуле.

Проходят две недели; Кемаль неожиданно прибывает в Текирдаг, расположенный на европейском берегу Мраморного моря, туда, где стояла 19-я дивизия, которой он командовал в начале битвы за Дарданеллы. Все чиновники приглашены на курсы нового алфавита, и губернатор должен написать слова «жандарм» и «абрикос», какой выбор! Самым способным оказался молодой служащий, доставивший большую радость гази: «Вы увидите, наш народ будет читать и писать гораздо раньше, чем мы думаем». Через полтора часа Кемаль покидает чиновников и смешивается с толпой на улице, где обнаруживает имама:

— Ходжа, знаете ли вы новый алфавит?

— Нет, мой паша, я пока еще не выучил его.

Тогда Кемаль протягивает имаму бумагу и просит написать молитву старым алфавитом. Имам старательно выполняет просьбу, а Кемаль переписывает молитву латинским шрифтом: «Постарайтесь быстро выучить новые буквы и призывайте всех это делать. В следующий раз вы должны будете это знать».

Вернувшись в Стамбул, Кемаль проводит многочисленные конференции в залах Долмабахче для депутатов, государственных служащих и университетских преподавателей. С присущей ему настойчивостью и резкостью гази предупреждает слушателей, что они должны активно и не жалея сил включиться в эту новую битву. Его призыв понят, и университет Стамбула, где было немало сторонников арабской письменности, немедленно организует коллоквиумы и курсы по изучению нового алфавита и даже устанавливает громкоговорители на площади университета и перед главными мечетями, чтобы упростить работу с учениками.

1 ноября, когда Национальное собрание проголосует за закон о новом алфавите, движение за освоение алфавита охватит всю страну. Верный себе, Кемаль вдохновляет других собственным примером, посещает побережье Черного моря и часть Центральной Анатолии. «Он сам выступает в роли учителя, — пишет французский посол Шамбрен, — обучая офицеров, чиновников, коммерсантов, школьников, людей, случайно

выбранных из народа, покоренных как авторитетом его личности, так и волшебной привлекательностью открытия, которое должно искоренить невежество». Отмечая энтузиазм гази: «За три месяца наш народ научится читать и писать», французский этнолог Питтар, посетивший Анатолию, расскажете «потрясающей активности народа, полностью посвятившего себя осуществлению задачи, которую поставили перед ним как необходимую». Все депутаты были мобилизованы как один, так как Кемаль умело использовал как убеждение, так и открытую угрозу: «Все те, кто попытается встать на моем пути, будут безжалостно уничтожены. Мои соратники и я сам, мы пожертвуем нашими жизнями, если понадобится, чтобы добиться триумфа этой цели».

После того как закон был принят, мобилизация еще более усилилась. Гази стал символично «Первым профессором», в Анкаре открывается около 20 тысяч национальных школ для обучения населения новому алфавиту. За один год около 500 тысяч турок научатся писать и читать, а между 1928 и 1935 годами грамотность возрастет на 10 процентов[64]. Правительство решает наказывать всех начальников тюрем, если выходящий на свободу после полугода заключения не научился читать и писать.

Пресса, потерявшая треть своих читателей в момент реформы, предприятия, включая коммерсантов, отказываются от арабского алфавита. Революция знаков отделила Турцию от Османской империи. В результате преобразования турецкого алфавита, переложения турецкой фонетики на латинскую письменность новая Турция обретает алфавит простой, одновременно европейский и национальный. Есть ли еще в истории революционер, который, как Мустафа Кемаль, мог бы гордиться тем, что внедрил новый язык?

Глава вторая
УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

С 1927 года Кемаль начал регулярно бывать в Стамбуле: как только приближалось лето, он покидал Анкару и отправлялся на берега Босфора, в бывшую столицу. В 1930 году гази прибыл в Стамбул раньше обычного, чтобы встретиться с генералом Туро, приехавшим через пятнадцать лет посетить места сражений за Дарданеллы: «Я потерял правую руку в боях у Галлиполи, сражаясь с турками, а теперь протягиваю вам руку дружбы, ту, которая уцелела». Кемаль снова приезжает в Стамбул 11 июня, а затем отбывает в Ялова, небольшой порт на анатолийском побережье Мраморного моря. Храм Аполлона, возведенный здесь двадцать пять веков назад, превратился в руины, но термальные источники, известные еще с античных времен, функционируют, и гази, у которого по-прежнему проблемы с почками, с большим удовольствием пользуется ими.

На отдыхе

Кемаль создает в своей беседке в Ялова библиотеку из восьмисот книг и посвящает свой отдых изучению турецкой расы. С какой целью? Не собирается ли он следовать примеру Энвера и проводить политику пантюркизма? Карга, изданная для молодежи, уточняет, что турок насчитывается до пятидесяти миллионов, если добавить к анатолийцам тех, кто проживает в СССР и на Балканах. А министр иностранных дел Турции хвастается тем, что «можно добраться от Анкары до Пекина, не прибегая ни к какому другому языку, кроме турецкого». Но, по мнению французского посла Шамбрена, Кемаль преследует другую цель: заставить турецкий народ поверить в себя. И он прав.

Гази не может смириться с характеристикой турок, которую показывает ему его приемная дочь Афет в школьных учебниках, по которым она обучалась в Швейцарии, но еще неприглядней эта характеристика в учебниках французского коллежа для избранных Нотр-Дам де Сион в Стамбуле: «народ второго сорта», «варвары», завоеватели, уничтожившие древнюю цивилизацию Малой Азии. Необходимо изменить мнение о турках, иностранцы должны уважать народ новой Турции, но как добиться этого? Продемонстрировать, что Турция достойна западной

цивилизации. В то же время Кемаль убежден, что нация без корней лишена доверия. Турция должна обрести… свои корни.

Кемаль поглощает книгу за книгой, внимательно изучая их, делая пометки. Четыре тома «Общей истории гуннов, турок, монголов и западных татар до новой эры и по настоящее время», изданные в Париже в 1760 году, — автор восхваляет то, что сделали турки до Османской империи. «Введение в историю Азии — турки и монголы с момента возникновения до 1405 года» — французский автор объяснял в 1896 году, что турки передали китайскую культуру персам, а позже — в Европу. Или еще одна книга: «Турки древние и современные», изданная в 1870 году Мустафой Джелаледдином, поляком, обращенным в ислам, кто «показал», как гази конфиденциально сообщает Шамбрену, что кельты и лигуры — «братья, отделившиеся от турок». А когда летом 1928 года раскопки в Анатолии обнаружили следы цивилизации времен палеолита, он больше не сомневается в том, что предки турок появились в Анатолии на заре цивилизации, а греки прибыли туда на несколько веков позже. Кемаль создает специальную комиссию по истории турецкой нации.

Проблемы молодой республики

О чем беседовал гази со старым другом Али Фетхи, прибывшим в Стамбул отдохнуть от напряженной работы турецкого посла в Париже? Конечно, о языке и об истории. «Почему вы не затронули вопрос о создании новой политической партии?» — удивленно спросил один из друзей гази, Фуад, уверенный, что Кемаль собирается обсудить это с Фетхи. Но каждой проблеме свое время. Через несколько дней Кемаль просит Али Фетхи и губернатора Самсуна задержаться после обеда. «Выражает ли народ недовольство правительством?» — спрашивает он у губернатора, старого соратника по оружию. «Да, народ недоволен», — отвечает Кязым и приводит в качестве примера критику работы трибуналов. Затем Кемаль обращается к Фетхи: «Вы прибыли из-за рубежа. Что думают там о ситуации в нашей стране?» «Считают, что финансовая и экономическая ситуация очень плоха», — отвечает Фетхи и перечисляет недостатки, прекрасно известные Кемалю и Исмету: экономический кризис в 1927 году, резкое повышение налогов с целью финансирования развития промышленности и железных дорог, значительный рост импорта в сочетании с введением новых таможенных тарифов, падение курса турецкой лиры и, наконец, мировой кризис, захвативший и Турцию. Правительство

Исмета вынуждено ввести контроль за обменом валюты. С целью проведения более независимой денежной и финансовой политики Исмет добивается создания Центрального банка Турции, положив, таким образом, конец семидесятилетнему периоду, в течение которого Османский банк совместно с французами и англичанами определял политику турецких финансов. Но было ли этого достаточно, чтобы уберечь Турцию от позора, если ей пришлось просить о пересмотре соглашения о выплате османского долга, заключенного Фетхи в 1928 году?

«В чем причина? — спрашивает гази. — Правительство делает всё, что должно, но этого явно недостаточно; что нужно делать, чтобы преодолеть низкую эффективность правительственной политики?» По мнению Фетхи, проблему должно решать Национальное собрание, но этот ответ не убеждает Кемаля. И через несколько минут гази заявляет: «Нужно создать оппозиционную партию, чтобы придать больше свободы дискуссиям в Национальном собрании».

Действительно, выборы 1927 года, прошедшие словно «праздник», удручающе повлияли на Национальное собрание. Темперамент и политические вкусы Исмета толкали его продвигаться вперед без остановок. Тем хуже для тех, кто объявляет об общем недовольстве в стране или критикует систему государственного управления Исмета, к тому же ситуация усугубляется разразившимся мировым экономическим кризисом. Уже в течение нескольких месяцев хорошо информированные круги повторяют, что Кемаль больше не верит в своего премьер-министра и хотел бы его заменить, но кем? В этот вечер, когда гази заговорил об оппозиционной партии, Фетхи, слишком хорошо знающий старого друга, понял, что возглавлять новую партию будет предложено ему. И эта перспектива его совсем не вдохновляла. Конечно, Фетхи более либерально настроен, в большей степени европеец, чем другие лидеры новой Турции, и он одобрял демократизацию политической жизни Турции, но какое будущее ожидало партию, созданную по желанию президента и, по всей вероятности, без согласования с Исметом? «Мы снова вернемся к этому разговору», — заключил гази.

На следующий день он действительно стал обсуждать это с Али Фетхи, с Исметом, с президентом Национального собрания Кязымом и своим доверенным Нури. Исмет повторил то, что говорил и раньше: он за партию оппозиции, но не сейчас. Али Фетхи снова просит время на размышление, но гази уже принял окончательное решение: «Я хотел бы создать свободную парламентскую республику, столь же далекую от большевизма,

как и от фашизма». А через 20 часов он объявляет новость: «Фетхи-бей только что согласился взять на себя труд возглавить новую партию, что, я думаю, будет очень полезно для страны». Так родилась либеральная республиканская партия.

«Вы идеалист!»

«Направьте мне письмо, объявляющее о вашем проекте создать партию, — заявляет Кемаль Фетхи и уточняет: — Вы напишите на имя президента республики, президента республиканской народной партии». «Я сделаю это завтра», — ответил бывший посол Турции в Париже. За столом только и говорят, что о новой партии.

Али Фетхи, обращаясь к Исмету:

— Нужно, чтобы обе партии работали вместе.

— Естественно, будет именно так, — отвечает не Исмет, а гази и добавляет: — Я буду вам искренне помогать, для начала вам будут нужны деньги, скажите мне, сколько вам нужно!

— Я не могу вам назвать необходимую сумму, но лидеры Народной партии знают, какая сумма нужна!

— Я не помню нашего бюджета, — отвечает несколько уязвленный генеральный секретарь Народной парии.

Кемаль не скрывает своей радости, словно ребенок, осуществивший задуманное, и медленно объясняет: «Очень хорошо иметь две партии в Национальном собрании, что позволит обсуждать проблемы, критиковать недостатки и изыскивать новые возможности. Таким образом, мы сможем избежать выступлений против нашего режима». А через несколько минут добавляет: «Я дам вам сорок или пятьдесят наших друзей <…>. Сколько депутатских мест хотели бы вы на будущих выборах?» — «Нужно сто двадцать депутатов, примерно треть нынешнего состава, чтобы партия смогла работать серьезно и быть достойно представлена в Совете министров», — отвечает Фетхи. Исмет немедленно реагирует: «Не больше пятидесяти!» — но уступает до семидесяти после вмешательства гази.

Следующий шаг был сделан во время бала. Кемаль вместе с Фетхи и Исметом подходит к Ахмету Агаоглу. Пятидесятилетний Агаоглу, ярый националист, прибыл в Стамбул и присоединился к юнионистам в 1908 году. В течение двадцати лет этот интеллектуал держался обособленно, поражая своей уравновешенностью, добротой и утонченностью. Прибыв в Анкару в 1921 году, он стал ответственным за информацию и всегда был за «дискуссии».

— Представляю вам президента либеральной партии Фетхи-бея! Вы будете работать с ним, — сообщает Кемаль.

— Мой паша, не мог бы я выбрать между Исмет-пашой и Фетхи-беем?

— Не нужно колебаться, Вы будете с Фетхи-беем.

Тон гази не допускал возражений, Агаоглу хранил молчание. А Кемаль уже направился рекрутировать других членов новой партии, своего детища. «Обе партии будут как мои приемные сыновья, — объяснял он Фетхи и Исмету. — Я буду словно ваш отец и буду одинаково относиться к обеим партиям. Уверяю вас». И он дарит наиболее молодому «приемному сыну» два персональных подарка: Нури, кто станет генеральным секретарем либеральной республиканской партии, и еще более символичный дар — свою сестру Махбуле.

11 августа 1930 года Кемаль отвечает на письмо, направленное ему Фетхи, которое он, конечно, читал перед отправкой. «Потрясающе», комментирует он письмо Фетхи и его проект. «Я рассматриваю как принцип республиканского режима, что партия, созданная на его основе, свободно обсуждает национальные проблемы». И напомнив, что действующий президент Народной партии — Исмет, а не он, Кемаль заверяет Фетхи в своей беспристрастности «по отношению к партиям» и в том, «что новая партия не встретит никакого противодействия своей активности в пределах светской республики».

Несмотря на заверения Кемаля и телеграммы с поздравлениями, полученные в большом количестве, Фетхи и Ахмет Агаоглу, хорошо знающие друг друга со времен юнионистов, испытывают беспокойство. Что думают они о реакции Исмета и всех сил, поддерживающих его? К тому же некоторые заявления Кемаля не вселяют в них уверенность. Он объясняет им, что будет продолжать выбирать кандидатов Народной партии, заявляет, что «в Турции нет человека, более влиятельного, чем Исмет-паша, — он победил лорда Керзона, он осилит и вас!». Впрочем, Исмет, не теряя времени даром, готовится к сражению. На открытии железной дороги Анкара — Сивас он произносит важную речь, защищая политику правительства по строительству железных дорог и напоминая о том, какое внимание оно уделяет крестьянам. Еще в ноябре 1929 года Исмет отмечал, что за год правительство распределило крестьянам 11 тысяч гектаров земли. В то же время президент Кязым следит за работой Национального собрания, тогда как Шюкрю Кайя, незаменимый министр внутренних дел, мобилизует губернаторов и полицейских. Тем не менее Кайя — заклятый враг Исмета, он намерен отстаивать прогрессивные проекты партии.

Разворачивается борьба, в первую очередь — идей: снизить налоги, замедлить темп широкомасштабного строительства, привлечь иностранные капиталы, уменьшить вмешательство государства в жизнь граждан и частных предприятий, расширить политические права женщин и подготовить референдум, увеличить сотрудничество с Лигой Наций. По многим вопросам, особенно экономическим, программа либеральной республиканской партии не особенно противоречит взглядам ряда членов Народной партии, так как группа «Бизнес Банка», возглавляемая Джелялем, поддерживает ряд предложений новой партии в отличие от Исмета и его соратников. Когда оппозиция выступает с критикой диктатуры Муссолини и диктатуры в СССР, когда она заявляет, что если бы правительство было под контролем в 1914 году, то Турция не ввязалась бы в мировую войну, Исмет отвечает: «Иностранные капиталы — это займы, угрожающие национальному суверенитету; только промышленное развитие, осуществляемое государством, способно эффективно защитить нас, а европейская демократия — всё еще слишком большая роскошь для нас». «Вы — идеалист, вы совершенно не знаете жизни, — бросает Исмет Ахмету Агаоглу, когда тот упрекает его в том, что он предоставил только десять минут в Национальном собрании для дискуссии по важному закону. — Люди хотят денег! А политики претворяют в жизнь свои прихоти. Этого вы так и не поняли».

Поражение

Фетхи, в свою очередь, не может понять, что происходит в Измире, куда он приезжает 5 сентября. Сорок тысяч энтузиастов на лодках устремляются к его кораблю; встречающие выкрикивают: «Да здравствует наш спаситель гази, да здравствует свобода!» Толпа встречающих на берегу терпеливо ожидает, когда Фетхи сойдет на берег, а его автомобиль с трудом прокладывает путь сквозь толпу, так как все стремятся поцеловать ему руку, дотронуться до его одежды. За порядком в городе следит полиция; напряжение нарастает, и возникают столкновения между сторонниками Фетхи и манифестантами, мобилизованными правительством и Народной партией. Докеры и рабочие объявляют забастовку, здание партийной газеты «Анатолия» окружено и атаковано. Полиция стреляет по демонстрантам, убит четырнадцатилетний подросток, его труп отец приносит Фетхи со словами: «Вот первая жертва. Мы готовы на другие. Спаси нас!»

Губернатор Измира, бывший адъютант гази, запрещает Фетхи выступить с речью. Тогда глава либеральной партии обращается за спасительной поддержкой: он телеграфирует Кемалю. В ответ гази приказывает Исмету, министру внутренних дел и губернатору принять необходимые меры, чтобы дать возможность Фетхи высказаться. Они подчиняются приказу; однако голос Фетхи слишком слаб, и Нури вынужден повторять его речь. Как напишет позже Ахмет Агаоглу, «выборная кампания превратилась в шекспировскую драму». Фетхи не в состоянии ничего контролировать. «Я вынужден был его остановить», — гневно заявил Исмет Кемалю, показывая ему фотографии демонстрантов с оружием в руках и разгромленной типографии «Анатолии». Кемаль успокаивает Исмета, но просит Юнуса Нади опубликовать в его газете «Республика» открытое письмо под заголовком «Как реагировать на происходящие события?». Ответ Кемаля предвещает конец либеральной партии: «Я — президент Народной партии, наследник Общества защиты прав Анатолии и Румелии. Я связан с ними историей, и ничто не может и не сможет порвать эту связь». 11 августа Исмет был действующим президентом Народной партии. 10 сентября Кемаль снова стал президентом партии. Он сделал свой выбор. Когда Фетхи и Нури потребовали объяснений, Кемаль ответил: «Народ потянулся к вам. А партия, поддерживающая государственную власть, нуждается в моей помощи…»

Муниципальные выборы, проходившие до 22 октября, моглй быть названы историческими: впервые с момента создания республики женщины принимали участие в голосовании, на четырнадцать лет раньше француженок. С требованием предоставить женщинам право голоса выступал Фетхи, но Исмет решил выбить у него почву из-под ног. Он запустил в ход все ресурсы правительственного аппарата, чтобы обеспечить преимущество правительственных кандидатов; избирательная кампания протекала в напряженной обстановке. Один из приближенных Кемаля публично обвинил Агаоглу в прорусских настроениях, а Фетхи — в боснийских. Сторонники правительства умело использовали ошибку, допущенную Фетхи, когда он согласился поддержать новую газету «Завтра», руководимую весьма сомнительной личностью, известной своими прокоммунистическими настроениями. В момент объявления официальных результатов кандидаты либеральной партии победили только в одном городе — Самсуне; через несколько недель Государственный совет признал успех либералов недействительным. Как Фетхи, так и дипломаты отмечали нарушения во время выборов: манипуляцию с урнами в Мерсине,

избиение либеральных кандидатов и исключение их из списков в раде районов Стамбула, отсутствие бюллетеней либеральной партии в Зонгулдаке… 15 ноября 1930 года Али Фетхи выражает недоверие министру внутренних дел, обвинив его в фальсификации выборов. Дебаты продолжались около 15 часов в присутствии гази и дипломатического корпуса. Фетхи сражался мужественно, в одиночку, несмотря на то, что его постоянно прерывали, несмотря на постыдные выпады противников, как, например, бывшего председателя Трибунала независимости: «Кого предпочитаете вы? Того, кто подписал перемирие в Муданье (Исмета), или того, кто подписал Мудросское перемирие (Фетхи)?» Десять депутатов проголосовали за недоверие министру: только десять, хотя четырнадцать депутатов были членами либеральной партии. Как далеко это от пятидесяти, семидесяти или ста двадцати депутатов, принявших участие в дискуссии в Ялова. 17 ноября Фетхи направляет гази письмо, сообщающее о роспуске либеральной партии, которая «могла бы составить политическую оппозицию гази Мустафе Кемалю»: «Как основатель партии, я считаю невозможным поддерживать политическую организацию, находящуюся в подобной ситуации».

— Какая партия выиграла? — спросил гази у одного из своих доверенных лиц.

— Ну естественно, наша партия, мой паша!

— Нет, никакая партия не выиграла.

— Но почему мой паша?

— Это партия администрации выиграла, мой друг. Партия губернаторов, супрефектов, чиновников, полиции, жандармерии. Запомни это!

Защитники порядка, гаранты стабильности режима, те, кто был у власти и не хотел ее никому уступать, действительно выиграли. Они выиграли у разношерстной коалиции недовольных: бедных крестьян, страдающих от дополнительных налогов, коммерсантов, терпящих убытки из-за безработицы в портах, вызванной мировым экономическим кризисом, и новой торговой политики Исмета, и многих других недовольных действиями правительства. Они выиграли благодаря слабости окружения Фетхи и его собственным ошибкам. И наконец, выиграли даже у самого гази, так как либеральная партия была его детищем, он участвовал в подборе ее кадров и разработке ее программы.

Впервые с момента прибытия в Анатолию Кемаль ошибся и был вынужден отступить вопреки собственному желанию. Он считал, что его страна созрела для политической жизни по-европейски, и надеялся устранить Исмета. Премьер-министр

сумел переиграть его; при поддержке Февзи, дорожащего своим постом начальника Генерального штаба, он сумел убедить гази в том, что «этот национальный блок», о котором думал президент республики после муниципальных выборов, был ошибкой. «Не следует жертвовать авторитетом государства во имя свободы». — Кемаль присвоил это утверждение министра внутренних дел. Республика едва достигла сознательного возраста, ее состояние всё еще оставалось шатким, и свобода может подождать еще несколько лет.

Но трещина, возникшая между ним и народом в результате относительного успеха либеральной партии, обеспокоила Кемаля. На муниципальных выборах либеральная партия получила примерно одинаковое количество голосов с Народной партией в Адане; 70 процентов голосов Народная партия получила в Трабзоне и треть голосов — в Стамбуле.

Глава третья
МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И ДИКТАТУРОЙ

«Правильно ли мы поступили, создав либеральную партию? — спрашивал Кемаль своих спутников, следуя в поезде из Анкары в Кайзери. — И правы ли мы были, распустив партию?» Шесть его соратников единодушно ответили «да», хотя каждый из них имел свои соображения по поводу происходящего и того, что следует предпринять. Шюкрю Кайя, министр внутренних дел, не мог забыть годы, проведенные в Париже в обществе Жореса, и был сторонником «умеренного этатизма» (умеренного участия государства в управлении хозяйством).

— Что означает «умеренный этатизм»? — спросил у него Ахмет Хамди, новичок в окружении гази. Он с нетерпением ждал ответа, что не удивляет, если учесть его активное участие в экономике страны: Ахмет Хамди был директором Компании железных дорог Анатолии, Компании судоходства Турции, австрийско-турецкой палаты торговли, директором монопольной компании порта Стамбула. Еще в 1925 году он объявил о «своего рода государственном капитализме».

— Это прямой перевод с французского, — ответил Шюкрю Кайя. — Этатизм развивается в Европе как социализм и либерализм, но эта система не может сравниться ни с какой другой. В Европе, особенно в Германии, есть государственный социализм, где, как и у нас, государство контролирует экономический сектор. Нам хотелось бы иметь подобную систему.

— Но это социализм! — воскликнул Хамди, который еще недавно приветствовал вмешательство государства в экономику при условии, что «государство… не выходит за пределы экономических и торговых законов, а, напротив, управляет государственными предприятиями в соответствии с экономическими требованиями».

— Нет, — возразил министр внутренних дел, — мы не хотим этого. Мы хотим создать иной государственный социализм. Впрочем, во многих аспектах мы расходимся с социализмом…

Хамди остается скептически настроенным. Позволит ли этот «умеренный этатизм» устранить недостатки, которые вызывают столько критики: тяготы налогов, поведение госслужащих, проблемы сельского хозяйства, влияние аферистов в партийных рядах? Гази знал об этих проблемах и считал их достаточно серьезными. Поэтому он предпринял эту поездку, начатую на следующий день после роспуска либеральной партии, но

задуманную гораздо раньше. Кемаль хотел выслушать людей и понять; за исключением поездок в Стамбул он не ездил по стране с 1925 года. Связи Кемаля с народом ослабли; он должен снова завоевать доверие народа.

«Шесть стрел»

Первую остановку Кемаль делает в Кайсери, где посещает государственные учреждения и выступает перед лицеистами, поднимая вопросы истории и языковой реформы. Неизвестно, узнал ли он о бедах, которые принесла коровья чума, и о том, что исчезло более половины кустарных мастерских по производству ковров, существовавших перед войной. Во всяком случае, эти вопросы не обсуждались затем в поезде, отправившемся далее в Сивас. Снова вспоминали программу либеральной партии, ее отличие от программы Народной партии и самый принципиальный вопрос дискуссии — знает ли народ программу Народной партии. Кемаль, основатель Народной партии, хотел, чтобы она отличалась от традиционных политических партий. Народная партия должна быть выразителем идей новой Турции, своего рода философией, образом мышления, а не совокупностью принципов и проектов. Провозглашая превращение страны в светское государство, популизм и национализм партии и представляя мини-программу на конгрессе 1927 года, Кемаль осознавал ограничения подобного отказа от доктрины. Мировой экономический кризис и успех либеральной партии заставляли его тщательно анализировать программу дальнейших действий.

«Я хочу вместе с вами найти принципы, которые могли бы стать фундаментом программы». «Во-первых, республиканский образ мыслей (республиканизм)», затем национализм. Третий принцип — это знаменитый «этатизм», проповедуемый Шюкрю Кайя и Исметом. Хотя это слово нечасто было на устах Кемаля, он тоже был активным сторонником этого принципа. Лучшим доказательством тому является книга о турецкой истории, появившаяся в Стамбуле в том же 1930 году. Ее официальным автором была Афет Инан, историк, приемная дочь гази, но многие разделы были написаны самим Кемалем, а остальные — Афет и Тевфиком, генеральным секретарем президентского совета, под диктовку Кемаля, как уточняла Афет. С 1931 года эта книга стала использоваться в качестве учебника в лицеях Турции. В главе «Нация», например, написано следующее:

«— Являются ли китайцы нацией? Нет! Почему?

— А афганцы представляют собой нацию? Нет! Почему?

— Индийцы, тунисцы, палестинцы, сирийцы, иракцы… египтяне, албанцы… образуют ли они нацию? Нет! Почему?

— А турки представляют собой нацию? Да! Почему?»

Ответ открывает следующую главу, посвященную государству: «Турецкая нация — это государство, управляемое республикой, представляющей собой правительство народа». Помимо традиционных функций государства, по мнению гази, — общественного порядка, правосудия, дипломатии и обороны страны, это государство должно выполнять и другие, менее традиционные обязанности: дороги, транспортные средства, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и весь комплекс экономической активности. Итак, в 1930 году гази отказывается от относительно либеральных выступлений на конгрессе в Измире. Перед лицом всемирного экономического кризиса Кемаль, будучи прагматиком, приходит к идее о государстве, управляющем развитием экономики страны. В Сивасе после дискуссии о либерализме со своим окружением он заявляет: «Революция несовместима с либерализмом».

К первым трем принципам гази добавляет популизм, термин, используемый им для демократии, и секуляризацию. И наконец, он находит фактор, общий для республиканизма, национализма, этатизма, популизма и лаицизма, — это революционный дух. Таковы шесть принципов, составляющих его политическую и философскую концепцию.

Реджеп, вскоре избранный генеральным секретарем партии, предложил использовать в качестве символа шесть стрел, означающих эти принципы. «Шесть стрел» станут эмблемой партии, а в 1937 году эти шесть принципов будут включены в конституцию. Принятие «шести стрел», ставших скрижалями закона, положило конец, романтическому периоду, когда было достаточно слова гази; партия с ее структурой и функционерами стала защитником этой концепции.

Ужасная реальность

Концепция, принятая Кемалем в поезде, пока не меняет реального положения в стране: отправившись из Сиваса в Самсун, Кемаль был вынужден остановиться в Амасье, где заканчивалась линия железной дороги. Там он встречает своего старого друга, губернатора Самсуна, участвовавшего в Ялова в подготовке рождения либеральной партии. Если верить Ахмету Хамди, гази не смирился с победой либералов на выборах в Самсуне. Город контролируется армией, а по словам Хамди, «можно было бы

подумать, что находишься во вражеском городе». Мэр-либерал прибыл на официальный обед с опозданием, и когда гази поднял свой бокал, мэр не дотронулся до своего.

«— Господин председатель муниципального совета, вы считаете, что пить грешно?

— Нет, я уже отобедал!

— Как? Вы игнорируете мое прибытие?

— Нет, я знал об этом и даже ожидал вашего прибытия!

— Тогда вы могли бы подумать о том, что мы будем обедать вместе!

— Действительно, я надеялся на это. Но я не получил приглашения!»

Гази повернулся к губернатору: «Вы предупредили мэра о нашем прибытии и совместном обеде?»

Губернатор не отвечает. Через несколько мгновений, когда мэр собрался покинуть президентский стол под предлогом: «Завтра у меня слишком много дел», Кемаль взорвался. Через два дня губернатор был отправлен в отставку вместе с начальником полиции и руководителем местного отделения Народной партии. Эта история досадна, так как представляет Кемаля непредсказуемым, мстительным, желающим переложить на чужие плечи ответственность за ошибки, допущенные им в случае с либеральной партией. Через несколько дней в Трабзоне Кемаль, словно желая забыть инциденты в Самсуне, произносит речь: «Теперь мы должны работать еще больше, как если бы несколько партий противостояли нам, и мы должны распространять наши идеи среди народных масс вплоть до деревень. В каждое мгновение мы должны быть готовы отчитаться о нашем движении перед историей и миром!»

Из Трабзона Кемаль возвращается в Стамбул, а через две недели направляется во Фракию впервые с момента провозглашения республики. Здесь Кемаль сталкивается с реальной Турцией, с ее успехами и поражениями. Посещение сахарного завода, продукция которого шла на импорт, его порадовало, но как реагировать на поведение крестьян, неожиданно предъявивших официальному кортежу массу жалоб на падение цен на сельскохозяйственную продукцию, повышение налогов, злоупотребления властью, недостаток транспортных средств и многочисленные болезни? А в Эдирне Кемаль узнает о драме, разыгравшейся в Менемене.

23 декабря 1930 года полдюжины дервишей потрясли этот небольшой городок, затерянный среди оливковых полей, в 30 километрах от Измира. Размахивая зелеными священного цвета ислама знаменами, они требовали возвращения шариата и

объявили о скором прибытии армии халифата численностью в 70 тысяч человек. Толпа, поддерживающая их, разрасталась, люди выкрикивали требования отменить все реформы; жандармы призвали на помощь военных. Вскоре перед разъяренной толпой появилось около тридцати солдат. «Чего вы хотите? — спросил Мустафа Фехми, молодой офицер, командующий солдатами. — Вы собираетесь выступать против правительства?» Дервиш, возглавлявший толпу, приблизился к Фехми и сразил его пистолетным выстрелом, а затем обезглавил.

Кемаль срочно вернулся в Стамбул, собравшиеся на чрезвычайный совет с трудом верили информации: полторы тысячи человек ликовали и аплодировали, когда голову жертвы, насаженную на древко знамени, пронесли по улицам Менемена. И всё же пришлось смириться с реальностью: через семь лет после провозглашения республики в одном из наиболее развитых регионов страны религиозные фанатики зверски расправились с офицером и толпа ликовала. Так республика получила своего первого мученика, и какого мученика: до армии — преподаватель, спортсмен, активный участник конференций Турецкого центра, Фехми по прозвищу Кубилай — символ новой Турции!

Без промедления правительство объявляет о заговоре. Устанавливают, что зачинщиком был соратник по оружию Этхема-черкеса, подозревают либеральную партию и Кязыма Карабекира, разоблачают братство Накшбенди, к которому принадлежал убийца Кубилая. К Накшбенди было много претензий: шейх Саид, возглавивший курдское восстание 1925 года, был членом этого братства. Накшбендиты боролись против государства, и, как свидетельствовала газета «Акшам» («Вечер»), «накшбендизм требует умерщвления плоти и молитв, которые способны за короткое время сделать безумным нормального человека». Возглавлял это братство девяностолетний шейх; его назвали руководителем заговора. Некоторые пошли еще дальше. Учитывая интерес, проявляемый к Накшбенди знаменитым полковником Лоуренсом, и установив, что один из сыновей шейха находится в Ираке, газета «Акшам» предполагает участие в заговоре англичан: «Лоуренс не мог остаться в стороне от этого дела. Шейх Эссат-эфенди сам признавался, что англичане окружают его вниманием. Существует ли связь между сыном в Ираке и отцом? Не использует ли Лоуренс этот канал для влияния на нашу страну?» На самом деле Лоуренс, лишенный всяких полномочий, служил тогда на авиационной базе на юге Великобритании.

Начались репрессии: более двухсот арестов, чрезвычайное

положение в трех округах, около тридцати приговоров к смертной казни. Столь жестокая расправа вызвала возмущение военного атташе Франции: «Если бы это не послужило предлогом для партии власти расправиться с оппозицией, событие в Менемене могло бы пройти почти незамеченным». Желание произвести впечатление, утвердить авторитет государства очевидно. Сарро не понимает, что для Кемаля и его окружения драма в Менемене представляет огромную психологическую травму, особенно если помнить о недавнем успехе либеральной партии. Они в смятении перед лицом подобной реакции народа, которая им кажется невероятной. А что будет думать молодежь, убежденная, что всё как нельзя лучше в республиканской Турции? Будет ли она готова пожертвовать собой, как Кубилай, для защиты республики? Следует действовать быстро и энергично, чтобы стереть отвращение и потрясение и вспоминать о Менемене только как о событии, которое никогда не должно повториться.

Как отмечала газета «Миллиет» в середине января, «гази решил взять под свой непосредственный контроль государственные дела». Отправившись в поездку по побережью Эгейского моря, а затем в Южную Анатолию, гази всё чаще выступает с громкими заявлениями и критикой. В Измире: «Не стоит ожидать того, что небрежно управляемая, запущенная страна может превратиться в рай». В Айдыне он отвечает молодому человеку, который жаловался, что нет машин, чтобы ездить по деревням: «Вы не можете туда поехать, в то время как орды фанатиков в лохмотьях и с котомками посещают деревни одну за другой, распространяя слухи, дискредитирующие республику, а сами заявляют, что продают цветы. А вы ничего не делаете, чтобы воспрепятствовать этому». В Адане: «Пусть государство строит школы и больницы! Ваша главная обязанность распространять культуру среди населения. Большинство граждан не владеют турецким языком, необходимо их обучать этому!» Через три месяца, в начале марта 1931 года, гази возвращается в Анкару.

Час партии

Национальное собрание распущено: Кемаль решил взять всё в свои руки. Но зачем? Чтобы поддержать единство государства (Кемаль говорит о единстве государства, а не нации!) — так заявлено в выборном манифесте партии. Кемаль учел уроки либеральной партии; 1176 кандидатов представлены в 287 избирательных округах; 30 мест зарезервировано для

независимых кандидатов при условии, что они должны быть честными республиканцами, сторонниками светских реформ, националистами. По-видимому, отвечать всем этим требованиям было нелегко, если ты не член партии, поэтому было зарегистрировано только тринадцать независимых депутатов. Впрочем, память о либеральной партии незримо присутствовала в зале и отразилась даже на выступлении Исмета, призвавшего сократить государственные расходы. Кстати, впервые в истории республики государственные служащие не составляли абсолютного большинства нового состава Национального собрания. Но что вообще означает увеличение числа депутатов, не состоящих на государственной службе, хотя многие из них — бывшие чиновники, а также создание группы независимых депутатов и желание сократить государственные расходы? Служит ли это обманом или намеренным желанием подготовить общественное мнение к либеральной эволюции?

Трудно ответить на эти вопросы, тем более что в то же время Кемаль предпринимает авторитарные реформы и усиливает власть партии. Через три месяца после выборов депутаты принимают закон о цензуре печати. Один из депутатов заявил: «Ведь есть же контроль в трамваях Стамбула, а почему пресса не может контролироваться?» Другой депутат, главный редактор «Миллиет», добавляет: «Умело управляемая пресса — огромная сила современного государства. Мы не хотим лишать этой силы новый режим». Главной задачей всё еще остается защита республики. «Необходимо объединить все силы националистов и республиканцев, — пишет Рюшен Эшреф, соратник гази, — чтобы защититься от опасностей, угрожающих государству и революции, откуда бы они ни исходили — изнутри или извне». Конечно, были и такие, кто стремился в первую очередь защитить собственные интересы, но большинство из окружения Кемаля были готовы на всё ради защиты молодой республики, которой так гордились.

Настоящая оппозиция была устранена; Фетхи не был избран в Национальное собрание, а был назначен послом в Лондон в 1933 году, а Ахмет Агаоглу вернулся в университет. Пробил час Народной партии. «Опыт либеральной партии и драма в Менемене свидетельствуют о том, что в течение длительного времени Народная республиканская партия должна направлять турецкую молодежь на защиту всего того, что нам дорого», — пишет газета «Вакыт».

Еще до выборов турецкие центры утратили свою независимость, присоединившись к партии. Как заявил Якуб Кадри: «Зачем нужны теперь турецкие центры, когда мечты превратились в ощутимую реальность?» А правда была куда более

прозаична: турецкие центры расплачивались за связи с либеральной партией, предполагаемые или реальные, и за некоторые ошибки, которые резко критиковал Кемаль во время своего турне. И опровергая Якуба Кадри, партия спешит создать организацию, задачи которой — разъяснять народу реформы и развивать его культуру, как в странах, где 95 и даже 100 процентов населения умеют читать и писать. С 1932 года в Турции возникает целая сеть Народных домов, которыми руководит секция культуры Народной партии. Народные дома стараются перенять опыт организаций культуры, созданных в Венгрии, Чехословакии, в гитлеровской Германии и в Италии Муссолини. С 1932 по 1938 год будет создано 210 Народных домов, которые будут открыты для всех желающих. Одни вспоминают лекции и спектакли, организованные Народными домами, другие говорят о распределении продуктов детям неимущих и бедным студентам; некоторые критикуют пренебрежительное отношение к крестьянам. Но и те и другие жили тогда в Стамбуле или Анкаре и практически никогда не посещали Анатолию!

Были ли тогда Народные дома популярны или нет, но их появление свидетельствовало об изменении атмосферы, наступившем с появлением Реджепа в генеральном секретариате партии. Более близкий к гази, чем к премьеру, Реджеп решил придать значительный вес Народной партии. Его вдохновляли некоторые примеры за рубежом, где государство опиралось на могущественные партии для проведения националистской и корпоративной политики…

Реджеп был не единственным, кто внимательно следил за происходящим в Риме, Берлине и даже в Москве. В эти годы некоторые интеллектуалы, близкие к Кемалю, считали, что для упрочения кемалистской революции можно использовать в качестве примера приемы фашистов или коммунистов. Тогда как бывший президент турецких центров Хамдулла Суфи публично выражал симпатии фашизму, сравнивая его с философией новой Турции, Фалих Рыфкы вернулся из СССР полный энтузиазма и создал с несколькими друзьями обзорный журнал «Кадр», отказывающийся от классической демократии XIX века и предлагающий режим «дирижизма» — государственного управления экономикой.

Вопреки этим советам и намерениям кемалистская Турция будет жить без политической полиции и без молодежной организации, хотя, согласно некоторым источникам, в 1932 году был рассмотрен проект создания молодежной организации. Правда, что коммунисты регулярно подвергались арестам, что

проект закона, разрешающего создание профсоюзов, был отклонен и что притесняли интеллектуалов, но никакого террора в стране не было. Принадлежность к партии не была обязательной и, если верить очевидцам, не давала преимуществ для получения места в администрации, в предпринимательстве или в системе образования. И всё же Народная республиканская партия формально может считаться диктаторской, особенно когда запретят франкмасонство. «Если франкмасонство является организацией, отличающейся национализмом, популизмом и республиканскими взглядами, то нет необходимости в ее существовании», якобы утверждал гази. Партия поглотит также Союз турецких женщин. Формально Кемаль — тоже диктатор, так как он правил страной без всякого контроля.

И тем не менее нет смысла сравнивать его с Муссолини, Гитлером и Сталиным. Ни один из них не являлся образцом для Кемаля. Напротив, гази открывает турецкую границу многочисленным беженцам с университетским образованием, евреям и неевреям, изгнанным нацистами, что обеспечило неожиданный расцвет нового университета в Стамбуле. Единственный советский государственный деятель, кем восхищался гази, был Ленин, так как он протянул руку туркам в 1920 году. Особенно презирал Кемаль Муссолини. «Он был бы хорошим министром общественного труда», — как-то бросил Кемаль, а в апреле 1934 года предсказал, что «народ повесит дуче за ноги».

Гази не любит диктаторов и не желает, чтобы его считали таковым. «Я — не диктатор, — пишет он в 1935 году одной американской корреспондентке, — я хочу, чтобы правительство не разбивало сердца, а завоевывало их». А когда какой-то смельчак бросил ему: «Говорят, что вы — диктатор», Кемаль парировал: «Если бы я был диктатором, осмелились бы вы задать мне подобный вопрос?» Помимо искусных формулировок он мог напомнить о том, как сам способствовал появлению настоящей оппозиции. Он мог бы также вспомнить многие страницы, посвященные демократии, в знаменитой книге Гражданского кодекса: «Турки — граждане демократически свободной страны; они — защитники Турецкой Республики и ее хозяева». Более того, он мог бы с гордостью напомнить о законе от декабря 1934 года, предоставляющем женщинам те же политические права, что и мужчинам. В 1935 году в Национальное собрание было избрано семнадцать женщин, присоединившихся к 366 мужчинам. Среди депутатов-мужчин был человек, чья история служила примером демократии, какой ее представлял себе гази. Кязым Гюлек, двадцати пяти лет, вернулся в Адану, закончив обучение в Нью-

Йорке, в Колумбийском университете. Однажды около полуночи к нему в дом явилась полиция и, ничего не объясняя, переправила молодого человека в Анкару, и там его препроводили в Чанкая. К своему великому изумлению, Кязым Гюлек предстал перед самим гази. Гази получил письмо от президента Колумбийского университета, который отмечал блестящие способности молодого человека. В течение двух часов президент Турецкой Республики расспрашивал Кязыма о Соединенных Штатах Америки и президентском режиме, который гази квалифицировал как «президентскую диктатуру». В конце беседы он объявил молодому человеку, что тот становится депутатом Национального собрания.

Фактически, еще перед тем, как экономический кризис и специфическая атмосфера тридцатых годов заставили Кемаля отступить от либерального пути, он всегда считал, что та демократия, которую практикуют страны Европы, не может рассматриваться как цель. В своей знаменитой речи «Нутук» он заявил: «Те, кто проник в глубину человеческих отношений и познал истину, должны признать, что самый главный долг на земле — это поднять жизненный уровень людей и дать им образование, и, насколько это возможно, вести их к цели». Через два года по дороге в Эскишехир Кемаль добавил: «Акты, направленные на нарушение общественного порядка среди турецкого народа, осуждены. Турецкий народ не будет терпеть презренные цели и тайную подрывную деятельность предателей, трусов и космополитов, выступающих против высших интересов страны… Те, кто захочет встать на ее пути, будут безжалостно раздавлены». Гази никогда не колебался между демократией на британский манер и защитой Турецкой Республики. Именно поэтому в 1933 году во время Парижской конференции, посвященной психологии турецкого народа, знаменитый французский тюрколог Ж. Дени заменил слово «демократия» неологизмом «демократизм».

Согласно Дени, психология турецкого народа, точнее, его руководителей, представляет парадоксальную комбинацию покорности и революционности. Первое качество — результат военной традиции, дорогой сердцу турок, и его «альтер эго», дух дисциплины. А революционный дух присущ Кемалю и его единомышленникам. Любопытное совпадение: через несколько дней после выступления Дени гази обсуждает с друзьями значение слова «революция». Под его диктовку приемная дочь Афет запишет: «Революция меняет насильственным путем существующие государственные институты; после уничтожения существовавших институтов, которые тормозили развитие турецкой нации в течение нескольких веков, созданы новые

институты, чтобы облегчить прогресс нации в соответствии с требованиями наиболее развитой цивилизации. В жизни государства революция стала частью наших социальных традиций». И Афет добавляет в скобках несколько слов, чтобы уточнить то, что уже записала: «Лаицизм, гражданский кодекс и демократия».

Глава четвертая
ЯСНО ОСОЗНАВАЕМАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ

31 июля 1932 года турки покоряют мир: Кериман Халис, «мисс Турции», избрана «мисс Мира». «Мой успех, — пишет турецкая красавица гази, — результат тех идей, которыми Вы вдохновили женщин нашей страны».

События лета 1932 года радуют Кемаля и тешат национальную гордость турок. Четырьмя неделями ранее гази открывает Первый конгресс истории в Народном доме Анкары. В течение десяти дней ученый ареопаг при участии любимицы Кемаля, Афет, изучает пути улучшения просвещения и исследовательской работы. Но, как свидетельствует учебник общей истории, недавно опубликованный Турецким историческим обществом, его настоящая цель — не методология.

Недостающее звено

Турецкое историческое общество с момента его создания весной 1930 года напряженно работало под председательством Тевфика, генерального секретаря, и под контролем Решита Галипа. Решит Галип — любопытный персонаж, чья самоуверенность возрастала с ростом его карьеры: этот бывший военный медик стал президентом турецких центров. Рядом с Тевфиком и Галипом находилась дюжина интеллектуалов и, конечно, Афет, посвятившая себя истории, как другие посвящали себя религии.

Впрочем, общество, по требованию гази, подлинного архитектора и вдохновителя культурной революции, разрабатывало своего рода религию. Трудно сказать, в какой момент Кемаль осознал, что нельзя строить будущее, не зная прошлого, и что турецкому народу необходимо испытывать гордость за свою историю, чего новые реформы не могли ему дать. Если верить Нимету Арзику, Кемаль якобы заявил, что верит в Новую историю и даже посвятил ей небольшую поэму:

Возможно, не ведаешь ты о том,
Что Дунай принадлежал туркам в течение веков.
История умалчивает об этом…
Но покровы Сорваны, и правда появляется.

Прислушайся к голосу Новой истории…
Настало время, когда восторжествует правда,
Освободившись от лжи, и будет предана гласности!

Ряд источников свидетельствует о сильном влиянии на Кемаля двух книг Герберта Уэллса, автора «Войны миров». Первая из них называлась «Очерки истории Вселенной». У Кемаля было пять экземпляров этой книги — один на французском, два на английском и два на турецком языках. Вторая книга Уэллса «Краткая история мира». Как писал Фалих Рыфкы, гази был потрясен этими книгами, в которых едва ли упоминаются османы. И напротив, Уэллс посвящает длинные и лестные комментарии туркам, вынужденным из-за невыносимой засухи покинуть Центральную Азию, где обитали их предки. Кемаль был поражен также «черной дырой», перед которой оказался Уэллс, как и все историки, когда пытались объяснить происхождение шумеров, хеттов или этрусков. В энциклопедии «Ларусс XX века», изданной в 1928 году, было сказано: «Происхождение шумеров пока неизвестно». Ненамного больше было информации и о хеттах, чей язык — «наиболее древний свидетель» индоевропейской семьи и чья столица находилась в нескольких километрах от Анкары. Что касается этрусков, то их происхождение тоже полно загадок, а их язык — предмет многочисленных гипотез, одна из которых предполагает, что корни его в Лидии, то есть в Западной Анатолии.

Искушение велико, и Кемаль поддается ему: отныне считается, что шумеры, хетты, этруски и многие другие племена и народы — древние предки турок.

Представленная подобным образом история турок не ограничивается отказом от исламского и османского пластов. Но самым поразительным и сомнительным, с научной точки зрения, было утверждение о том, что «население греческих колоний Малой Азии состояло в основном из коренных азиатов, анатолийцев: теперь мы называем их турками». Подобная теория делает турок первыми поселенцами в Анатолии намного раньше, чем там появились греки, армяне, курды.

Гази в состоянии слепой веры превозносит эту теорию, утверждающую исключительную историческую важность турецкой нации, что поражает представителей других наций. Приглашенный в Анкару «навести порядок в бюджете и казначействе» молодой французский инспектор финансов Эрве Альфан оказался в деликатной ситуации: «Я вдруг почувствовал руки президента на моей голове, пальпирующие мой череп перед

изумленными дипломатами, министрами и чиновниками.

— В чем дело? — спросил я у Нюмана, генерального секретаря министерства иностранных дел.

— Его превосходительство увлечен френологией и говорит, что с такой формой головы вы преуспеете в Турции».

Историческая теория, восхваляемая Кемалем, придает большое значение брахицефалам, о чем свидетельствует поразительное заявление генерального секретаря Ассоциации истории, переданное по радио: «Последние научные данные позволяют признать две человеческие формации, различающиеся формой черепа. Одна из них заселяла равнину Центральной Азии. Коренное население этого региона всегда называлось турками». А после объяснения, что турки распространялись до Китая, Перу, Исландии, России и Греции, он заключает: «Цивилизация зародилась в Центральной Азии. Тюрки — первая цивилизация в мире».

Сюрпризы для Альфана не закончились изучением его черепа. Однажды гази попросил его написать свою фамилию *(Alphand)* и заявил: «Ну что ж, в вашей фамилии только французское окончание „d“. „Алп“ на языке хеттов и на турецком означает „великий“, а „хан“ — господин». В сентябре 1932 года, через месяц после конгресса истории, Кемаль созывает Первый конгресс по лингвистике, чтобы «изучить и определить словарь турецкого языка в соответствии с его происхождением и необходимостью учесть прогресс науки и цивилизации». «Универсальный словарь „Лярусс“ содержит 92 тысячи слов, а турецкий словарь только 40 тысяч; следовательно, по мнению конгресса, ему недостает еще 52 тысяч».

Вся страна была мобилизована на эту экстраординарную охоту за лингвистическими сокровищами, пытаясь найти слова как в пышном доосманском языке, так и в более современном. Сто двадцать тысяч предложений было собрано и передано в Анкару. Через два года, накануне Второго конгресса по лингвистике, пресса с гордостью заявила о том, что принято еще 33 тысячи турецких слов. Несмотря на этот прекрасный результат, Второй конгресс увяз в излишествах. Один из выступающих даже претендовал на связь языка майя с турецким языком.

Французский посол вспоминал возмущение гази подобными смехотворными утверждениями, который считал, что они только вредят его усилиям. И тем не менее через несколько месяцев лингвистическая политика достигла нового этапа: был опубликован османо-турецкий словарь; таким образом, османский язык стал иностранным в Турции! Осенью 1935 года

Кемаль, по-видимому, решил идти еще дальше, когда признался своему окружению в новом увлечении «солнечной» языковой теорией австрийского лингвиста Квергича: на четырнадцати страницах Квергич связал солнце с первыми звуками, восклицаниями, издаваемыми человеком. Турки были представлены как древнейшая нация, и именно турецкий язык теория Квергича неожиданно связала с солнцем! Но гази предпочитал вернуться к историческим и лингвистическим ценностям. И всё же в своем желании сделать турецким всё, что только возможно, модернизировать, европеизировать турецкий язык Кемаль не был готов делать, что угодно. Языковая реформа переживет тогда паузу, но многие слова иностранного происхождения останутся в употреблении.

Иностранные дипломаты используют даже термины, присущие словарю гитлеровской Германии, называя впечатляющую культурную революцию Кемаля «культуркампф», «национал-туркизм». Напрасно. Исторические претензии Кемаля и его лингвистические реформы могли бы питать расизм, но ничего подобного не произошло, хотя и некоторые принятые законы были скорее ксенофобные, чем интернациональные, как, например, закон, не позволяющий иностранцам заниматься некоторыми профессиями и посещать ряд регионов. Но кемалистская Турция практически избежит антисемитизма. Хотя в 1934 году закон об обязательном использовании турецкого языка и эвакуации по военно-политическим причинам еврейских семей, проживающих во Фракии и близ Дарданелл, вызвал всё же некоторые инциденты.

Убрав всякое упоминание об османах и исламе, заставив своих соотечественников признать прогрессивность западной культуры и в то же время раскрыв им их азиатские корни, Кемаль хотел только вселить в них уверенность: «Огромные деревья должны иметь глубокие корни». Но, чтобы достичь этой цели, Турция нуждалась в мире.

Политика на Балканах

Вполне правдоподобно, что 1 ноября 1932 года на открытии работы Национального собрания гази в своем докладе впервые упомянул об угрозе войны[65]. Но он начал готовиться к этому еще раньше. В 1930 году произошло «историческое событие» — визит премьер-министра Греции Венизелоса в Турцию. Через семь лет после окончания греко-турецкой войны, через четыре года после обмена населением между двумя странами встреча

Венизелоса и гази казалась чудом. Афет вспоминала о том, какой ужас вызывало у нее, как и у всех турок, одно имя Венизелоса во время войны за независимость. Она даже призналась, что, увидев впервые Венизелоса в Анкаре, почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Когда премьер-министр Греции вошел в зал «Анкара Паласа» вместе с гази, многие приглашенные испытывали те же чувства, что и Афет. «Никто не пошевелился, — вспоминала Афет. — Ататюрк встал позади Венизелоса и подтолкнул его к толпе и ее аплодисментам… И толпа аплодировала…» Между Исметом и Венизелосом установились дружеские отношения. 30 октября, в годовщину основания республики, было подписано коммерческое соглашение. Атмосфера во время переговоров была настолько дружеская, что Венизелос, вернувшись в Афины, позволил себе заявить, что греки вернутся в Западную Анатолию «года через два, так как турки отныне нам доверяют».

В эти годы гази занялся политикой на Балканах. В 1929 году министр иностранных дел Тевфик Рюштю заявил французскому послу, что самую серьезную угрозу для Турции представляет Союз балканских славян. Рюштю — один из близких соратников гази, он — первый дипломат в течение тринадцати лет: с 1925 по 1938 год, хотя дипломатический корпус считает его выступления довольно сложными, даже, по выражению одного из послов, достойными «торговца». В данном случае Рюштю ясно выразил мнение самого гази, который стал главным защитником Балканского союза ради предотвращения угрозы, реальной или потенциальной.

Кемаль часто обращался в мыслях к Балканам, причем, как отмечал Юнус Нади, не только как глава государства, но и как уроженец тех мест — ведь Салоники отныне были греческой территорией.

В октябре 1931 года гази принимает Вторую конференцию Балканских стран. В Стамбуле, где балканский флаг развевается над дворцом Долмабахче, а затем и в Анкаре царила удивительная атмосфера, исторические распри были забыты. Греческий делегат предлагает, чтобы Стамбул в будущем стал балканской столицей, и с пылом заявляет: «Я не знаю в истории других примеров столь разительной и радикальной метаморфозы, произошедшей за столь короткий промежуток времени». Кемаль, отвечая на французском, говорит об «общей: истории» балканской нации с «ее мучительно болезненными эпизодами», «о братских народах, вышедших из одной и той же колыбели», объявляет о «новом периоде человечества» и заключает: «Толкать людей убивать друг друга под предлогом сделать их счастливыми —

бесчеловечно и в высшей степени недостойно. Единственное средство сделать людей счастливыми — всемерно содействовать их сближению…»

Греческое правительство установило мемориальную доску на доме, где он родился: «Гази Мустафа Кемаль, выдающийся борец за турецкую нацию и активный участник Балканского союза, родился в этом доме». Но этой доски было недостаточно, чтобы заставить его забыть угрозы и амбиции итальянцев. Принимая в октябре 1932 года нового представителя Рима, произнесшего речь во славу дуче и древней Римской империи, гази, не колеблясь, стал критиковать итальянское правительство в присутствии всего дипломатического корпуса. «Я хотел бы сказать кое-что его превосходительству, — прошептал он своему министру иностранных дел, — переведите». И бедный Рюштю вынужден был перевести гневную речь, обличающую чрезмерные амбиции Муссолини.

В феврале 1934 года был подписан Балканский пакт, «оборонительный альянс» между Румынией, Грецией, Югославией и Турцией. Он рассматривался как важная веха: «Больше не будет конфликтов на Балканах».

Благодушное удовлетворение длилось недолго. Через месяц Муссолини произносит речь, объявляющую об экспансии Италии в Африке и Азии. Реакция Кемаля была мгновенной: он посещает регионы Измира и Дарданелл, а затем объявляет об усилении военных формирований в Измире и Фракии. На Дарданеллах другая проблема: договор о перемирии в Лозанне объявил регион проливов Босфора и Дарданелл демилитаризованной зоной. Турция уже проявляла намерение установить контроль над зоной Проливов и ввести туда свои войска, но безуспешно. Рюштю было поручено возобновить это требование. Без промедления турки начинают политику, направленную на индустриализацию страны, которую разрабатывает министр экономики, либеральный Джеляль.

Глава пятая
ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ОТЕЦ

29 октября 1933 года с необычайным размахом отмечалась десятая годовщина республики. Толпы людей, желающих присутствовать на торжественной церемонии, заполнили улицы Анкары. В церемонии приняли участие сотни делегатов, пять тысяч бойскаутов, восемьдесят самолетов, а на трибунах — Молотов и Литвинов во главе советской делегации, Рём[66] со своими штурмовиками и ветеранами. Праздник был грандиозным. Элита развлекалась на организованных для них балах, а толпы прибывших в столицу крестьян знакомились с новой Анкарой, символом республики. Особое восхищение вызывал современный квартал, Новый город, с его широкими прямыми улицами, тщательно посаженными деревьями и новыми зданиями оригинального архитектурного решения; всё это напоминало, по словам американского посла Шерилла, Вашингтон. С другой стороны, многие считали, что холодная архитектура Нового города была результатом влияния немецких архитекторов. Действительно, большинство архитекторов, привлеченных к обустройству Анкары, были немцами или австрийцами. Но для обычных смертных, помнящих о болотах, невыносимой засухе, керосиновых лампах и тесноте первых лет, всё происшедшее с городом казалось чудом. Теперь Анкара была связана автоматической телефонной линией с большинством крупных европейских городов, в ней было три кинотеатра и четыре дворца, горячая вода и даже симфонический оркестр из шестидесяти музыкантов, выступающий каждую пятницу по вечерам.

Конная статуя гази на гранитном пьедестале, недалеко от руин храма Святого Августина, наблюдала за Анкарой. Возвышаясь над статуями солдата и крестьянки, согнувшейся под тяжестью артиллерийского снаряда, Кемаль, казалось, парил между небом и землей, повернувшись к западу. Какой турок тогда не согласился бы с послом Франции, находившимся под впечатлением «силы, мистики и почти суеверной веры в великого человека, пробудившего турецкий народ»?

Стол Кемаля

«Не утратил ли гази чувства меры?» — спрашивали себя

некоторые, имея в виду влияние «чрезмерных восхвалений» и его образ жизни. Если не считать коммунистов, многие из которых, впрочем, были амнистированы по случаю десятилетия республики, и некоторых религиозных деятелей, периодически выражающих свое неприятие светских реформ, то наиболее значительным оппозиционером можно было назвать Кязыма Карабекира. В мае 1933 года в ответ на кампанию в прессе, обвиняющую его в подготовке сепаратистского движения в Восточной Анатолии в 1920 году, бывший командир 15-го армейского корпуса выступил с резкой критикой Кемаля. Он напомнил, что в 1919 году гази находился «на берегу Босфора, обсуждая с политиками возможность получения им министерского портфеля», тогда как он, Карабекир, был на полях сражений со своими войсками. Карабекир несколько бестактно стал упрекать Кемаля в том, что тот предпочел завоевание личной власти защите национальной независимости.

Власть Кемаля, обладающего абсолютным и неоспоримым авторитетом, была велика. Любой министр, за исключением, может быть, Тевфика Рюштю, Шюкрю Кайя и Джеляля, мог быть заменен в любую минуту, и только два человека имели определенный вес: Исмет и очень влиятельный маршал Февзи Чакмак, возглавляющий Генеральный штаб с 1922 года.

Дебаты в Национальном собрании не представляли никакого интереса, и Кемаль появлялся там только в день открытия сессии. Он продолжал поездки по стране, но время грандиозных встреч с народом, похоже, прошло.

Казалось, жизнь гази сосредоточилась вокруг его знаменитого стола. С молодости он очень ценил беседы с друзьями за бутылкой ракы и национальными закусками (дыней и брынзой. — *Прим. ред.*). По анатолийской традиции во время этих дискуссий забывали о времени, высказывались свободно и откровенно. Начинаясь в 8–9 часов в бильярдном зале, эти встречи редко заканчивались раньше часа ночи. Это объясняет, почему Кемаль часто начинал свой день около или даже после полудня. И всё это время друзья говорили.

Кемаль всегда любил задавать вопросы, создавая доверительные отношения с собеседником. Стол Кемаля был привилегированным местом для обсуждения любых вопросов и особенно касающихся истории и лингвистики. Лингвисты и историки, более или менее известные, были частыми гостями гази.

Стол гази был не только литературным и политическим салоном. За столом свободно обменивались идеями, и подобные встречи давали гази возможность подвергать приглашенных

настоящему экзамену, во время которого он выполнял роль школьного учителя. Никто не мог избежать его расспросов. Жена одного из его близких друзей, имеющая университетское образование, вызвала гнев гази, когда побоялась говорить на публике и начала плакать: «У вас университетское образование, вы будете критиковать!» Однажды, выслушав Афет, зачитавшую на французском языке проект своей диссертации, он попросил другую молодую женщину, жену одного из близких друзей, перевести на турецкий этот сложный текст, хотя та слушала, не делая никаких заметок!

«Какой французский революционер сказал: „Человек рожден свободным, живет свободным и останется свободным“?» — спросил Кемаль у девушки, получившей диплом по правовому законодательству и попросившей отца в качестве подарка устроить ей приглашение в Чанкая. Другую девушку он спросил о том, кто был первым коммунистом. Когда та ответила: «Христос», Кемаль сказал: «Нет, Платон» и объяснил ей свой выбор. Пятьдесят лет спустя эти женщины всё еще были очарованы гази. Вспоминая о том, что он непрерывно курил и, не докурив одну сигарету, бросал ее, чтобы тут же закурить другую, они восклицали: «Мне хотелось взять эти сигареты!»

Отец

Молодые женщины были не единственными, кто был очарован гази. Эрве Альфан, который провел в Турции двенадцать месяцев и часто встречался с Кемалем на официальных встречах или в узком кругу, считает его одним из «выдающихся людей» и ставит его в один ряд с Рузвельтом и Черчиллем. И хотя во время пребывания гази в Измире в январе 1932 года французский дипломат нашел его «постаревшим, поседевшим и огрузневшим», каждое появление президентской яхты на Босфоре вызывало всеобщее волнение. Когда в сентябре 1936 года король Эдуард VIII прибудет в Стамбул, все единодушно заключат, что конкурс элегантности и представительности между британским королем и турецким президентом явно выиграл гази.

В конфиденциальном письме, адресованном в сентябре 1934 года генералам Гамелену и Вейгану, военный атташе Франции в Турции полковник Курзон тем не менее намекал, что «гази… переходит границы». Если верить французскому дипломату, то у подчиненных Кемаля все большее раздражение вызывали «ежедневные оргии», которым он предавался в кругу собутыльников, а иногда и «нескольких женщин, будь то жены

товарищей, или женщины из публичных домов, либо и те и другие одновременно». И Курзон описывает пребывание гази в Стамбуле и его ночные вылазки в «Парк Отель», фешенебельное заведение на берегу Босфора: «Возвращаясь пешком с вечеринки около трех часов утра, я увидел у „Парк Отеля“ множество машин и полицейских. Мне захотелось рассмотреть, что там происходит <…>. Мустафа Кемаль расположился в кресле, а рядом сидела венгерская дама, живущая в отеле, чей муж был в отъезде. Он что-то быстро говорил ей, обняв за талию, а другой рукой поглаживая ее белокурые волосы <…>. Периодически он увлекал женщину на тур вальса. С суровым видом и недобрым взглядом, без улыбки он совершал три или четыре круга, вцепившись в напарницу, нетвердо держась на ногах, а затем снова усаживался в кресло и пил… Во время первого визита Мустафы Кемаля в „Парк Отель“ он бросает дерзкий вызов обществу. Рядом с террасой „Парк Отеля“ находилась древняя мечеть, над которой возвышался величественный минарет. До сих пор, когда муэдзин провозглашал свою молитву, музыка умолкала из уважения к нему, а следовательно, останавливались и танцы. Но когда гази, сидя со своим привычным ракы за столиком, услышал „Аллах акбар“ муэдзина, он просто сказал: „Это неуместно. Уберите минарет“. И минарет был снесен той же ночью». Курзон, описав боль, потрясение и оскорбление «старых турок», заключает: «Гази 53 года, это возраст, когда здоровье часто резко ухудшается у тех, кто хочет слишком многого от жизни».

Рассказ Курзона за исключением ряда деталей не вызвал бы особого удивления у соотечественников гази в Стамбуле. Турки, большие любители ракы, вовсе не были шокированы возлияниями Кемаля, даже напротив, они восхищались простыми человеческими слабостями президента, его простотой, его готовностью развлечься и увлечь других заняться тем же. И всё же Кемаль, насколько это было возможно, старался вести себя скромно. Однажды в 1934 году он с друзьями проводил вечер в «русско-турецком» баре Стамбула. Одному молодому человеку удалось проникнуть в зал, и усевшись напротив президента, он быстро набросал карандашом его портрет. Кемаль попросил показать портрет и тут же заявил:

«— Так не пойдет!

— Почему?

— Вы изобразили меня со стаканом в руке. Уберите его.

— Хорошо, но тогда вы подпишитесь под портретом».

Кемаль заколебался, но через несколько мгновений, бросив друзьям: «Вы — свидетели», — он подписал: «Гази М. Кемаль».

В начале июля 1934 года Национальное собрание принимает

закон о введении в Турции фамилий. Это было очень важное и необходимое решение. В Османской империи основная масса населения имела только имена, что создавало в стране большую путаницу и не могло соответствовать требованиям нового государства.

Закон был введен в действие с начала 1935 года. Каждый старался найти себе турецкую фамилию; иностранные окончания были запрещены. Исмет стал Инёню в память о двух сражениях, выигранных им во время войны за независимость. Нури взял фамилию Конкер — это название местности, где он сражался бок о бок с гази во время битвы за Дарданеллы. Министр иностранных дел стал Арас — это название реки, где он вел переговоры; Халиде Эдип взяла фамилию Адывар («Та, у которой есть имя»), а Афет станет Инан («закон» и «вера»), другая приемная дочь Кемаля Сабиха, ставшая пилотом, Гекчен («Приходящая с неба»). Естественно, что всеобщее внимание привлекла будущая фамилия гази. Саффет Арыкан, бывший генеральный секретарь Народной республиканской партии, предложил фамилию Тюрката — «ата» означало одновременно «отец» и «предок». Все одобрили выбор «ата» и его соединение с определением «тюрк», но большинство считало, что хотя «Тюрката» грамматически и более точно, но менее гармонично, чем Ататюрк. 24 ноября 1934 года Национальное собрание единогласно предложило гази стать «Ататюрком». Гази — истинный турок, в полном смысле этого слова, и он обладает всеми качествами отца, одновременно доброго и строгого.

Фалих Рыфкы посвятил этому событию статью, в которой не поскупился на высокопарные слова: «Будущее турецкой истории неразрывно связано с его именем… Можно ли было найти более точное имя, чем Ататюрк: Ататюрк — это неисчерпаемый источник, это — бьющая ключом вода и летнее солнце, что оживляет всё вокруг. Да будет благословен он этим именем!»

Французский военный атташе Курзон, конечно, более сдержан в своей оценке. Он считает, что введение фамилий вскоре после языковой реформы и запрета восточной музыки — это несколько слишком. Впрочем, гази недавно объяснял, что «необходимо собрать все прекрасные выражения, отражающие мысли и чувства народа, и использовать их, создавая современную музыку». И Курзон добавляет: «Принятие имени „отца нации“, возможно, еще не вершина для гази. История таких великих завоевателей, как Цезарь и Александр, с которыми характер Кемаля имеет ряд общих черт, свидетельствует о том, что этих великих гениев посещали мечты, еще более амбициозные».

Глава шестая
УСПЕТЬ ВСЁ ЗАВЕРШИТЬ

В июне 1934 года в Анкару прибыл именитый гость — шах Реза Пехлеви. Кемаль устроил ему пышный прием, какого не удостаивался до этого ни один из официальных представителей иностранного государства. Важного гостя, с энтузиазмом относящегося к реформам гази, всюду встречали толпы людей, шах посетил другие города и военные гарнизоны. В Самсуне тысяча гвардейцев торжественно встречала шаха, низко поклонившись ему в знак глубокого уважения к правителю Ирана. Еще до возвращения в Тегеран шах потребовал у своего премьер-министра ускорить реформы. Шах, как и король Ирака Фейсал, посетивший Турцию в 1931 году, были единомышленниками гази и его последователями: они хотели построить в своей стране такую же государственную модель, как в Турции, и защищать ее от любых угроз.

Главная цель революции достигнута

В начале 1935 года проходили выборы в Национальное собрание; впервые женщины участвовали в голосовании и могли быть избраны в депутаты. Выборы, как и прежде, были двухступенчатые, а право голоса было предоставлено гражданам, достигшим двадцати трех лет. Избирательная кампания проходила в атмосфере общего безразличия. За неделю до выборов Кемаль пригласил в Стамбул основных министров и Реджепа Пекера, генерального секретаря партии. Ататюрк объявил о своем желании, чтобы в новое Национальное собрание было избрано семнадцать «оппозиционеров». Если верить Курзону, Инёню и Пекер были против этого демократического жеста, но Ататюрк, «преследуемый мыслью о том, что дни его сочтены… считал, что его дело должно быть усовершенствовано и расширено». Одним словом, он хотел установить настоящую демократию. Похвальная попытка, даже если около двадцати «независимых» депутатов, в большей степени назначенные, представляли всего лишь слабый авангард оппозиции. Но для Инёню и Пекера даже семнадцать уже слишком много. В конце концов будет избрано всего тринадцать независимых депутатов, среди которых Рефет Беле и Али Фуад Джебесой, два турка греческого происхождения, один турок с армянскими корнями и

два турка, приверженцы иудейской веры.

Впрочем, считали лидеры партии, на что способна подобная оппозиция? Разве не заявил Ататюрк в марте 1935 года на открытии IV Конгресса Народной партии, что Турция находится в безопасности, а Народная партия полностью завоевала доверие населения? Один из комментаторов даже написал, что «главная цель революции достигнута». «Шесть стрел», включенные в устав Народной парии, больше не оспариваются. Кто в Турции станет критиковать национализм, республиканизм, лаицизм, популизм, этатизм и «революционализм»? Существующие оппозиционеры молчат — по собственной воле или под давлением; как отмечал посол Франции в феврале 1938 года, «правительство Турции кажется очень сильным». Революцию изучают в университете Стамбула, в специальном институте, где выступают с научными докладами все лидеры республики. «Шесть стрел» постепенно утрачивают свою актуальность и завоевывают бессмертие. Партию теперь интересуют новые проекты, как, например, поднятие сельского хозяйства путем радикального перераспределения земли крестьянам. Партия столкнулась также с быстрым ростом рабочего класса в связи с индустриализацией страны, и генеральный секретарь Реджеп Пекер предлагает принять закон о труде… настаивая на опасности диктатуры пролетариата.

Но главной проблемой, по-видимому, были взаимоотношения партии и государства. По настоянию Реджепа Пекера конгресс требует максимальной интеграции партии и государства, что означает настоящий захват власти в государстве Народной партией и ее генеральным секретарем. Через год, в июне 1936 года, правительство Исмета Инёню ответит на это, с благословения Ататюрка добившись снятия Пекера с поста генерального секретаря. Теперь правительство берет контроль над партией, превратив ее в простой административный механизм.

Но Ататюрк озабочен возрастающими угрозами миру и самой Турции.

Человек, знавший Дарданеллы

Тевфик Рюштю Арас, Февзи Чакмак и Исмет Инёню по-разному оценивали немецкую угрозу. Рюштю считал, что немецкая армия не готова к нападению. Февзи полагал, что эта угроза не коснется Турции. Исмет, «как солдат», не думал, что Германия готова к войне, но даже в случае конфликта «сосредоточит свои усилия на европейских делах… и это ей

помешает направить силы на Восток».

Ататюрк избрал несколько упрощенную формулировку: «Германия угрожает СССР, а Италия — Турции». В беседе с советским послом он добавил, что «ситуация для наших стран одинакова», но Карахан, посол СССР, истолковал эту фразу так: «У каждого свой противник». Если верить заметкам посла, он смог убедить Ататюрка в том, что обе угрозы не одинаковы и что из двух противников, Гитлера и Муссолини, дуче — не самый опасный.

Согласившись с Караханом, турки признали в конце 1935 года, что «Италия не является в настоящий момент врагом номер один». Нападение Италии на Эфиопию их шокировало, и они полностью поддержали санкции, принятые Лигой Наций против Италии. Но Турцию стала особенно беспокоить ремилитаризация Германии. Инёню сам ранее способствовал расширению торговых связей Турции с Германией, а Тевфик Рюштю Арас не скрывал, что если поведение Германии заставит Болгарию и Венгрию поставить под сомнение договоры, заключенные после 1918 года, то необходимо укреплять Фракию и особенно важно добиться права снова вооружить регион Проливов.

На самом деле Анкара добивалась ремилитаризации Дарданелл с 1932 года. Турки стремились убрать это последнее препятствие их суверенитету и укрепить зону, знакомую гази как никому другому. Но только СССР поддерживал это требование Турции, так как Москва надеялась воспользоваться этим, чтобы получить преимущества в правах на судоходство в Черном море. Арас твердо заявляет на заседании Лиги Наций осенью 1935 года: «Турция не побоится принять необходимые меры, чтобы обеспечить безопасность Проливов при любых обстоятельствах». Ататюрк в апреле 1936 года направляет ноту всем подписавшим договор в Лозанне, требуя разрешения на ремилитаризацию Дарданелл.

Италия захватила Эфиопию, Гитлер оккупировал правый берег Рейна, а Япония покинула Лигу Наций. Без особых колебаний Франция и Англия присоединяются к СССР, Греции и Румынии, которые поддерживают требование Турции. 20 июля 1936 года, после месяца работы, соглашение в швейцарском городке Монтрё удовлетворяет запрос Ататюрка: Турция восстанавливает полный суверенитет на Дарданеллах и добивается права их ремилитаризовать. Кстати, из всех стран, подписавших договор в Лозанне, только Италия отказалась принять участие в конференции в Монтрё.

Через два дня Афет Инан, прибывшая из Женевы, где она проходила обучение, встречается с Ататюрком в Стамбуле:

— Ну, всё хорошо, у нас больше нет проблем!
— Вовсе нет, у нас проблемы, причем настоящие.
— Какие же?
— Искендерун (Александретта)!
— Что ты собираешься делать?
— Мы ее возьмем!
— Как?
— Ты увидишь!

Глава седьмая
ДЕВЯТЬ ЧАСОВ ПЯТЬ МИНУТ

За 13 лет существования республики Турция заметно изменилась. В Стамбуле христиане и мусульмане больше не будут сражаться за Святую Софию: Ататюрк превратил ее в музей, а в качестве гидов многочисленных туристов нередко выступали женщины. Как заметил с некоторой грустью один из французских дипдоматов, «дервиши Жерара Нерваля, женщины, укрытые чадрой, позолоченные каики (лодки) на Босфоре остались теперь только в воспоминаниях, словно привлекательные литературные фантомы, и отныне необходимы были значительные усилия, чтобы вообразить их, даже на фоне всегда живописного Стамбула». И затем автор добавляет: «А вместо них благодаря целеустремленности одного человека, сумевшего увлечь свой народ, родился новый человек…»

Чтобы убедиться в этом, следовало отправиться в Анатолию. Покрытая сетью железных дорог, имеющая заводы, фабрики, школы, Анатолия возрождается; в окрестностях Анкары безжизненная, бескрайняя степь уступила место плодородным полям и фруктовым садам. От восстановленного Измира и Аданы, центра хлопчатобумажной промышленности, до Сиваса, ставшего важным железнодорожным узлом, города живут в ритме политики Кемаля. Но по мере удаления от центра Анатолии электрическое освещение и машины становятся всё более редкими. Для жителя Стамбула Анкара с ее новым деловым центром и обновленным районом Чанкая — не более чем черновой проект города; Адана находится почти на краю света, и никто, даже из Анкары, не посещает Восточную Анатолию. Республика всё еще переживает период становления.

Несмотря на свои пятьдесят пять лет, Ататюрк тоже вел себя как юноша, ищущий наслаждений. «Он снова кутит», — отмечал Курзон в сентябре 1937 года. Во время одного из праздничных вечеров, в котором участвовали балканские танцоры, он «вскочил и стал танцевать вместе с болгарами и югославами. Затем он приказал своему министру юстиции станцевать одному перед двумя тысячами веселых зрителей». Несколько озадаченный, Курзон понял, что толпа привыкла к подобным выходкам Ататюрка, чья популярность была неоспорима. Напрасно Курзон не задавался вопросом: что же толкало гази на подобные выходки?

Огромная заслуга политики гази состояла в том, что жизнь в

Турции нормализовалась и достигла определенного равновесия. А сам Ататюрк, казалось, всё ищет чего-то, чем его обделила жизнь. Фалих Рыфкы Атай писал, что почувствовал «первые проявления неудовлетворенности Ататюрка» в 1933 году: в то время как все готовились к празднованию десятой годовщины республики, Ататюрк якобы признался ему: «А я не испытываю ничего». И какие чувства заставили Ататюрка так заинтересоваться маленькой Юлькю, родившейся в 1933 году у домработницы, которую приютила его мать Зюбейде? Эта маленькая девочка олицетворяла для него надежду, чистоту, невинность и радость семейного счастья: не этого ли искал Ататюрк? И еще у него было заветное желание: вернуть Турции Хатай и Александретту.

Последнее желание

4 января 1936 года Ататюрк пишет своей приемной дочери Афет в Женеву: «Последнее время меня очень беспокоит проблема Хатая[67]». Гази действительно одержим проблемой возвращения Хатая Турции. В этой области большинство населения составляли мусульмане. Хатай, оказавшийся под французским мандатом, был вынужденной уступкой Франции. Как заявил в сенате премьер-министр Бриан, «залив Александретты очень важен для будущего Франции». Французы надеялись, что введенный в этом регионе по соглашению с Анкарой специальный административный режим несколько успокоит турок.

Но нужно было плохо знать турок, чтобы думать, что они будут удовлетворены специальным режимом, позволяющим их братьям в Хатае говорить на турецком языке и иметь в административных органах турецких чиновников. Напротив, эти привилегии только разжигали желание турок требовать большего — присоединения Хатая к Турции, что, как сказал Исмет Инёню в 1935 году, было «справедливым и нормальным, не более».

Кемаль испытывал особые чувства к Искендеруну. Ведь именно там в конце октября 1918 года он узнал о перемирии, заключенном в Мудросе, а уже после этого англичане оккупировали Искендерун. Каждый раз, посещая Адану, Кемаль обещал «освобождение» Хатая. «То, что принадлежало Турции в течение веков, не может оставаться в руках врагов. Настал момент, вы будете освобождены», — утверждал он в 1923 году.

Когда же регион Искендеруна оказался под французским мандатом на Сирию, Кемаль заявил французскому послу: «Ах! Если бы какая-нибудь другая нация оказалась на вашем месте, мы

должны были бы защитить турецкое население Александретты и Антиоха. Мы отказались от этого только в пользу Франции».

Почему же он тогда заявил Афет о том, что намерен вернуть Александретту? Перестал ли он уважать французский мандат или «преследуемый идеей о том, что дни его сочтены», как писал французский военный атташе в феврале 1935 года, хотел испытать судьбу в последний раз? Однако Леон Блюм и Ивон Дельбо, его министр иностранных дел, вовсе не собирались осчастливить последние дни Кемаля. Народный фронт, придя к власти во Франции, тут же принял решение о превращении территорий, находящихся под мандатом, в независимые государства. С этого момента Ататюрк обрел свободу действий: настал момент потребовать возвращения Хатая Турции!

Но гази дорожил дружбой с французами. Тогда как турецкая пресса развернула яростную антифранцузскую кампанию на следующий день после франко-сирийского договора, а Февзи Чакмак был сторонником решительных силовых действий, Ататюрк пытается найти консенсус. 10 декабря 1936 года посол Франции и военный атташе появились в «Павильоне», кабаре в «Анкара Паласе». Едва они расположились, как к ним подошел адъютант гази и передал, что тот приглашает их к своему столу. С 11 вечера до 3 часов утра «под звуки оркестра и на фоне номеров, исполняемых танцорами», Ататюрк объяснял собеседникам, «что он необычайно ценит дружеские отношения с французами, что их необходимо поддерживать любой ценой и что дипломаты должны найти решение, чтобы передать Хатай Турции». Чтобы уточнить наиболее важные моменты, Ататюрк властным жестом руки остановил оркестр и танцоров.

Искренность Ататюрка произвела большое впечатление на французов. В конце вечера президент пригласил к столу еще трех молодых офицеров. Они поприветствовали его и поцеловали его руку. «Поцелуйте также руку моего лучшего друга, посла Франции», — приказал им Ататюрк. А после того как офицеры удалились, он произнес: «Я не хотел бы, чтобы эти офицеры когда-либо столкнулись с французскими солдатами». Полковник Курзон заключил: «Эта сцена была, несомненно, подготовлена заранее».

Слезы печали, слезы радости

16 января 1937 года Ататюрк написал Афет Инан: «К переживаниям из-за Хатая примешивается печаль, вызванная смертью Конкера».

Вот уже пять дней, как не стало Нури Конкера. Ушли из жизни и другие друзья Кемаля, но Нури занимал особое место: обаятельный, человечный, друг детства, верный соратник, один из умнейших людей в окружении Кемаля, одним словом, совершенно незаменимый. Ататюрк не скрывал своей печали, а когда Салих Бозок, другой друг детства, оплакивал эту невосполнимую утрату, Кемаль заявил ему: «Ты оплакиваешь не Нури-бея, а самого себя, так как ты отождествляешь себя с ним».

Нури исчез навсегда. А 4 мая дипломаты наконец нашли решение проблемы Хатая. С согласия Лиги Наций Хатай объявлен демилитаризованной зоной, а Франция и Турция взяли на себя обязательство гарантировать целостность территории. «Мы попали в переплет», — вздохнул один французский дипломат.

Несмотря на этот успех, Ататюрк не чувствует себя счастливым. Смерть Нури Конкера унесла что-то важное из жизни этого человека, всё больше чувствующего свое одиночество. Ататюрк, живая легенда, не должен был больше ничего доказывать. Турция, его Турция, недавно включила «шесть стрел» в конституцию, а через несколько недель Пакт Саадавата, подписанный с Ираном и Афганистаном, положит начало региональному блоку, основой которого станет Анкара. Ататюрк всё чаще испытывает усталость и внезапные приступы озноба. Его беспокоит и нервирует сильный зуд. Врач-итальянец считает, что зуд вызывают блохи в Чанкая. «Вы — счастливый человек, у вас есть дом и заботливая жена. А я вынужден всю ночь сражаться с блохами!» — воскликнул тогда Ататюрк. Он не скрывает, насколько ему недостает любви и заботы. «Твой отец — счастливый человек, ведь у него пятеро детей», — признается он дочери Ахмета Агаоглу. Некоторые сожалеют о том, что он женился на Латифе, а не на обычной женщине, способной дать ему семейное счастье. Улыбок и шалостей маленькой Юлькю, отваги юной летчицы Сабихи Гекчен, красоты Небиле, другой приемной дочери, и даже друзей, всегда готовых к застолью, ему недостаточно.

В это же время происходит его разрыв с Исметом Инёню, с которым он сотрудничал пятнадцать лет. Видимая причина разрыва удивительно заурядна, даже мелочна. С первых лет своего пребывания в Анкаре гази создает в ее окрестностях образцовую ферму. В начале 1937 года по каким-то причинам Ататюрк решает продать ферму; узнав о предусмотренной цене передачи прав на ферму, Инёню выступает против, считая, что это владение, где находится пивной завод, обошлось бы слишком дорого государству. Противостояние бросается в глаза, но Ататюрк соглашается и изменяет свое решение. Посетив Трабзон

в июне 1937 года, он заявил: «Эта собственность обременяет меня. Я почувствую облегчение, если передам ее в дар своему народу. Богатство человека состоит в нравственности его личности. Я хочу дать еще больше моему великому народу». Затем он направляет Инёню телеграмму, подтверждая передачу своей фермы в дар народу. В этот вечер Ататюрк поет и танцует с жителями Трабзона.

Разногласия вспыхнули с новой силой в середине сентября. Конференция в швейцарском городке Нионе собралась для принятия мер против пиратских итальянских подводных лодок, атакующих торговые корабли в Средиземном море. Инёню критикует слишком резкую антиитальянскую позицию Ататюрка и возмущается инструкциями, которые президент дал непосредственно начальнику Генерального штаба Тевфику Рюштю Арасу. Возвращаясь в Анкару, Ататюрк и Инёню проезжают мимо пивного завода на ферме. «Этот завод работает очень хорошо», — замечает Ататюрк. «Да он почти ничего не производит», — отвечает Инёню. А на следующий день происходит еще более неприятный инцидент. Ататюрк решил собрать Совет министров у себя за столом. Раздраженный Инёню, выпивший несколько порций виски, снова стал атаковать Ататюрка по поводу функционирования его фермы и завода. Ататюрк, с чашкой чая в руке, советует ему успокоиться, но добивается противоположного эффекта. «Ну что же, теперь мы принимаем государственные решения за столом!» — восклицает Инёню.

Премьер-министр зарвался, перешел все допустимые границы, но заметил это слишком поздно. Он написал Ататюрку, принося извинения. Инёню даже колебался, ехать ли ему в Стамбул на Второй конгресс Турецкого исторического общества, но в конце концов решился. В поезде Инёню и Ататюрк приходят к решению об окончательном разрыве. Премьер-министр заявляет президенту, что слишком устал, что ему необходимо отдохнуть. Ататюрк понимает его с полуслова: он сохранит эту новость в тайне. И тут же сообщает Инёню имя его преемника: это Джеляль Баяр, бывший генеральный директор Делового банка, министр экономики с 1932 года. 25 октября 1937 года Исмет Инёню официально уходит в отставку, положив таким образом конец одному из политических союзов, наиболее длительных в истории.

По мнению окружения Инёню, и до какой-то степени, не без основания, он оказался жертвой приближенных Ататюрка, который из-за болезни стал более податлив влиянию. Но это не истинная причина. Невозможно управлять страной в течение пятнадцати лет, не нажив себе врагов, — от Кылыч Али, кому

Инёню никогда не мог простить, что тот был членом Трибунала независимости, собиравшегося его арестовать, до Шюкрю Кайя, очень влиятельного министра внутренних дел, а также бывшего генерального секретаря Народной партии Реджепа Пекера. Инёню никогда не старался избегать острых углов; человек с твердыми убеждениями, добропорядочный, честный, как анатолийский крестьянин, отважный солдат, он постепенно стал позволять себе требовать отчета, рискуя показаться высокомерным.

Тем не менее никто не предвидел такого жестокого падения Исмета Инёню. Даже в хорошо информированных кругах пытались понять это, обсуждая различные причины, в том числе состояние здоровья Ататюрка и возраст обоих политиков. Наиболее удивительное в этом «разводе», на что мало кто обратил внимание, — та легкость, с которой Ататюрк и Инёню смогли сохранить добрые личные отношения после их политического разрыва. Приемная дочь Кемаля, Сабиха Гекчен, иногда служила курьером между ними; они встречались по крайней мере раз в неделю в Анкаре.

На открытии годичной сессии Национального собрания Ататюрк взошел на трибуну. Он говорил о Тунселе в Восточной Анатолии, где курды в очередной раз подняли мятеж; потребовал землю для всех крестьян, подтвердил свое желание покончить с неграмотностью, сообщил о создании университета в Ване в Восточной Анатолии и заключил, верный девятнадцати годам популизма: «Наша сила уникальна, так как это сила народа». Это была последняя речь, произнесенная Ататюрком с трибуны Национального собрания.

28 декабря 1937 года посол Великобритании в Париже посылает в Лондон тревожную телеграмму: согласно сведениям спецслужб, полученным в окружении Ататюрка и поступившим в министерство иностранных дел Франции, «моральное и физическое состояние президента Турции ухудшилось». Все чаще, продолжает посол, Ататюрк впадает в состояние оцепенения, которое длится несколько часов; во время его поездки по Центральной Анатолии, сообщают те же источники, приходилось несколько раз вносить изменения в программу и даже остановить поезд в открытом поле.

Через два месяца британский посол в Анкаре ответил на телеграмму из Парижа: «Я не располагаю фактами, подтверждающими информацию о плохом состоянии здоровья Ататюрка, и, как я уже писал, я этому не верю». И чтобы окончательно убедить в этом свою столицу, этот видный дипломат приводит мнение, высказанное Тевфиком Рюштю Арасом, врачом по образованию и министром иностранных дел в

данное время: «Ататюрк остается железным человеком», перенесенный недавно грипп ослабил его, но он выправился и «проживет еще долго». «Если бы что-нибудь было, я бы вас предупредил», — добавил Арас.

Первое поражение

А между тем с середины января 1938 года было известно, что Ататюрк тяжело болен. Приехав в Ялова на лечение термальными водами, он стал жаловаться на болезненное покраснение кожи. Врачи провели полное обследование и обнаружили, что его печень значительно увеличена.

1 февраля Ататюрк прибыл в Бурсу. «Словно молодой солдат», он отправляется на бал, заказывает оркестру народные танцы и присоединяется к танцорам, энергично размахивает руками и даже приседает в очередной фигуре танца. Когда оркестр умолк, он разразился громким смехом.

Ататюрк возвращается в Анкару после того, как провел неделю в кровати. Его состояние ухудшается, но он старается не подавать виду, опровергает прогнозы врачей, принимает глав делегаций Пятой конференции Балканских стран, проходившей в Анкаре. «Не нужно, чтобы Европа узнала о моей болезни, — говорит он Джелялю Баяру, — твоя работа намного усложнится». «Работа», которую требует Ататюрк от Баяра, — это подготовка Турции к назревающим международным потрясениям, но в первую очередь это осуществление его последнего желания: вернуть Турции Хатай. С момента франко-турецкого соглашения в мае прошлого года турки чувствовали, что присоединение Хатая реально осуществимо. Французские дипломаты, не желая лишних осложнений в напряженной международной обстановке, соглашаются с турецкой интерпретацией текстов соглашения, подписанного в 1937 году, что позволяет туркам потребовать абсолютного большинства в Национальном собрании Хатая. Но в Анкаре, как и в Париже, не учли, что многие антикемалисты нашли убежище в регионе Искендеруна: они объединяются с нетурецким сообществом, и становится очевидным, что, несмотря на желание французов, соглашение, дающее большинство туркам, едва ли будет реально осуществимым. В середине мая Ататюрк решает ехать в Адану, на юг Анатолии, совсем рядом с Хатаем.

В течение шести недель, а точнее — с 30 марта, все турки знали, что Ататюрк болен и что его обследовал профессор Флессинже, специально приехавший из Парижа. Официально всё хорошо: Ататюрку предписан отдых в течение шести недель, и

Арас объявил, что президент, чье «сердце в прекрасном состоянии», после своего выздоровления сможет «снова управлять страной двадцать лет».

Флессинже действительно уверенно заявил: «Всё будет хорошо, если он будет следовать моим советам». Он предписал Ататюрку новый режим и в первую очередь — полный отдых в течение трех месяцев, чтобы излечить цирроз печени. Ататюрк должен отдыхать до конца июня, но уже 19 мая он покидает Анкару…

Его выбор между полным отдыхом и Хатаем сделан быстро. Отец турецкой нации старается забыть о болезни: он стоит под палящим солнцем, участвует в официальных манифестациях и старается скрыть свою усталость.

Вернувшись в Анкару, он решает немедленно ехать в Стамбул. «Фалих Рыфкы Атай, — шепчет один из друзей, провожающих Ататюрка, — обрати внимание на цвет его кожи. Это цвет умирающего человека…» Больше никто не скрывает правды, в первую очередь сам Ататюрк: он едет в первом вагоне поезда, чтобы сократить путь по платформе, прибывает в Стамбул и на катере сразу направляется во дворец Долмабахче.

С 27 мая 1938 года Ататюрк в Стамбуле, где проведет пять последних месяцев своей жизни. Вскоре он перебирается из дворца на свою яхту «Саварона», где, по его мнению, ему дышать гораздо легче, чем во дворце. «Я так мечтал об этой яхте, словно ребенок об игрушке, и вот теперь она превращается в мой госпиталь». В середине июня в письме Афет он сетует на то, что «болезнь вовсе не останавливается, а, напротив, прогрессирует» и что Флессинже предписал ему «абсолютный покой и новое лечение». И всё же он пытается успокоить Афет: «Мое общее состояние хорошее. Я надеюсь окончательно выздороветь. Я желаю тебе успешно сдать экзамены, не волнуйся. Обнимаю тебя с любовью…»

Кылыч Али, верный хроникер «Последних дней», писал, что ситуация на «Савароне» становилась безнадежной. Али Фетхи, старый друг Кемаля, приехавший его навестить 8 июля, обнаружил человека, тело которого разрушено болезнью, «но дух сохранил всё ту же энергию и бывшее совершенство». День ото дня болезнь прогрессировала, и атмосфера становилась всё более тягостной, но Ататюрк всё еще оставался верен себе. Совершая прогулки на яхте по Мраморному морю, этот разбитый недугом герой находил в себе достаточно сил, чтобы стоя приветствовать аплодировавшую ему толпу. А когда он принимал короля Румынии, то вспылил в ответ на критику гостем «упрямства» президента Чехословакии: «Тевфик Рюштю, спроси у его

величества, чего он ожидает от президента республики, который является гарантом независимости и целостности государства. Не хочет ли он, чтобы доктор Бенеш согласился на расчленение своей страны?»

25 июля было решено перевезти Ататюрка во дворец Долмабахче. Несмотря на ветерок на Босфоре, больной задыхается и просит Кылыча Али позвонить матери с просьбой найти для него рецепт от боли. Ночью, при погашенных фонарях, в отсутствие прислуги, Ататюрк, отказавшийся от носилок, был переведен во дворец.

Его настойчивость была не напрасной: 21 августа 1938 года выборы в Хатае дали наконец «желаемые результаты», и через несколько дней Национальное собрание избрало турка, ответственного за Народный дом в Антакье. 3 июля в последний раз Париж подписал новое соглашение с Анкарой, и по требованию Ататюрка оно было выполнено немедленно. Своего рода прощальный жест Франции Кемалю Ататюрку.

Ататюрку оставалось последнее — составить завещание. Тщательно выбритый, в халате из красного шелка, с сигарой в руке, Ататюрк диктует: он завещает всё свое имущество Турецкому историческому обществу и Турецкому лингвистическому обществу, предусмотрев ежемесячное содержание сестре Махбуле и своим пятерым приемным дочерям: Афет, Сабихе, Юлькю, Рукийе и Небиле; Махбуле передается дом в Чанкая, и, что самое удивительное, дети Исмета Инёню получат пособие, позволяющее им завершить высшее образование. Сам Инёню был тяжело болен с начала лета 1938 года, и Ататюрк, вероятно, считал, что он вскоре умрет.

В состоянии здоровья Ататюрка наступило некоторое улучшение. Врачи сделали прокол, операция прошла удачно. Больной даже смог совершить прогулку на машине по лесу в окрестностях Стамбула. Но он всё больше слабел. «Создавалось впечатление, — напишет позже Кылыч Али, — что великий человек укорачивался от часа к часу в своей кровати». Кемаль пытался держаться бодро, продолжал следить за делами, регулярно принимал Джеляля Баяра, и Тевфик Рюштю Арас даже позволил себе заявить, что Ататюрк будет счастлив принять министра иностранных дел Франции «после 15 октября в Анкаре».

Гази отказывался смириться с концом, хотя его сознание уже погружалось в мир видений. Об этом свидетельствует сон, о котором он рассказал близкому другу Салиху Бозоку. Они вдвоем сидят в салоне большого отеля, какой-то незнакомец сидит спиной к Ататюрку у бильярдного стола. Неожиданно дверь

салона открывается и появляются тридцать «здоровяков». Один из них, взяв кий, начинает бить незнакомца. Бозок, услышав крики незнакомца, обращается к Ататюрку: не следует ли вмешаться? Нет, не нужно. Незнакомец приближается к друзьям, но и теперь Ататюрк просит Бозока не вмешиваться. Он обращается к «здоровяку», а тот вместо ответа достает револьвер и стреляет дважды — в Ататюрка и в Бозока. После этого он приказывает им танцевать, и они послушно исполняют приказ.

25 сентября после второго прокола Ататюрк на несколько часов впадает в кому. Когда он приходит в себя, то признается Бозоку: «Я утратил память, я стал иным, Салих. Я всего лишь старик, не более». В середине октября после публикации первого бюллетеня о его здоровье все узнают ужасную правду. Его смерти ожидают со дня на день; высшие должностные лица в Анкаре потрясены, а дворец Долмабахче постепенно превращается в храм. Выходя из университета, студенты с беспокойством смотрят на мачту, надеясь не увидеть приспущенного флага в знак траура. Вокруг дворца, на улицах, на берегах Босфора собираются группы молчаливых молодых людей, каждый испытывает любовь к президенту. Глава государства уступает место «отцу», и все его дети тревожатся о нем.

Впервые с момента образования республики его нет в Анкаре в знаменательный день ее годовщины. Долгое время он надеялся приехать в столицу, где был сооружен даже специальный лифт, чтобы поднять его на трибуну. 5 ноября гази в последний раз принимает Джеляля Баяра. Врачи дают премьер-министру пятнадцать минут, но время проходит, и врачи застают обоих во время дискуссии: «Друг мой, нужно действовать быстро! У нас осталось два года. Ясно, что разразится мировая война и мы не можем оставаться неподготовленными, имея традиционный бюджет».

8 ноября французский посол объявляет, что «после кризиса конец ожидается от часа к часу, гази на короткое время пришел в себя, но остается в Стамбуле, так как он нетранспортабелен». На следующий день Ататюрк на рассвете спрашивает: «Который час?» — «Семь часов». — «Который час?» — снова повторяет он в агонии, затем опять впадает в кому. Согласно официальному коммюнике, Мустафа Кемаль Ататюрк умер 10 ноября 1938 года в 9 часов 5 минут.

«Кылыч, смотри, уходит целая эпоха», — прошептал кто-то из окружения президента. Салих Бозок приближается к умершему, обнимает его в последний раз и быстро уходит в соседнюю комнату, где стреляет себе в грудь. Было объявлено о его смерти, но на самом деле пуля прошла в нескольких сантиметрах от

сердца.

Эпилог
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Возвышение одного над человечеством обходится слишком дорого всем остальным.

Монтескье. Диалог Суллы и Евкрата

Турция осиротела. Девять дней прошло после смерти Ататюрка, девять дней, в течение которых вся страна отказывалась смириться с происшедшим. Женщины плакали на улицах, школьники собирались вокруг его статуй, а лицеисты Галатасарая, тяжело переживая утрату, отказались продолжать занятия в знак траура. И только после того, как молодой преподаватель Этьен Манач, будущий посол Франции, разъяснил им, что наилучший способ воздать должное памяти Ататюрка — это продолжить учебу, лицеисты снова вернулись в классы.

Без промедления нужно было решать вопрос о преемнике Ататюрка. Уже в день его смерти группа парламентариев — членов Народной партии собралась вечером, чтобы выдвинуть своего кандидата на пост президента республики. Были названы три имени: Исмет Инёню, Али Фетхи Окъяр и Февзи Чакмак. Али Фетхи Окъяр, гражданский, умеренный политик, уехавший в 1934 году в Лондон в качестве посла, не имел никаких шансов. Многие ценили авторитет, скромность и консерватизм Чакмака. «Большинство Национального собрания поддержит вас», — якобы заявил ему Джеляль Баяр, если верить «Мемуарам» генерала Гюндюза, правой руки Чакмака. Но Чакмак, начальник Генерального штаба, отклонил это предложение, чтобы сохранить свою независимость: «Нет, Джеляль-бей, я далек от политики. Я хочу продолжать помогать вам в армии». После отказа Чакмака остался единственный преемник — Исмет Инёню. 11 ноября он был избран практически единогласно Национальным собранием после необычайно напряженной минуты молчания: женщины сдерживали свои чувства, но некоторые мужчины не выдержали. Фуад Кёпрюлю старался подавить рыдания, другой друг Ататюрка безудержно рыдал, а один из генералов плакал, прикрыв лицо носовым платком.

Среди десятка депутатов, не принявших участия в голосовании, было три близких друга гази: Салих Бозок, друг

детства Кемаля Реджеп Зюхтю и Кылыч Али. Их время прошло, равно как и бессменного министра внутренних дел Шюкрю Кайя Муфтизаде. Когда Баяр, назначенный Инёню премьер-министром, формировал новое правительство, он поблагодарил за службу Шюкрю Кайя и министра иностранных дел Тевфика Рюштю Араса. Через два месяца Баяр, в свою очередь, покинет пост премьера. Его отношения с Инёню всегда были сложными; он был сторонником либеральной политики, тогда как Инёню защищал государственный контроль экономики. Вместо Баяра Инёню назначает премьером одного из своих приближенных, Рефика Сейдама, врача, единственным достоинством которого было то, что он сопровождал Ататюрка во время поездки из Стамбула в Самсун в мае 1919 года и остался рядом с ним для лечения его болезни почек.

Рене Массильи, прибывший в Анкару в январе 1939 года в качестве посла Франции, отмечал, что «тень Ататюрка витала еще над Анкарой, хотя больше и не регулировала ритм жизни города». Некоторые перемены, хотя и незначительные, но очень символичные, уже появились: бар «Анкара Паласа» лишился своего самого именитого клиента, и зарубежные послы теперь лишь изредка появлялись там; официальные приемы теперь протекали в более строгой обстановке. Состоятельным приглашенным было рекомендовано одеваться скромно. Жена Фалиха Рыфкы так охарактеризовала произошедшие изменения: «Турция потеряла своего возлюбленного и должна теперь спокойно жить с мужем».

На выборах в Национальное собрание в марте 1939 года четыре ближайших соратника Ататюрка — Тевфик Рюштю Арас, Шюкрю Кайя Муфтизаде, Юнус Нади и Кылыч Али — не войдут в список кандидатов партии. Страница истории, таким образом, перевернута…

16 ноября 1938 года в Долмабахче началось прощание с Ататюрком — огромные толпы скорбящих людей устремились во дворец поклониться человеку, столько сделавшему для нации. Желающих проститься было так много, что в толпе началась давка и паника, и около десятка людей погибли в этой давке. Длинные колонны потрясенных людей растянулись на километры; мужчины оплакивали Отца нации, а женщины — обожаемого любовника. Через два дня, когда гроб Ататюрка, покрытый национальным флагом, поставили на пушечный лафет, чтобы перевезти на крейсер, даже военные были больше не в силах скрывать свою печаль: они плакали… В Измите гроб перенесли в поезд, чтобы доставить в столицу. Когда поезд пересекал сельскую местность, тысячи крестьян с фонарями

выстроились вдоль железнодорожного полотна, освещая ему путь. Долгие часы провели они в ожидании этого скорбного поезда, а когда он прошел, мальчишка бросился к рельсам и схватил монетку, которую положил там: «Он проехал!» Ататюрк коснулся его монетки.

В день похорон в Анкаре под низким серым небом тысячи людей замерли в скорбном молчании. Двадцать пять государств и Лига Наций направили свои делегации. Сарро, первый посол Франции в Анкаре, Метакас, премьер-министр Греции, барон фон Нейрат, министр иностранных дел Германии, приехали отдать последний долг Ататюрку, но наиболее впечатляющим был сэр Уильям Бертвуд, представлявший короля Великобритании: он был в мундире маршала и треуголке с белыми перьями, с маршальским жезлом в руке, сопровождаемый 150 солдатами. Весной 1915 года он командовал войсками, высадившимися в Арибурну и решившими атаковать турецкие траншеи в Анафарте; теперь Бертвуд прибыл поклониться своему победителю[68].

После смерти Ататюрк превращается в легенду. Пророк для одних, великий солдат для других, верховный освободитель для третьих: «Гази Кемаль-паша спас родину от рабства». В народе Ататюрка даже наделили способностью воскресать. Среди крестьян ходила легенда о том, что в Измире в дом к женщине явился некто, заявивший, что он — Ататюрк. Женщина не поверила и пыталась вызвать полицию, но мужчина повторял, что он — Ататюрк и показал ей свои окровавленные руки. «Не я заправлял этими войнами, не бойтесь: Турция никогда не будет участвовать в войне и не узнает никаких потрясений», — заявив это, «Ататюрк» приложил окровавленную ладонь к стене, а затем исчез.

Какие бы легенды ни ходили в народе, Ататюрк умер, а тело его покоилось в Этнографическом музее, что считалось временным захоронением. Он останется там в течение пятнадцати лет. В начале 1939 года была создана парламентская комиссия, возглавляемая Фалихом Рыфкы Атаем, для выбора места, достойного Ататюрка. Фалих Рыфкы и его сторонники считали, что Ататюрка следует похоронить в Чанкая, где он проводил столько времени, но не смогли убедить в этом тех, кто хотел похоронить Ататюрка в месте, не настолько символичном и более удаленном от тех мест, где была сосредоточена власть, — от Чанкая, официальной резиденции президента, и от Национального собрания. В конце концов, было решено избрать для захоронения высокий холм в Новом городе. В 1942 году было представлено 19 проектов будущего мавзолея, а в конце 1943 года строительство было наконец поручено двум турецким

архитекторам. Прошло еще десять лет, и 10 ноября 1953 года Ататюрк был перезахоронен в мавзолее, возведенном в его честь. Десять лет строительства, пятнадцать лет после смерти, преемники Ататюрка не торопились…

Когда Инёню обвиняли в том, что он не уделял должного внимания памяти Ататюрка, он отвечал, что решал другие, более приоритетные проблемы, продолжая дело Кемаля. Его несомненной дипломатической победой можно считать тот факт, что ему удалось уберечь Турцию от участия во Второй мировой войне (Турция объявила войну Германии только в последние дни февраля 1945 года). С целью улучшения жизни крестьян были созданы специальные институты, готовящие преподавателей, способных работать в деревнях и участвовать в проведении земельной реформы. Наконец, Исмет учредил настоящую политическую демократию, так как в 1945 году согласился с созданием оппозиционной партии. Новая партия была названа демократической, ее создавали Джеляль Баяр и три его соратника, все бывшие члены Народной республиканской партии.

Ирония политики: именно Баяр, ставший президентом республики, и его премьер-министр Аднан Мендерес, бывший лидер эфемерной либеральной партии Фетхи Окъяра, возглавляли официальный кортеж, сопровождавший Ататюрка в мавзолей во время перезахоронения. Демократическая партия, потерпевшая поражение на выборах при спорных обстоятельствах в 1946 году, одержала внушительную победу над республиканской партией на следующих выборах в Национальное собрание в 1950 году. Либерал Баяр взял реванш у «этатиста» (государственника) Инёню в борьбе, начавшейся в двадцатых годах, но в несколько изменившейся политической обстановке: возвращения религии на первый план. Инстинкт самосохранения перед лицом оппозиции или желание устранить чрезмерные перегибы светских реформ Ататюрка побудили Инёню несколько отступить от политики, проводимой его предшественником. В армии снова появились священнослужители, в школе по требованию родителей вводили религиозное обучение, был создан факультет теологии в университете Анкары, таким образом, правительство Инёню отступило от жесткого лаицизма Ататюрка, но это не спасло его от поражения на выборах 1950 года. У власти оказались Баяр и Мендерес.

С 1950 года новое правительство решает ввести обязательное религиозное обучение в школе, если родители не выступают против. Жест скорее символический: в июле 1950 года в мечети Сулейманис в Стамбуле проведена торжественная служба, благословляющая турецких солдат, отправляющихся на войну в

Корею. Премьер-министр Мендерес, отправляя солдат сражаться с «коммунистической агрессией», действовал, несомненно, под давлением США. После Второй мировой войны Турция выбрала лагерь, возглавляемый Вашингтоном, а не Москвой. В 1946 году Москва потребовала «возвращения» нескольких городов, отданных Турции в 1920 году, и пересмотра соглашений в Монтрё: Москва хотела бы иметь турецко-советские базы в районе проливов Босфор и Дарданеллы.

В 1951 году демократы принимают закон, предусматривающий от одного до трех лет тюремного заключения для любого, кто посягнет на память Ататюрка. Тем не менее десять лет правления демократов нанесли ущерб «шести стрелам» кемалистов. Устоит только идея республики. Удар по национализму будет нанесен желанием Мендереса интегрировать Турцию в американский блок. Турция, став членом ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), НАТО и СЕНТО (Организации центрального договора — военно-политического блока на Ближнем и Среднем Востоке), обрела безопасность и получила существенную гражданскую и военную помощь, но при этом утратила часть свободы маневрирования, завоеванием которой так гордился Ататюрк. Подобная эволюция вызовет недовольство среди наиболее националистически настроенных кругов Турции; члены «Общества ататюркистов», созданного в 1955 году, будут не единственными, кто выступит с критикой политики, обнажившей отставание Турции и не позволившей правительству провести настоящую реформу армии.

Мендерес предпочитает увеличить число повышений по службе и добиваться для турецкой армии более важной и более престижной роли в системе НАТО. Премьер-демократ даже поддерживает политику повышения цен на сельскохозяйственную продукцию, чтобы угодить своему электорату среди крестьян. По тем же причинам и с целью угодить религиозным чувствам населения пригородов появляются религиозные передачи на радио и, если верить ряду источников, будет построено три тысячи мечетей и около двадцати религиозных школ, открытых в течение десятилетнего пребывания Мендереса у власти.

На самом деле большая ошибка Мендереса состояла не в том, что он усомнился в ряде основных столпов храма, возведенного Ататюрком. Пятидесятые годы — это не тридцатые, а сам Ататюрк всегда выступал против догм, благоговейно высеченных в мраморе. Произошла эволюция и самой Народно-республиканской партии: в 1953 году в ее программе слово «кемализм» заменено выражением «путь Ататюрка», и республиканская партия заявляет о том, что готова поддерживать

развитие всех социальных групп общества. Через несколько лет Инёню подтвердит, что принципы Ататюрка следует адаптировать к новой ситуации, так как они «должны быть применимы в мире, где происходит третья индустриальная революция, а человек шагает по Луне». Бюлент Эджевит, его преемник на посту главы республиканской партии, посмел даже утверждать, что «борьба кемалистов в настоящее время состоит не в борьбе лаицизма с мечетями, а в борьбе за повышение уровня жизни» (интервью журналу «Экспресс» в мае 1970 года).

Драма Мендереса, как и Демиреля, преемника Мендереса, и Эджевита, преемника Инёню, оказавшихся во главе правительства в шестидесятые — семидесятые годы, — это демагогия. Мендерес, чудом уцелевший во время авиационной катастрофы, оказался первым в длинном списке турецких политиков, кто вообразил себя новым Ататюрком, не отличая подлинного государственного деятеля от посредственного политика. Точнее сказать, турецкие политические партии и турецкое общество, отражением которого они являются, разделяют ответственность. Ведат Недим Тёр, бывший коммунист, ставший соратником Ататюрка, заявит даже о драме кемализма, обвиняя Инёню в том, что тот совершил ошибку, введя в 1945 году режим политической демократии: при 60 процентах неграмотных, по мнению Тёра, она могла только деградировать.

Революционный дух кемализма исчез, он уступил место инстинкту политического выживания. С 1953 года Мендерес упраздняет Народные дома и конфискует имущество Народной партии, «нелегально приобретенное», а затем учреждает «официальный маккартизм», систематически контролируя прессу и политическую активность. Чтобы положить конец диктаторскому правлению Мендереса, армия совершает государственный переворот в мае 1960 года. Военный трибунал приговорит к смерти Мендереса и двух других министров — они были повешены. Джеляль Баяр, тоже приговоренный к смерти, будет помилован в силу его преклонного возраста. Он умер в возрасте 103 лет в 1986 году.

Газета «Le Monde», сообщая о государственном перевороте, пишет: «Чтобы защитить дух Ататюрка, старые генералы, сражавшиеся рядом с ним, и молодые курсанты, воспитанные в духе глубочайшего уважения к гази, решили продемонстрировать настроение армии, не участвовавшей в голосовании». Словно подтверждая предположение газеты, глава путчистов генерал Гюрсель тут же отправился в мавзолей и написал в Золотой книге: «Благородный отец, если вы нас поддерживаете и цените, что мы идем по вашим следам, это будет нашей величайшей

гордостью». В 1961 году после того как был применен закон о защите памяти Ататюрка, чтобы запретить публикацию «Мемуаров» Кязыма Карабекира, и принята конституция прогрессистов, военные вернулись в казармы.

Через десять лет, в марте 1971 года, они снова свергнут гражданское правительство, опубликовав коммюнике, где заявят, что армия «возьмет власть, если в кратчайшие сроки не будет сформировано новое сильное правительство, способное положить конец анархии, угрожающей Турции, и осуществить экономические и социальные реформы, предусмотренные конституцией». И на этот раз военные опирались на идеи Ататюрка: анархия и социальный и экономический хаос, напомнили путчисты в своем коммюнике, отнимают «у нации всякую надежду достичь уровня современной цивилизации, что было главной задачей, поставленной Ататюрком». Казалось, повторяется ситуация 1960 года, но это было не так. Политическое руководство страны, сделав вид, что уступает пожеланиям военных реформистов, на самом деле устояло и даже позволило себе отвергнуть военного кандидата на пост президента республики. В 1971–1973 годах армия вернулась в казармы и позже принимала участие только в репрессивной политике.

В 1980 году еще раз армия во имя «идей Ататюрка» захватывает власть. Турция стала жертвой экономического кризиса 1973–1974 годов, так как страна в основном импортирует нефть, а Европа закрыла свои порты для турецких рабочих. В Турции начались настоящие боевые действия, в ходе которых были убиты около семи тысяч человек. Большинство военных были обеспокоены тем, как может повлиять на Турцию революция в Иране. Несмотря на различия в режимах, существовавших в Турции и Иране[69], они опасались, как бы непримиримые консерваторы не объявили Ататюрка анти-Мухаммедом и не стали взрывать его бюсты и статуи. Хотя Партия национального спасения, наиболее реакционная среди политических партий Турции, никогда не набирала больше 12 процентов голосов, армия была очень чувствительна к символам, и военные знали, что имя Ататюрка было освистано в главной мечети Стамбула. Партия национального спасения организовала также демонстрацию, требующую возвращения шариата; озлобленные участники демонстрации отказались петь национальный гимн Турции.

Военные покинут передовые позиции в политике в 1983 году, после того как будет принята новая конституция, не столь консервативная, как в 1961 году, и президентом республики

будет избран начальник Генерального штаба армии Эврен.

Турецкая военная администрация стала уникальной моделью «демократии на штыках», что позволило одному политику заявить в 1978 году: «Факт, что с пятидесятых годов, какая бы партия ни была у власти, она была не в состоянии наладить политическую жизнь без помощи армии». Европейцу, привыкшему к демократическим традициям, трудно это понять, так как армия редко оказывалась лучшим защитником общественных свобод. Возможно, подобная ситуация объясняется молодостью Турецкой Республики, постоянно переживающей потрясения, частые экономические кризисы и другие трудности, обусловленные историческим наследием.

Армия, традиционно преданная идеям Кемаля, в настоящее время столкнулась с теми, кто пророчит закат и даже «конец кемализма». Еще десять лет назад французский дипломат Поль Марк Анри писал, что «Кемаль и его соперники могли еще питать иллюзии, что азиатские исламские государства могли бы защититься от Запада путем насаждения западной цивилизации». Отныне, по мнению дипломата, маски сброшены под влиянием «подлинно культурной и политической революции», порожденной «исламом, переживающим духовное и социальное возрождение». Тем не менее внешне Ататюрк сохранил свою сакраментальную ценность. Его портрет можно увидеть во всех общественных местах — от министерских кабинетов до бакалейных лавок, и многие считают нормальным и даже закономерным, что портрет Ататюрка помещен и на обложках школьных учебников. Население Турции за исключением религиозных экстремистов продолжает боготворить Ататюрка.

Ататюрка всё время вспоминают, его имя и его идеи используются по любому поводу. Некоторые недавние школьные учебники, посвященные религии, ухитрились даже «исламизировать» Ататюрка, превратить его в героя ислама и представлять как защитника ислама.

А тем временем секуляризм, один из столпов кемализма, подвергается всё более ожесточенным нападкам. Закон от января 1986 года подвергает тюремному наказанию оскорбление мусульманской религии, Аллаха и его пророка Мухаммеда. В январе 1987 года президент Эврен заявил, что «в Турции существует религиозная реакция, которая так же опасна, как и коммунизм», и добавил, что готов «идти в ад с ататюркистами». Будущее покажет, насколько серьезно это движение фундаменталистов, что не лишено анахронизма в момент, когда Турция — официальный кандидат в ЕЭС (Европейское экономическое сообщество).

Генерал де Голль, посетившей Турцию в октябре 1968 года, написал в Золотой книге мавзолея: «Из всех видов славы Ататюрк достиг наивысшей, славы национального возрождения». Сегодня Ататюрк остается навечно тем, кто «воскресил» Турцию. Никто не сможет оспорить это, так же как и то, что он — создатель Турецкой Республики. Де Голль, прибыв в Долмабахче, взял на себя риск утверждать в Золотой книге памяти: «Ататюрк мог умереть, так как огонь зажжен, страна вступила на путь развития». Не без трудностей Турция продвигается вперед, но по какому пути?

ПОСЛЕСЛОВИЕ (Февраль 2004 года)

Пятнадцать лет прошло с момента первого издания этой биографии, пятнадцать лет, в ходе которых ситуация в мире радикально изменилась.

Падение Берлинской стены, развал Советского Союза сделали более свободными северные и кавказские границы Турции. Из России в Турцию хлынули «новые русские завоеватели», занявшиеся торговлей и трафиком разного рода, а также туристы. Появление трех независимых республик — Армении, Грузии и Азербайджана — не имело ничего общего с возрождением ностальгии по 1918 году. Богатый нефтью Азербайджан особенно не рассчитывал на Анкару, даже когда нуждался в международной поддержке во время конфликта с Арменией из-за Нагорного Карабаха. Что же касается Армении, то Анкара пытается решить практически нерешаемое уравнение: как сохранить официально неизменной оценку событий 1915 года и в то же время поддерживать нормальные соседские отношения с Ереваном?

Арест Оджалана, лидера Рабочей партии Курдистана, в начале 1999 года положил конец «войне» между курдскими националистами и турецкой армией. Американская интервенция в Ирак обеспокоила Анкару в связи с возможным созданием государства курдов рядом с Мосулом до такой степени, что она сначала отказалась поддержать Вашингтон. В момент написания этих строк турецкое правительство считало, что избежало риска создания курдского государства: президент Сирии Асад, горячий сторонник курдов, совершил дружеский визит в Анкару, а Вашингтон заверил премьер-министра Турции в «дружбе и поддержке».

Наконец, Греция выразила желание установить более спокойные отношения с Турцией, что подтверждают тысячи греков, отдыхающих в Турции.

Но ситуация в мире постоянно меняется. Израильско-арабский конфликт, а затем террористическая атака 11 сентября 2001 года. Турция, которую в арабском мире считают верным союзником Израиля, остается на переднем плане, свидетельством чему служат теракты в Стамбуле в конце 2003 года.

Наконец, отношения с Европой. В течение сорока лет Анкара была связана с Европой договором о сотрудничестве. В отличие от соглашений, заключенных с Тунисом и Марокко, этот договор

предусматривал возможность присоединения Турции к Европе. Только в 1997 году Турция была объявлена страной, имеющей право на такое присоединение. Европейский союз предписал свод довольно сложных обязательств: демократизация политической жизни, государственные реформы, уважение прав национальных меньшинств, экономический прогресс. Турецкий парламент уже принял семь законов для выполнения этих требований. Один из последних и наиболее важных законов ограничивает компетенцию Национального совета безопасности, а следовательно, и армии; генералы — последователи Ататюрка, хотя и не свергали правительств с 1980 года, но играли важную политическую роль, забытую уже несколькими поколениями в Западной Европе. До конца 2004 года Европейская комиссия должна решить: да или нет, и когда Турция может быть вовлечена в процедуру принятия в Европейский союз.

Бывший президент Франции Жискар д'Эстен резко заявил, что многие государственные деятели Европы, как и большинство европейцев, как свидетельствует опрос, считают, что Турции не место в Европейском союзе. Потому что всего 22 тысячи квадратных километров из 755 тысяч находятся на территории Европы. Потому что 97 процентов населения Турции мусульмане. Потому что правительство Анкары управляется исламистами, даже если их рассматривать как «умеренных». Потому что кандидатура Турции поддерживается Соединенными Штатами с целью ослабить политический проект Европейского союза.

Недавний анализ[70] показывает, как генерал де Голль менял свое мнение относительно отношения Франции и Европы к европейским амбициям Анкары. Поначалу основатель Пятой республики рассматривал европейские нации как нации «одной и той же белой расы, одного и того же христианского происхождения, одинакового образа жизни, объединенные между собой многочисленными философскими, культурными, научными, политическими и коммерческими связями…». Прибыв в Турцию в 1967 году, де Голль приветствовал президента Турции словами: «Именно в Европе, где находится историческая столица Турции, в Европе, которую Турция связывает с Азией важными проливами <…>, разве не в интересах наших двух республик объединить наши усилия, чтобы вместо противостояния двух лагерей установить взаимопонимание и сотрудничество всех народов нашего континента?» Как заключил профессор Суту, проблематика шестидесятых годов сохраняется: неизменная Европа без Турции или «системная» Европа, которая могла бы принять в свои ряды Турцию.

Я не спешу делать прогноз об ответе, какой дадут

ответственные европейские лидеры на эти сложные вопросы. Как биограф Ататюрка, я ограничусь одним замечанием. Если в результате решения Европейской комиссии Турция стала бы потенциальным членом Европейского союза, История словно подшутила бы над Ататюрком: разве не при правительстве, руководимом партией исламистов, его родина должна была бы присоединиться к Европе?

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСТАФЫ КЕМАЛЯ АТАТЮРКА

1881, 19 мая — родился в Салониках.

1893 — поступает в военную школу, где его учитель Мустафа-эфенди дает ему имя Кемаль.

1896 — заканчивает военную школу и поступает в военное училище в Манастире.

1899, 13марта — заканчивает военное училище в Манастире и поступает в высшее военное училище в Стамбуле.

1902, 10 февраля — заканчивает высшее военное училище в звании лейтенанта и поступает в Военную академию.

1905, 11 января — заканчивает Военную академию в звании капитана Генерального штаба и поступает, в распоряжение 5-й армии со штабом в Дамаске.

Октябрь — организует в Дамаске тайное общество «Ватанве Хюррийет» («Родина и свобода»).

1907, 20 июня — получает звание «колагасы» (в султанской армии — звание между капитаном и майором).

13 октября — назначен в 3-ю армию в Салониках.

1909, 15–16 апреля — выступает на Стамбул в качестве начальника штаба армии «Харекет» в поддержку антиправительственных акций 31 марта (13 апреля).

6 сентября — становится командиром пехотного офицерского полигона 3-й армии в Салониках (в этом же году он в чине колагасы занимает должность командира 38-го пехотного полка).

1910, май — участвует в боевых действиях в Албании в качестве начальника штаба Махмуда Шевкет-паши.

Сентябрь — турецкий представитель на маневрах во Франции.

1911, 13 сентября — переведен в Генеральный штаб в Стамбул.

27 ноября — присвоено звание майора.

22 декабря — успешно руководит наступлением в Тобруке в ходе итало-турецкой войны за Триполи.

1912, 25 ноября — Мустафа Кемаль назначен начальником оперативного отдела военного округа Дарданелл.

1913, 27 октября — становится военным атташе в Софии.

1914, 1 марта — присвоено звание подполковника.

1915, 25 апреля — десант стран Антанты в Арыбурну.

Мустафа Кемаль ведет турецкие части наперерез врагу и останавливает его наступление.

1 июня — Мустафе Кемалю присвоено звание полковника.

8–9 августа — назначен командующим группы войск района Анафарталар.

10 августа — в результате наступления под руководством Мустафы Кемаля на участке фронта Анафарталар враг отброшен.

17 августа — выигрывает сражение в Киречтепе.

21 августа — выигрывает второе сражение при Анафарталар.

1916, 14 января — приступает к командованию 16-м корпусом в Эдирне.

7 апреля — присвоено звание дивизионного генерала.

7–8 августа — на Восточном фронте отвоевывает у противника Битлис и Муш.

1917, 16 марта — назначен командующим 2-й армией в Диярбакыре.

5 июля — назначен командующим 7-й армией в Алеппо.

20 сентября — как командующий 7-й армией направляет свой исторический рапорт о состоянии страны и армии.

15 октября — покидает 7-ю армию и возвращается в Стамбул.

Декабрь 1917 — январь 1918 — с наследником престола Вахидеддином посещает Германию.

1918, 7августа — награжден орденом Меджидие первой степени с мечами.

26 октября — отряды 7-й армии под командованием Мустафы Кемаля останавливают наступление врага в Алеппо на нынешних границах Турции.

31 октября — становится командующим ударной группой армий «Йылдырым».

13 ноября — прибывает в Стамбул после роспуска командования ударной группы армий «Йылдырым».

1919, 30 апреля — становится инспектором 9-й армии.

15 мая — встреча с падишахом Вахидеддином.

16мая — на пароходе «Бандырма» отбывает из Стамбула в Самсун.

19 мая — высадка в Самсуне и встреча с единомышленниками.

21–22 июня — направляет директиву, в которой созывает Сивасский конгресс с целью объединить национальные силы.

3 июля — первый приезд в Эрзурум.

8–9 июля — уходит в отставку с официальных постов и из армии.

23 июля — созыв Эрзурумского конгресса и избрание Мустафы Кемаля его председателем.

4 сентября — созыв Сивасского конгресса и избрание Мустафы Кемаля его председателем.

11 сентября — избран председателем Комиссии представителей Общества защиты прав Анатолии и Румелии.

7 ноября — избран депутатом от Эрзурума в Османский парламент, который решено созвать в Стамбуле (на выборах в Великое национальное собрание первого созыва, а также на последующих выборах он был избран как депутат от Анкары).

27декабря — вместе с Комиссией представителей прибыл в Анкару.

1920, 16 марта — направляет протест всем государствам и национальным парламентам в связи с оккупацией Стамбула войсками Антанты и приступает к созыву нового Национального собрания в Анкаре.

23 апреля — торжественное открытие в Анкаре Великого национального собрания Турции (ВНСТ).

24 апреля — Мустафа Кемаль избран председателем ВНСТ.

11 мая — стамбульское правительство выносит смертный приговор Мустафе Кемалю (приговор был утвержден султаном 24 мая 1920 года).

13 сентября — Мустафа Кемаль представляет в ВНСТ демократическую программу.

1921, 5 августа — ВНСТ назначает Мустафу Кемаля главнокомандующим.

13 сентября — одерживает победу в битве при Сакарье, продолжавшейся 22 дня и 22 ночи.

19 сентября — ВНСТ присваивает Мустафе Кемалю титул гази.

1922, 26 августа — гази Мустафа Кемаль переходит к «Великому наступлению» против интервентов.

30 августа — выигрывает «битву главнокомандующих» при Думлупынаре.

10 сентября — вступает в Измир.

1 ноября — ВНСТ по предложению гази Мустафы Кемаля принимает решение об упразднении султаната.

1923, 14 января — в Измире умирает мать Мустафы Кемаля Зюбейде-ханым.

29 января — в Измире состоялось бракосочетание гази Мустафы Кемаля и Латифе-ханым (Ушаклыгиль) (развелись 5 августа 1925 года).

17 февраля — гази Мустафа Кемаль открывает в Измире Первый турецкий экономический конгресс.

13 августа — во второй раз избирается председателем ВНСТ.

11 сентября — создает Народно-республиканскую партию.

29 октября — провозглашение республики и избрание гази Мустафы Кемаля первым президентом Турецкой Республики.

1924, 1 марта — гази Мустафа Кемаль на открытии парламента требует упразднения халифата.

23 августа — впервые появляется в европейском головном уборе.

1926, 3 октября — открытие первого памятника гази Мустафе Кемалю в Сарайбурну.

1927, 1 июля — гази Мустафа Кемаль впервые приезжает в Стамбул в качестве президента.

15–20 октября — на II съезде НРП произносит историческую речь («Нутук»).

1 ноября — во второй раз избирается президентом Турецкой Республики.

1928, 9–10 августа — в Сарайбурну произносит речь о реформе турецкого алфавита.

1931, 12 апреля — основал Турецкое историческое общество.

4 мая — в третий раз избран президентом Турецкой Республики.

1932, 12 июля — основал Турецкое лингвистическое общество.

1934, 24 ноября — ВНСТ принимает закон о присвоении Мустафе Кемалю фамилии Ататюрк (Отец турок).

1935, 1 марта — в четвертый раз избирается президентом Турецкой Республики.

1938, 30 марта — первый официальный отчет о состоянии здоровья Ататюрка.

5 сентября — Ататюрк пишет завещание (обнародовано 28 ноября 1938 года).

10 ноября — скончался Мустафа Кемаль Ататюрк.

1953, 10 ноября — в Анкаре открыт мавзолей Ататюрка.

1981 — в связи со 100-летием со дня рождения Мустафы Кемаля Ататюрка ЮНЕСКО принимает решение о проведении Года Ататюрка.

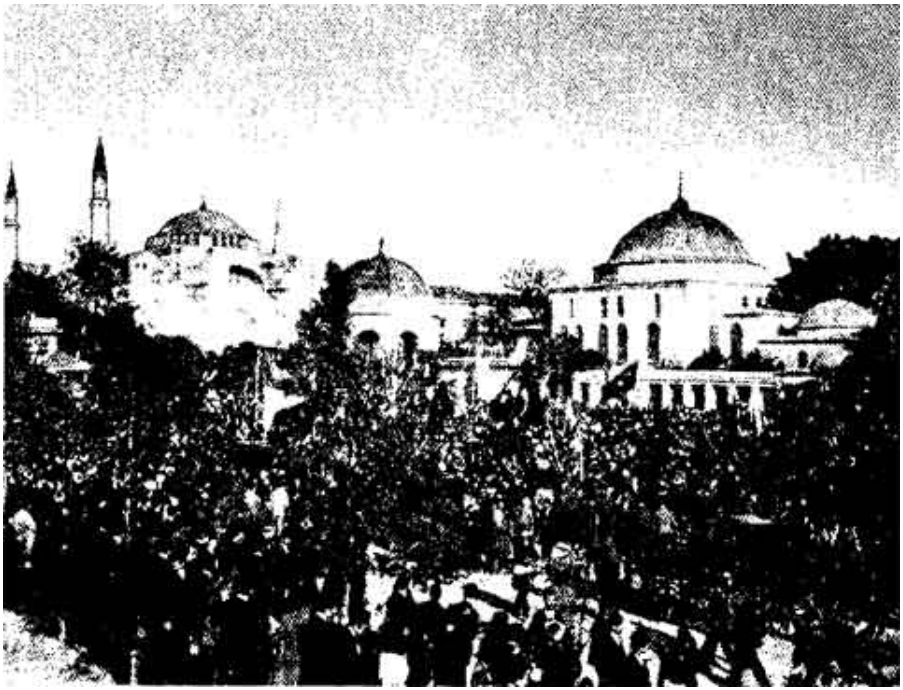
Иллюстрации

Мустафа Кемаль с сестрой Махбуле и матерью Зюбейде-ханым.

Али Рыза, отец Мустафы Кемаля.

Общество «Единение и прогресс». *Сидят:* Митхат Шюкрю Бледа, Хюсейн Кадри, Талаат-паша, Энвер-бей, Ахмет Рыза-бей.

Султан Абдул-Хамид II.



Митинг младотурок. *Июль 1908 г.*

Султан Мехмед V Решад.

Военная школа в Манастире, где учился Мустафа Кемаль.

Мустафа Кемаль в костюме янычара на балу в Софии.

С турецкими офицерами в Ливии. *1912 г.*

Кемаль-паша во время боев в Галлиполи. *Фрагмент панорамы в Музее Ататюрка в Анкаре.*

Исмет Инёню, Рауф Орбай, Фетхи Окъяр, Кязым Карабекир, Али Фуад Джебесой, Рюштю Арас, Рефет Беле.

Кемаль-паша на боевых позициях. *Фото 1915 г.*

Мустафа Кемаль с офицерами турецкого корпуса в Алеппо. *1917 г.*

Мустафа Кемаль и его сподвижники на Эрзурумском конфессе. *1919 г.*

Талаат-паша.

Энвер-паша.

Кемаль-паша принимает добровольцев в свою армию. *1919 г.*

Исмет-паша (Инёню).

Иззет-паша.

Отдых между боями.

Маршал Февзи-паша (Чакмак).

Халиде Эдип.

Армия Кемаля вступает в Измир. *Картина турецкого художника.*

Последний османский султан Мехмед VI Вахидеддин.

Турецкая делегация на конференции в Лозанне.

«Европейское лиио» Мустафы Кемаль-паши.

Ататюрк с Февзи-пашой Фетхи-пашой.

С депутатами на балконе Великого национального собрания.

Ататюрк с послом РСФСР С. Араловым и офицерами Красной армии.

На маневрах национальной армии.

Мустафа Кемаль. *Середина 1920-х гг.*

Первый президент Турецкой Республики. *Фото 1926 г.*

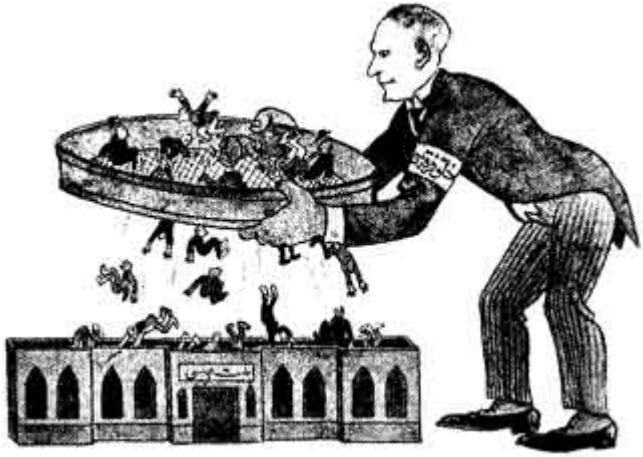
С местным старейшиной в Дерсиме.

С трибуны Великого национального собрания Турции Ататюрк читает «Нутук».

Встреча с французскими моряками.

С семьей жены. *Первая справа* — Латифе.

В поездке по стране.

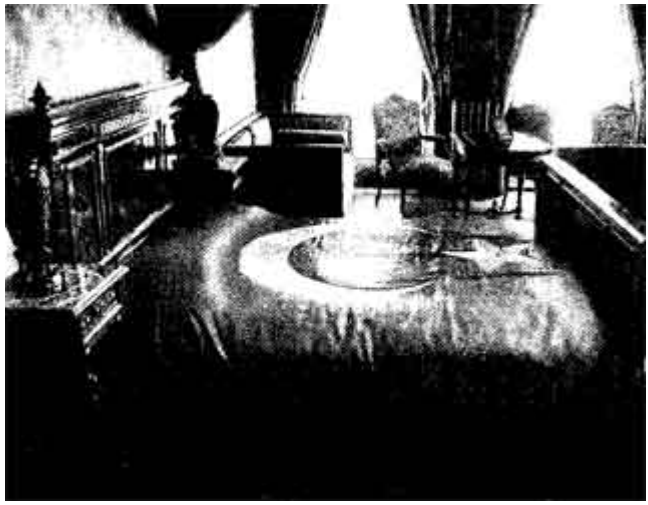


Золотое сито для депутатов парламента. *Турецкая карикатура.*

На свадьбе приемной дочери Рукийе.

С приемной дочерью Сабихой Гёкчен.

С приемной дочерью Афет Иман.



Спальня Кемаля во дворце Долмабахче.

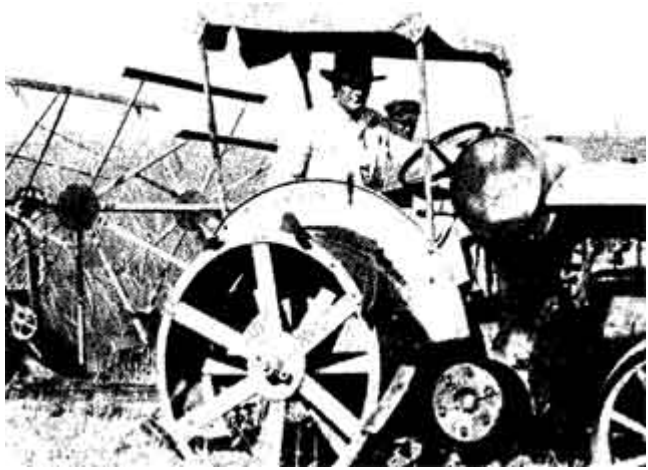
На приеме в советском посольстве. *1927 г.*

На первом турецком аэродроме.

Посещение школы.

На открытии Музея искусств в Анкаре.

Поездка на пароходе.



Испытание трактора.

Купание с молодежью. *1936 г.*

«Учись, чтобы быть нужным Турции». *1930 г.*

На дне рождения дочери маршала Февзи.

С королем Афганистана Аманулой и его семьей. *1930 г.*

С Фетхи Окъяром и его дочерью.

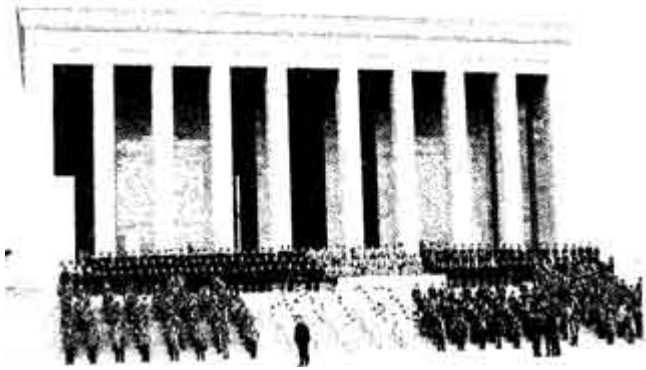
Вальс с приемной дочерью Небиле.

После заседания парламента.

С премьер-министром Исметом Инёню на закладке «Лесного хозяйства» (ныне им. Ататюрка). *1935 г.*

Встреча с английским королем Эдуардом VIII.

С последней приемной дочерью Юлькю. *1936 г.*



Мавзолей Ататюрка в Анкаре.

Бюст Отца турок украшает каждое турецкое учреждение.

Памятник Ататюрку и его сподвижникам на стамбульской площади Таксин.

notes

Примечания

1

РГА ВМФ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 329.

Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960.

3

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 9.

4

Во время правления Сулеймана Великолепного (1520–1566) Османская империя достигла вершины своего могущества, простираясь от Вены до Персидского залива, от Крыма до Марокко. — *Прим. пер.*

5

Халиф — наследственный титул правителя, соединяющего в себе неограниченную высшую духовную и светскую власть. — *Прим. пер.*

6

Стамбул, называемый европейцами Константинополем, занимает азиатское и европейское побережье Босфора. Европейская часть Стамбула разделена Золотым Рогом на европейский район Пера (или Бейоглу по-турецки) и Стамбул (турецкий город).

7

Ислам разрешает иметь четырех жен; тем не менее мусульмане из османской элиты имели одну жену и многочисленных любовниц, обычно гречанок. Иметь более одной жены считалось вульгарным и экономически нецелесообразным.

По другой версии, причиной предложенного имени стали блестящие успехи юноши в математике. — *Прим. ред.*

9

Селяник *(тур.)* — Салоники. За неимением фамилии Кемаля назвали по имени города, где он родился.

10

Друзы — арабы, приверженцы одной из мусульманских шиитских сект, основанной в XI веке. Живут в основном в Ливане и Сирии. — *Прим. пер.*

11

Речь идет о конституции 1876 года, создавшей двухпалатный парламент в противовес султану-халифу.

12

В 1932 году посол Великобритании подарил Кемалю книгу о битве за Дарданеллы, и тот снова подчеркнул: это было «чистой случайностью», что он встретил бегущих турок во время учебных маневров своей дивизии.

13

Англичанин Армстронг, автор одной из биографий Кемаля, опубликованной в 1932 году, сообщал, что британский гидросамолет атаковал машину, в которой ехал Кемаль; шофер был убит, а Кемаль не пострадал.

14

Якуп Джемиль, юнионист с первых дней, стал членом специальной организации, созданной Энвером, задача которой сводилась к защите интересов империи за пределами Османского мира, в Македонии, на Кавказе, в Египте, Африке. Затем Джемиль порвал с Энвером, когда тот отказал ему в повышении, и даже пытался организовать заговор против Энвера, но был предан и казнен.

15

Этот эпизод передан со слов Салиха Бозока, друга и адъютанта Кемаля. Другой его адъютант, Шюкрю Тезер, сообщил в своих мемуарах о беседе между Кемалем и Хаккы, во время которой генерал-интендант выступал за свержение султана и установление Республики. «И кто возглавит Республику?» — спросил Кемаль. «Ну что же, ты, я и в первую очередь Энвер».

16

Блистательная Порта — место работы великого визиря и правительства султана. — *Прим. пер.*

17

Зия Гёкалп (1876–1924) — один из идеологов пантюркизма и пантуранизма; одним из первых выдвинул идею о предпочтительности национальных ценностей перед религиозными; пытался обосновать необходимость объединения под эгидой Турции всех тюркоязычных народов в единое государство Туран. — *Прим. пер.*

18

Соглашение Сайкс — Пико 1916 года между Великобританией и Францией о разделе азиатских (преимущественно арабских) владений Османской империи подготовлено английским дипломатом Сайксом и французским дипломатом Жоржем Пико. — *Прим. пер.*

19

Дамат — дословно «зять» — титул, который присваивался лицам, вступившим в брак с османскими принцессами. — *Прим. ред.*

20

Фракия — европейская часть Турции (столица — Эдирне). — *Прим. пер.*

21

Фейсал I (1885–1933) — основатель и первый король современного Ирака. — *Прим. пер.*

22

Донесение от 15 апреля 1919 года найдено автором в посольстве Франции в Анкаре в архивах записок и справок французской разведки. Подписи под ним не было.

23

Лазы — грузины-мусульмане, проживающие на северо-востоке Анатолии.

24

Мустафа Субхи (1883–1921) — лидер турецкой коммунистической партии, основавший ее в Баку в 1920 году. — *Прим. пер.*

25

Некоторые турецкие историки утверждают, что в Хавзе Кемаль встречался с делегацией большевиков, возглавляемой будущим маршалом Буденным. Они якобы обсуждали возможное сотрудничество между Анатолией и Россией. Никаких документов, подтверждающих эту встречу, не обнаружено. Единственный источник — запоздалое свидетельство одного из ответственных сотрудников турецких спецслужб.

26

Али Галип был арестован в 1923 году, судим военным трибуналом, а затем внесен в список 150 турок, высланных из страны по окончании войны за независимость.

Это не помешало Кемалю демонстрировать свою решимость избегать любых актов насилия против нетурецкого населения. Передавая английскому военному коменданту решения Эрзурума и Сиваса, он добавлял: «Я подтверждаю мир на нашей земле и безопасность наших товарищей-немусульман, защищаемых от любых нападений». Важно, что союзники убедятся в том, что Кемаль будет выполнять свои обязательства.

28

Выборы 1919 года проходили в соответствии с двухступенчатой системой, принятой в 1876 году, когда сначала выбирали избирательную коллегию, которая затем сама избирала депутатов.

29

Ходжа — почетный титул духовных лиц, чаще всего тех, кто совершил паломничество в Мекку. — *Прим. пер.*

30

В октябре 1919 года английский агент, внедренный в большевистскую ячейку в Стамбуле, встречается вместе с «двумя товарищами» с полковником Кязымом, командующим дивизией регулярной армии в Западной Анатолии. Они передают полковнику послание Совнаркома Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: если «борцы за национальную независимость» признают священный характер «нашей окончательной и общей цели», а именно «победы всемирной революции во имя рабочего класса», то большевики готовы поставить оружие и деньги и обеспечить помощь «добровольцев». Ответ Кязыма был осторожным: ему симпатична программа большевиков, но он не хочет большевистской пропаганды в Анатолии. Турецкое население ничего не знает о большевистском движении, и союзники относятся к нему крайне враждебно: «Настоящее время — неподходящий момент для ссоры с Антантой, мы должны сейчас решать проблему с греками».

31

Автор ошибается: задолго до революции 1917 года псевдоним Сталина вытеснил его настоящую фамилию.

32

Турецкий историк Сина Акшин считает, что автором мог быть сам Кемаль.

33

Башибузуки — название отрядов турецкой иррегулярной пехоты в Османской империи; в переводе — «сорвиголова». — *Прим. пер.*

34

В настоящее время — в районе анкарской префектуры Кечиорен. — *Прим. ред.*

35

Из лидеров националистов только Кязым Карабекир не был осужден на смерть. Многих кемалистов это до сих пор удивляет.

36

Эртогрул (1198–1281) — основатель Османской династии, отец Османа I, первого султана Османской империи.

Каждый кантон отобрал пять представителей из местных избранников и членов Ассоциации защиты прав. Порой отбор был весьма оригинальным. Полковник Кязым, командующий дивизией в Западной Анатолии, был «избран», получив телеграмму от Кемаля, где тот выразил желание видеть его депутатом собрания.

38

Аристид Бриан (1862–1932) — крупный французский политик и дипломат. Одиннадцать раз возглавлял правительство Третьей республики, занимал также пост министра иностранных дел. В 1926 году получил Нобелевскую премию мира. — *Прим. пер.*

39

Бухарский эмират оказался под протекторатом России с 1873 года, но сумел сохранить «квазинезависимость». После революции Бухара стала главным центром мятежных басмачей, уверенных, что большевики хотят лишить их независимости и их традиций.

40

Хельмут Карл Мольтке (1800–1891) — прусский фельдмаршал и военный стратег. — *Прим. пер.*

41

В данном случае имела место инициатива турецких высших офицеров, поставленных командовать отдельными частями афганской армии. Однако их намерения двинуть афганские войска на помощь Энвер-паше были приостановлены Джемаль-пашой, руководителем турецкой военной миссии в Афганистане, находившийся в прямом подчинении эмиру. — *Прим. ред.*

42

Альберт Кан (1860–1940) — французский банкир и филантроп, известный своим проектом создания «Архивов планеты». С 1909 по 1930 год он собрал первую в мире коллекцию цветных фотографий (72 тысячи) и 170 тысяч метров кинопленки о 50 странах мира. Разорился во время экономического кризиса 1929–1930 годов. — *Прим. пер.*

43

Вопрос о проливах Босфор и Дарданеллы рассматривался на дополнительной конференции, в ней участвовали также дипломаты Москвы, которым не удалось добиться участия в основной конференции, несмотря на поддержку Анкары.

Открытие проливов для иностранных кораблей, включая военные, будет одобрено различными делегациями, к разочарованию советских представителей, желающих «закрыть» Черное море. Обмен греческого населения, проживающего в Турции, и турецкого, проживающего в Греции, станет объектом двустороннего соглашения между Анкарой и Афинами, подписанного 30 января 1923 года.

45

В Трабзоне люди Османа убили человека, ответственного за подготовку в 1921 году возвращения Энвера в Турцию. Али Шюкрю публично разоблачил роль Османа в этом покушении.

Исмет оставался в Лозанне для заключения нескольких соглашений. Мирный договор был подписан и с Вашингтоном 6 августа 1923 года, хотя юридически США и Турция не были в состоянии войны; этот договор будет ратифицирован только в 1934 году.

Газета «Танин» в статье от 11 ноября придерживалась противоположного мнения: «Турция с ее 5–10-миллионным населением, отказавшись от халифата, утратит важную роль в мусульманском мире, а в глазах европейских политиков мы попадем в ранг небольшого третьестепенного государства».

48

В Измире один журналист спросил Кемаля: «Что будем делать, если другое парламентское большинство примет решение о конституционной монархии?» Гази ответил: «Это возможно, но мы их прогоним огромной палкой».

49

Согласно французской прессе турецкие газеты получили строгие указания не комментировать законы от 3 марта: нарушителям грозили смертным приговором. Французский консул в Адане сообщил, что 2 мая возникла драка в Силифке вследствие молитвы, произнесенной во имя халифа, и что один полицейский был убит толпой.

Но он забыл упомянуть, что после договора в Лозанне Анкара подписала пять соглашений с США, Венгрией, Австрией, а в день отмены халифата — с Германией.

Французы тоже считали, что Лондон и некоторые мусульманские организации, выступающие против превращения Турции в светское государство, сыграли важную роль в разжигании курдского восстания. Французские спецслужбы не исключают также участия СССР, создавшего миссию в Тебризе.

Тогда как Анкара подозревает Лондон в провоцировании восстания курдов, ряд политиков Англии задаются вопросом, не позволили ли турки разгореться этому конфликту, чтобы сконцентрировать войска на востоке и захватить Ирак.

53

Отношения с Советской Россией осложняются с начала 1925 года. Переговоры, начатые осенью 1924 года, чтобы активизировать соглашение 1921 года, не принесли успеха. Москва упрекает турок в «заигрывании» с Польшей и Румынией. Анкара не хочет соглашения, которое запретило бы Турции обращаться в Лигу Наций, и обеспокоена слухами о мобилизации на Кавказе. 15 января новая встреча снова закончилась неудачей.

54

Равнина, о которой идет речь, — современный анкарский аэропорт Эсенбога. Перелом в сражении произошел, когда Тимур вывел боевых слонов, укрытых в лесу, который тогда покрывал равнину. По народным преданиям, именно во время этой поездки у Мустафы Кемаля возникла мысль о необходимости масштабной государственной программы по разведению лесов в Анатолии, ставшей к началу XX века пустыней. — *Прим. ред.*

55

Баязид I Молниеносный — турецкий султан (1389–1402), вел активную завоевательную политику на Балканах и в Малой Азии, потерпел сокрушительное поражение в 1402 году. — *Прим. пер.*

56

Тимур (Тамерлан) (1336–1405) — выдающийся полководец, эмир с 1370 года. Создатель государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду. Совершал грабительские походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию. В 1402 году разбил и взял в плен Баязида. — *Прим. пер.*

57

До своей смерти в 1975 году Латифе сохранит образцовую скромность, отказываясь от каких бы то ни было публичных заявлений, несмотря на настойчивость журналистов и биографов. В своем доме в центре Стамбула она часто принимала гостей: дамы из Анкары всякий раз, прибывая в бывшую столицу, наносили ей визиты. Во время встречи Латифе всегда спрашивала: «Как паша?» — и ей отвечали: «Как всегда, Латифе-ханум».

58

Автор ошибается: последним усыновленным Ататюрком ребенком стал семилетний мальчик Мустафа.

59

В 1930 году Кемаль обратил внимание на молодого пастуха в окрестностях Стамбула. Кемаль чутко реагировал на совпадения — мальчика тоже звали Мустафой, а Кемаль в детстве тоже присматривал за стадом своего дяди. Гази вылечил мальчика от малярии и направил его в военное училище. Если верить двум недавним биографам Кемаля, В. Д. Волкану и Н. Цуковицу, в 1913 году Кемаль якобы приютил мальчика Абдуррахима и доверил опеку над ним Зюбейде. Абдуррахим якобы рассказал этим биографам, что жил у Зюбейде до ее смерти, присутствовал на свадьбе Кемаля, а затем учился в Германии. Во время кампании в Восточной Анатолии Кемаль также опекал молодого сироту.

Сабиха Гекчен, чье имя носит аэропорт местных авиалиний в Стамбуле, училась в Качинском летном училище в России в 1920-х годах. — *Прим. ред.*

Тем не менее Лига Наций потребовала от Лондона продлить свой мандат на Ирак на 25 лет и сделать официальным курдский язык в этом регионе, отсутствие которого было бы благоприятно для «сохранения суверенитета Турции».

62

В телеграмме французского атташе от 27 августа 1924 года сообщалось, что Кемаль отказался остановиться в Стамбуле по настоянию полиции. В другой депеше указывалось, что мэр Стамбула был смещен по той причине, что не смог подготовить силы полиции и армии для обеспечения безопасности Кемаля.

63

В 1919 году англичане пытались навязать Персии английский протекторат. Реза-шах Пехлеви пришел к власти в феврале 1921 года. Афганистан добился независимости от англичан в 1921 году.

64

Накануне смерти Кемаля Ататюрка число неграмотных снизится до 78 процентов.

65

В ноябре 1951 года корреспондент «Джумхуриет» в Вашингтоне сообщает о беседе Кемаля с генералом Макартуром в Стамбуле в 1932 году, когда гази якобы дал следующий анализ: «Американцы… отказались заниматься мировой политикой и поэтому не позволили перемирию превратиться в подлинный мир. В результате Германия продолжает попытку подчинить себе Европу <…> Война произойдет между 1940 и 1945 годами <…>. Немцы оккупируют всю Европу, кроме России и Великобритании. Америка не сможет остаться нейтральной, а ее вступление в войну ускорит поражение Германии. Но подлинными победителями окажутся большевики… С этого момента они станут наиболее серьезным проигрышем не только для Европы, но и для всей Азии». Если приведенное заявление Кемаля соответствует действительности, то — какое предвидение!

66

Эрнст Рём (1887–1934) — один из лидеров националистов Германии, основатель штурмовых отрядов нацистов, стремившийся превратить их в костяк армии и подчинить генералитет. Расстрелян в 1934 году с санкции Гитлера. — *Прим. пер.*

67

Хатаем Ататюрк назвал область на юге Турции, которая в 1918 году вошла в состав Сирии, находящейся под французским мандатом. Крупнейшие города Хатая — Искендерун (Александретта) и Антакья (Антиохия).

68

В траурной церемонии в Стамбуле приняли участие корабли Черноморского флота, группа советских военных моряков и офицеров присутствовала на похоронах Ататюрка в Анкаре. — *Прим. ред.*

69

В декабре 1978 года шах, принимая министра иностранных дел Франции Мишеля Понятовского, заявил, что «Иран не готов последовать политике лаицизма, подобно Ататюрку».

«La France du général De Gaulle, la Turquie et L'Europe», par le professeur Georges-Henri Soutou, Commentaire, № 104, hiver 2003–2004, pp. 915–925. (Франция генерала де Голля. Турция и Европа. Комментарии профессора Жоржа Анри Суту. № 104.2003–2004. С. 915–925.)